

COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

2018 Т.9 № 1

COMPARATIVEPOLITICS.ORG

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки

В соответствии с решением **Высшей аттестационной комиссии** Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен в перечень **ведущих рецензируемых научных журналов** и изданий, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по отраслям 23.00.00 – Политология и 07.00.00 – Исторические науки и археология.

**Журнал включен в следующие
международные библиографические базы данных:**

WEB OF SCIENCE™ CORE COLLECTION
– **EMERGING SOURCES
CITATION INDEX**

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ
Science Index

Russian Science Citation Index

WEB OF SCIENCE™

**ULRICH'S
PERIODICALS DIRECTORY™**

BASE

Интелпрос
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РОССИЯ

OCLC
WorldCat®

Crossref

DOAJ DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

CYBERLENINKA

OPEN ARCHIVES

Google
Scholar

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

2018 • Т.9 № 1

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-28335 от 8 декабря 2009 г.
и Эл №ФС77-63932 от 09.12.15 (онлайн)

Издано при
поддержке
фонда
развития
МГИМО

юрист
издательская
группа

Международный редакционный и консультационный совет

Главный редактор

А.Д. Воскресенский,
д.полит.н., д.философии
(Манчестерский университет), профессор

Заместители главного редактора

О.В. Гаман-Голутвина, д.полит.н., проф.

С.И. Лунев, д.и.н., проф.

Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.

Ответственный секретарь

Д.А. Кузнецов

Редакционная коллегия выпуска

Е.В. Колдунова

С.И. Лунев

В.Г. Ледяев

Д.А. Кузнецов

Ответственный секретарь онлайн версии

И.Ю. Окунев, к.полит.н., доц.

Т.А. Алексеева, д.ф.н., проф., заслуженный деятель

науки РФ, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

О.Н. Барабанов, д.полит.н., проф., МГИМО
МИД РФ, Москва, Россия

В.Я. Белокреницкий, д.и.н., проф., Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия

В.В. Гриб, д.ю.н., проф., Издательская группа
«Юрист», Москва, Россия

Айше Дитрих, проф., Ближневосточный
технический университет, Анкара, Турция

Александр Жебит, проф., Федеральный
университет Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро,
Бразилия

В.И. Журавлева, д.и.н., проф., РГГУ, Москва, Россия

Клаус Зегберс, проф., Свободный университет
Берлина, Берлин, Германия

Чарльз Зиглер, проф., Университет Луисвилла,
Луисвилл, США

Акихиро Ивацита, проф., Университет Хоккайдо,
Саппоро, Япония

М.В. Ильин, д.полит.н., проф., НИУ ВШЭ,
Москва, Россия

В.Г. Ледяев, д.ф.н., д. философии (Манчестерский
университет), проф., НИУ ВШЭ, Москва, Россия

М.М. Лебедева, д.полит.н., проф., заслуженный
работник высшей школы РФ, МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

В.В. Михеев, д.э.н., академик РАН, ИМЭМО РАН,
Москва, Россия

О.В. Павленко, к.и.н., доц., РГГУ, Москва,
Россия

Е.И. Пивовар, д.и.н., проф., член-корреспондент
РАН, РГГУ, Москва, Россия

Е.В. Попов, LL.M.(Университет Эссекса), к.ю.н.,
доц., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Ли Син, проф., Пекинский педагогический
университет, Пекин, Китай (КНР)

В.Д. Соловей, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

Л.В. Сморгунев, д.полит.н., проф., СПбГУ, Санкт-
Петербург, Россия

М.В. Стрежнева, д.полит.н., д. философии
(Манчестерский университет), проф., ИМЭМО РАН,
Москва, Россия

Д.В. Стрельцов, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

Анн де Тинги, проф., Сьянс По, Париж, Франция

Алишер Файзуллаев, проф., Университет мировой
экономики и дипломатии Узбекистана, Ташкент,
Узбекистан

Чжао Хуаицэн, проф., Фуданьский университет,
Шанхай, Китай (КНР)

Т.А. Шаклеина, д.полит.н., проф., МГИМО МИД
РФ, Москва, Россия

А.Ю. Шутов, д.и.н., проф., МГУ имени

М.В. Ломоносова, Москва, Россия

И.Н. Тимофеев, к.полит.н., доц., РСМД, Москва,
Россия

У Юйшань, проф., Академия Синика, Тайбэй,
Китай, Тайвань

Журнал основан в 2009 г.
С начала издания – №30

Центр подписки:

+7(495) 617-18-88 (многоканальный)
Адрес редакции:
115035, Москва, Космодамианская наб.,
д. 26/55, стр. 7
Тел.: +7(495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru;
http: www.lawinfo.ru

Печать офсетная

Усл. печ. л. 21,0
Общий тираж 3000 экз.
Цена свободная
Подписано в печать 27.12.2017
Выход из печати: 09.01.2018
ISSN – 2221-3279
ISSN (online) – 2412-4990

© Воскресенский А.Д., 2018
© Сравнительная политика, 2018
© Издательская группа «Юрист», 2018

COMPARATIVE POLITICS RUSSIA СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

2018 • Vol.9 № 1

Mass Media Registration Certificates: PI №FS77-28335 of Dec.8, 2009 &
EL №FS77-63932 of Dec.9, 2015(online)

Published
with support
of MGIMO
Endowment
Foundation

юрист
издательская
группа

Editorial and International Consultative Board

Editor-in-Chief / Founder

Alexei D. Voskressenski, Doctor of Political Science,
PhD (University of Manchester), PhD (Institute of Far
Eastern Studies), Professor

Deputy Editor-in-Chief

O.V. Gaman-Golutvina, Doctor of Political Science,
Professor

Sergey I. Lunev, Doctor of History, Professor

Ekaterina V. Koldunova, Candidate of Political
Science, Associate Professor

Executive Secretary Denis A. Kuznetsov

Editorial Board of the Issue

Ekaterina V. Koldunova

Sergey I. Lunev

Valery G. Ledyayev

Denis A. Kuznetsov

Executive Secretary (online version)

Igor Yu. Okunev, Candidate of Political
Science, Associate Professor

Tatiana A. Alekseeva, Doctor of Philosophy, Professor,
Distinguished Researcher of the RF, MGIMO University,
Moscow, Russia

Oleg N. Barabanov, Doctor of Political Science, Professor,
MGIMO University, Moscow, Russia

Viacheslav Ya. Belokrenitsky, Doctor of History, Professor,
Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Vladislav V. Grib, Doctor of Law, Professor, Publishing
Group "Yurist", Moscow, Russia

Ayşe Dietrich, Middle East Technical University, Ankara, Turkey

Alexander Zhebit, Professor, Federal University of Rio de
Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil

Viktoria I. Zhuravleva, Doctor of History, Professor, Russian
State University for the Humanities, Moscow, Russia

Klaus Segbers, Professor, Free University of Berlin, Berlin,
Germany

Charles E. Ziegler, Professor, University of Louisville,
Louisville, USA

Akihiro Iwashita, Professor, University of Hokkaido,
Sapporo, Japan

Michail V. Il'in, Doctor of Political Science, Professor, Higher
School of Economics, Moscow, Russia

Marina M. Lebedeva, Doctor of Political Science, Professor,
Distinguished Lecturer of Russian Higher School, MGIMO
University, Moscow, Russia

Vasily V. Mikheev, Doctor of Economics, Member,
Russian Academy of Sciences, Institute of World Economy and
International Relations, Moscow, Russia

Olga V. Pavlenko, Candidate of History, Associate Professor,
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Efim I. Pivovarov, Doctor of History, Professor, Correspond-
ing Member, Russian Academy of Sciences, Russian State
University for the Humanities, Moscow, Russia

Evgeny V. Popov, Candidate of Law, LL.M (University of Es-
sex), Associate Professor, MGIMO University, Moscow, Russia
Li Xing, Professor, Beijing Normal University, Beijing,
P.R. China

Valery D. Solovej, Doctor of History, Professor, MGIMO
University, Moscow, Russia

Leonid V. Smorgunov, Doctor of Political Science, Professor,
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Marina V. Strezhneva, Doctor of Political Science, PhD
(University of Manchester), Professor, Institute of World
Economy and International Relations, Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia

Dmitry V. Strel'tsov, Doctor of History, Professor, MGIMO
University, Moscow, Russia

Anne de Tinguy, Professor, Sciences Po, Paris, France

Alisher Faizullaev, Professor, University of World
Economics and Diplomacy of Uzbekistan, Tashkent,
Uzbekistan

Zhao Huasheng, Professor, Fudan University, Shanghai, P.R. China

Tatiana A. Shakleina, Doctor of Political Science, Professor,
MGIMO University, Moscow, Russia

Andrey Yu. Shutov, Doctor of History, Professor, Moscow
State University, Moscow, Russia

Ivan N. Timofeev, Candidate of Political Science, Associate
Professor, Russian International Affairs Council, Moscow,
Russia

Yu-Shan Wu, Professor, Institute of Political Science,
Academia Sinica, Taipei City, Taiwan, China

Established in 2009
No.30 since 2010

Subscription Centre:

+7(495)617-18-88 (multichannel)
Editorial Office Address:
Bldg. 7, 26/55 Kosmodamianskaya
Emb., Moscow, 115035
Phone: +7(495)953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru
www.lawinfo.ru

Offset printing

Conventional printing sheet – 21,0
Circulation: 3000 copies
Free-market-price
Passed for printing 27 December 2017
Printed: 09 January 2018
ISSN – 2221-3279
ISSN (online) – 2412-4990

© Voskressenski A.D., 2018
© Comparative Politics, 2018
© Publishing Group "Yurist", 2018

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

Н.В. Головкин, О.В. Зиневич, Е.А. Рузанкина. Третья миссия университета и модель многопользовательского управления для регионального развития

И.Ю. Окунев. Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

Н.В. Ивкина, П.И. Касаткин. Культурная и образовательная составляющие «мягкой силы» ЕС

В.С. Ягья, М.А. Колесникова «Три кита» турецкой политики в Африке

Ali Bagheri Dolatabadi, Rouhollah Zarei. The Future of Iran-China Relations: an Alliance or Pure Cooperation?

Федоров Н.В. Соглашение о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом как фактор российско-вьетнамских отношений

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

А.Ю. Сунгуров, Н. Белявская. Постсоветские территориальные конфликты в Молдове и Эстонии: когда политические элиты могут учиться на ошибках друг друга

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

Shraddha Naik. Rising BRICS: a Path to Multipolar World Reality?

А.О. Безруков, А.А. Сушенцов. Феномен Д. Трампа и сценарии развития российско-американских отношений

С.М. Хенкин. Испания: проблемы консолидированной демократии в сравнительно-историческом контексте

А.З. Зиннатуллин. Факторы позиционирования европейских левых партий по проблеме иммиграции

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Mahbubani, Kishore; Sng, Jeffery. The ASEAN Miracle. A Catalyst for Peace. Singapore: Ridge books, 2017.

COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCEPTS AND INSTITUTIONS

5 Nikita V. Golovko, Olga V. Zinevich, Elizaveta A. Ruzankina. University's Third Mission and Stakeholder Governance for Regional Development

18 Igor Yu. Okunev. Territorial and Spatial Identity: New Approach to the Basic Concepts

COMPARATIVE POLITICS AND GEOPOLITICS

26 Natalia V. Ivkina, Petr I. Kasatkin. Cultural and Educational Dimensions of EU Soft Power

37 Vatanian S. Iag'ia, Maria A. Kolesnikova. The Three Pillars of Turkish Policy in Africa

60 Ali Bagheri Dolatabadi, Rouhollah Zarei. The Future of Iran-China Relations: an Alliance or Pure Cooperation?

74 Nikolai V. Fedorov. The Free Trade Agreement between the EAEU and Vietnam as a Factor of Russian-Vietnamese Relations

DISCUSSION

91 Alexander Yu. Sungurov, Nadezhda Belyavskaya. Post-Soviet Territorial Conflicts in Moldova and Estonia: When Political Elites Can Learn from the Mutual Mistakes

COMPARATIVE ANALYSIS OF LOCAL CASES

100 Shraddha Naik. Rising BRICS: a Path to Multipolar World Reality?

109 Andrey O. Bezrukov, Andrey A. Sushentsov. The Phenomenon of Donald Trump and Scenarios of US-Russian Relations

124 Sergey M. Khenkin. Spain: Problems of Consolidated Democracy in a Comparative Historical Context

136 Aidar Z. Zinnatullin. Factors Defining Positions of Left Parties on the Immigration Issue

ON THE BOOKSHELF

154 Mahbubani, Kishore; Sng, Jeffery. The ASEAN Miracle. A Catalyst for Peace. Singapore: Ridge books, 2017.

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Межвузовский круглый стол по академической дипломатии «Российской экспорт научно-образовательных концепций в контексте международной академической мобильности: опыт РГГУ и МГИМО»

Круглый стол по итогам XIX съезда Коммунистической партии Китая, Москва

Т.Н. Гелла, Т.В. Серегина, В.П. Степанов.

Международная научно-практическая конференция «Межкультурный диалог и вызовы современности», Орел

Международный круглый стол «Публичная дипломатия на евразийском пространстве», Санкт-Петербург

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

CONTENTS

ACADEME

155 Inter-University Roundtable on Academic Diplomacy "Russian Export of Scientific and Educational Concepts in the Context of International Academic Mobility: the Experience of the Russian State University for the Humanities and MGIMO University"

157 Roundtable on the 19th Congress of the Communist Party of China, Moscow

160 **T.N. Gella, T.V. Seregina, V.P. Stepanov.** International Conference "Inter-Cultural Dialogue and Challenges of Modernity", Orel

164 International Roundtable "Public Diplomacy in Eurasia", St. Petersburg

167 GUIDE FOR THE AUTHORS

ТРЕТЬЯ МИССИЯ УНИВЕРСИТЕТА И МОДЕЛЬ МНОГОПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Никита Владимирович Головко

*Новосибирский государственный университет,
Институт философии и права Сибирского отделения
Российской академии наук, Новосибирск, Россия*

Ольга Владимировна Зиневич

*Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, Россия*

Елизавета Александровна Рузанкина

*Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, Россия*

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 1 февраля 2017 <i>Принята к печати:</i> 13 декабря 2017	Аннотация: Как правило, оценка включенности университета в решение актуальных проблем регионального развития осуществляется посредством обращения к различным моделям «индикаторов успешности». Мы предлагаем дополнить «эмпирический», по сути, подход к построению подобных моделей теоретическим анализом проблемы взаимодействия университета и соответствующих заинтересованных сторон в модели многопользовательского управления. В статье рассматриваются проблемы, связанные с вовлечением заинтересованных сторон в процесс принятия коллективных решений с точки зрения модели многопользовательского управления, а также приводятся два примера построения моделей индикаторов, демонстрирующих успешность реализации университетом своей третьей миссии. Содержательный анализ взаимодействия университета и заинтересованных сторон позволит не просто зафиксировать «положительные практики» и соответствующие индикаторы, но и оценить мотивации участников, а также перспективы успешности этого взаимодействия.
Об авторах: <i>Головко Н.В.</i>, д.филол.н., доцент, профессор Кафедры гносеологии и истории философии, Институт философии и права, Новосибирский государственный университет; ведущий научный сотрудник, Институт философии и права, Сибирское отделение РАН e-mail: golovko@philosophy.nsc.ru <i>Зиневич О.В.</i>, д.филол.н., доцент, зав. Кафедрой международных отношений и регионоведения, Новосибирский государственный технический университет e-mail: ozinevich@gmail.com <i>Рузанкина Е.А.</i>, к.филол.н., доцент, Кафедра международных отношений и регионоведения, Новосибирский государственный технический университет e-mail: ruzankina@corp.nstu.ru	
Ключевые слова: региональное развитие; многопользовательское управление; третья миссия; университет; расселовская группа	

Решение проблем регионального развития предполагает взаимодействие большого числа заинтересованных сторон. Любое конструктивное описание этого «взаимодействия», так или иначе, обращается к модели «многопользовательского управления» (*multi-stakeholder governance*), цель которой – обеспечить наилучшее качество принятия решений, добившись того, чтобы на всех этапах голоса основных заинтересованных участников были бы услышаны в результате достижения согласия на основании продуктивного диалога. Независимо от того, что каждый из включенных в процесс принятия решений может иметь свою точку зрения, обладает своими знаниями и опытом, и, соответственно, надеется получить свои определенные выгоды, ответственность за принятое решение ложится на всех участников. В этом плане, интересен вопрос, насколько современный университет как медиатор общественного развития, способен не только создать условия, которые позволяют различным заинтересованным сторонам договариваться и реализовывать (совместно с университетом или без него) свои коммерческие, культурные и иные социально значимые проекты, но и быть ответственным за то, какую роль он играет в решении важных проблем регионального развития. Как правило, ответ на этот вопрос связан с анализом показателей успешности реализации университетом своей третьей миссии. Эти показатели, в частности, дают возможность оценить качество внутренней политики университета по формированию условий для развития предпринимательской культуры с целью реализации потенциала коммерциализации знаний, получаемых университетом¹. При этом, разница между «плохим»

и «хорошим» университетом, в данном случае, будет заключаться в том, насколько университет готов претерпеть соответствующие институциональные и структурные трансформации, как в ответ на изменение внешних условий (требования развития инновационной экономики, технологического трансфера и т.д.), так и в ответ на растущую внутреннюю потребность справиться со своими собственными проблемами в борьбе за источники финансирования, талантливых профессоров и студентов и т.д. за счет того, чтобы расширить свое присутствие в окружающем социальном пространстве, чтобы быть реально включенным в решение актуальных проблем развития общества.

Принятие коллективного решения предполагает ту или иную форму кооперации, понимание того, что решения, приемлемые для одних участников, могут быть неприемлемы для других. Участники, по определению должны иметь желание «слушать» и «учиться» у других, для того чтобы примирить различные интересы и достичь консенсуса. Очевидно, что в данном случае, какой-то один сценарий «прихода к согласию» невозможен, – многое будет зависеть от сути рассматриваемых вопросов, целей, которые ставят перед собой участники взаимодействия, наличия экспертных оценок, ограничений по времени принятия решений, доступности необходимых ресурсов и т.д. Кроме этих «теоретических» проблем, связанных с анализом сложности принятия коллективного решения, также существует множество «практических» проблем, связанных с реализацией конкретных условий, в которых должны взаимодействовать заинтересованные стороны. И все это предъявляет дополнительные требования по отношению к индикаторам, с помощью которых можно было бы оценить эффективность того, как реальный университет принимает участие в решении не только экономических, но и социально значимых проблем регионального развития. Ниже мы отдельно рассмотрим проблемы, связанные с вовлечением заинтересованных сторон в процесс принятия коллективных решений с точки зрения модели многопользовательского управления, а также остановимся на двух

¹ См., например: Аблажей А.М., Головкин Н.В. Академическая наука в современном обществе: кадровое воспроизводство, адаптационные процессы и неолиберальные ценности. – Новосибирск: НГУ. – 2012. – 287 с. [Ablazhey, A.M.; Golovkin, N.V. Akademicheskaya nauka v sovremennom obshchestve: kadrovoe vosproizvodstvo, adaptatsionnye protsessy i neoliberal'nye tsennosti (Academic Science in the Contemporary Society: Manpower Reproduction, Mitigation and Neoliberal Values). Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2012. 287 p.]

примерах построения индикаторов, демонстрирующих «включенность» университета в решение региональных проблем. Наш тезис заключается в том, что надлежащим образом построенная система индикаторов реализации университетом своей «третьей миссии» должна включать, как минимум, функциональное описание взаимодействия соответствующих стэйкхолдеров. В противном случае, мы отдельно работаем, либо с индикаторами «третьей миссии», либо с индикаторами регионального развития. Содержательный анализ взаимодействия университета и заинтересованных сторон, в данном случае, позволит не просто зафиксировать «положительные практики» и соответствующие индикаторы, но и оценить мотивации участников, а также перспективы успешности этого взаимодействия.

Заинтересованные стороны и коллективные решения

В самом общем случае, заинтересованные стороны, участвующие в модели «многопользовательского управления» можно определить как «субъекты, отстаивающие свои интересы относительно принимаемого к рассмотрению вопроса, как индивиды или представители групп, которые непосредственно влияют или могут оказывать влияние на результат, а также те, кого принятое решение будет затрагивать»². С точки зрения стратегического менеджмента, «заинтересованные стороны (*stakeholders*) – это любая группа или индивид, которые могут воздействовать (*affect*) на (или испытывать воздействие в результате) достижение поставленных целей... а значит, мы должны понимать стратегии каждой из заинтересованной стороны и соотносить их с нашей. Мы также должны заботиться об интеграции, объединяющей стороны и наши проблемы, поскольку внешняя среда (*external environment*) бизнеса изменилась, – вместо традиционных ролей поставщиков, покупателей и владельцев, мы теперь имеем активно вмешивающихся стэйкхолдеров,

также включающих медиа, защитников окружающей среды, политиков, общественные организации и т.д.»³. В нашем случае, с точки зрения решения проблем регионального развития, мы должны рассматривать университет как одну из значимых заинтересованных сторон, наравне с другими, такими как региональные власти, различные бизнес-организации, общество в целом⁴. При этом, все заинтересованные стороны должны пониматься не только как активные участники выработки коллективного решения, но и как рецепторы, т.е. как субъекты, которые испытывают на себе результаты и последствия принятия решений.

Процесс принятия коллективного решения предполагает обмен информацией, способность «слушать» и «понимать» оппонента, а также, что более важно, – желание и возможность «учиться» и «изменяться» с целью достижения продуктивного для всех результата. В этом смысле, для самого университета цель «быть включенным» означает стремление придерживаться стратегии на взаимодействие с заинтересованными сторонами и операционально обеспечивать это взаимодействие во благо региональному развитию, что, в свою очередь, требует от университета открытости, акцента на системном мышлении и развитии социального капитала, стремления к интеграции и преодолении неопределенности, – требует ответственности перед обществом. Как отмечает Э. Фриман, организация с высокими показателями вовлеченности заинтересованных сторон: «(а) планирует и осуществляет процесс взаимодействия с большим количеством стэйкхолдеров; (б) активно ведет переговоры со стэйкхолдерами с це-

² Hemmati, M. Multi-Stakeholder Processes for Governance and Sustainability. London: Earthscan, 2002. P. 2.

³ Freeman, R. Strategic Management: A Stakeholder Approach. Cambridge University Press, 2010. P. VI.

⁴ См., например: Головкин Н.В., Рузанкина Е.А. Предпринимательский университет: академический капитализм и многопользовательское управление // Власть. – 2016. – № 5. – С. 67-74. [Golovko, N.V.; Ruzankina, E.A. Predprinimatel'skiy universitet: akademicheskii kapitalizm i mnogopol'zovatel'skoe upravlenie (Entrepreneurial University: Academic Capitalism and Stakeholder Governance) // Vlast', 2016, No. 5, pp. 67-74.]

лью снижения издержек; (в) уделяет большое внимание нуждам стэйкхолдеров; проводит сегментацию рынка с целью более полного удовлетворения их запросов; (г) привлекает экспертов по конкретным стэйкхолдерам при решении вопросов стратегического планирования; (д) действует с опережением, предвосхищая потребности стэйкхолдеров, активно вмешиваясь в их внешнее пространство; (е) распределяет свои ресурсы в соответствии с проблемами тех стэйкхолдеров, которые будут иметь наибольшее влияние на развитие; чем больше организация вкладывается в поддержку своих основных стэйкхолдеров и активнее формирует пространство вокруг себя, тем больше вероятность успеха в будущем»⁵. Хорошей иллюстрацией того, о чем говорит Э. Фриман применительно к университетам, например, могут служить слова Е.Б. Кузнецова на семинаре Института образования НИУ ВШЭ «Университеты 3.0. в НТИ» 19 января 2016 г.: «Уже сейчас университеты должны быть ориентированы на профессии будущего. Университеты должны жить тем, чем будут жить их выпускники через 5-10 лет. Университет должен находиться в центре региональных и отраслевых экосистем, фокусируясь на инструментах и ресурсах кластерного и отраслевого развития»⁶. Представим деятельность университета с точки зрения одной из ключевых заинтересованных сторон – родителей абитуриентов и самих будущих выпускников. Чем больше университет будет уделять анализу проблем этой группы, чем больше университет будет ориентировать свою деятельность (учебные планы, стратегии реализации проектов регионального развития и т.д.) на удовлетворение ожиданий этой группы, тем с большей вероятностью можно говорить об успешности университета, поскольку, в конечном итоге, успехи университета – это успехи его выпускников. В рамках реализации своей

третьей миссии, с точки зрения взаимоотношения с заинтересованными сторонами, университет является такой же бизнес-организацией, как и другие. Успешность компании зависит не только от того, как она решает свои внутренние проблемы, но и от того, насколько она обращена «вовне», т.е. в терминологии Э. Фримана, от того, насколько четко определены основные группы «стейкхолдеров», их соответствующие проблемы и перспективы, насколько адекватна им выбранная стратегия взаимодействия, одна из целей которой – формировать благоприятные условия для взаимодействия в будущем.

Несмотря на очевидные плюсы, которые приносит с собой вовлечение заинтересованных сторон в реализацию третьей миссии университета, само по себе это «вовлечение» достаточно сложно описать, не прибегая к большому количеству ограничений. Как отмечают У. Лил Фило и Л. Брэндли, среди множества проблем, которые сопровождают процесс принятия коллективного решения заинтересованными агентами, особенно можно выделить следующие: «(а) отсутствие общей схемы; (б) конфликт интересов; (в) отсутствие возможностей/недостаточный потенциал; (г) слишком много различных заинтересованных сторон; (д) разная степень вовлеченности; (е) проблемы управления; (ж) барьеры на пути развития диалога»⁷. Не существует общей, пригодной для анализа любых случаев, схемы вовлечения заинтересованных сторон в процесс принятия решений. В частности, выбор структуры организации взаимодействия заинтересованных сторон должен зависеть от стратегических целей взаимодействия, которые могут быть какими угодно. Чем больше подключается заинтересованных сторон, тем больше вероятность конфликта интересов, более того, различные заинтересованные стороны, может быть, сложно убедить в том, чтобы действовать именно в общих интересах. Различные заинтересованные

⁵ Freeman, R. Strategic Management: A Stakeholder Approach. Cambridge University Press, 2010. Pp. 78-80.

⁶ Презентация доклада Е.Б. Кузнецова доступна на сайте НИУ ВШЭ. Режим доступа: https://ioe.hse.ru/data/2016/01/13/1134679511/Университеты_3.0.pdf

⁷ Leal Filho, W.; Brandli, L. Engaging Stakeholders for Sustainable Development / W. Leal Filho and L. Brandli (eds.). Engaging Stakeholders in Education for Sustainable Development at University Level. Springer, 2016. Pp. 337-339.

стороны могут подключаться на разных стадиях процесса принятия коллективного решения, претендовать на разную степень вовлеченности, а также свободны в любой момент покинуть процесс. Действие «с опережением» по определению сопряжено с определенными рисками, требует соответствующей инициативы и может не учитывать реального состояния вещей, например, ввиду того, что наблюдаемая ситуация была реконструирована однобоко. Например, одно из оснований современной риторики о проблемах изменения климата – это представление об угрозе будущим поколениям. Однако мы не можем непосредственно вступить с ними в диалог, мы не можем рассматривать «будущие поколения» как самостоятельных «стейкхолдеров», обсуждая то, что происходит сейчас, и то, что может оказать существенное влияние на них. Мы можем позиционировать себя как их представители, но сами «будущие поколения», в будущем, будут оценивать свои интересы исходя из их данности, а не из того, что доступно нам сейчас (тоже самое можно сказать, например, о социальных группах, обмен информацией с представителями которых, по тем или иным причинам затруднен или даже принципиально невозможен, – дети с позиции взрослых, мужчины с позиции женщин, лица с ограниченными возможностями здоровья, представители автохтонных культур и т.д.). В общем случае эффективность принятия коллективного решения будет зависеть от возможности вовлекать участников процесса принятия решения в продуктивный диалог, в котором каждый из них будет ощущать свою важность и значимость. Основная проблема состоит в том, что с точки зрения эффективности не все заинтересованные агенты одинаково важны для принятия решений. Более того, организация процесса принятия коллективного решения заранее предполагает, что у нас уже имеются критерии того, как будет проходить процесс принятия решения; критерии оценки реального участия и потенциальной силы воздействия участников на принимаемое решение; критерии того, как достигаются соглашения по поводу «правил игры» и их изменения или сохранения; и (что очень

важно, учитывая неоднородность агентов) критерии поддержки и учета мнения тех из них, кто по определению будет находиться в меньшинстве и чьи интересы будут ущемлены в большей степени.

В нашем случае, именно университету, как медиатору общественного развития, отводится роль того, кто контролирует процесс отбора заинтересованных сторон (например, на соответствие принимающих участие в процессе целям обсуждаемой инициативы), кто обладает властью по разрешению конфликтов и кто будет отвечать за то, как результаты общей дискуссии отразятся на конкретных шагах, которые предпримут университет и соответствующая заинтересованная сторона (например, на выбор тех или иных форм инновационной деятельности). То, насколько хорошо университет выполняет эту роль, должны показывать определенные эмпирические индикаторы.

Третья миссия университета и региональное развитие

Очевидно, идея о том, что университет должен каким-то образом принимать активное участие в решении задач регионального развития, например, способствовать экономическому, социальному и культурному росту, присутствовала всегда⁸. Наравне с первой и второй миссиями университета – образованием и производством новых научных знаний, как правило, выделяют и третью миссию, – которая в широком плане понимается как идея «включенности» университета в решение значимых для общества проблем. В общем случае предполагается, что третья миссия охватывает как минимум несколько направлений деятельности, таких как, трансфер технологий, непрерывное образование, социальное развитие и т.д., которые «связаны

⁸ См., например: Головкин Н.В., Зиневич О.В., Рузанкина Е.А. Университет третьего поколения: Б. Кларк и Й. Уисема // Высшее образование в России. – 2016. – № 8-9. – С. 40-47. [Golovko, N.V.; Zinevich, O.V.; Ruzankina, E.A. Universitet tret'ego pokoleniya: B. Klark i I. Uisema (Third Generation University: B. Clark and J. Wissema) // *Vyshee obrazovanie v Rossii*, 2016, No. 8-9, pp. 40-47.]

с производством, использованием и применением знаний и других возможностей, которые есть у университета, за пределами традиционной академической среды»⁹. Примечательно то, что эта идея «включенности», с одной стороны, трансформирует отношения между университетом и внешними организациями, ориентированные на получение прибыли, на совместный анализ и поиск решения важных социально-значимых проблем, на развитие культурного капитала и т.д., поскольку предполагает формирование и развитие определенной практики, которая эффективно реализует взаимоотношения между университетом и различными заинтересованными сторонами, а с другой, – трансформирует сам внутренний это с университета, подчеркивая необходимость (и ответственность университета перед обществом) не только передавать выпускникам современные знания, формировать у них практико-ориентированные навыки и «предпринимательскую культуру», но и чувство социальной ответственности, способность вступать в диалог, понимание важности мультикультурного многообразия и т.д.¹⁰ С точки зрения трансформации внутреннего этоса университета, основная проблема состоит в том, что «когда включенность (*engagement*) стоит на повестке дня, перед теми, кто определяет внутреннюю и внешнюю политику развития университета, возникает серьезный вызов, который заключается в том, чтобы достичь ситуации, когда идея включенности реализуется изнутри, в практике научной и образовательной деятельности, а не существует отдельно, как дополнение»¹¹. Теоретически,

принимая во внимание то, как мы в принципе готовы оценивать реализацию университетом своей первой и второй миссий, предполагается, что «глядя на каждый университет в отдельности, мы в праве ответить на вопрос, чего следует от него ожидать в плане оценки эффективности научных исследований, в плане результатов образовательной деятельности, в плане коммерциализации и интернационализации, в плане содействия и участия в проектах общественного развития»¹². Однако, в отличие от оценки выполнения первых двух миссий, оценка выполнения университетом своей третьей миссии, по понятным причинам, во много затруднена.

Университет вынужден покинуть «башню из слоновой кости», ради «более релевантного отношения и более глубокого взаимодействия с обществом»¹³. В этом смысле, само определение третьей миссии, как правило, затрудняется необходимостью принять во внимание множество аспектов и отношений, которые характеризуют «включенность» университета в решение важных для общества проблем¹⁴. Более того, разные университеты будут по-разному задавать свои приоритеты и, в силу этого, предлагать различные критерии оценки выполнения ими третьей миссии: «интерпретация того, что включать в определение третьей миссии существенным образом зависит от того, в какой стране мы находимся, и какой контекст мы рассматриваем. Как правило, немецкие университеты рассматривают в контексте проблем инновационного развития и

⁹ Molas-Gallart, J.; Salter, A.; Patel, P.; Scott, A.; Duran, X. Measuring Third Stream Activities. Final Report to the Russell Group of Universities. Brighton: University of Sussex, 2002. P. IV.

¹⁰ См., например: Зиневич О.В., Балмасова Т.А. «Третья миссия» и социальная вовлеченность университетов: к постановке проблемы // Власть. – 2015. – № 6. – С. 67-72. [Zinevich, O.V.; Balmasova, T.A. «Tret'ia missiya» i sotsial'naya вовлечennost' universitetov: k postanovke problemy (The «Third Mission» and Social Engagement of Universities: To the Problem Statement) // *Vlast'*, 2015, No. 6, pp. 67-72.]

¹¹ Jongbloed, B.; Enders, J.; Salerno, C. Higher Education and Its Communities: Interconnections, Interdependencies and a Research Agenda // *Higher Education*, 2008, Vol. 56, p. 322.

¹² Shore, C.; McLauchlan, L. Third Mission Activities, Commercialization and Academic Entrepreneurs // *Social Anthropology*, 2012, Vol. 20, p. 268.

¹³ Etzkowitz, H.; Webster, A.; Gebhardt, C.; Terra, B. The Future of the University and the University of the Future: Evolution from Ivory Tower to Entrepreneurial Paradigm // *Research Policy*, 2000, Vol. 29, p. 313.

¹⁴ См., например: Головкин Н.В., Дегтярева В.В., Мадюкова С.А. Предпринимательский университет и теория Тройной спирали // Высшее образование в России. – 2014. – № 8–9. – С. 45–53. [Golovko, N.V.; Degtyareva, V.V.; Madiukova, S.A. Predprinimatel'skiy universitet i teoriya Troinoy spirali (Entrepreneurial University and the Triple Helix Theory) // *Vyshee obrazovanie v Rossii*, 2014, № 8-9, pp. 45-53.]

технологического трансфера, а университеты стран Латинской Америки, – в более широком контексте социально-политического развития общества»¹⁵. Говоря о том, что третья миссия университета, как минимум охватывает такие направления деятельности, как трансфер технологий, непрерывное образование или социальное развитие, мы подчеркиваем что у нас уже есть (мы можем на нее указать) система критериев сравнительного анализа различных университетов. Например, показатели, определяющие успешность инновационной деятельности и технологического трансфера, близки показателям реализации второй миссии – производству новых научных знаний. Это показатели, оценивающие то, как университет распоряжается интеллектуальной собственностью, полученной им самим, или совместно со внешними партнерами. В этом смысле, вторая миссия университета по определению может оказывать влияние на развитие «локальных сообществ» на региональном, национальном или даже международном уровне. Показатели успешности реализации программ непрерывного образования близки показателям реализации первой миссии – образовательной. В современном обществе, именно дополнительное образование является необходимым условием получения нужных умений и навыков, которые, в конечном итоге, и формируют индивидуальную и общественную «среду обитания». В этом смысле, первая миссия университета также может оказывать влияние на региональное развитие.

В целом, говоря о показателях включенности университета в социальное развитие общества, в решение социально-значимых проблем, в первую очередь, имеется в виду успешность университета по превращению в площадку, на которой организуется взаимодействие с заинтересованными сторонами с целью поиска «адекватного ответа на запросы общества». Здесь показателями успешности могут быть, например, показа-

тели состоятельности инфраструктуры, которой обладает университет для поддержки междисциплинарных и социально-значимых проектов; то, насколько на организацию подобных проектов и решение подобных задач ориентированы руководство университета и его выпускники, и т.д. Более того, «включенность» университета в решение социально-значимых проблем, в развитие культурной составляющей и человеческого капитала может иметь различные формы, предполагать разные модели организации процесса, разные результаты. В этом смысле, каждый проект «включенности» будет претендовать на то, чтобы считаться «единственным в своем роде», обращаясь к своим проблемам, реализующим свои уникальные возможности, что, в свою очередь, может предполагать, что оценивать эту «включенность» нужно именно по активности, с которой в этом направлении работает университет, а не по конкретным результатам. В такой ситуации, построение единой системы индикаторов успешности реализации университетом своей третьей миссии может быть практически затруднено. Остановимся на проблеме построения адекватной системы индикаторов реализации университетом своей третьей миссии, связанной с тем, что региональная составляющая, региональное сообщество с которым университет вступает во взаимоотношение, может оказывать существенное воздействие на практики реализации третьей миссии. Например, подавляющее число университетов рассчитывают на то, что большая часть абитуриентов, которые придут в вуз, будет из того региона, где университет находится, максимум из двух-трех близлежащих регионов. Большинство предприятий, расположенных в данном регионе, учитывая возможные издержки, в первую очередь, будут обращаться в свои локальные региональные вузы и с целью поиска выпускников (как для того, чтобы непосредственно принять их на работу, так и с целью изменить учебные планы в вузе, чтобы потенциально обеспечить себе приток выпускников), и с целью реализации наукоемких или практико-ориентированных проектов. Наконец, региональные власти, в общем случае, также более склонны об-

¹⁵ Gorason, B.; Maharajh, R.; Schmoch, U. New Activities of Universities in Transfer and Extension: Multiple Requirements and Manifold Solutions // *Science and Public Policy*, 2009, Vol. 36(2), p. 157.

ращаться в свои локальные университеты для того, чтобы решать проблем регионального развития, потому что университет уже находится здесь, и в нем находятся люди, хорошо знакомые с проблемами региона. Очевидно, взаимодействие университета и региона – это двустороннее отношение. Взаимодействие с университетом (решение актуальных проблем) помогает повысить «устойчивость» развития региона. Именно локальные университеты формируют социальный и культурный капитал региона и оказывают существенное влияние на рост региональной экономики и регионального благосостояния в целом. Конечно, в данном случае ни один набор показателей не может претендовать на то, чтобы охватить абсолютно все многообразие практик и факторов реализации третьей миссии университета. Не все типы взаимодействия между университетом и регионом могут поддаваться количественной оценке. Многое будет зависеть даже от того, как мы определим «регион». Какие взаимодействия можно считать именно региональными, а какие более широкими? Должны ли географические границы региона (и насколько строго) отвечать целям предполагаемого взаимодействия и данным по его оценке? В каком смысле можно сравнивать информацию, полученную от университетов, расположенных в разных регионах, если много зависит именно от локального сообщества? Все это вопросы, на которые, теоретически, нужно давать ответы, рассматривая успешность участия университета в решении актуальных проблем регионального развития. Естественно, в общем случае, нас интересует подход к формированию такого обобщенного набора индикаторов, который позволил бы оценивать любой университет, независимо от региона. В такой модели, региональная составляющая может рассматриваться только как часть, определяющим же фактором будет являться именно идея «включенности».

Рассмотрим два наиболее интересных, на наш взгляд, примера построения моделей индикаторов успешности «включенности» университета в решение задач регионального развития. Первый пример – доклад «расселовской группы» (*Russell Group*) по

измерению показателей выполнения третьей миссии¹⁶, второй – модель критериев сравнительного анализа Совета по финансированию высшего образования в Англии (*HEFCE*)¹⁷. Естественно, можно выбрать и другие исследования, нацеленные на поиск аналогичных эмпирических показателей, например, модель, построенная по заказу Альянса австралийских университетов по вопросам развития локальных сообществ (*AUCEAU*)¹⁸ или в рамках программы Мониторинга европейских университетов (*PRIME-OUE*)¹⁹ и т.д. Обе отмеченные модели объединяет то, что они были предложены в одно и то же время и, по-видимому, в качестве своей «эмпирической базы» используют практически одни и те же университеты, что, на наш взгляд, может свидетельствовать в пользу объективности результатов их сравнения. Кроме того, одна модель подготовлена на юге Англии (в Эссексе), а вторая на севере (в Ньюкасле), и их сравнение, возможно, отражает особенности экономического и социального развития соответствующих регионов. Наконец, в каком-то смысле, первая модель репрезентирует «негосударственную» точку зрения, в то время как вторая, очевидно, разработана «по заказу» государства, что также может быть интересно с точки зрения понимания роли государства в контроле над процессом выполнения университетом своей третьей миссии.

«Расселовская группа» (*Russell Group*, по названию отеля, где проходила учредительная конференция) – это негосударственное объединение 24 ведущих университетов

¹⁶ Molas-Gallart, J.; Salter, A.; Patel, P.; Scott, A.; Duran, X. Measuring Third Stream Activities. Final Report to the Russell Group of Universities. Brighton: University of Sussex, 2002.

¹⁷ Charles, D.; Benneworth, P. Evaluating the Regional Contribution of an HEI: A Benchmarking Approach. Newcastle upon Tyne: University of Newcastle, 2002.

¹⁸ Garlick, S.; Langworthy, A. Benchmarking University Community Engagement: Developing a National Approach in Australia // *Higher Education Management and Policy*, 2008, Vol. 20(2), pp. 1-12.

¹⁹ Schoen, A. (ed.) Methodological Guide – The Prime Project of Observatory of European Universities. Brussels: European Commission, 2006.

Великобритании, которых отличают высокие стандарты образования и научных исследований и которые уделяют большое внимание взаимодействию с бизнесом и обществом²⁰. По заданию группы Центр исследований научной политики университета Эссекса подготовил аналитический отчет, цель которого состояла в том, чтобы «предложить аналитическую модель и исчерпывающее множество индикаторов, которые помогут отследить реализацию Третьего Направления (*Third Stream*) деятельности университета»²¹. Здесь «третье направление» определяется как обмен знаниями и эффективным взаимодействием с бизнесом и гражданским сектором с целью развития экономики и общества. В основе модели более 60 параметров, которые отдельно отображают «способности (*capabilities*)» университета, демонстрирующие потенциал по реализации «третьего направления», и отдельно «деятельность (*activities*)» в этом направлении. Всего выделяется 5 «способностей» (знание, мощности, исследования, образование и коммуникации) и 12 «направлений», каждому из которых соответствует свой набор индикаторов. Например, направлению «Коммерциализация технологий» соответствуют индикаторы, которые показывают эффективность коммерциализации интеллектуальной собственности, в терминах количества полученных патентов, средств вырученных от продажи патентов, количества сотрудников университета, работающих в этой области и т.д.; направлению «Договорные исследования» – индикаторы, которые показывают количество исследований, проводимых по заказу сторонних организаций; направлению «Экспертная деятельность» – индикаторы, которые показывают экспертную деятельность и в целом работу сотрудников университета в качестве экспертов в сторонних организациях; направлению «Образовательные проекты» – индикаторы, которые показы-

вают, насколько программа обучения соответствует актуальным запросам со стороны общества, – число программ дополнительного образования, включающих практики и стажировки за пределами университета, количество «контрактных преподавателей», которые не работают на постоянной основе, но ведут «практико-ориентированные» курсы и т.д. Доклад подчеркивает, что основные индикаторы реализации университетом «третьего направления» должны быть связаны именно с развитием различных видов «деятельности», а не с результатами их выполнения. Во-первых, эмпирическое измерение «результатов» затруднено, например, по-настоящему померить результативность научных исследований можно только косвенно, принимая во внимание какой-то достаточно большой отрезок времени. Во-вторых, велика вероятность «эффекта гало», когда одни индикаторы и направления деятельности находятся «на слуху» и, соответственно, им уделяется больше внимания, что, на самом деле, может не отражать реального потенциала университета к реализации «третьего направления». В-третьих, говоря об оценке инновационной деятельности, университет изначально находится в невыгодном положении, поскольку результаты этой деятельности, по сути, ему не принадлежат и находятся в рамках условий, которые университет не может контролировать. С подобными замечаниями сложно не согласиться, акцент именно на развитии деятельности, а не на результатах, дает возможность лучше оценить стратегию реализации «третьего направления». Однако, с точки зрения решения насущных проблем регионального развития, во многом, именно результаты реализации «третьего направления» являются основанием для принятия оперативных административных и управленческих решений. В этом смысле, доклад «расселовской группы» отвечает на вопрос об индикаторах успешности участия университета в решении актуальных проблем регионального развития лишь частично.

В отличие от модели, представленной в докладе «расселовской группы», модель, представленная Советом по финансированию высшего образования в Англии (разработана

²⁰ Официальный сайт группы: <http://russellgroup.ac.uk/>

²¹ Molas-Gallart, J.; Salter, A.; Patel, P.; Scott, A.; Duran, X. *Measuring Third Stream Activities. Final Report to the Russell Group of Universities*. Brighton: University of Sussex, 2002. P. III.

Центром городского и регионального развития университета Ньюкасла), специально обращена к проблемам регионального развития²². Предлагаемые критерии сравнительного анализа разрабатывались с целью «оценить успешность реализации стратегии и результаты включенности университета в решение региональных проблем; помочь университетам определить эту стратегию и выбрать приоритеты; создать условия для развития партнерства с другими организациями региона»²³. Можно сказать, что в отличие от модели «расселовской группы», эта модель сосредоточена не на «способностях» и «направлениях» деятельности университета, а на том, чтобы оценить именно вклад университета в развитие региона. В основе модели лежат 7 групп индикаторов (региональная инфраструктура; человеческий капитал; развитие бизнеса; интерактивное образование и социальный капитал; перераспределение благ; культурное развитие; поддержка устойчивого развития), которые обозначаются как «процессы», каждой из которых соответствуют свои критерии сравнительного анализа. Например, группа «Поддержка региональной инфраструктуры» включает индикаторы, которые схватывают то, как университет помогает региону определить, понять и предпринять необходимые шаги по устранению актуальных проблем. Среди критериев успешности реализации этого «процесса»: включенность университета в процессы планирования и оценки качества региональной инфраструктуры, вложения в развитие кампуса и т.д. Группа «Развитие человеческого капитала» посвящена анализу образовательной политики университета, в частности, ориентации учебных планов на нужды населения. Среди основных индикаторов: поддержка интересов групп населения с ограниченными возможностями, ориентация на региональный рынок труда, включенность работодателей в учебный процесс и т.д. Группа «Развитие бизнеса» оценивает стратегию взаимодействия с локальным

бизнес-сообществом и развития различных бизнес-инициатив, среди критериев здесь: создание совместных предприятий, инвестиции, поддержка развития «предпринимательской культуры», как в стенах, так и за пределами университета, ориентация выпускников на создание собственных фирм, организация практик студентов на локальных предприятиях и т.д. Примечательно то, что каждый критерий оценивается по двум параметрам – «практика» и «исполнение», а также по 5 ступеням, которые позволяют сопоставить реальную деятельность и «идеальное представление» о том, как должен реализовываться данный «процесс». Параметр «практика» показывает то, как университет взаимодействует с регионом с целью улучшения ситуации, а параметр «исполнение» фиксирует результаты, к которым приводят подобные инициативы. В результате получается весьма разветвленная система индикаторов, которая направлена не только на анализ «устоявшихся» показателей включенности университета, но и на «изобретение» новых, подчеркивающих важность различных аспектов институционального, культурного, социального и т.д. взаимодействия университета и региона, а также необходимость поиска новых «положительных практик» поддержки регионального экономического и социального развития.

В каком смысле модель, предложенная Советом по финансированию высшего образования в Англии, будет дополнять модель «расселовской группы»? С одной стороны, в модели «расселовской группы» проблемы участия университета именно в региональном развитии представлены только отчасти и косвенно. С другой стороны, критерии сравнительного анализа в последней модели, очевидно, намного более субъективны. Как можно реально оценить наличие барьеров на пути предпринимательской инициативы сотрудников университета, в том смысле, что «университетская культура ориентирована внутрь себя и на узкое понимание образования» (критерий 3.8. «Стимулирование взаимодействия с бизнесом»), или то, что мешает выпускникам оставаться в регионе, по тому как «количественные показатели того, сколько выпускников осталось

²² Официальный сайт Совета: <http://www.hefce.ac.uk/>

²³ Charles, D.; Benneworth, P. Evaluating the Regional Contribution of an HEI: A Benchmarking Approach. Newcastle upon Tyne: University of Newcastle, 2002. P. 2.

и нашло работу в регионе соотносятся с аналогичными показателями по стране» (критерий 2.2 «Привлечение выпускников к работе в интересах региона»? Очевидно, проблема построения хорошей, много-сторонней системы индикаторов включенности университета в решение проблем регионального развития, является классической «не решаемой» проблемой, в том же смысле, например, как соотносятся эмпирическая и теоретическая модель явления. Мы либо работаем с эмпирическими данными, анализ которых сложно распространить за пределы тех случаев, на которых эти данные были собраны (как в случае с последней моделью), либо строим теоретические объяснения, которые являются слишком абстрактными и допускают достаточно «четкую» интерпретацию в каждом конкретном случае (как в случае с моделью «расселовской группы»). Наш взгляд, одним из вариантов решения этой проблемы является дополнение любой развернутой системы эмпирических индикаторов описанием функциональной связи взаимодействия университета и соответствующих стэйкхолдеров. В данном случае, мы получим не только индикаторы реализации «третьей миссии» согласно модели «расселовской группы», но и достаточно полную картину «напряжений», «поддерживающих структур» и «издержек»²⁴, которые, в отличие от индикаторов, допускают детальную трактовку, отражающую особенности применения модели в каждом конкретном случае; не только локальные критерии из разряда «сколько выпускников нашло работы в регионе в течение полугода после выпуска» или «насколько определяющим для сотрудника является понимание важности участия в предпринимательской деятель-

ности для его продвижения по карьерной лестнице», но и понимание объективных механизмов взаимодействия общих для всех университетов и регионов.

Литература:

- Аблажей А.М., Головкин Н.В. Академическая наука в современном обществе: кадровое воспроизводство, адаптационные процессы и нелиберальные ценности. – Новосибирск: НГУ. – 2012. – 287 с.
- Головкин Н.В. Предпринимательский университет и функционализм А. Стичкомба // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2014. – Том. 12, вып. 3. – С. 53-61.
- Головкин Н.В., Дегтярева В.В., Мадюкова С.А. Предпринимательский университет и теория Тройной спирали // Высшее образование в России. – 2014. – № 8-9. – С. 45-53.
- Головкин Н.В., Зиневич О.В., Рузанкина Е.А. Университет третьего поколения: Б. Кларк и Й. Уисема // Высшее образование в России. – 2016. – № 8-9. – С. 40-47.
- Головкин Н.В., Рузанкина Е.А. Предпринимательский университет: академический капитализм и многопользовательское управление // Власть. – 2016. – № 5. – С. 67-74.
- Зиневич О.В., Балмасова Т.А. «Третья миссия» и социальная вовлеченность университетов: к постановке проблемы // Власть. – 2015. – № 6. – С. 67-72.
- Charles, D.; Benneworth, P. Evaluating the Regional Contribution of an HEI: A Benchmarking Approach. Newcastle upon Tyne: University of Newcastle, 2002.
- Etzkowitz, H.; Webster, A.; Gebhardt, C.; Terra, B. The Future of the University and the University of the Future: Evolution from Ivory Tower to Entrepreneurial Paradigm // *Research Policy*, 2000, Vol. 29.
- Freeman, R. Strategic Management: A Stakeholder Approach. Cambridge University Press, 2010.
- Garlick, S.; Langworthy, A. Benchmarking University Community Engagement: Developing a National Approach in Australia // *Higher Education Management and Policy*, 2008, Vol. 20(2), pp. 1-12.
- Gorason, B.; Maharajh, R.; Schmoch, U. New Activities of Universities in Transfer and Extension: Multiple Requirements and Manifold Solutions // *Science and Public Policy*, 2009, Vol. 36(2).
- Hemmati, M. Multi-Stakeholder Processes for Governance and Sustainability. London: Earthscan, 2002.
- Jongbloed, B.; Enders, J.; Salerno, C. Higher Education and Its Communities: Interconnections, Interdependencies and a Research Agenda // *Higher Education*, 2008, Vol. 56.
- Leal Filho, W.; Brandli, L. Engaging Stakeholders for Sustainable Development / W. Leal Filho and L. Brandli (eds.). Engaging Stakeholders in Education for Sustainable Development at University Level. Springer, 2016.
- Molas-Gallart, J.; Salter, A.; Patel, P.; Scott, A.; Duran, X. Measuring Third Stream Activities. Final Report to the Russell Group of Universities. Brighton: University of Sussex, 2002.
- Schoen, A. (ed.) Methodological Guide – The Prime Project of Observatory of European Universities. Brussels: European Commission, 2006.
- Shore, C.; McLauchlan, L. Third Mission Activities, Commercialization and Academic Entrepreneurs // *Social Anthropology*, 2012, Vol. 20.

²⁴ См., например: Головкин Н.В. Предпринимательский университет и функционализм А. Стичкомба // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2014. – Том. 12, вып. 3. – С. 53-61. [Golovko, N.V. Predprinimatel'skiy universitet i funktsionalizm A. Stinchkomba (Entrepreneurial University and Stinchcombe's Functionalism) // *Vestnik NGU. Seriya: Filosofiya*, 2014, Vol. 12, No. 3, pp. 53-61.]

References:

- Ablazhey, A.M.; Golovko, N.V.* Akademicheskaya nauka v sovremennom obshchestve: kadrovoe proizvodstvo, adaptatsionnye protsessy i neoliberal'nye tsennosti (Academic Science in the Contemporary Society: Manpower Reproduction, Mitigation and Neoliberal Values). Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2012. 287 p.
- Charles, D.; Benneworth, P.* Evaluating the Regional Contribution of an HEI: A Benchmarking Approach. Newcastle upon Tyne: University of Newcastle, 2002.
- Etzkowitz, H.; Webster, A.; Gebhardt, C.; Terra, B.* The Future of the University and the University of the Future: Evolution from Ivory Tower to Entrepreneurial Paradigm // *Research Policy*, 2000, Vol. 29.
- Freeman, R.* Strategic Management: A Stakeholder Approach. Cambridge University Press, 2010.
- Garlick, S.; Langworthy, A.* Benchmarking University Community Engagement: Developing a National Approach in Australia // *Higher Education Management and Policy*, 2008, Vol. 20(2), pp. 1-12.
- Golovko, N.V.* Predprinimatel'skiy universitet i funktsionalizm A. Stinchomba (Entrepreneurial University and Stinchcombe's Functionalism) // *Vestnik NGU. Seriya: Filosofiya*, 2014, Vol. 12, No. 3, pp. 53-61.
- Golovko, N.V.; Degtyareva, V.V.; Madiukova, S.A.* Predprinimatel'skiy universitet i teoriya Troinoy spirali (Entrepreneurial University and the Triple Helix Theory) // *Vyshee obrazovanie v Rossii*, 2014, № 8-9, pp. 45-53.
- Golovko, N.V.; Ruzankina, E.A.* Predprinimatel'skiy universitet: akademicheskii kapitalizm i mnogopol'zovatel'skoe upravlenie (Entrepreneurial University: Academic Capitalism and Stakeholder Governance) // *Vlast'*, 2016, No. 5, pp. 67-74.
- Golovko, N.V.; Zinevich, O.V.; Ruzankina, E.A.* Universitet tret'ego pokoleniya: B. Klark i I. Uisema (Third Generation University: B. Clark and J. Wissema) // *Vyshee obrazovanie v Rossii*, 2016, No. 8-9, pp. 40-47.
- Gorason, B.; Maharajh, R.; Schmoch, U.* New Activities of Universities in Transfer and Extension: Multiple Requirements and Manifold Solutions // *Science and Public Policy*, 2009, Vol. 36(2).
- Hemmati, M.* Multi-Stakeholder Processes for Governance and Sustainability. London: Earthscan, 2002.
- Jongbloed, B.; Enders, J.; Salerno, C.* Higher Education and Its Communities: Interconnections, Interdependencies and a Research Agenda // *Higher Education*, 2008, Vol. 56.
- Leal Filho, W.; Brandli, L.* Engaging Stakeholders for Sustainable Development / W. Leal Filho and L. Brandli (eds.). Engaging Stakeholders in Education for Sustainable Development at University Level. Springer, 2016.
- Molas-Gallart, J.; Salter, A.; Patel, P.; Scott, A.; Duran, X.* Measuring Third Stream Activities. Final Report to the Russell Group of Universities. Brighton: University of Sussex, 2002.
- Schoen, A.* (ed.) Methodological Guide – The Prime Project of Observatory of European Universities. Brussels: European Commission, 2006.
- Shore, C.; McLauchlan, L.* Third Mission Activities, Commercialization and Academic Entrepreneurs // *Social Anthropology*, 2012, Vol. 20.
- Zinevich, O.V.; Balmasova, T.A.* «Tret'ia missiya» i sotsial'naya vovlechnost' universitetov: k postanovke problemy (The «Third Mission» and Social Engagement of Universities: To the Problem Statement) // *Vlast'*, 2015, No. 6, pp. 67-72.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-1-5-17>

UNIVERSITY'S THIRD MISSION AND STAKEHOLDER GOVERNANCE FOR REGIONAL DEVELOPMENT

Nikita V. Golovko

Novosibirsk State University, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

Olga V. Zinevich

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Elizaveta A. Ruzankina

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Article history: <i>Received:</i> 1 February 2017 <i>Accepted:</i> 13 December 2017	Abstract: It is common to evaluate the level of engagement of the university to the regional development via the different third mission indicators of success. We propose to complement the traditional approach to frame such an indicators with a purely theoretical consideration of the benefits of the stakeholder governance model that connects the university and the key players of regional development altogether. In this paper we focus on the problems of the collective decision making under the stakeholder governance model, and examine two examples of the traditional third mission indicators models. The main point of our analysis is to show that the bringing into consideration the stakeholder governance model allows to see the motivations and the prospects of engagement for every stakeholder in advance, that may significantly affect the planning of the regional development success.
About the authors: <i>Nikita V. Golovko</i>, Doctor of Sciences, Professor, Chair of Epistemology and History of Philosophy, Novosibirsk State University; Leading Research Fellow, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences e-mail: golovko@philosophy.nsc.ru <i>Olga V. Zinevich</i>, Doctor of Sciences, Head of the Chair of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University e-mail: ozinevich@gmail.com <i>Elizaveta A. Ruzankina</i>, Candidate of Sciences, Associate Professor, Chair of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University e-mail: ruzankina@corp.nstu.ru	
Key words: regional development; stakeholder governance; third mission; university; Russell Group	

Для цитирования: Головки Н.В., Зиневич О.В., Рузанкина Е.А. Третья миссия университета и модель многопользовательского управления для регионального развития // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 1. – С. 5-17.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-5-17

For citation: Golovko, Nikita V.; Zinevich, Olga V.; Ruzankina, Elizaveta A. Tret'ia missiia universiteta i model' mnogopol'zovatel'skogo upravleniia dlia regional'nogo razvitiia (University's Third Mission and Stakeholder Governance for Regional Development) // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 1, pp. 5-17.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-5-17

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ БАЗОВЫХ ПОНЯТИЙ

Игорь Юрьевич Окунев

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 17 августа 2017 <i>Принята к печати:</i> 16 декабря 2017	Аннотация: Вопреки расхожему представлению, пространственный аспект политических процессов определяется не только объективными факторами. Пространство влияет на политику не только напрямую, но и опосредованно, через субъективные и порой искаженные представления о пространстве, формируемые человеком. Для изучения этого субъективного мира в географии выработан собственная терминология, часть понятий в которой находятся в диалектической связи с концептами «объективной» географии (территориальность vs. пространственность, абсолютное vs. относительное пространство), а часть уникальны для дискурса данной науки (гетеротопия, пространственная инверсия, пространственный опыт, место памяти, пространственный миф, сопостранственность). Ключевым именно для политической географии выступают понятия территориальной и пространственной идентичности, поскольку они связывают представления о пространстве с политическим поведением индивида. В последнее время активно развивается и прикладная сфера политгеографической науки, основанная на применении знаний об идентичности – брендинг территории, основанный на политике места.
Об авторе: к.полит.н., доцент, Кафедра сравнительной политологии, МГИМО МИД России e-mail: iokunev@mgimo.ru	<i>Исследование выполнено в рамках реализации гранта РНФ №17-78-10053 «Трансформация территориальной идентичности в присоединенных автономных округах России (сравнительный анализ на основе полевых исследований)»</i>
Ключевые слова: территориальная идентичность; пространственная идентичность; относительное пространство; социальное пространство; критическая геополитика	

Абсолютное и относительное пространство

Пространства вокруг нас принято считать объективным, реальным, созданным физическими законами природы. Однако на самом деле пространство, в котором существует человек, является субъективным и искусственным, созданным его сознанием и воображением. Данные два пространства называются, соответственно, абсолютным и относительным (или социальным в терминологии П. Бурдьё).

Люди в процессе познания абсолютно-го пространства, наделяют его смыслами и функциями, в результате чего формируется уже пространство относительное. Горы, леса, болота, пустыни для одних людей ста-

новились естественной защитой и наилучшей средой традиционного уклада жизни и хозяйства, а для других – непроходимыми рубежами, непригодными для жизни. Абсолютное пространство неизменно, но внутри одного и того же пространства возможно множество его относительных интерпретаций, разнящиеся от времени к времени или от народа к народу. В конце концов, относительное пространство индивидуально, каждый человек способен создать собственную интерпретацию окружающих его явлений. Так, у пирамиды одного из фараонов было написано, что здесь погребен правитель, захвативший страну на берегах реки, которая течет на север, но попадает на юг. При этом известно, что усопший покорил

Вавилон на берегах Евфрата, текущего на юг и, естественно, туда же и попадающего. Невозможное в абсолютном пространстве явление объяснялось тем, что древние египтяне считали, что все реки, как и их родной Нил, должны течь на север. Встретившись с парадоксом, они описали новое пространство в привычных им интерпретациях. Увы, нельзя утверждать, что современный человек, знающий намного больше о законах пространства абсолютного, значительного более объективен в восприятии пространства относительного.

Рассмотрение пространства как социально конструируемого феномена (относительное пространство) не равносильно отрицанию физического (абсолютного) пространства. В то же время это не означает, что пространство представляет собой неподвижную структуру, которую нельзя измерить геохронополитически. Социально конструируемые пространства имеют черты сосуда, заключающего в себе социальные действия, которые могут оказывать влияние как на социальные отношения, так и на характеристики самого пространства. Такой подход ставит вопрос о том, как люди действуют или взаимодействуют в этом пространстве и как они передвигаются внутри или между такими пространствами.

Исследуя пространство как социальный конструкт, мы превращаем его в относительную категорию. В терминах позитивистской методологии пространство является зависимой переменной, объектом исследования. Исследователь может ставить перед собой вопросы: как люди представляют пространство, думают о нем; как они конструируют, создают и изменяют пространство; как приспособливают пространство к своим потребностям и ориентируются в нем? Изучая пространство, мы предлагаем придерживаться следующей структуры анализа, включающего изучение: 1) воображения о пространстве; 2) создания пространства; 3) освоения пространства; 4) взаимодействия в пространстве; 5) отношений и передвижения между пространствами.

Относительное пространство формируется человеком на основе:

1. пространственного опыта,
2. мест памяти,

3. пространственных мифов,
4. территориальной идентичности,
5. пространственной идентичности.

Закономерности относительного пространства является ключевым предметом изучения критической геополитики (Ж. Тоал, Дж. Эгню). Изучая процессы формирования и воспроизводства относительного пространства в разных сообществах, ученым данного направления удастся анализировать динамику международных отношений.

Гетеротопии и пространственная инверсия

М. Фуко предложил термин гетеротопия для различных вариантов относительного пространства, возникающих в рамках одного абсолютного пространства. Например, крупные реки для одних людей (до появления у них средств навигации) воспринимаются, как барьеры между народами, а для других – как артерии, связывающие части пространства. Другой пример – район города может существовать в нескольких гетеротопиях: для одних – это формальная административная единица с обособленной системой управления, для других – часть пространства, формируемая вокруг крупных логистических узлов (например, станций метро), а для третьих, скажем, мафиозных кланов или футбольных фанатов, зона контроля за определенными социальными практиками. Появление гетеротопий в пространстве объясняется, в первую очередь, социальными и культурными различиями носителей представлений о пространстве. Ф. Бродель красиво подчеркнул сосуществование гетеротопий на его родине во фразе «Франция – это и множественное число и единственное». Эту фразу можно применить к любой другой стране.

Ситуация, когда объекты расположены рядом в абсолютном пространстве, но сильно отстоят друг от друга в пространстве относительном, называется пространственной инверсией. Например, города Благовещенск и Хейхе с точки зрения абсолютного пространства находятся друг напротив друга через реку Амур, однако с точки зрения восприятия жителями пространства русский город будет цитаделью европейской идентичности,

отвергающий китайское влияние, а китайский – азиатской периферией, пытающейся интегрировать черты российской культуры.

Пространственный опыт и места памяти

Пространственный опыт отражает историю перемещения человека в пространстве, в результате чего у него формируется уникальное восприятие окружающей действительности. Если дед жил всю жизнь в деревне, изредка выезжая в районный центр, отец жил в городе и ездил только в отпуск в туристические страны, а сын работает в транснациональной компании и регулярно ездит в командировки в глобальные города, то три поколения одного семейства существуют в разных пространствах и вряд ли согласятся друг с другом в характеристике мира. Для первого мир будет бесконечно большим и загадочным, для второго относительно небольшим и в пределах его интересов познаваемым, а для третьего совсем маленьким и очень похожим. При этом все три будут ошибаться, потому что мир состоит из пластов, в которых присутствуют все эти три восприятия пространства одновременно.

Особое места в пространственном опыте занимает места памяти. Данное понятие вытекает из работ исследователей публичной истории (П. Нора, Я. Ассман) и отражает представления о том, что ключевые события прошлого отражаются в культурном ландшафте места. Наиболее яркими примерами являются места бывших сражений (Бородинское поле в России) или восстаний (Площадь Бастилии во Франции). Другим примером может служить список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО. Общество нагружает такие места памятниками, символами и нарративами, направляющие восприятие пространства в нужном русле. Оказавшихся в таких точках человек начинает транслировать нужные обществу смыслы и фиксирует в своем пространственном опыте особые переживания, связанные с важными событиями прошлого. Само переживание оказывается более важным для человека, чем достоверность места, где произошло событие. Так, крещение Иисуса в водах Иордана произошло в месте, где сейчас проходит опасная израильско-иорданская граница, од-

нако паломники с той же святостью относятся к обустроенному для них «месту крещения» ближе к безопасному Тивериадскому озеру. Для понимания политического процесса оказывается важным также изучения фаз смены режима восприятия мест памяти (например, войны памятников в Ирландии в 1970-е гг. или на современной Украине).

Пространственные мифы и сопостранственность

Пространственные мифы являются стереотипизированными представлениями о пространстве. Поскольку человек мыслит образами и стереотипами, то именно мифы являются главной формой познания окружающей действительности. Слово «миф» в данном случае не означает непременно ложность данного представления: хотя все мифы являются субъективными, степень их соотнесенности с истинной может быть как крайне высокой, так и ничтожно малой.

К ключевым пространственным мифам, распространенным почти у всех народов, относятся:

- миф о центральности,
- миф о транзитности,
- миф о территориальной гомогенности,
- миф о территориальной исключительности,
- миф об исконной земле,
- миф об оккупированных территориях,
- миф о бывших территориях.

Представления человека о пространстве начинаются с мифа о центральности: его собственное место жительства, его страна представляется ему центром территориальной структуры планеты, вокруг которой организованы все остальные внешние пространства. Миф о центральности формирует два пространства – внутреннее («наше») в центре и внешнее («иное») на периферии. В истории многих империй древности (римской, китайской и др.) граница между внутренним и внешним пространством становилась линией разграничения цивилизации и дикости. В противовес мифу о центральности в каждом обществе есть миф о транзитности, описывающий положение страны на границе двух внешних ареалов. Так,

например, десятки народов от венгров до монголов подчеркивают свое положение на границе Запада и Востока.

Два взаимообратных мифа – о территориальной гомогенности и о территориальной исключительности – определяют взаимоотношения между внутренним и внешним пространствами. Миф о гомогенности подчеркивает общность внутреннего и внешнего миров, в то время как миф об исключительности обращает внимание на различия между ними. Так, в арабском ареале существует как дискурс общности арабских стран, так и нарративы об уникальности пути каждой из них. Такие же пары можно найти у славян, скандинавов, латиноамериканцев, полинезийцев и других общностей.

В структуре пространства, разделенного на внутренний и внешний ареалы, выделяются несколько ключевых зон, важность которых обосновывается в соответствующих мифах. Во-первых, это исконная территория, то есть область, в которой, как считает народ, началась его государственность. Она может совпадать с нынешним центром (Англия, Аргентина), может быть смещена (Венгрия, Армения, Япония), а может вообще располагаться во внешнем ареале, что порождает особые переживания (Киев для русских, Косово для сербов). Во-вторых, это оккупированные территории, то есть территории внутреннего ареала государства, не контролирующиеся им (Карабах для азербайджанцев). Обратный случай – бывшие территории – области внешнего ареала, которые когда-то входили в состав государства или ареал расселения народа. На основе последнего мифа у многих народов формируются проекты великого расширения (Великая Албания, Великая Финляндия и т.д.). В современном политическом процессе подобные мифы, как правило, актуализируются маргинальными группами, что не отменяет их важность для понимания народом самого себя и пределов своего пространства.

Совокупность пространственных мифов служит основой формирования комплексной идентичности народа как страны-победителя (русские, американцы) или страны-жертвы (евреи, эстонцы). Интерес-

но, что для патриотической мобилизации населения эти оба мифа работают в равной степени удачно.

Как видно, все мифы работают в апологете друг с другом, создавая полюса дискурса о положении общества в пространстве. При этом не стоит считать, что различные мифы распространены в сообществе равномерно: уровень их актуальности может отличаться от периода к периоду, региона к региону или социальной страты к страте. За счет данной диалектики обеспечивается гибкость и изменчивость пространственной идентичности.

Так же, как динамика времени ощущается по-разному, скажем, в Сингапуре и Йемене, да и одними и теми же людьми в одном городе, так и пространства будут формировать разные модели их восприятия на личном опыте. Подобное явление – сегментирование пространства на ментально-функциональные пласты – немецкий ученый М. Мюллер по аналогии с современностью назвал сопостранственностью. Даже живя в одном городе, люди существуют в разных, часто даже не пересекающихся пространствах. Так, человеку свойственно формировать уникальный пласт городского пространства, часто ограничивающегося местом жительства, местом работы и основными магазинами или другими точками регулярного посещения. Внутри данного субгородского пространства человек перемещается на автомате, как бы вырывая его из цельного городского ландшафта, и может удивиться, если вдруг окажется в привычном пространстве с необычной целью. Таким образом, пространственный опыт формирует серии пластов пространства, различающихся уровнем актуализированности в сознании и, соответственно, характером его восприятия. Выделяя городские пространства в сознании его жителей можно понять функциональную структуру места.

Территориальная и пространственная идентичность

Идентичность является выражением принадлежности человека к определенной общности. Выделяются два типа идентич-

ности, связанных с принадлежностью к географическим координатам: территориальная и пространственная.

Территориальная идентичность основывается на свойствах территории, в рамках которой она формируется. Например, горские элементы будут у жителей гор, а приморские – у жителей на берегу морей. Хотя любая идентичность конструируется на индивидуальном уровне, территориальная утверждается именно через социальную деятельность как коллективная. Такая идентичность вытекает из представлений об общности людей, проживающих на единой территории, которых объединяют свойства данной территории. Связи с единым местом проживания формируют общие интересы, что сплачивает группу. Основой территориальной идентичности служит т.н. культурный ландшафт, т.е. совокупность уникальных ментальных и культурных образов места. В рамках такой общности действуют механизмы монополизации пространства и исключения из него других. При первом обосновывается исключительное право общности на данную территорию в силу ее особой идентичности, а при второй любые внутренние элементы, не разделяющие идентичность, вытесняются на периферию социума. По уровню территориальная идентичность делится на локальную, региональную, национальную (государственную) и цивилизационную (континентальную).

Пространственная идентичность вытекает не из свойств места, а из его положения в пространстве, из системы его связей относительно других объектов. Таким образом, она выражает появление устойчивых связей различного характера поверх свойств конкретного места. Так, жители Санкт-Петербурга будут говорить, что живут в городе, являющимся окном в Европу. Сама Невская губа Балтийского моря не является окном в Европу, однако для пространственной структуры России она играла именно такую роль. Когда жители Самарканда говорят о том, что город представляет собой перекресток культур, они характеризуют не существующие в нем музеи и памятники, а его бывшее положение на торговых путях, предопределившее смешанное

цивилизационное положение. Тем самым, можно сказать, что территориальная идентичность связана с абсолютным пространством, а пространственная – с относительным.

М. Китинг выделял три степени актуализированности пространственной идентичности. На первом – когнитивном – через соположение места с соседними, происходит осознание его специфичности и географических пределов. На втором – эмоциональном – формируются устойчивые ментальные механизмы воспроизводства идентичности. Наконец, на третьем – инструментальном – идентичность начинает использоваться для политической мобилизации.

Иногда говорят также об особом уровне пространственной идентичности – геополитическом, т.е. об идентификации человеком себя и своего места жительства относительно глобальных геополитических раскладов и систем.

Так, в Молдавии сторонниками интеграции с Россией стали не только русские жители Приднестровья, но и культурно более далекие гагаузы и болгары. Через дискурс о геополитическом выборе ориентации на Европу или Россию в многокомпонентном молдавском обществе актуализировалась политическая дискуссия о формах национального строительства в молодом государстве. Европейский выбор был маркером мажоритарной модели нациестроительства, предполагающей создание этнической нации на основе молдавского народа. В его самой форме он агитирует за воссоединение страны с Румынией и отождествляет молдавский народ и язык с румынским. Основными последователями такой интерпретации являются собственно румыны и религиозное меньшинство молдавский прихожан Румынской православной церкви. Евразийский (или пророссийский, а также нейтральный) выбор был маркером консоциативной модели нациестроительства, основанной на создании политической нации, предполагающей баланс участия всех этнических и религиозных групп в политическом процессе. Он поддерживается этническими меньшин-

ствами Молдавии (гагаузами, болгарями) и частично молдавскими прихожанами Русской православной церкви.

В ходе посткрымского кризиса в глобальном идейном соперничестве одно из ключевых мест стал занимать дискурс о цивилизационных различиях России и Европы, который можно свести к формуле «Россия – это не Европа». Таким образом, мирополитический конфликт оказался реинтерпретирован через противоречие пространственных образов Запада/Европы и России/Евразии, благодаря чему он стал конструктивно геополитическим. Подобный пространственный первообраз актуализует восточную границу западной цивилизации, которая может представляться только ментальной, а не пространственной. Она пролегла между католиками Западной Европы и православными России, образовав промежуточную зону на территориях славянских и балтийских народов. В последнее время данный нарратив оказался обобщен с «Россия – это не Запад/Европа» до «Россия – это анти-Запад/анти-Европа», что привело к усилению конфликта вдоль всего ментального пограничья России и Запада. Данный спор породил схожие дискурсы о «европейскости» Молдовы, Беларуси, Грузии, Армении, как культур, альтернативных азиатской России.

Человек является носителем одновременно множества идентичностей. Он помнит, из какой деревни или района города он родом, гордится регионом своего жительства, своей родиной, ощущает свою причастность к крупным цивилизационным структурам. Однако все эти различные идентичности пассивны, пока их не актуализирует внешняя сила. Скажем, мы вспоминаем о нашей национальной идентичности по государственным праздникам, о региональной, когда нашей земле угрожает опасность, а о локальной, когда ностальгируем о родном доме.

Политика места и брендинг территории

Политикой места называется целенаправленное формирование устойчивого дискурса, транслирующего вовне про-

странственную идентичность данного локалитета. Люди пытаются сформировать во внешнем мире правильное (по их представлениям) представление о данной территории, для чего формируется стандартизированный дискурс о месте. Ключевыми носителями такого стандартизированного нарратива являются краеведы, сотрудники музеев, туристических информационных офисов, экскурсионных компаний, отелей и, конечно, таксисты. Все в силу своих профессий вынуждены часто общаться с иногородними, причем, интересующихся образом места. Для этого они у них, как правило, заготовлен концентрированный, упрощенный и яркий нарратив о месте. Сбор и обобщение подобного стандартизированного нарратива порой дает лучшее понимание пространственной идентичности жителей, чем глубинные социологические методы.

Политика места является основным инструментом решения прикладной задачи – брендинга территории. Под брендингом территории понимается целенаправленная стратегия по повышению конкурентноспособности места, привлечения в него инвесторов, туристов, новых жителей или квалифицированной рабочей силы. Бренд представляет собой совокупность уникальных атрибутов, отражающих пространственную идентичность территории и перспективу ее развития. Важно заметить, что успешный брендинг является не одноразовой акцией, а постоянной политикой властей территории, и основывается на существующих элементах пространственной идентичности, а не инкорпорирует чужеродные. Элементами брендинга территории выступают выбор названия и слоганов (нейминг), формирование устойчивых образов места (визуализация) и разработка стратегии внедрения, укоренения, расширения узнаваемости и естественного воспроизводства бренда (продвижение).

В результате современное мировое политическое пространство с самых верхних уровней до самых низких представляет собой систему множества искусственных зеркал, отражающих, но в то же время и ис-

кажающих, многогранную ткань взаимопересекающихся глобальных, национальных и локальных процессов.

Литература:

Замятин Д., Замятина Н., Митин И. Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы. – М., 2008.

Замятин Д.Н. Постгеография. Капитал(изм) географических образов. – СПб.: Гуманитарная академия, 2014.

Малинова, О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. – М.: ИНИОН РАН, 2013.

Окунев И.Ю. Политико-географические аспекты государственности (анализ опыта микросоударств) // Политическая наука. – 2011. – № 4. – С. 162-174.

Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 2. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке (отв. ред. И.С. Семененко). – М.: РОССПЭН, 2012.

Тоал Дж. Геополитика постмодерна? Геополитические представления модерна и за их пределами // Политическая наука. – 2009. – № 1. – С. 188-223.

A Companion to Political Geography / Ed. by J. Agnew, K. Mitchell, G. Toal. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2008. 494 p.

O'Tuathail, G. Understanding Critical Geopolitics: Geopolitics and Risk Society // *Journal of Strategic Studies*, 1999, No, 2/3, pp. 107-124.

References:

A Companion to Political Geography / Ed. by J. Agnew, K. Mitchell, G. Toal. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2008. 494 p.

Malinova, O.Yu. Konstruirovaniye smyslov: Issledovanie simvolicheskoi politiki v sovremennoi Rossii (Construing Meanings: Research of Symbolic Politics in Modern Russia). Moscow: INION RAN, 2013.

O'Tuathail, G. Understanding Critical Geopolitics: Geopolitics and Risk Society // *Journal of Strategic Studies*, 1999, No, 2/3, pp. 107-124.

Okunev, I.Yu. Politiko-geograficheskie aspekty gosudarstvennosti (analiz opyta mikrogosudarstv) (Political and Geographic Aspects of Statehood: Analysis of Microstates) // *Politicheskaya nauka*, 2011, No. 4, pp. 162-174.

Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti (Political Identity and Policy of Identity). Vol. 2. Identichnost' i sotsial'no-politicheskie izmeneniya v XXI veke (ed. I.S. Semenenko). Moscow: ROSSPEN, 2012.

Toal, Dzh. Geopolitika postmoderna? Geopoliticheskie predstavleniya moderna i za ikh predelami (Postmodern Geopolitics? Geopolitical Conceptions of Modernity and beyond) // *Politicheskaya nauka*, 2009, No. 1, pp. 188-223.

Zamyatin, D.; Zamyatina, N.; Mitin, I. Modelirovaniye obrazov istoriko-kul'turnoy territorii: metodologicheskie i teoreticheskie podhody. (Modelling of Territorial Historic and Cultural Images: Methodology and Theory). Moscow, 2008.

Zamyatin, D.N. Postgeografija. Kapital(izm) geograficheskikh obrazov (Post-Geography. Capital(ism) of Geographic Images). Saint Petersburg: Gumanitarnaya akademija, 2014.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-1-18-25>

TERRITORIAL AND SPATIAL IDENTITY: NEW APPROARCH TO THE BASIC CONCEPTS

Igor Yu. Okunev

MGIMO University, Moscow, Russia

Article history: <i>Received:</i> 27 August 2017 <i>Accepted:</i> 16 December 2017	Abstract: Contrary to popular belief, the spatial aspect of political processes is determined not only by objective factors. Space affects politics not only directly, but also indirectly, through subjective and sometimes distorted notions of space, formed by man. To study this subjective world, geography has its own terminology, some of which are in dialectical connection with the concepts of «objective» geography (territoriality vs. spatiality, absolute vs. relative space), and some are unique for the discourse of this science (heterotopy, spatial inversion, spatial experience, the place of memory, spatial myth, and co-spatiality). The key to political geography is the notion of territorial and spatial identity, because they link ideas about space with the political behavior of the individual. Recently, the applied sphere of political geography has been actively developing, based on the application of identity knowledge - territory branding based on place policy. <i>Acknowledgements:</i> The article is prepared with support of Russian Science Foundation, project No.17-78-10053
About the author: Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Comparative Politics, MGIMO University e-mail: iokunev@mgimo.ru Key words: territorial identity; spatial identity; relative space; social space; critical geopolitics	

Для цитирования: Окунев И.Ю. Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 1. – С. 18-25.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-18-25

For citation: Okunev, Igor Yu. Territorial'naia i prostranstvennaia identichnost': kontseptualizatsiia bazovykh poniatii (Territorial and Spatial Identity: New Approach to the Basic Concepts) // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 1, pp. 18-25.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-18-25

КУЛЬТУРНАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ЕС

Петр Игоревич Касаткин

*Московский институт международных отношений (Университет)
МИД России, Москва, Россия*

Наталья Викторовна Ивкина

*Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия*

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 16 марта 2017 <i>Принята к печати:</i> 11 ноября 2017	Аннотация: Статья посвящена рассмотрению специфики «мягкой силы» Европейского Союза. В качестве теоретических основ исследования выделены американские, российские и европейские подходы к сущности и содержанию «мягкой силы» государства, а также других, близких по существу понятий, таких как «гражданская сила», «нормативная сила». Выделены основные параметры «мягкой силы», предложенные основоположником концепции Дж. Наем, а также предложенные другими экспертами. В качестве основных европейских государств, обладающими наибольшим потенциалом мягкого силового влияния, рассматриваются Великобритания и Франция. Они вносят наибольший вклад в процесс создания «мягкой силы» ЕС. Главным образом рассматриваются попытки ЕС институционализировать механизмы «мягкой силы» и придать им статус общеевропейских. Анализируются два направления: культурная и образовательная привлекательность Европы. Выделены тенденции, которые говорят о том, что культурная идентичность отдельных европейских стран отходит на второй план, вперед выступают элементы культурной дипломатии ЕС. Это обосновывается тем, что закладывается нормативно-правовая база общеевропейских элементов «мягкой силы», а также подтверждается официальными представителями ЕС. Однако как и любой интеграционный процесс создание «мягкой силы» ЕС имеет ряд препятствий. Приведены основные причины, которые препятствуют созданию общеевропейской «мягкой силы». В конце сделаны выводы относительно перспектив способности Европейского Союза использовать названные элементы «мягкой силы», а также о готовности европейских стран, имеющих богатый потенциал «мягкой силы», делегировать часть своего культурного потенциала в общеевропейский дом.
Об авторах: <i>Касаткин П.И.,</i> к.полит.н., доцент, кафедра мировых политических процессов, МГИМО МИД России; начальник Управления научной политики, МГИМО МИД России e-mail: pkas@mail.ru <i>Ивкина Н.В.,</i> ассистент, Кафедра теории и истории международных отношений, РУДН e-mail: ifknatali@gmail.com	
Ключевые слова: «мягкая сила»; Европейский Союз; «нормативная сила»; культурная дипломатия; образовательная политика; миграционный кризис	

В современной политической науке широкое распространение получило деление силы и мощи государства на «жесткую» (*hard power*) и «мягкую» (*soft power*). Актуальным остается вопрос, какая из них наиболее эффективна в условиях глобализации и построения многополярного мира, какая наносит наибольший ущерб от ее применения, и, наконец, что необходимо вкладывать в эти понятия в целом. При этом если «жесткая

сила» является историческим инструментом влияния и ресурсом внешней политики государства, то «мягкая сила» – это «функция» общества и фактор его восприятия в мире¹.

¹ Байков А.А. «Мягкая мощь» Европейского Союза в глобальном силовом равновесии: евро-российский трек // Вестник МГИМО Университета. – 2014. – № 2 (35). – С. 36-46. [Baykov, A.A. «Mjagkaja moshh» Evropejskogo Sojuza v global'nom silovom ravnovesii: evro-

Как феномен, термин «мягкая сила» был введен Дж. Наем, определившим его как способность привлекать в обход силовому принуждению и подкуп, которые, в свою очередь, являются элементами «жесткой силы». «Мягкая сила» по Дж. Наю основывается на привлекательности внешней политики, культурных и национальных ценностях². Но, несмотря на то, что со времени появления термина и начала его активного употребления прошло немало лет, его значение, а также перевод и восприятие до сих пор остаются размытыми. Акторы, которые хотят увеличить свой вес в регионе или на глобальном уровне используют механизмы «мягкой силы»³.

Так, например, для Китая термин «*soft power*» означает «мудрая сила»⁴. Главным образом, в нее вкладывается конфуцианская мудрость и культурная самобытность, которыми следует руководствоваться при принятии решений во внешней политике государства. Для России «мягкая сила» – это, прежде всего, мягкость подходов: активное взаимодействие гражданских обществ, продвижение своего языка и культуры, быстрая реакция на перемены с увеличением использования «новых технологий»⁵. Запад-

ные эксперты открыто критикуют российские и китайские подходы к «мягкой силе»⁶. Но российская и китайская «мягкая сила» имеют конкретное воплощение, потому что Китай и Россия – это государства.

Европейский Союз не является государственным единым, поэтому в силу специфики образования и взаимодействия внутри интеграционного объединения он в наибольшей степени изменил предложенный Дж. Наем подход к данному термину. В европейских научно-исследовательских кругах, а также в США и России вырабатываются подходы к рассмотрению и оценке потенциала «мягкой силы». Особое место среди мировых исследований занимают американский подход. США были и остаются лидерами по производству и использованию элементов «мягкой силы». По мнению американских исследователей, европейская «*soft power*» подразумевает под собой «собранную или скоординированную силу»⁷. Такой подход объясняется тем, что некогда разрозненные страны Европы стали Союзом и теперь пытаются найти общий путь, приспособить свои внешнеполитические, экономические и социокультурные интересы к взаимодействию друг с другом. Поэтому ев-

rossijskij trek (Soft power pf the EU in Global Power Balancing: Euro-Russian Direction) // *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2014, No. 2 (35), pp. 36-46.]

² Nye, J. Smart power // *New Perspectives Quarterly*, 2009, pp. 7-9.

³ Хауер-Тюкаркина О.М. Строительство нового старого света: soft power в политике Европейского Союза // *Дискурс-Пи*. – 2014. – Т. 11. № 2-3. – С. 117-122. [Hauer-Tjukarkina, O.M. Stroitel'stvo novogo starogo sveta: soft power v politike Evropejskogo Sojuza (Building New Old World: Sodr Power in EU Foreign Policy) // *Diskurs-Pi*, 2014, Vol. 11, No. 2-3, pp. 117-122.]; Торкунов А.В. По дороге в будущее / ред.-сост. А.В. Малгин, А.Л. Чечевичников. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 476 с. [Torkunov, A.V. Po doroze v budushchee (On the Way to the Future) / Ed. and Comp. by A.V. Mal'gin, A.L. Chechevishnikov. Moscow: Aspekt Press, 2010. 476 p.]

⁴ Mahbubani, K. Smart power, Chinese Style // *American Interest*, March-April, 2008.

⁵ Выступление Президента России В.В. Путина на Советании послов и постоянных представителей России // Официальный сайт Президен-

та РФ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/15902> [Vystuplenie Prezidenta Rossii V.V. Putina na Soveshhanii poslov i postojannyh predstavitelej Rossii (Address of Vladimir Putin at Ambassadors Meeting) // Official Site of Russian President. Mode of access: // <http://www.kremlin.ru/transcripts/15902>]; Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // *Вестник МГИМО Университета*. – 2012. – № 4 (25). – С. 85-93. [Torkunov, A.V. Obrazovanie kak instrument «miagkoi sily» vo vneshnei politike Rossii (Education as an Instrument of «Soft Power» in Russia's Foreign Policy) // *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2012, No. 4 (25), pp. 85-93.]

⁶ Харитонова Е.М. «Мягкая сила» Великобритании: сравнительный анализ механизмов, инструментов и практик // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 8(1). – С. 5-20. [Haritonova, E.M. «Mjagkaja sila» Velikobritanii: sravnitel'nyj analiz mehanizmov, instrumentov i praktik (The UK „Soft Power”: Comparative Analysis of Mechanisms, Instruments and Practices) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 8(1), pp. 5-20.]

⁷ Mahbubani, K. Smart power, Chinese Style // *American Interest*, March-April, 2008.

ропейская «мягкая сила» не может рассматриваться как сила отдельных национальных государств.

Российские эксперты предлагают свою трактовку «мягкой силы» Европы, характеризуя ее, прежде всего, как «привлекательную силу» из-за того, что факторами мягкой силы являются также социальные вопросы общественной жизни⁸. Привлекательность этой силы была необходима для расширения ЕС и привлечения бывших стран социалистического лагеря – Центральную и Восточную Европу, а также страны Прибалтики. В качестве объективных показателей «мягкой силы» выделяется государственное управление, культура, информационные технологии, образование. По мнению таких российских исследователей, как А.И. Поберезкин, О.Е. Родионов и М.В. Харкевич, «мягкую силу» ЕС стоит рассматривать в рамках изучения локальных человеческих цивилизаций. В качестве основных показателей «мягкой силы» ЕС они выделяют распространение западных ценностей, разделение всеми государствами европейских интересов, правил и законов⁹. Этот тезис на практике реализуется через насаждение западным обществом демократических ценностей тем странам, в которых установлены другие политические режимы.

⁸ Леонова О.Г. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства // Обозреватель. – №4. – 2013. – С. 33. [Leonova, O.G. M'jagkaja sila – resurs vneshnej politiki gosudarstva (Soft Power is a Resource of Foreign Policy) // *Obozrevatel'*, №4, 2013, p. 33.]; Торкунов А.В. По дороге в будущее – 2 / ред.-сост. А.В. Мальгин. – М.: Аспект Пресс, 2015. – 552 с. [Torkunov, A.V. Po doroge v budushchee – 2 (On the Way to the Future) / Ed. and Comp. by A.V. Mal'gin. Moscow: Aspekt Press, 2010. 552 p.]

⁹ Поберезкин А.И., Родионов О.Е., Харкевич М.В. Стратегический прогноз развития отношений между локальными человеческими цивилизациями в Евразии. Аналитический доклад, МГИМО-Университет, 2016. – С. 67. [Podberезkin, A.I.; Rodionov; O.E., Harkevich, M.V. Strategicheskij prognoz razvitiya otnoshenij mezhdru lokal'nymi chelovecheskimi civilizacijami v Evrazii (Strategic Forecast of Relations between Local Human Civilizations in Eurasia). Analiticheskij doklad. MGIMO-Universitet, 2016. P. 67.]

Особого внимания заслуживают европейские подходы к пониманию «мягкой силы» ЕС¹⁰. Некоторые европейские исследователи предлагают изменить саму трактовку «мягкая сила» Европы и заменить на нечто, что является характерным исключительно для ЕС как интеграционной единицы с уникальной наднациональной составляющей. Так появилась концепция «гражданской силы» Европы, которую сформулировал Франсуа Дюшен и осветил в 1998 г. в журнале «Европейская интеграция» (*Journal of European Integration*). Он задался вопросом, «почему европейская интеграционная идея вопреки политическим событиям и в отличие от других региональных интеграционных идей сохранилась и имела продолжение в институционализации?»¹¹. Отвечая на этот вопрос, Дюшен заметил, что Европа предлагает заменить само измерение силы с военнотехнических критериев на гражданские и оценивать степень влияния актора мировой политики не по наличию военных средств, а по наличию ценностно-ориентированных и гражданских средств влиянию. Важность этого вопроса заключается, с одной стороны, в возрастающих международных устремлениях Европы (особенно в экономической области и в сфере безопасности), а с другой, в уменьшающейся легитимности американской силы¹².

Появление сомнений в отношении легитимности американской силы в европейском истеблишменте может быть связано с тем, что США перестали строго следовать нормам международного права и постепенно начали вводить собственные правила в обход своих партнеров в различных областях. Во второй половине 90-х годов XX в. начали возникать споры между ЕС и США

¹⁰ Здесь и далее понятия ЕС и Европа упоминаются как синонимичные, хотя авторы осознают, что Европа географически охватывает не только страны ЕС, но и часть постсоветского и пост-югославского пространств.

¹¹ Duchêne, F. The European Community and the Uncertainties of Interdependence. A Nation Writ Large? Ed. by M. Kohnstamm and W. Hager. UK: Macmillan, 1973. pp. 1-21.

¹² Orbie, J. Civilian Power Europe. Review of the Original and Current Debates. Mode of access: <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0010836706063503>

из-за экстерриториальных нормативно-правовых актов американского законодательства. В 1996 г. в США были приняты законы Д'Амато и Хелмса-Бертон. Согласно закону Д'Амато: «США могли вводить санкции против иностранных компаний, которые вкладывали инвестиции в нефтегазовый сектор Ирана и Ливии на сумму больше 40 млн долларов»¹³. Это существенным образом ограничивало маневр европейских стран, особенно Франции, которая является одним из наиболее крупных нефтегазовых партнеров обоих государств. Закон Хелмса-Бертон предполагал, что любая иностранная компания, которая начинает сотрудничать с кубинскими компаниями должна быть подвергнута антиамериканским санкциям с запретом для руководителей въезжать в США.

Еще одной европейской концепцией несилового влияния является «нормативная сила», являющаяся продуктом реалий своего времени¹⁴. Ее сформулировал и использовал в исследовании европейских интеграционных процессов Иан Маннерс, датский эксперт по международным отношениям. Суть данной концепции заключается в том, что «нормативная сила» не является ни военной, ни экономической, она происходит из генерации идей, мнений и подходов, формирует представления о «правильных» вещах, понятиях и явлениях¹⁵.

В отличие от подходов «мягкой силы» и «гражданской силы» «нормативная сила» не предлагает противопоставления военной составляющей внешней политики государства, потому что военная мощь является гарантом соблюдения норм и правил. Такой отход от четкого разделения между «воен-

ной» и «гражданской» силой характерен для либерально-идеалистической парадигмы, предполагающей расширение количества акторов мировой политики за счет отсутствия государства центризма, а также отказ от представления мировых политических процессов исключительно в антагонизме войны и мира. Эта парадигма в наибольшей степени соответствует объекту исследования, в силу того, что Европейский Союз не является государственным образованием, но претендует на роль политической единицы, использующей военные и невоенные механизмы управления.

Многообразие концепций несилового влияния акторов мировой политики говорит о том, что нет четко сформулированных подходов к определению степени невоенного влияния негосударственных образований, таких как ЕС. Выбор концепции для исследования несилового влияния ЕС происходит из потребности изучения внешних или внутренних факторов. По мнению Т. Диеза и И. Маннерса, концепция «нормативной силы» подходит для исследования внутривнутриполитических процессов в ЕС, изучения социальных процессов и нормативно-правовой базы, тогда как «мягкая сила» – это внешнеполитические инструменты влияния ЕС в мире¹⁶.

Политической детерминантой европейской «мягкой силы» является двойственный характер рассматриваемой проблемы. С одной стороны, европейские страны сохраняют статус национальных государств, каждое из которых может иметь свой потенциал как «жесткой», так и «мягкой» силы, с другой стороны, объединившись в Европейский Союз (ЕС), страны подтвердили свое согласие на интеграцию по нескольким направлениям, в том числе по экономическому и культурно-гуманитарному. Вопрос о том, на каком уровне анализа (национальном или наднациональном) проявляется собственно европейская «мягкая сила», остается открытым.

Что касается показателей «мягкой силы» отдельных европейских государств, то здесь у Европы хорошие шансы претен-

¹³ Wroughton L. Iran Blasts World Bank for Refusing Loans // *Reuters*, 08.10.2010. Mode of access: <http://www.reuters.com/article/us-worldbank-iran-idUSTRE6975KS20101008>

¹⁴ Саворская Е.В. Сущность концепции «нормативной силы» Европейского Союз // *Балтийский регион*. – 2015. – № 4 (26). – С. 90-104. [Savorskaja, E.V. Sushhnost' koncepcii «normativnoj sily» Evropejskogo Sojuza (The Conception of the EU „Normative Power”) // *Baltiiskij region*, 2015, No. 4 (26), pp. 90-104.]

¹⁵ Manners, I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms // *Journal of Common Market Studies*, 2002, Vol. 40, No. 2, pp. 235-258.

¹⁶ Diez T., Manners I. Reflecting on Normative Power Europe // *Power in World Politics*. Ed. By F. Berenskoetter, M. Williams. L., 2007. P. 179.

довать на лидирующие позиции. Рейтинги использования фактора мягкой силы ведущими странами мира составляются несколькими агентствами сразу – американскими, английскими, французскими, русскими. Один из докладов «*Global ranking of Soft Power*», опубликованный английским независимым Институтом Управления (*Institute for Government*) представил рейтинг стран мира по использованию инструментов мягкой силы (см. Таб. 1).

Таблица 1

Рейтинг стран мира по использованию инструментов мягкой силы

№/п	Страна	Коэффициент
1	США	7.41
2	Великобритания	6.78
3	Франция	6.21
4	Германия	6.15
5	Австралия	5.64
6	Швеция	5.35
7	Япония	5.08
8	Швейцария	5.07
9	Канада	4.91
10	Нидерланды	4.90

Table 1. States Ranking on Employing Soft Power
Source: Institute for Government. *The New Persuaders*.
AGlobal Ranking of Soft Power. P. 15.

Критериями, которые были взяты за основу, являются: культура, образование, внешнеполитические и внутриполитические ценности, бизнес инновации. Совокупность взаимосвязанных между собой инструментов организации работы по основным направлениям «мягкой силы» складывается в систему¹⁷. Три из вышеназванных критериев

¹⁷ Лазутина И.В., Нагорнов В.А., Рахмангулов М.Р., Сахаров А.Г., Шелепов А.В. Систематизация лучших зарубежных подходов к реализации политики «мягкой силы». Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – № 2. – С. 229-245. [Lazutina, I.V.; Nagornov, V.A.; Rahmangulov, M.R.; Saharov, A.G.; Shelepov, A.V. Sistematisacija luchshih zarubezhnyh podhodov k realizacii politiki «mjagkoj sily» (Systematization of the Best Foreign Approaches to Soft Power Realization) // *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika*, 2014, No. 2, pp. 229-245.]

являются традиционными при определении уровня использования «мягкой силы», они были упомянуты еще Дж. Наем в 2004 г. в его труде «*Soft Power: The Means to Success in World Politics*»¹⁸. Два новых критерия (образование и бизнес-инновации) заняли место в списке критериев, отражающих эффект «мягкой силы» благодаря новым мировым гуманитарным тенденциям.

Описанные Дж. Наем критерии представляют собой в общем понимании культурную составляющую «мягкой силы». Культурная идентичность Европы всегда была одним из факторов ее уникальности в мировой истории. Экономист и социолог А. Вебер (брат всемирного известного Макса Вебера) отмечал: «Европейский культурный дух играет революционизирующую роль – захотим ли мы объяснить это мятежными порывами, свойственными Фаусту, или, по сути, более суровыми условиями становления на землях вокруг Рейна, как бы на мосту между европейским югом и севером, востоком и западом»¹⁹.

В XXI в. понятие культурной идентичности отдельных европейских стран отходит на второй план. На первый выходит культурная дипломатия, которую европейские лидеры пытаются проводить от имени ЕС. По заявлению Верховного представителя ЕС по иностранным делам Федерики Могерини: «Европейская культура – это общий ресурс внешней политики ЕС. Она играет ключевую роль в становлении ЕС как интеграционного объединения и отражает европейские материальные и духовные ценности. Инвестиции в культурную дипломатию ЕС помогают укреплять экономическое положение Европы, а также устанавливают связи с другими регионами мира, помогают предотвращать радикализацию»²⁰.

В 2016 г. Европейская комиссия обратилась к Европейскому парламенту и Сове-

¹⁸ Nye, J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York, 2004.

¹⁹ Weber, Alfred. *Abschied von der Besherigen Geschichte*. 1999. S. 172.

²⁰ Mogherini: L'Europa è una superpotenza culturale. Dobbiamo usare questa forza // *EU News*. Mode of access: <http://www.eunews.it/2016/06/10/mogherini-leuropa-e-una-superpotenza-culturale-dobbiamo-usare-questa-forza/61044>

ту ЕС с предложением принятия документа «Направления стратегии ЕС по международным отношениям в сфере культуры»²¹. Новый документ направлен на то, чтобы сохранить культурное разнообразие Европы и консолидировать усилия в области содействия разрешения конфликтов. Очерчены основные принципы культурной дипломатии ЕС: продвижение культурного разнообразия и уважение прав человека, развитие взаимного уважения и межкультурного диалога с другими странами, гарантия уважения все культур, взаимодополняемость в принятии решений в сфере культуры, комплексный подход к культурным ценностям²². Предлагается рассматривать Европейский культурный потенциал, который ретранслируется вовне, не как потенциал отдельных стран, а как консолидированную силу ЕС. Причиной смены источника культурной дипломатии ЕС с национального уровня на наднациональный стал провал идеи европейского мультикультурализма и миграционный кризис в Европе.

Прошлые успехи политики мультикультурализма в Европе в XX в. заключались в нескольких факторах: географическое положение государств, цели и задачи внешней политики. Однако даже в тот момент европейские страны по-разному понимали цели миграционной политики. Германия приглашала мигрантов исключительно для временной работы, интегрировать их в немецкое общество не предполагалось. Франция, наоборот, предлагала мигрантам различные преференции вплоть до предоставления французского гражданства. Но и Германия, и Франция с готовностью принимали на своей территории мигрантов, преимущественно из мусульманских стран, предоставляя им необходимые социальные условия и работу.

Отмечается, что волны миграции проходили через Европу на протяжении всего XX в., постоянно нарастали параллельно с

процессами глобализации²³. Нельзя сказать, что политика мультикультурализма априори была обречена на провал. Вероятно, что европейские политики и исследователи не предполагали о наличии принципиальной возможности вытеснения традиционной европейской культуры из-за усиления влияния культуры новой, иммигрантской, распространяющейся по небольшой территории Европы очень интенсивно. Почему это произошло? Не потому что европейская культура оказалась сильнее или слабее культур других регионов мира – скорее потому, что с каждой новой волной миграции в Европу приезжие прикладывают все меньше и меньше усилий для интеграции в европейское общество. Требуя себе больше прав, они зачастую предпочитают жить обособленной жизнью, забывая об обязанностях, которые должны исполнять все граждане европейских стран: работать, соблюдать законы страны пребывания. В результате, на территории европейских стран образовались инोकультурные анклавы и крупные сообщества (диаспоры). Эти сообщества обладают собственной политической повесткой и стремятся сохранить свое культурное наследие, а не усваивать европейское²⁴.

Наиболее остро стоит проблема исламизации Европы. До последнего времени европейские мусульмане не вмешивались в политические процессы в Европе, теперь большинство из них лоббируют свои интересы через существующие политические

²¹ Joint Communication to the European Parliament and the Council towards an EU Strategy for International Cultural Relations / European Commission. Brussels, 2016. Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52016JC0029&from=EN>

²² Ibid.

²³ Казаринова Д.Б. Проблема репутационного капитала и «мягкой силы» ЕС в условиях европейского миграционного кризиса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2015. – № 4. – С. 7-16. [Kazarinova, D.B. Problema reputacionnogo kapitala i «mjagkoj sily» ES v uslovijah evropejskogo migracionnogo krizisa (Problem of Reputation Capital and EU Soft Power amid European Migration Crisis) // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Politologija*, 2015, No. 4, pp. 7-16.]

²⁴ Лошкарёв И.Д. Роль диаспор в современной мировой политике // Вестник МГИМО Университета. – 2015. – № 2 (41). – С. 127-133. [Loshkarjov, I.D. Rol' diaspor v sovremennoj mirovoj politike (The Role of Diasporas in Modern World Politics) // *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2015, No. 2 (41), pp. 127-133.]

институты, поддерживают левые партии, выступающие за либеральную миграционную политику и расширение мультикультурной среды, что может иметь негативные последствия²⁵. С точки зрения теории международных отношений, религиозные акторы мировой политики не могут пассивно за этим наблюдать и черпают силы из меняющегося глобального баланса конфессий, стремятся политизировать или, наоборот, снизить риск имеющихся межрелигиозных разногласий²⁶. Это осложняется тем, что постепенно количество мусульман в Европе увеличивается и проблемы мультикультурализма сменились проблемами исламизации Европы. Исследования, проведенные институтом *Pew Research Centre* в 2015 г., показали, что «если нынешние тенденции к росту количества мусульман в Европе сохранятся, то к 2050 г. число мусульман будет сопоставимо с количеством христиан во всем мире»²⁷. В свою очередь, западная культура ориентирована на постоянное техническое и технологическое развитие, на безостановочный прогресс. Это приводит к тому, что возникает еще одна проблема культурной привлекательности Европы – старение европейского населения. Разрушительные последствия этой тенденции заключаются в том, что Европа вообще перестанет производить продукты, привлекающие мировую

общественность, средний класс общества, и окончательно потеряет культурную привлекательность, а за этим последует снижение туристических потоков, которые составляют немалую часть бюджета европейских стран.

Но постоянная угроза исламизации Европы – это следствие неграмотной миграционной политики. Основная проблема политики мультикультурализма заключается в диссонансе между интересами политического истеблишмента ЕС и интересами европейского общества в целом. Политические лидеры пытались создать образ благополучной Европы, привлекательной для рабочей силы. Но процесс миграции оказался сложно контролируемым, что привело в результате к последствиям перенаселения Европы народами другой культурной и религиозной принадлежности. Но неудачи мультикультурализма не заставили Европу перейти к более замкнутой модели взаимодействия с мигрантами: после дестабилизации ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке Европу настигла новая волна миграционного кризиса. Для того, чтобы изменить ситуацию, нужно изменить образ ЕС, сделать акцент на сострадании к беженцам. С одной стороны, это оправдывает сохранение миграционной политики Германии по приему беженцев на своей территории, а с другой, делает эту политику общеевропейской и заставит страны ЕС смириться с тем, что на их территорию пребывают новые волны мигрантов.

Теперь, когда наиболее развитым европейским странам приходится брать на себя всю тяжесть миграционных проблем, идея объединить усилия на этом направлении видится вполне здравой и может стать достаточно эффективным инструментом «мягкой силы» ЕС. Сделать миграционный вопрос элементом внешней политики ЕС предложил в марте 2016 г. министр иностранных дел Австрии Себастьян Курц. В интервью изданию *Bild* он заявил о необходимости создания специальных центров для размещения беженцев за пределами Европейского Союза под управлением верховного комиссара ООН по делам беженцев в Египте, Грузии и на западе Балкан²⁸. Если предложен-

²⁵ Россия и мир в 2020 году. Контуры тревожного будущего. Под ред. А.Ю. Безрукова, А.А. Сущенцова. – М.: Эксмо, 2015. [Rossija i mir v 2020 godu. Kontury trevozhnogo budushhego (Russia and the World in 2020. Contours of an Anxious Future). Ed. by A.Ju. Bezrukov, A.A. Sushencov. Moscow: Jeksmo, 2015.]

²⁶ Касаткин П.И. Ценности и приоритеты деятельности Русской православной церкви на международной арене // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2012. – № 3. – С. 68-72. [Kasatkin, P.I. Cennosti i prioritety dejatel'nosti Russkoj pravoslavnoj cerkvi na mezhdunarodnoj arene (Values and Priorities of Russian Orthodox Church on International Arena) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12: Politicheskie nauki, 2012, No. 3, pp. 68-72.]

²⁷ Pew Research Centre. The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010-2050, 2015. Mode of access: <http://www.pewforum.org/2015/04/02/religious-projections-2010-2050/>

²⁸ Hier streiten zwei Konservative über den rechten Weg. Mode of access: <http://www.bild.de/politik/>

ный австрийским министром сценарий будет реализован, ЕС, как и в случае с Турцией, предложит странам денежную компенсацию за содержание беженцев на их территории. При этом Европа сохранит за собой образ гаранта стабильности и безопасности и избежит от нежелательных последствий увеличения количества мигрантов.

Помимо культурных аспектов «мягкой силы» в качестве эффективной составляющей этой концепции использует образовательный процесс. На 2013 г. информационным агентством *World University Web Ranking* был опубликован рейтинг европейских Университетов, где первое и второе места заняли английские вузы *University of Cambridge* и *University of Oxford* соответственно²⁹. Поэтому, лицом европейского образования является Великобритания, которую ни одному другому государству Европы пока не удалось обогнать по образовательному сегменту «мягкой силы». Об этом свидетельствует исследование, проведенное *Higher Education Policy Institute (HEPI)*, по влиянию европейского образования на мировые процессы. Было выявлено, что 55 лидеров 51 страны мира получили высшее образование в британских высших учебных заведениях. И именно это, по мнению британских исследователей, — главный аспект «мягкой силы»³⁰. Но эта сила носит, прежде всего, национальный характер, а взгляды выпускников британских вузов отражают англо-саксонское видение мира. Как видно из *Таблицы 1*, Великобритания занимает 2 место после США по наличию механизмов «мягкой силы» и пока не видно тенденции к тому, что она собирается их разделить со всем европейским сообществом (особенно, с учетом Брексита).

На фоне этого необходимо создать общеевропейский образовательный элемент,

ausland/jens-spahn/hier-streiten-zwei-konservative-ueber-den-rechten-weg-50701468.bild.html

²⁹ 2013 World University Webranking. Mode of access: <http://www.4icu.org/topEurope/>

³⁰ Higher Education Policy Institute (HEPI). Now that's What We Call Soft Power: 55 World Leaders Educated in the UK / *Hepi*, 1 October, 2015. Mode of access: <http://www.hepi.ac.uk/2015/10/01/now-thats-call-soft-power-55-world-leaders-educated-uk/>

который стал бы частью «мягкой силы» ЕС. Сегодня эту функцию на себя взяли несколько программ, таких как *Erasmus* и *Erasmus+*. Они направлены на обмен студентами и преподавателями. На первых стадиях программы *Erasmus* и *Erasmus+* были нацелены на внутриевропейский сегмент, но затем стали распространяться и в другие регионы мира, преимущественно в СНГ, страны Латинской Америки и Азии. По данным программ студенты и преподаватели разных стран приезжают в Университеты Европы и обучаются в течение определенного периода (от семестра до нескольких лет). Финансирование этих программ частично берут на себя институты ЕС.

Еще одним общим аспектом культурной и образовательной политики, являющейся «мягкой силой» ЕС, является финансирование институтами ЕС культурных центров по распространению европейской культуры в мире, пропаганде культурного разнообразия Европы. Осуществляются культурные обмены, которые позволяют обучать студентов из различных регионов мира на некоммерческой основе. Безусловно, Европейский Союз пока не может финансировать такое же количество учащихся, как, например, США, но с каждым годом показатели увеличиваются. Европейская комиссия инициировала рамочную культурную программу «Культура-2000»: «Суммарный бюджет программы 236,5 млн евро. В программе приняли участие все европейские страны»³¹. Эта общеевропейская программа нацелена на поднятие имиджа ЕС посредством культурных обменов в области искусства, литературы, театра и музыки. Она призвана помочь расширить межкультурный диалог. Еще одним немаловажным общим фактором является позиционирование Европейского Союза как оплота бесконфликтного будущего, что является привлекательным с точки зрения современного турбулентного мира.

В целом можно говорить о том, что «мягкая сила» ЕС на наднациональном уровне только начинает оформляться. Но уже можно сказать, что особую роль играют

³¹ Report on the System of own Resources. Mode of access: http://europa.eu/legislation_summaries/budget/l34016_en.htm

культурная и образовательная составляющие привлекательности³². С конца XX в. – начала XXI в. культурная идентичность Европы подверглась серьезной угрозе возможного вытеснения из мирового культурного многообразия. Ошибки мультикультурной политики сыграли свою негативную роль в этом процессе. Для того, чтобы не потерять культурное разнообразие, ЕС пришлось взять курс на консолидацию усилий по распространению культурных ценностей и сделать их элементом «мягкой силы». Это подтверждают, и образовательные программы под эгидой институтов ЕС, и финансирование институтами культурных проектов. Новые нормативно-правовые акты, принимаемые в ЕС говорят о готовности стран-членов ЕС делегировать часть своего «культурного суверенитета» в наднациональные органы. При этом очевидна тенденция к тому, что чем больше потенциал «мягкой силы» у европейского государства, тем менее оно заинтересовано в передаче потенциала «мягкой силы» в ведение брюссельской бюрократии. Например, Великобритания не поддерживает некоторые инициативы ЕС в этом направлении. Но потеря британского потенциала «мягкой силы», в том числе из-за *Brexit*, негативно скажется на общеевропейских показателях «мягкой силы». Однако потенциал европейской «мягкой силы» на институциональном уровне имеет хорошие перспективы для укрепления в будущем.

Литература:

Байков А.А. «Мягкая мощь» Европейского Союза в глобальном силовом равновесии: евро-российский трек // Вестник МГИМО Университета. – 2014. – № 2 (35). – С. 36-46.

Выступление Президента России В.В. Путина на Совещании послов и постоянных представителей России // Официальный сайт Президента РФ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/15902>

Казаринова Д.Б. Проблема репутационного капитала и «мягкой силы» ЕС в условиях европейского миграционного кризиса // Вестник Российского университета

дружбы народов. Серия: Политология. – 2015. – № 4. – С. 7-16.

Касаткин П.И. Болонская система образования в контексте политического развития ЕС // Право и управление. XXI век. – 2013. – № 4 (29). – С. 70-77.

Касаткин П.И. Ценности и приоритеты деятельности Русской православной церкви на международной арене // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2012. – № 3. – С. 68-72.

Лазутина И.В., Нагорнов В.А., Рахмангулов М.Р., Сахаров А.Г., Шелепов А.В. Систематизация лучших зарубежных подходов к реализации политики «мягкой силы». Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – № 2. – С. 229-245.

Леонова О.Г. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства // Обозреватель. – №4. – 2013.

Лошкарёв И.Д. Роль диаспор в современной мировой политике // Вестник МГИМО Университета. – 2015. – № 2 (41). – С. 127-133.

Подберезкин А.И., Родионов О.Е., Харкевич М.В. Стратегический прогноз развития отношений между локальными человеческими цивилизациями в Евразии. Аналитический доклад. МГИМО-Университет, 2016.

Россия и мир в 2020 году. Контуры тревожного будущего. Под ред. А.Ю. Безрукова, А.А. Сушенцова. – М.: Эксмо, 2015.

Саворская Е.В. Сущность концепции «нормативной силы» Европейского Союз // Балтийский регион. – 2015. – № 4 (26). – С. 90-104.

Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО Университета. – 2012. – № 4 (25). – С. 85-93.

Торкунов А.В. По дороге в будущее / ред.-сост. А.В. Мальгин, А.Л. Чечевишников. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 476 с.

Торкунов А.В. По дороге в будущее – 2 / ред.-сост. А.В. Мальгин. – М.: Аспект Пресс, 2015. – 552 с.

Хариотонова Е.М. «Мягкая сила» Великобритании: сравнительный анализ механизмов, инструментов и практик // Сравнительная политика. – 2017. – № 8(1). – С. 5-20.

Харкевич М.В., Касаткин П.И. Биополитика и религия в эпоху постмодерна // Вестник МГИМО Университета. – 2011. – № 6. – С. 217-222.

Хауер-Тюаркина О.М. Строительство нового старого света: soft power в политике Европейского Союза // Дискурс-Пи. – 2014. – Т. 11. № 2-3. – С. 117-122.

Diez, T.; Manners, I. Reflecting on Normative Power Europe / Power in World Politics. Ed. By F. Berenskoetter, M. Williams, L. 2007.

Duchêne, F. The European Community and the Uncertainties of Interdependence. A Nation Writ Large? Ed. by M. Kohnstamm and W. Hager. UK: Macmillan, 1973. pp. 1-21.

Higher Education Policy Institute (HEPI). Now that's What We Call Soft Power: 55 World Leaders Educated in the UK / Hepi, 1 October, 2015. Mode of access: <http://www.hepi.ac.uk/2015/10/01/now-thats-call-soft-power-55-world-leaders-educated-uk/>

Joint Communication to the European Parliament and the Council towards an EU Strategy for International Cultural Relations / European Commission. Brussels, 2016. Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52016JC0029&from=EN>

Mahbubani, K. Smart power, Chinese Style // American Interest, March-April, 2008.

³² Касаткин П.И. Болонская система образования в контексте политического развития ЕС // Право и управление. XXI век. – 2013. – № 4 (29). – С. 70-77. [Kasatkin, P.I. Bolonskaja sistema obrazovaniya v kontekste politicheskogo razvitiya ES (Bologna Educational System and Political Development of the EU) // Pravo i upravlenie. XXI vek, 2013, No. 4 (29), pp. 70-77.]

Manners, I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms // *Journal of Common Market Studies*, 2002, Vol. 40, No. 2, pp. 235-258.

Mogherini: L'Europa è una superpotenza culturale. Dobbiamo usare questa forza // *EU News*. Mode of access: <http://www.eunews.it/2016/06/10/mogherini-leuropa-e-una-superpotenza-culturale-dobbiamo-usare-questa-forza/61044>

Nye, J. Smart power // *New Perspectives Quarterly*, 2009.

Nye, J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York, 2004.

Orbie, J. Civilian Power Europe. Review of the Original and Current Debates. Mode of access: <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0010836706063503>

Pew Research Centre. The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010-2050, 2015. Mode of access: <http://www.pewforum.org/2015/04/02/religious-projections-2010-2050/>

Weber, Alfred. Abschied von der Bisherigen Geschichte. 1999.

Wroughton L. Iran Blasts World Bank for Refusing Loans // *Reuters*, 08.10.2010. Mode of access: <http://www.reuters.com/article/us-worldbank-iran-idUSTRE6975KS20101008>

References:

Baykov, A.A. «Mjagkaja moshh'» Evropejskogo Sojuza v global'nom silovom ravnoesii: evro-rossijskij trek (Soft power pf the EU in Global Power Balancing: Euro-Russian Direction) // *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2014, No. 2 (35), pp. 36-46.

Diez, T.; Manners, I. Reflecting on Normative Power Europe / Power in World Politics. Ed. By F. Berenskoetter, M. Williams, L. 2007.

Duchêne, F. The European Community and the Uncertainties of Interdependence. A Nation Writ Large? Ed. by M. Kohnstamm and W. Hager. UK: Macmillan, 1973. pp. 1-21.

European Commission. Erasmus+ is for Training. Mode of access: https://ec.europa.eu/programmes/erasmus-plus/node_en

Haritonova, E.M. «Mjagkaja sila» Velikobritanii: sravnitel'nyj analiz mehanizmov, instrumentov i praktik (The UK „Soft Power”: Comparative Analysis of Mechanisms, Instruments and Practices) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 8(1), pp. 5-20.

Harkevich, M.V.; Kasatkin, P.I. Biopolitika i religija v jepohu postmoderna (Postmodern Biopolitics and Religion) // *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2011, No. 6, pp. 217-222.

Hauer-Tjukarkina, O.M. Stroitel'stvo novogo starogo sveta: soft power v politike Evropejskogo Sojuza (Building New Old World: Soft Power in EU Foreign Policy) // *Diskurs-Pi*, 2014, Vol. 11, No. 2-3, pp. 117-122.

Higher Education Policy Institute (HEPI). Now that's What We Call Soft Power: 55 World Leaders Educated in the UK / Hepi, 1 October, 2015. Mode of access: <http://www.hepi.ac.uk/2015/10/01/now-thats-call-soft-power-55-world-leaders-educated-uk/>

Joint Communication to the European Parliament and the Council towards an EU Strategy for International Cultural Relations / European Commission. Brussels, 2016. Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52016JC0029&from=EN>

Kasatkin, P.I. Bolonskaja sistema obrazovanija v kontekste politicheskogo razvitiia ES (Bologna Educational System and Political Development of the EU) // *Pravo i upravlenie. XXI vek*, 2013, No. 4 (29), pp. 70-77.

Kasatkin, P.I. Cennosti i priorityty dejatel'nosti Russkoj pravoslavnoj cerkvi na mezhdunarodnoj arene (Values and Priorities of Russian Orthodox Church on International Arena) // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12: Politicheskie nauki*, 2012, No. 3, pp. 68-72.

Kazarinova, D.B. Problema reputacionnogo kapitala i «mjagkoj sily» ES v uslovijah evropejskogo migracionnogo krizisa (Problem of Reputation Capital and EU Soft Power amid European Migration Crisis) // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Politologija*, 2015, No. 4, pp. 7-16.

Lazutina, I.V.; Nagornov, V.A.; Rahmangulov, M.R.; Saharov, A.G.; Shelepov, A.V. Sistematizacija luchshih zarubezhnyh podhodov k realizacii politiki «mjagkoj sily» (Systematization of the Best Foreign Approaches to Soft Power Realization) // *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika*, 2014, No. 2, pp. 229-245.

Leonova, O.G. Mjagkaja sila – resurs vneshnej politiki gosudarstva (Soft Power is a Resource of Foreign Policy) // *Obozrevatel'*, №4, 2013.

Loshkarjov, I.D. Rol' diaspor v sovremennoj mirovoj politike (The Role of Diasporas in Modern World Politics) // *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2015, No. 2 (41), pp. 127-133.

Mahbubani, K. Smart power, Chinese Style // *American Interest*, March-April, 2008.

Manners, I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms // *Journal of Common Market Studies*, 2002, Vol. 40, No. 2, pp. 235-258.

Mogherini: L'Europa è una superpotenza culturale. Dobbiamo usare questa forza // *EU News*. Mode of access: <http://www.eunews.it/2016/06/10/mogherini-leuropa-e-una-superpotenza-culturale-dobbiamo-usare-questa-forza/61044>

Nye, J. Smart power // *New Perspectives Quarterly*, 2009.

Nye, J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York, 2004.

Orbie, J. Civilian Power Europe. Review of the Original and Current Debates. Mode of access: <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0010836706063503>

Pew Research Centre. The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010-2050, 2015. Mode of access: <http://www.pewforum.org/2015/04/02/religious-projections-2010-2050/>

Podberezkin, A.I.; Rodionov; O.E., Harkevich, M.V. Strategicheskij prognoz razvitiia otnoshenij mezhdru lokal'nymi chelovecheskimi civilizacijami v Evrazii (Strategic Forecast of Relations between Local Human Civilizations in Eurasia). Analiticheskij doklad. MGIMO-Universitet, 2016.

Report on the System of own Resources. Mode of access: http://europa.eu/legislation_summaries/budget/134016_en.htm

Rossija i mir v 2020 godu. Kontury trevozhnogo budushhego (Russia and the World in 2020. Contours of an Anxious Future). Ed. by A.Ju. Bezrukov, A.A. Sushencov. Moscow: Jeksmo, 2015.

Savorskaja, E.V. Sushhnost' koncepcii «normativnoj sily» Evropejskogo Sojuza (The Conception of the EU „Normative Power”) // *Baltiiskij region*, 2015, No. 4 (26), pp. 90-104.

Torkunov, A.V. Obrazovanie kak instrument «miagkoi sily» vo vneshnei politike Rossii (Education as an Instrument of “Soft Power” in Russia’s Foreign Policy) // *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2012, No. 4 (25), pp. 85-93.

Torkunov, A.V. Po doroge v budushchee (On the Way to the Future) / Ed. and Comp. by A.V. Mal’gin, A.L. Chechevishnikov. Moscow: Aspekt Press, 2010. 476 p.

Torkunov, A.V. Po doroge v budushchee – 2 (On the Way to the Future) / Ed. and Comp. by A.V. Mal’gin. Moscow: Aspekt Press, 2010. 552 p.

Vystuplenie Prezidenta Rossii V.V. Putina na Soveshhanii poslov i postojannykh predstavitelej Rossii (Address of Vladimir Putin at Ambassadors Meeting) // Official Site of Russian President. Mode of access: // <http://www.kremlin.ru/transcripts/15902>

Weber, Alfred. Abschied von der Besherigen Geschichte. 1999.

Wroughton L. Iran Blasts World Bank for Refusing Loans // *Reuters*, 08.10.2010. Mode of access: <http://www.reuters.com/article/us-worldbank-iran-idUSTRE6975KS20101008>

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-1-26-36>

CULTURAL AND EDUCATIONAL DIMENSIONS OF EU SOFT POWER

Petr I. Kasatkin

MGIMO-University, Moscow, Russia

Natalia V. Ivkina

Peoples’ Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Article history:

Received:

16 March 2017

Accepted:

11 November 2017

About the authors:

Petr I. Kasatkin, Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of World Politics, MGIMO University; Head of the Department of Scientific Policy, MGIMO University

e-mail: pkas@mail.ru

Natalia V. Ivkina, Assistant, Department of Theory and History of International Relations; Peoples’ Friendship University of Russia

e-mail: ifknatali@gmail.com

Key words:

«soft power»; European Union; «normative power»; cultural diplomacy; educational policy; immigration crisis

Abstract: The article is devoted to consideration of the specific «soft power» of the European Union. As the theoretical foundations of the study dedicated the American, Russian and European approaches to the essence and content of «soft power» of the state, as well as other similar concepts such as «civilian power», «normative power.» The basic criteria of «soft power» was proposed by the founder of the conception J. Nye and by other experts. The major European countries with the greatest potential of «soft power» influence are considered to be the UK and France. They make the greatest contribution to the process of creation of «soft power» in the EU. The article deals with the attempts of the EU to institutionalize the mechanisms of «soft power». The main two criteria are cultural and educational attractiveness of Europe. The identified trends, which suggest that the cultural identity of individual European countries is falling by the wayside, represent the elements of the EU diplomacy. This is substantiated by the fact that it is a legal and regulatory framework of the European «soft power», that is also confirmed by the official representatives of the EU. However, as within any integration process, in the process of «soft power» building the EU has a number of obstacles. The authors make conclusions about the prospects for the European Union to apply the elements of «soft power», as well as the readiness of the European countries to delegate a part of their cultural potential to the European community.

Для цитирования: Касаткин П.И., Ивкина Н.В. Культурная и образовательная составляющие «мягкой силы» ЕС // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 1. – С. 26-36.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-26-36

For citation: Kasatkin, Petr I.; Ivkina, Natalia V. Kul’turnaia i obrazovatel’naia sostavliaiushchie «miagkoi sily» ES (Cultural and Educational Dimensions of EU Soft Power) // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 1, pp. 26-36.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-26-36

«ТРИ КИТА» ТУРЕЦКОЙ ПОЛИТИКИ В АФРИКЕ

Ватаняр Саидович Ягья

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

Мария Александровна Колесникова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 14 июля 2017 <i>Принята к печати:</i> 21 декабря 2017	Аннотация: С крушением биполярной системы на африканском континенте появился новый и очень влиятельный игрок – Турция. Провозгласив курс на построение многовекторной политики, Анкара последовательно реализует принятую стратегию углубления и расширения политических, экономических и гуманитарных связей со странами Африки. Во втором десятилетии XXI в. Турция планомерно решает вопросы по продвижению своей политической линии в регионе и пользуется поддержкой влиятельной африканской элиты во многих странах континента. Одновременно правящая Партия справедливости и развития, способствуя упрочению экономических позиций турецких бизнесменов, увеличивает экспорт турецких товаров, пропагандирует идеи «умеренного ислама» на целом континенте. Успешны и гуманитарные проекты, реализуемые турецкими государственными и неправительственными структурами. Вместе с тем отмечается ряд тактических сложностей, связанных с обострением старых и возникновением новых проблем, обусловленных различными факторами политического, экономического и идеологического характера. Анкара, продолжая проводить активную политику, направленную на завоевание регионального лидерства, будет наращивать свое присутствие в Африке и в дальнейшем.
Об авторах: <i>Ягья В.С., д.и.н., профессор, заведующий Кафедрой мировой политики, ФМО СПбГУ; Заслуженный деятель науки РФ</i> e-mail: vy190107@yandex.ru <i>Колесникова М.А., бакалавр международных отношений, СПбГУ</i> e-mail: kolmaral-1710@rambler.ru	
Ключевые слова: Турция; Африка; ТИКА; Африканский Союз; ТУСКОН; Эрдоган; ПСР; ООН; Давутоглу	

С распадом биполярной системы международных отношений во внешних политических стратегиях многих стран мира произошли заметные, порой коренные, изменения. К числу таких стран относится Турция, которая, воспользовавшись открывшимися внешними и внутренними возможностями, предпринимает мягко- и жестко силовые шаги по движению к центру мировой политики. Ей приходится на этом пути преодолевать немалые трудности. Возникающие проблемы ей удастся успешно решать или, увы, отодвигать их в тупиковые позиции, оставляя решение на будущее. Неизменным

в ее стратегии остается курс на развитие отношений с Африкой. Неслучайно А. Давутоглу, еще будучи министром иностранных дел, говорил о формировании Афро-Евразии как внешнеполитического пространства Турции и проводил в жизнь эти свои идеи¹.

¹ См.: Шлыков П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная политика. – 2017. – No. 1 (8). – С.58-76. [Shlykov, P.V. Evraziystvo i evrazijskaya integraciya v politicheskoy ideologii i praktike Turcii (Eurasianism and Eurasian Integration in the Political Ideology and Practice of Turkey) //

Провозглашая Аффо-Евразию как географический параметр турецкой внешней политики, он вольно или невольно хотел вернуть к жизни некогда триединый (до прорытия Суэцкого канала) мегаконтинент Евро-Аффо-Азию². Считалось, что Турция занимает центральное место в этом аффо-евразийском пространстве, обеспечивающее ей большие преимущества в достижении многовекторности внешней политики, в том числе в отношении стран Африканского континента. Если обращение турецких властей к североафриканским государствам, прежде входившим в Османскую империю, выглядит естественно, как с ценностных, так и с прагматических точек зрения (предполагая их включение в планы «неоосманизма»), то в отношении государств Черной Африки следует признать некое внешнеполитическое новаторство Анкары. Позиционирова-

ние Турции на Африканском континенте как крупной евразийской страны привлекло к ней африканские страны, усиливало ее центристическую парадигму на мировой арене и вселяло в них уверенность в ее профессиональном сопряжении трех мировых религий (иудаизм-христианство-ислам).

В Турции высоко оценивают африканские возможности развития и выхода континента на ведущие позиции в мире. Внимание в Анкаре обращали на надежды, которые африканцы связывают с предполагаемым экономическим ростом в XXI в. В концентрированном виде они были высказаны президентом небольшой африканской страны Кабо-Верде Жорже Карлуш Фонсекой в начале 2017 г. «Насчет того, что будущее принадлежит Азии, я не согласен. – сказал он. – Как раз наоборот, думаю, что XXI век – это век именно Африки. На ближайшие 50 лет мне видится у континента очень перспективное будущее, ведь у него есть огромные природные ресурсы, человеческий потенциал, стремящаяся к лучшей жизни молодежь. Все будет зависеть только от самих африканцев, от видения руководителей государств. И вопрос в том, насколько смелые задачи они будут перед собой ставить. Мне кажется, что те руководители, которые когда-то возглавляли национально-освободительную борьбу в Африке, свою огромную роль уже сыграли. Сейчас же Африке нужны другие, жесткие, амбициозные, ставящие высокие цели лидеры. И отношения надо Африке развивать со всеми – одних только саммитов с США, ЕС, Китаем, Турцией сколько уже проводилось!»³.

Весьма показательно также мнение турецкого политолога и публициста Э. Гёнена: «Турция может быть самый недавний игрок в Африке, где отсутствие колониального владычества (никто уже не помнит оттоманское правление в Северной Африке

Comparative Politics Russia, 2017, No. 1(8), pp. 58-76.]; Шлыков П.В. Альтернативные подходы к евразийской интеграции: сравнительный анализ турецкого евразийства // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 9 (100). – С.45-51. [Shlykov, P.V. Al'ternativnye podhody k evrazijskoj integracii: sravnitel'nyj analiz tureckogo evraziystva (Alternative Approaches to Eurasian Integration: a Comparative Analysis of Turkish Eurasianism) // *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal*, 2016, No. 9(100), pp.45-51.]

² Три времени живой истории // Триединство. Россия перед близким Востоком и недалеким Западом. Научно-литературный альманах. Вып.1: 10 лет со дня «черного вторника» сентября 2001 г. 2 изд-е, доп. – М.: Грифон. 2012. – С. 10. [Tri vremeni zhivoy istorii (Three Times of a Living History) // *Triedinstvo. Rossiya pered blizkim Vostokom i nedalekim Zapadom*. Nauchno-literaturnyj al'manah. Vol.1: 10 let so dnya «chernogo vtornika» sentyabrya 2001. 2 izd-e, dop. Moscow: Grifon. 2012. P. 10.]; Шеремет В.И. Глобализм по-исламски начинался на берегах Босфора // Триединство. Россия перед близким Востоком и недалеким Западом. Научно-литературный альманах. Вып.1: 10 лет со дня «черного вторника» сентября 2001 г. 2 изд-е, доп. – М.: Грифон, 2012. – С.82. [Sheremet, V.I. Globalizm po-islamski nachinal'sya na beregah Bosphora (Globalism Began in an Islamic Way on the Banks of the Bosphorus) // *Triedinstvo. Rossiya pered blizkim Vostokom i nedalekim Zapadom*. Nauchno-literaturnyj al'manah. Vol. 1: 10 let so dnya «chernogo vtornika» sentyabrya 2001. 2 izd-e, dop. Moscow: Grifon, 2012. P. 82.]

³ Акимущкина И. Даже у самых маленьких стран могут быть большие амбиции // Независимая газета – Дипкурьер, 1 февраля 2017 г. [Akimushkina, I. Dazhe u samyh malen'kih stran mogut byt' bol'shie ambicii (Even the Smallest Countries Can Have Big Ambitions) // *Nezavisimaya gazeta – Dipkur'er (Independent Newspaper)*, February 10, 2017.]

или в Судане), связанное с мотивацией быть региональной властью, содействовало установлению для нее существенно благоприятного имиджа и ряда важных преимуществ, особенно в несостоявшихся государствах, подобно Сомали»⁴.

Африканский вектор турецкой политики остается неизменным. Здесь нынешнее руководство позиционирует себя исключительно в качестве друга «с благими намерениями», осуждающего прежнюю колониальную политику Запада и провозглашающего тезис – «будущее планеты за Африкой при содействии Турции».

Образно говоря, турецкое присутствие на африканском континенте стоит на «трех китах» – политических усилиях в области упрочения многосторонних и двусторонних отношений, торгово-экономических связей со странами континента и взаимодействии в культурной и гуманитарной сфере.

Реализация масштабных планов по освоению африканского континента связана с приходом к власти Партии справедливости и развития (ПСР) во главе с Р.Т. Эрдоганом; фактически начиная с 2005 г., который впервые был объявлен в Турции Годом Африки.

Выбрав Африку ареной своей политической деятельности, руководство страны сформулировало следующие задачи на этом новом направлении:

- создать новую платформу для реализации турецких внешнеполитических амбиций с использованием всех геополитических возможностей африканского континента на длительную перспективу;

- войти и закрепиться на африканском рынке, став основным партнером ведущих африканских стран в сфере энергетики, добычи полезных ископаемых и их выводе на мировой рынок;

- создать благоприятные условия для исламского сектора турецкой экономики, обеспечив устойчивое развитие бизнеса в африканских странах и укрепив тем самым позиции как правящих политических сил, так и их сторонников;

- активно пропагандировать и широко использовать успехи турецкой политики на

африканском направлении для укрепления имиджа правящей партии и ислама.

По словам А. Давутоглу, сказанным еще в бытность его министром иностранных дел, в XXI веке международный вес страны в значительной степени будет определяться ее экономической, культурной и дипломатической активностью в прилегающих регионах. «Если Турция не хочет оказаться среди аутсайдеров мировой политики, она вынуждена пересмотреть свой подход к развитию отношений с теми регионами, которым не уделялось достаточного внимания в прошлом»⁵. Такой подход касается и африканского континента.

Однако было бы несправедливо все лавры «первооткрывателя Африки» отдавать Р.Т. Эрдогану и его соратникам по Партии справедливости и развития. Еще лет за 15-20 до него с «африканской инициативой» выступил премьер-министр, а потом и президент Тургут Озал. Провозгласив курс на диверсификацию экономических отношений, он стал первым турецким руководителем, инициировавшим в 1985 году отправку продовольственной помощи странам Тропической Африки (Гамбия, Гвинея, Гвинея-Биссау, Мавритания, Сенегал, Сомали, Судан), страдавшим от засухи, которая была оценена в 10 млн долларов⁶. Уже на посту президента Турецкой Республики в 1989-1993 гг. Тургут Озал продолжил курс на наращивание двусторонних отношений со странами африканского континента – в частности, были подписаны соглашения в области здравоохранения, культуры, а также торгового, экономического и технического сотрудничества с Ботсваной, Чадом, Джибути, Гамбией, Замбией, Сенегалом; возросло количество двусторонних визитов на высшем уровне⁷.

Следующей важной вехой на пути развития африканской стратегии Турции

⁵ Davutoğlu, A. *Stratejik derinlik. Türkiye'nin uluslararası konumu*. İstanbul, 2010. P. 112.

⁶ Besenyo Janos, Olah Peter. One of the New Competitors in Africa // *AARM*, 2012, Vol. 11, No. 1, p. 137.

⁷ Ozkan, M. *Turkey's Religious and Socio-Political Depth in Africa* / LSE IDEAS Special Report. 2013. Mode of access: <http://works.bepress.com/mehmetozkan/180/>

⁴ Gonen, E. *Turkey's Africa Policy* // *Daily Sabah*, May 14, 2014.

является утверждение в 1998 году «Плана действий в отношении Африки», инициированного министром иностранных дел страны Исмаилом Джемом, который предполагал реализацию турецко-африканского сотрудничества в политической, экономической и гуманитарной сферах. Несмотря на то, что данный План был фактически реализован к 2012 году, его ключевые положения остаются по-прежнему актуальными и во многом составляют основу внешней политики Анкары в отношении Африки на современном этапе.

Политические усилия Турецкой Республики в настоящее время направлены как на укрепление двусторонних отношений со странами Африки, так и на реализацию глобальных амбиций, связанных с повышением международного авторитета страны. Инструментами реализации такого подхода стали: обмен визитами на высшем уровне, увеличение количества дипломатических представительств, углубление сотрудничества в рамках международных организаций (прежде всего, ООН), создание механизмов взаимодействия по линии внешнеполитических ведомств, межпарламентское сотрудничество. В итоге, благодаря избранной стратегии, Турция к 2017 году стала играть все более заметную роль на африканском политическом поле, о чем свидетельствуют: число визитов турецкого руководства в страны африканского континента; получение Турцией статуса стратегического партнера Африканского Союза; фактически единая поддержка африканских стран Турцией в ее стремлении стать непостоянным членом Совета Безопасности ООН в 2008 г. Анкара рассчитывала, опираясь на поддержку африканских стран, получить место в СБ ООН и на 2015-2016 гг. Однако, несмотря на то, что повторно этого не произошло, Турция продолжает свои усилия на африканском направлении своей внешней политики.

Турецкая Республика инициирует интеграционные проекты, объединяющие страны континента, активно предлагает свою территорию для проведения международных форумов регионального и мирового значения. К таковым можно отнести проведение в Стамбуле в 2008 году Саммита сотрудничества

Турции и Африки (в котором приняли участие представители 50 африканских стран, в т.ч. 6 президентов, 5 вице-президентов и 6 премьер-министров, а также представители 11 международных и региональных организаций, включая Африканский союз)⁸. По итогам этого саммита были подписаны два документа: «Стамбульская декларация саммита Турция – Африка: солидарность и сотрудничество ради общего будущего» и «Контуры сотрудничества с целью развития партнерства между Турцией и Африкой», где в качестве приоритетных сфер развития взаимодействия были обозначены сельское хозяйство; управление водными ресурсами; поддержание мира и безопасности; торговля и инвестиции; энергетика, транспорт и телекоммуникации; культура, туризм и образование; окружающая среда.

Показателен также тот факт, что в мае 2011 года Стамбул стал местом проведения четвертой Конференции ООН по наименее развитым странам. В конференции приняли участие представители 192 стран-членов ООН, в том числе порядка 50 глав государств⁹. Проведение в Турции этого международного форума, который организуется один раз в десять лет, свидетельствует о стремлении Анкары выступать в роли «покровителя» развивающихся государств, большая часть которых расположена в Африке.

На регулярной основе действует Турецко-африканский конгресс, который в январе 2012 г. впервые прошел на африканском континенте – в Хартуме (Судан) под лозунгом «Многомерная борьба за Африку: будущее турецко-африканских отношений»¹⁰. Конгресс, организованный Институтом Африки Турецко-Азиатского Центра стратегических исследований, был посвящен обсуждению и сравнению особенностей африканской политики крупнейших международных игроков – Европейского

⁸ Костелянец С.В. Турция и Африка: сотрудничество развивается // Азия и Африка сегодня. – 2012. – № 10. – С. 37. [Kostelianets, S.V. Turtsiya i Afrika: sotrudnichestvo razvivaetsya. (Turkey and Africa: the Cooperation is Developing) // *Aziya i Afrika segodnya*, 2012, No. 10, p. 37.]

⁹ Ibid. P. 38.

¹⁰ Ibid.

Союза, США, Китая, Индии, Бразилии, России, Ирана и Турции.

Осенью 2014 года в Малабо (Экваториальная Гвинея) прошел Второй Турецко-Африканский саммит сотрудничества, темой которого была провозглашена «Новая модель партнерства во имя устойчивого развития и интеграции». Этот Саммит стал важной вехой на пути упрочения доверия африканских партнеров по отношению к Турции. Многие африканские лидеры, посетившие Первый такой саммит в Стамбуле в 2008 году, имели еще серьезные подозрения и опасения в том, что касается искренности намерений Турции продвигать национальные повестки дня африканских стран на международных площадках и обсуждать проблемы стран Африки на глобальном уровне. Не зря президент Экваториальной Гвинеи Теодоро Обианг в своей приветственной речи на церемонии открытия Саммита отметил: «Мы хотим напомнить об ожиданиях после стамбульского саммита 2008 года ... договоренности ... не были воплощены в реальные проекты. Поэтому надеемся, что нынешний саммит в Малабо придаст нашему сотрудничеству новый импульс»¹¹. По итогам саммита была принята декларация, которая представляет собой совместный план действий до 2019 года. Выступивший на этом Саммите министр иностранных дел Турции М. Чавушоглу, отметив ежегодный рост торговли с Африкой на 5%, объявил правительственную цель достигнуть объем этой торговли в 2018 г. до 50 млрд долларов¹². В целом, работа Саммита была сосредоточена на вопросах сотрудничества, основанном на взаимопонимании и максимизации взаимовыгоды в будущем.

Показательна позиция Анкары в отношении Африки на Саммите G-20 в Гамбурге в июле 2017 г.: Турция подписала коммюни-

ке, где, в частности, говорится, что страны, входящие в эту международную организацию (в том числе и Турция) помогут Африке создать рабочие места, чтобы предотвратить миграцию.

Что касается позиции Турции по отношению к событиям «арабской весны»¹³, то, не вдаваясь в подробности анализа этого непростого для Турции вопроса, хотелось бы отметить, что эти события не столько усилили, сколько осложнили ее роль как регионального лидера и, в определенной степени, снизили достигнутые ранее дипломатические успехи на данном направлении. В частности, в арабском мире неоднозначно восприняли реакцию Анкары как на поддержку президента М. Мурси, принадлежащего к организации «Братья-мусульмане», запрещенной в некоторых государствах, так и на его устранение и приход к власти в Египте военных. Неоднозначна также реакция Анкары на события в Ливии, раздираемой послекадафийским конфликтом. Как известно, свою особую политику Турция проводит и по отношению к Катару, на территории которого в настоящее время развивается турецкая военная база, а также турецкие компании ведут строительные работы для Чемпионата мира по футболу-2022. Кроме того, Турция поддержала Доху в ее конфликте с Саудовской Аравией, ОАЭ, Кувейтом и Египтом в июне-июле 2017 г. Своеобразным следствием произошедших изменений в позиции Турции в ходе «арабской весны» явился поворот Анкары в сторону углубления связей со странами Тропической Африки.

¹¹ Обианг и Эрдоган: сотрудничеству Африки и Турции нужен новый импульс. // Почетное консульство РФ в Республике Экваториальная Гвинея, 2014. Режим доступа: http://e-guinea.ru/news/main_news?id=560 [Obiang i Erdogan: sotrudnichestvu Afriki i Turtsii nuzhen novyy impul's (Obiang and Erdogan: Cooperation between Turkey and Africa Deserves New Impulse). Mode of access: http://e-guinea.ru/news/main_news?id=560]

¹² Turkey's Trade with Africa to Hit 50 bln Dollars // *Hurriyet*, Daily News. November 21, 2014.

¹³ См.: Арабский кризис и его международные последствия. Под общ. ред. А.М. Васильева. Отв. ред. А.Д.Саватеев, Л.М.Исаев. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 256 с. [Arabskij krizis i ego mezhdunarodnye posledstviya (The Arab Crisis and Its International Consequences). Ed. by A.M. Vasil'ev, A.D. Savateev, L.M. Isaev. Moscow: LENAND, 2014, 256 p.]; Арабский кризис: Угрозы большой войны. Под общ. ред. А.М. Васильева. Отв. ред. А.Д.Саватеев, А.Р.Шишкин. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 344 с. [Arabskij krizis: Ugrozy bol'shoj vojny (The Arab Crisis: The Threats of a Great War). Ed. by A.M. Vasil'ev, A.D. Savateev, A.R. SHishkin. Moscow: LENAND, 2016. 344 p.]

Число визитов руководства Турецкой Республики в Африку в 2006 – 2017 гг. также подтверждает тезис о том, что континент занимает одну из приоритетных позиций во внешней политике Анкары. За период 2008 – 2011 гг. тогдашний президент Турции А. Гюль совершил ряд официальных визитов в Танзанию, Демократическую Республику Конго, Республику Конго, Египет, Кению, Камерун, Нигерию, Гану и Габон¹⁴. По итогам встреч турецкого президента с африканскими лидерами, были подписаны несколько соглашений о взаимодействии в таких сферах, как сельское хозяйство, энергетика, строительство, туризм, гражданская авиация, здравоохранение, а также по вопросам научно-технического сотрудничества и об отмене визового режима для владельцев дипломатических паспортов¹⁵.

В свою очередь, Р.Т. Эрдоган в бытность премьер-министром за период с 2006 по 2014 гг. совершил визиты в Судан, Египет, Алжир, Эфиопию, Ливию, Тунис, ЮАР, Сомали, Габон, Нигер, Сенегал и Экваториальную Гвинею¹⁶. Примечательно, что, став президентом, свою первую зарубежную поездку в 2015 г. он осуществил в страны Африканского Рога – Эфиопию, Джибути и Сомали. Характеризуя визиты, необходимо отметить, что турецкий президент, как блистательный оратор, умело подчеркивал общие точки соприкосновения между Турцией и принимающими странами и умело развивал эти общие моменты, переводя их в плоскость современного этапа двустороннего сотрудничества. Так, в Эфиопии

Р.Т. Эрдоган всячески акцентировал внимание на уникальном прошлом этой страны, где нет места колонизаторскому бремени (следовательно, в дальнейшем нашли свое развитие идеи о противостоянии западному колониализму как совершенно чужеродной форме, что подтверждают и сюжеты турецкой истории, которая хранит опыт борьбы за независимость и неприемлемость гнета западных метрополий)¹⁷. В Джибути турецкий президент в своей пламенной речи активно разыгрывал карту «общих культурно-исторических связей», которые объединяют две страны в единую цивилизацию, живущую по заветам любви, смысл которой раскрывается через заветы пророка Мохаммеда. Весьма показательным примером может послужить приводимый отрывок из выступления Р.Т. Эрдогана: «Мы абсолютно не приемлем эгоизм, гордыню и высокомерие... Нашей цивилизации чуждо самоутверждение за счет других, наживание богатства за счет чужой бедности и процветание за счет страданий других. Мы – братья, единые, как пальцы на одной руке. Тот, кто спит с полным животом, когда его брат страдает от голода – не является одним из нас. Неравнодушие и острая чувствительность к чужому несчастью, наше историческое наследие – решающие факторы при выстраивании как международных отношений, так и личных»¹⁸. В Сомали Р.Т. Эрдоган использовал – ставшее уже традиционным для него при общении с сомалийцами – обращение «братья» и всячески апеллировал к идее религиозной идентичности.

В 2016 г. турецкий лидер вновь свою первую зарубежную поездку совершает на африканский континент. На этот раз объек-

¹⁴ Свистунова И.А. К вопросу об отношениях Турции со странами Африки. // Институт Ближнего Востока. 2009. Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=8249> [Svistunova, I.A. K voprosu ob otnosheniyakh Turtsii so stranami Afriki (To the Question of the Relationship between Turkey and African Countries). Mode of access: <http://www.iimes.ru/?p=8249>]

¹⁵ Свистунова И.А. Об отношениях Турции с Нигерией // Институт Ближнего Востока, 2011. Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=12087> [Svistunova, I.A. Ob otnosheniyakh Turtsii s Nigeriei (About Turkish-Nigerian Relationship). Mode of access: <http://www.iimes.ru/?p=12087>]

¹⁶ Ozkan, M. A Post-2014 Vision for Turkey-Africa Relations // *Insight Turkey*, 2015, Vol. 16, No. 4, pp. 22-29.

¹⁷ Эрдоган: «Политика по интеграции в Африку развивается решительным образом». // Anadolu Agency. 2015. Режим доступа: <http://www.aa.com.tr/ru/news/453677> [Erdogan: «Politika po integratsii v Afriku razvivaetsya reshitel'nym obrazom». (Erdogan: "The Policy of Integration into Africa is Developing in a Determined Manner"). Mode of access: <http://www.aa.com.tr/ru/news/453677>]

¹⁸ Relations between Turkey and Djibouti / Ministry of Foreign Affairs. Republic of Turkey. Mode of access: <http://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkey-and-djibouti.en.mfa>

тами внимания турецкого руководства стали страны Западной Африки – Кот д’Ивуар, Гана, Нигерия, Гвинея, которые необычайно важны для Турции со стратегической точки зрения: они – члены ЭКОВАС, крупного интеграционного объединения, которое представляет ведущую экономическую силу на континенте. Кот д’Ивуар располагает ресурсами, в которых заинтересованы все ведущие игроки на международном поле: нефть, газ, алмазы и золото. Аналогично с Гвинеей, Гана была названа «золотым берегом», принимая во внимание богатые месторождения этого металла на ее территории. Сотрудничество с Нигерией особенно важно для Турции, которая покупает у нее (члена ОПЕК) газ и намерена в будущем развивать совместные проекты в нефтегазовой отрасли¹⁹. Кроме того, такое внимание Турции к этим странам вполне коррелирует с выдвинутым тезисом о том, что «пришло время усилить взаимоотношения с отдельными странами, которые могли бы усилить влияние Анкары на континенте»²⁰.

Во время поездки по странам Западной Африки одной из основных тем выступлений Р.Т. Эрдогана (особенно в Нигерии и Гвинее) стала проблема терроризма, которая, по словам турецкого лидера, имеет два измерения. Первое – неправомерность объединения ислама и терроризма («ислам – это всегда мир. А терроризм не имеет ни религии, ни национальности – это общая беда для всех»)²¹. Эта мысль об исламе как религии мира и отсутствии его связи с терроризмом звучит во всех речах нынешнего президента Турции Р.Т. Эрдогана, как и в его бытность премьер-министром. Он всегда подчеркивает разли-

цу между исламом и исламизмом, объясняя тем самым, почему ведет борьбу с терроризмом и экстремизмом. Вторым измерением этой проблемы стало апеллирование к идее, что именно Турция должна стать ключевым партнером африканских государств в борьбе с терроризмом. Данный тезис аргументирован турецким президентом «нейтральным политическим интересом Турции на африканском континенте», «особыми историческими и культурными связями Турции с Африкой», а также турецким опытом в борьбе с террористической активностью²².

Свое развитие сюжет о противостоянии терроризму получает во время поездки Р.Т. Эрдогана по странам Восточной Африки в июне 2016 г. (Кения, Уганда, Сомали), став одним из ключевых поднимаемых вопросов на пресс-конференциях и выступлениях в парламентах этих стран²³, а также в январе 2017 г. (Мадагаскар, Мозамбик, Танзания), приобретя новое звучание после попытки переворота в самой Турции в июле 2016 г., связываемой с подрывной деятельностью движения «Хизмет»²⁴.

Политические усилия Турции активно подкрепляются ее дипломатическим присутствием в регионе. В настоящее время посольства Турецкой Республики располагаются в 49 странах Африки (в 2009 г. их было всего 19)²⁵. Кроме того, Турция стре-

¹⁹ Свистунова И.А. Об отношениях Турции с Нигерией // Институт Ближнего Востока, 2011. Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=12087> [Svistunova, I.A. Ob otnosheniyakh Turtsii s Nigeriei (About Turkish-Nigerian Relationship). Mode of access: <http://www.iimes.ru/?p=12087>]
²⁰ Davutoğlu, A. Stratejik derinlik. Türkiye’nin uluslararası konumu. İstanbul, 2010. P. 321.

²¹ “Turkey’s Opening to Africa not a Tool of Unilateral Win” // News. Presidency of the Republic of Turkey, 2016. Mode of access: <https://www.tccb.gov.tr/en/news/542/40010/turkeys-opening-to-africa-not-a-tool-of-unilateral-win.html>

²² Cetingulec Mehmet. Will Africa Cheer up Turkey’s Troubled Exporters? // *Al Monitor*, 2016. Mode of access: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2016/03/turkey-africa-troubled-exporters.html>

²³ Tastekin, F. Erdogan’s Africa Tour. // *Al Monitor*, 28.01.2015. Mode of access: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2015/01/turkey-erdogan-islamic-leadership-africa.html>

²⁴ См., например: Gülenist Suspects Detained in Probe into Blackmail Videos // *Daily Sabah*, March 15, 2016; Prosecutor Decides to Detain 44 Gülenist Police Officers // *Daily Sabah*, March 14, 2016.

²⁵ Озер Э. Черный континент в ожидании светлого будущего // Независимая газета, 27 июня, 2017. Режим доступа: http://www.ng.ru/ideas/2017-06-27/5_7016_africa.html [Ozer, E. Chernyj kontinent v ozhidanii svetlogo budushchego (Black Continent in Anticipation of a Bright Future) // *Nezavisimaya gazeta*, June 27, 2017. Mode of access: http://www.ng.ru/ideas/2017-06-27/5_7016_africa.html]

мится к расширению своего присутствия в региональных организациях, объединяющих государства африканского континента. В 2005 году турецкому посольству в Нигерии было поручено представлять интересы Турции при Экономическом сообществе стран Западной Африки (ECOWAS), а в 2010 году – при Восточноафриканском сообществе (EAC); интересы в Африканском союзе представляет посольство Турецкой Республики в Эфиопии. С 2012 г. участие в работе Общего рынка Восточной и Южной Африки (COMESA) принимает посольство Турции в Замбии, а с 2013 г. турецкое посольство в Габоне аккредитовано в Экономическом сообществе государств Центральной Африки (ECCAS)²⁶.

В сфере *торгово-экономического сотрудничества* Анкара, в соответствии со «Стратегией повышения торгово-экономических отношений со странами Африки» (2003 г.), провозгласила следующие задачи: увеличение торгового оборота, содействие проникновению в Африку турецкого малого и среднего бизнеса, расширение присутствия турецких инжиниринговых и строительных компаний, рост турецких инвестиций на континенте²⁷. Инструментами реализации данной стратегии были названы такие меры, как создание Совместной экономической комиссии; поддержка вступления стран Африки в ВТО; создание условий для проведения выставок, ярмарок и осуществления торговых операций; создание в Африке турецких консалтинговых компаний и предоставление им безвозвратных кредитов для реализации новых проектов в странах Африки. При этом ключевыми направлениями экономического партнерства были объявлены энергетический сектор, а также сфера строительства, машиностроения, сельского хозяйства и здравоохранения.

Анкару привлекает в конце второго десятилетия XXI века то, что на Африку приходится 6

из 10 быстро растущих государств мира, увеличивается средний класс в странах континента, возрастает объем иностранных инвестиций в их экономику, и происходит постепенный отказ от неразвитости и стагнации, а также укрепляется перспективность континента в мировой политике и глобальной экономике.

Для координации торгово-экономических связей функционируют 35 совместных турецко-африканских экономических комиссий и 16 деловых советов²⁸. Зарегистрированные инвестиции турецких компаний в Африке по данным на 2016 г. составляют около 6 млрд долларов²⁹. При этом инвестирование осуществляется не только в крупнейшие государства, но и в такие страны, как Гвинея, Буркина-Фасо, Бенин, Центральная Африканская Республика, Ангола, Малави, Мозамбик. В марте 2014 г. в Стамбуле прошло совещание арабских и турецких банкиров. Участники говорили об инвестициях и роли банков в развитии сотрудничества арабских стран и Турции³⁰. На 30-й сессии Организации исламского сотрудничества в Стамбуле в мае 2014 г. Анкара призвала мусульманские страны либерализовать совместную торговлю. Но никто, в том числе в Северной Африке, не откликнулся на этот призыв. В ходе визита Р.Т. Эрдогана в Гану в марте 2016 г. были подписаны соглашения об инвестировании турецкими компаниями в сельскохозяйственное производство нескольких десятков миллионов долларов. К примеру, «Аккартал групп» направила 32 млн долларов на развитие земледелия и животноводства. Вице-президент этой компании Алие Узун заявила, что «Гана – наиболее удобная страна, чтобы инвестировать в сельское хозяйство в Африке»³¹.

²⁸ Kaplan, Michael. Turkey-Africa Economic Relations: After Russian Sanctions, Turkish Businesses Eye African Markets To Offset Losses // *International Business Time*, 2015. Mode of access: <http://www.ibtimes.com/turkey-africa-economic-relations-after-russian-sanctions-turkish-businesses-eye-2228482>

²⁹ Foreign Trade by Countries / Turkish Statistical Institute, 2016. Mode of access: http://www.turkstat.gov.tr/PreTablo.do?alt_id=1046

³⁰ Arab-Turkish Economic Relations // *Today's Zaman*, March 14, 2014.

³¹ Erdogan's Tour of Africa Spurs Investment // *Daily Sabah*, March 12-13, 2016.

Товарооборот между Турцией и Африкой продолжает расти. В 2016 г. он достиг отметки в 17 млрд долларов (в 2002 г. – 3 млрд долларов), при этом на страны Тропической Африки пришлось 5,3 млрд долларов (против 750 млн долларов в 2002 г.)³².

Основными игроками на африканском поле остаются так называемые «анатолийские тигры» – представители бизнес-кругов из Анатолии, поддерживающие правящую Партию справедливости и развития. Организационно они входят в две крупные ассоциации: ТУСКОН (до 2016 г., т.к. против данной структуры, как действующей в рамках движения «Хизмет», выступили властные круги Турецкой Республики³³) и МЮСИАД, который на сегодняшний день контролирует основной поток деятельности турецких бизнесменов в Африке и активно использует механизм проведения конгрессов, что свидетельствует о намерении более широко задействовать в экономическом сотрудничестве с Африкой прямой обмен между предпринимателями. Показательным в этом отношении явился 16-й бизнес-конгресс MUSIAD-EXPO, который прошел в ноябре 2016 г. Проблематика турецко-африканского сотрудничества, ранее не звучавшая столь открыто и отчетливо, впервые стала центральной темой данного масштабного мероприятия. Р.Т. Эрдоган в своей ответственной речи неоднократно подчеркнул важность турецких связей с Африкой, а также отметил, что целью МЮСИАД должна стать перезагрузка отношений с африканскими партнерами, активное вовлечение в экономическое поле африканских государств и повышение товарооборота, в особенности с бизнесменами из Нигерии, Ганы, Кот д'Ивуара и ЮАР.

Турция стремится выступать «голосом Африки» на международных площадках. Это выражается в педалировании тезисов «XXI век – век Африки», «Африка – глобальный актор в глобальном мире», а также

обещании продвигать «решения проблем Африки, предложенные самими африканцами» на площадках ООН, G20. В частности, в ноябре 2015 г. Турция, председательствовавшая на Саммите Большой двадцатки, в рамках подготовки к данному событию инициировала проведение встречи министров энергетики стран G-20³⁴, на которой обсуждались вопросы развития энергетики в странах Африки южнее Сахары. Более того, «африканская» тема неоднократно поднималась и на полях самого Саммита. Годом ранее в Стамбуле состоялся Международный энергетический саммит, перед началом которого бывший посол США в Буркина-Фасо и Эфиопии, с сожалением говорил, что Турции следовало бы вкладывать капиталы в энергетическую отрасль в Северной и Восточной Африке³⁵. Солидаризируясь с этим мнением, добавим, что, если Анкара стремится стать мировым энергетическим хабом, то ей следовало бы обратить внимание и на другие части африканского континента. Напомним, что Африка располагает 8% мировых запасов газа, 10% нефти и 18% урана. Большие надежды Анкара связывает и с разными энергетическими конференциями, включая Международный газовый саммит в Стамбуле в 2016 г., переговорами с Азербайджаном, в том числе по строительству Трансанатолийского газопровода TANAP³⁶. На экономическом и энергетическом саммите Атлантического Совета А. Давутоглу, в бытность премьер-министром, заявлял, что «Турция ставит цель быть энергетическим хабом, чтобы связать мир подобно шелковому пути, который соединял Азию

³⁴ Костелянец С.В. Политика Турции на африканском направлении: новые тенденции в выборе партнеров // *Азия и Африка сегодня*. – 2016. – № 7. – С. 18. [Kostelianets, S.V. Politika Turtsii na afrikanskom napravlenii: novye tendentsii v vybere partnerov. (Turkey's Policy on the African Direction: New Tendencies in the Choice of Partners) // *Aziia i Afrika segodnia*, 2016, No 7, p. 18.]

³⁵ Experts Predict Turkish Investment in Africa // *Daily Sabah*, June 23, 2014.

³⁶ См.: Building of TANAP Pipeline Proceeding on Schedule // *Daily Sabah*, March 16, 2016; Azerbaijan Ambassador Bagirov: TANAP Will Be Completed before 2018 // *Daily Sabah*, January 18, 2016.

³² Foreign Trade by Countries / Turkish Statistical Institute, 2016. Mode of access: http://www.turkstat.gov.tr/PreTablo.do?alt_id=1046

³³ Report Reveals Repercussions of AK Party Government. Flight Against Gulen Movement in Africa // *Today's Zaman*, October 23, 2015.

и Европу»³⁷. Однако для реализации этой идеи, на наш взгляд, вероятно, не обойтись без участия Турции в североафриканских энергетических проектах. В 2017 г. на состоявшемся Стамбуле XXI Международном нефтяном конгрессе Турция особо подчеркнула свою ключевую роль в трубопроводном транспорте нефти.

В 2016 г. в Стамбуле прошел Международный туристический форум, на котором значительное внимание было уделено африканскому рынку и возможностям его развития (в немалой степени, данная тема оказалась в фокусе внимания международных участников благодаря усилиям Анкары)³⁸. Свообразным лейтмотивом этого форума были слова высокопоставленного представителя министерства туризма Ганы Оливию Опоку Адомах: «Мы хотим, чтобы много людей приезжало в Африку и знакомилось с ней, а Турция извлекала бы больше выгод от бизнеса в Гане и других странах Африки»³⁹.

Подтверждением стремления Турции вносить коррективы в духе времени в программу экономических связей с Африкой, активно развивая новые формы сотрудничества, явился основанный руководством страны в 2008 году Турецко-африканский бизнес-форум, нацеленный на продвижение и укрепление позиций турецких торгово-промышленных и строительных компаний в Африке. Претерпев за 8 лет в развитии своей организационной структуры значительные трансформации, данный формат реализации многосторонней экономической дипломатии в период президентства Р.Т. Эрдогана вышел на новый уровень, подтверждением чему стал беспрецедентный по своим масштабам в истории турецко-африканского сотрудничества Турецко-африканский бизнес-форум, прошедший в ноябре 2016 года, участие в котором приняли 34 министра

экономики и 1500 делегатов⁴⁰. Форум проводился под патронажем Президента Турции, Комиссии Африканского союза, Совета по внешнеэкономическим отношениям Турции и Ассамблеи турецких экспортеров⁴¹. По его итогам были подписаны ряд соглашений об экономическом сотрудничестве, а также выработана дорожная карта по дальнейшему развитию торгово-экономических отношений в многостороннем и двустороннем форматах. Ключевой идеей, презентованной турецкой стороной и активно поддержанной африканскими представителями политического истеблишмента и бизнес-кругов, стал тезис о турецкой экономической модели как образцовой для подавляющего большинства государств африканского континента⁴².

Упрочение политического сотрудничества не могло не отразиться на развитии транспортных коммуникаций между Турцией и Африкой. По данным 2017 г., компания «Турецкие авиалинии» осуществляет рейсы в 42 страны континента (51 направление)⁴³. В 2012 г. именно «Турецкие авиалинии» первыми из крупных международных авиаперевозчиков открыли сообщение с сомалийской столицей Могадишо.

Отстаивая свои экономические интересы в Африке, турецкие предприниматели особенно подчеркивают, что не рассматривают ее в качестве поставщика сырья и материалов, а также рынка сбыта товаров, хотя они считают Африку «идеальным рынком» для турецкого экспорта⁴⁴ и заинтересованы в полномасштабном сотрудничестве со странами Африки, в том числе в области технологий, облегчении доступа африкан-

³⁷ Biden and Davutoglu Emphasize Importance of Energy Security // *Hurriyet*, November 16, 2016.

³⁸ Tourism Professionals Focus on Tourism Trends at WTF // *Daily Sabah*, February 6-7, 2016. P. 12.

³⁹ Sahin, M. «People Still Do not Know much about Africa», Says Ghanaian Official // *Daily Sabah*, February 5, 2016. Mode of access: <https://www.dailysabah.com/tourism/2016/02/05/people-still-do-not-know-much-about-africa-says-ghanaian-official>

⁴⁰ Türkiye-Afrika odası (TAC) kuruldu // Dis economic iliskiler kurulu, 2014. Mode of access: http://www.deik.org.tr/611/TÜRKİYE_AFRİKA_ODASI_TAC_KURULDU.html

⁴¹ Ibid.

⁴² Gurcan, Metin. Erdogan's Conquest of Africa // *Al Monitor*, 2016. Mode of access: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2016/03/turkey-erdogan-conquest-of-africa.html#>

⁴³ Africa. Turkish Airlines. Mode of access: <http://www.turkishairlines.com/>

⁴⁴ Мосаки Н.З. Турция и Африка // *Азия и Африка сегодня*. – 2010. – № 6. – С. 9-23. [Mosaki, N.Z. Turtsiya i Afrika (Turkey and Africa) // *Aziya i Afrika segodnya*, 2010, No. 6, pp. 9-23.]

ских товаров на мировые рынки и развитии континента.

Этому способствуют возможности в Тропической Африке, которые открывают новые перспективы экономического проникновения и усиления влияния Турции на континенте. Находясь в течение долгого времени на периферии мировой экономики, государства Тропической Африки представляют для Турции, имеющей сравнительно высокий инвестиционный потенциал и достаточно позитивный опыт экономического развития, обширное поле для курса на диверсификацию внешних связей и оказание помощи континенту. Взаимодействие со странами этого субрегиона приобретает особое значение на фоне ухудшающихся отношений Турции с Северной Африкой и всего Ближнего Востока. При этом нельзя забывать, что в последнее время у Анкары имелись позитивные сдвиги, например, в отношениях с Алжиром. Так, в январе 2016 г. правительство Турции одобрило соглашение о кооперации в оборонной промышленности с Алжиром⁴⁵. Несколько месяцев спустя в Алжире состоялся Турецко-алжирский бизнес-форум, на котором присутствовал президент Р.Т. Эрдоган. Речь шла на нем о сотрудничестве алжирских и турецких бизнесменов в инвестиционных проектах, а также об увеличении торговли между обеими странами, в том числе в области поставок в Турцию нефти и газа. Последнее свидетельствует об определенном сдвиге в географии закупок Турцией этих энергоресурсов⁴⁶.

Вместе с тем, план Турции по экономическому закреплению на континенте по-прежнему базируется на принципе всеобъемлющего присутствия и сосредоточен на рассмотрении Анкарой африканского континента как единого целого⁴⁷. Работая над развитием двусторонних отношений с отдельными государствами, Анкара уделяет

значительное внимание инициативам, касающимся всего континента. Преимущества данного подхода очевидны. В первую очередь, он позволяет Турции позиционировать себя в качестве сильной державы, экономическая стратегия которой формулируется в масштабных категориях, охватывающих целый континент. Кроме того, акцент на «общеафриканских» инициативах дает возможность сбалансировать низкий и высокий уровни отношений с различными африканскими странами, создавая впечатление тотального присутствия. Подобная стратегия позволяет турецким аналитикам утверждать, что «за последние пять лет отношения Турции со всеми африканскими странами получили развитие во всех сферах»⁴⁸. Данный подход также вписывается в общую тенденцию обращения к османскому наследию (элемент концепции неоосманизма), историческому прошлому империи, объединявшей различные государства и народы⁴⁹. Наконец, он носит стратегический характер и направлен на то, чтобы закрепить за Турцией роль лидера африканского континента, потенциал и значение которого долгие годы недооценивались как Анкарой, так и ведущими мировыми державами.

Подчеркивая «гуманитарно-ориентированный характер» своей внешней политики в Африке, Турция не только декларирует необходимость политического диалога и развития торгово-экономических связей, но также проявляет исключительную активность в *гуманитарной сфере*, которая включает в себя сотрудничество в области спорта, образования, науки и технологий, распространения турецкого языка; обеспечения безопасности; защиты прав женщин и детей; здравоохранения; борьбы с голодом; развития транспортных коммуникаций; оптимизации программ молодежного обмена. Кроме того, постулируется новый

⁴⁵ Turkey, Algeria to Cooperate on Defense // *Today's Zaman*, January 16, 2014.

⁴⁶ Algeria and Turkey Plan Partnership in Africa Market // *Daily Sabah*, November 21, 2014.

⁴⁷ Hazar, N. Türkiye Afrika'da: Eylem Planının uygulanması ve değerlendirme on beş yıl sonra. Mode of access: http://www.orsam.org.tr/tr/Uploads/Yazilar/Dosyalar/2012711_124turTUM.pdf

⁴⁸ Hazar, N. Türkiye Afrika'da: Eylem Planının uygulanması ve değerlendirme on beş yıl sonra. Mode of access: http://www.orsam.org.tr/tr/Uploads/Yazilar/Dosyalar/2012711_124turTUM.pdf

⁴⁹ Donelli, F. The Total Performance Principle as Key of Turkish Activism in Somalia // *Società Italiana di scienza politica*, 2014. Mode of access: <http://www.sisp.it/files/papers/2014/federico-donelli-2042.pdf>

подход к реализации модели официальной помощи в целях развития, ключевыми принципами которого провозглашаются честный и открытый диалог, бескорыстная помощь (в противовес «американской модели» материальных субсидий в обмен на политическую лояльность), партнерское взаимодействие и взаимопонимание, ценность культурного многообразия, взаимовыгода. То есть многие из перечисленных объектов означают компоненты «мягкой силы».

В оказании разносторонней помощи ведущую роль играет Турецкое агентство по сотрудничеству и развитию (ТИКА), которое осуществляет проекты в более 40 африканских государствах. Помимо Африки ТИКА осуществляет свою деятельность в 90 странах мира, в том числе в Афганистане, Шри-Ланке, Узбекистане, Ливане⁵⁰. Для координации африканских программ были созданы контактные центры ТИКА в 15 странах континента, а в скором времени планируется открыть еще 4 – в Мозамбике, Нигерии, Гвинее-Биссау и на Коморских островах⁵¹. Кроме того, данная организация подписала договор о взаимодействии с Японским международным агентством по сотрудничеству, а также заключила соглашение с ЮНЕСКО об установлении механизма обмена информацией и развитии кооперации в регионах, где их интересы совпадают⁵².

Результаты деятельности данной организации значительны. За последние три года в сфере образования ТИКА реализовала порядка 200 проектов, предполагающих строительство и реконструкцию учебных учреждений, их техническое оснащение, обеспечение тренинговых и обменных образовательных программ, в особенности по линии технических специальностей. В фокусе особо пристального внимания – расширение доступа к образованию женщин. Выражая свою приверженность целям устойчивого развития,

ТИКА активно продвигает проекты в области здравоохранения, зачастую в тесном сотрудничестве с различными НПО. В числе первых данная организация откликнулась на призыв о помощи, когда разразился вирус Эбола. Интенсивно развивается курс на сооружение больниц и госпиталей в различных субрегионах африканского континента; одним из наиболее значительных проектов явился Госпиталь имени Р.Т. Эрдогана в Сомали, который признан самым совершенным в плане технической оснащенности во всей Восточной Африке. В рамках курса на расширение доступа простых африканцев к водным ресурсам, ТИКА за последние 5 лет создала 579 колодцев на континенте⁵³. Активизируя усилия по оказанию гуманитарной помощи в сфере сельского хозяйства, данное Агентство реализует проекты по созданию теплиц и парников, проведению обучающих программ, созданию курсов по подготовке специалистов агропромышленного комплекса. Значительным достижением ТИКА на данном поприще является сооружение в Судане первого на континенте Центра генетических ресурсов (своеобразный «банк генетических материалов» и научно-исследовательский центр для выведения культурных растений и кормов для животных). Иными направлениями деятельности организации являются инфраструктурные проекты по прокладке дорог, реконструкции зданий государственного значения, внутренней отделки мечетей, сохранение и восстановление памятников культурного наследия и многое другое. По итогам 2016 г. самым крупный получателем гуманитарной помощи по линии ТИКА является Тунис (44,7 млн долларов), на втором месте следует Сомали, которому во втором десятилетии XXI в. Анкара уделяет особое внимание, несмотря даже на диверсии экстремистской партии «Аш-Шабаб» против турецкого посольства и турецких бизнесменов⁵⁴. Интерес Турции во многом обуслов-

⁵⁰ См.: Turkish Aid Agency TIKa Expectations Scope of Charity // *Daily Sabah*, March 17, 2016.

⁵¹ Africa 2016. TIKa report. Ankara: TIKa Publications, 2016. P 11.

⁵² Ozkan, M. Turkey's Religious and Socio-Political Depth in Africa / LSE IDEAS Special Report. 2013. Mode of access: <http://works.bepress.com/mehmetozkan/180/>

⁵³ Africa 2016. TIKa report. Ankara: TIKa Publications, 2016. P. 16.

⁵⁴ См. Turkey to Issue Arrest Warrant for al-Shabab Leaders // *Daily Sabah*, June 3, 2014; Alasso, A. Who Can Save Somalia? // *Daily Sabah*, June 16, 2014; Turkish Investment in Somalia Aim to be Long-Term // *Daily Sabah*, June 12, 2015.

лен историческим прошлым, когда в XVI в. сомалийские власти обратились к султану Сулейману Великолепному за помощью от португальского флота, который нападал на Могадишо с целью его ограбления, а спустя три столетия – от британского вторжения. В том веке Стамбул направил свое посольство в Могадишо, но, в конечном счете, турок оттуда выдворили, и возникла колония Британское Сомали. Думается, однако, не только прошлое влечет Анкару к Сомали, но и нынешние задумки турецкого правительства, отчасти обусловленные тенденциями, называемыми в совокупности неоосманизмом внешней политики Р.Т. Эрдогана. Хотя надо признать, что сам глава турецкого государства отвергает этот курс, к чему призывал открыто один из его предшественников Тургут Озал⁵⁵. Как бы там ни было, посол Турции в Могадишо Кани Торун в 2014 г. недвусмысленно сказал, что через Сомали, с разными политико-территориальными сегментами нынешнего устройства этой страны, некоторые из которых заявили о своей независимости, «мы имеем хорошие, добрые отношения», Анкара стремится распространить свое влияние на всю Африку⁵⁶. При этом надо не забывать, что Р.Т. Эрдоган, будучи премьер-министром, совершил государственный визит в Сомали в 2011 г., названный сомалийцами ледокольным (*icebreaker*) и историческим.

Пристальное внимание к Сомали, на наш взгляд, связано также с некоторыми геополитическими обстоятельствами на Африканском Роге⁵⁷. Республика Джибути превращается постепенно в оплот американских и китайских вооруженных сил: и те, и другие сооружают там военные базы. Эфиопия стала ключевым союзником США

на Африканском Роге и стремится развивать масштабно свои отношения с Китаем. К тому же, китайский язык известен многим эфиопским руководителям и даже президенту. Все эти отсылки на Эфиопию при изложении материала о турецко-сомалийских отношениях не случайны, ибо Турция имеет прямые контакты с Аддис-Абебой, а Сомали и Эфиопия воспринимают друг друга весьма недружественно. Президент Эфиопии Мулату Тешоме, побывавший с визитом в 2014 г. в Анкаре, особо отметил, что «Турция и Эфиопия установили взаимопонимание по вопросам достижения миросуществования и в том, что делаем в Африке полезного друг другу»⁵⁸. Он подчеркнул также, что Аддис-Абеба и Анкара предпринимают совместные усилия по учреждению мира в Сомали. Турция вкладывает немалые средства в развитие текстильной промышленности Эфиопии, кожевенного производства и пищевой промышленности. Подобные же действия предпринимаются и в отношении целого ряда других стран Африки. Турция – часть глобального мира и потому, несмотря на ограниченность возможностей, ее деятельность направлена на углубление ее участия в глобализации и на подключение африканских стран к глобальным процессам.

Сильны позиции и турецких НПО на континенте, среди которых наиболее активными являются Достели (*Dosteli*), Йерйюзу Докторлары (*Yeryuzu Doktorlari*) и другие⁵⁹; при этом особенно следует отметить их деятельность

⁵⁵ Yavuz, H. Turkish Identity and Foreign Policy in Filux: the Rise of Neoosmanism // *Middle East Critique*, 1998, Vol. 7, No. 12, pp. 19–41.

⁵⁶ Onanc, Yu. S. Turkish Ambassador Kani Torun: Somalia's Long-Lost Brother. Turkey is Here to Rebuild the Country // *Daily Sabah*, June 10, 2014.

⁵⁷ Об этом были представлены интересные доклады на 19 Международном конгрессе эфиопских исследователей в августе 2015 г. в Варшаве; в частности – Klosowicz, R. “Ethiopia as Key Ally of the USA in the Horn of Africa, Mormul I. “Ethiopian-Djiboutian Relations in the XXI Century”.

⁵⁸ Ozerli, B. Turkey, Ethiopia Should Cooperate in African Peace-Building Efforts // *Today's Zaman*, August 30, 2014.

⁵⁹ Например, Кимсе Йок Му (*Kimse yok mu*), связанная, однако, с движением Хизмет. Ее гуманитарная политика в Африке охватывала до 2016 г. Буркина-Фасо, Чад, Эфиопию, Кот д'Ивуар, Гану, Мадагаскар, Камерун, Кению, Мали, Нигер, Нигерию, Руанду, Сенегал, Сомали, Судан, Танзанию, Уганду. Эта благотворительная организация представляла Турцию на известном Саммите ООН по устойчивому развитию, на котором присутствовало 607 неправительственных организаций. См.: Despite Obstacles, Kimse Yok Mu Delivers Aid to Thousands Worldwide // *Today's Zaman*, September 30, 2015; Kimse Yok Mu Represents Turkey at UN Summit // *Today's Zaman*, September 28, 2015.

в сфере оказания медицинских услуг. Новым моментом в активности турецких НПО является создание кюллие (комплексы, включающие в себя мечеть и окружающие ее здания социального, религиозного и торгового назначения), традиция существования которых относится к периоду Османской империи. Показательным примером на данном направлении служит проект организации Джансюю (*Cansuyu*), нацеленный на конструирование таких «социально значимых комплексов» в 4 странах континента – Мали, Чаде, Камеруне и Того. «Когда работы по их строительству будут завершены, наши африканские братья получат важнейшие центры для проведения религиозной и образовательной деятельности», – отмечает М. Джейлан, представитель данной организации, ответственный за работы в Мали. Отдельно стоит упомянуть турецкий Фонд защиты прав и свобод человека и гуманитарной помощи, деятельность которого охватывает 35 африканских государств. Согласно данным на январь 2017 года, объемом гуманитарной помощи, предоставленной Фондом 850 000 африканцев, составил около 5 млн евро⁶⁰. Слоган Фонда: «несмотря на быстро меняющиеся реалии современного мира, вечные ценности должны оставаться неизменными»⁶¹.

Заметную роль в межисламских связях с Африкой сыграл проходивший в 2015 г. в Анкаре саммит религиозных деятелей африканских стран, а затем в том же году в Стамбуле – саммит мусульманских лидеров стран АТР⁶². На обоих форумах особо подчеркивался миролюбивый характер ислама, а также раздавались призывы к единению

в борьбе с терроризмом и экстремизмом. Кроме того, подчеркивалась необходимость межрелигиозных контактов с христианами и иудеями. Эти призывы и конкретные шаги Анкары по организации празднеств, откликам в печати на те или иные события в немусульманском мире, по реставрации храмов, принадлежащих не мусульманам⁶³, благотворно сказываются на отношении африканских стран с преобладанием не исламского населения. Находятся, однако, и критики конфессионально-политической ситуации в Турции⁶⁴. Тем не менее, в Африке преобладает все-таки реалистический взгляд на Турцию в вопросах ее религиозной политики. Так, при формировании в 2013 г. системы коллективной безопасности, куда вошли Мали, Сенегал, Мавритания, Алжир, Нигер, Буркина-Фасо, Гвинея, Кот д'Ивуар, Ливия, Чад и Нигерия, воспринималась позитивная реакция Анкары. В столицах этих государств учитывалась, например, непримиримая позиция Анкары в отношении терроризма со стороны нигерийской группировки «Бoko Хaрам»⁶⁵. Представитель президента Нигерии Робен Абати в интервью турецкому агентству Анадолю откровенно сказал тогда: «Этот шаг Анкары ... служит изоляции Бoko Хaрам и ее союзников, включая Аль-Камзу». Еще более широкую известность получила поддержка, оказанная Анкарой Центрально-Африканской Республике, когда там, особенно в столице, фактически разразилась война между мусульманами и христианами. ООН запросила тогда Турцию направить войска в ЦАР для предотвращения межрелигиозной

⁶⁰ Türkiye-Afrika odası (TAC) kuruldu // *Dis economic iliskiler kurulu*, 2014. Mode of access: http://www.deik.org.tr/611/TÜRKİYE_AFRİKA_ODASI_TAC_KURULDU.html

⁶¹ Gurcan, Metin. Erdogan's Conquest of Africa // *Al Monitor*, 2016. Mode of access: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2016/03/turkey-erdogan-conquest-of-africa.html#>

⁶² Alkan S. Intra-Faith Dialogue Necessary for Unity among Muslims, Religious Delegates Say // *Daily Sabah*, October 17-18, 2015; Muslim Religious Leaders from Asia-Pacific Convent in Istanbul // *Daily Sabah*, October 13, 2015; First Summit of Asian Pacific Muslims to Focus on Cooperation // *Daily Sabah*, October 14, 2015.

⁶³ См., например: Turkey's Christian Communities Celebrate Easter across the Country // *Daily Sabah*, March 28, 2016; Mother Teresa of Calcutta to be Made Roman Catholic Saint // *Daily Sabah*, March 16, 2016; Great Synagogue Ready to Host Multicultural Concert // *Daily Sabah*, October 16, 2015; Turkey Remembers Holocaust with Vow to Flight Anti-Semitism // *Daily Sabah*, January 28, 2016.

⁶⁴ См. Dogan, Y.P. Experts Discuss Lack of Religious Freedom in Turkey // *Today's Zaman*, February 6, 2014; Taspinar, O. The Failure of Political Islam // *Today's Zaman*, February 17, 2014; Bulac A. A Muslim's Test // *Today's Zaman*, October 19, 2015.

⁶⁵ Nigeria Thanks Turkey for Stance on Boko Haram // *Daily Sabah*, June 13, 2014.

бойни. Анкара откликнулась на этот призыв ООН, послав туда 20-25 своих военных к тем 6 000 солдат и офицеров Африканского союза и 2 000 французских военных, усмирявших христиан, изгонявших мусульман. Немного, конечно, но в сочетании с большой гуманитарной помощью это произвело определенное впечатление на африканскую общественность и официальные власти⁶⁶.

Приведем еще два примера турецко-африканского сотрудничества среди сотен других. В 2014 г. на открытии своего посольства в Анкаре президент Кении У. Кениатта недвусмысленно заявил о том, что со времени визита в Найроби в 2009 г. тогдашнего президента Турции А. Гюля, сотрудничество обеих стран заметно увеличилось, причем как на двусторонней, так и на многосторонней основе, призвав при этом турецких инвесторов к вложениям в кенийскую экономику. В ответной речи тогдашний министр иностранных дел Турции А. Давутоглу четко сформулировал отношение к Кении, которая, по его словам, «стержневая страна и стратегический партнер для Турции», «центр всей нашей дипломатической и экономической активности» в Африке. Он напомнил, что Турция открыла свое посольство в Найроби еще в 1968 г. и посредством его с тех пор «открывает африканский континент»⁶⁷. И как бы в подтверждение этих слов посол Замбии в Анкаре М. Мулента выразил надежду на турецкие инвестиции в кожевенное производство и хлопковую промышленность своей страны слов в беседе с председателем союза экспортеров Турции С. Юнлютюрк⁶⁸.

Вклад Турции, как третьего в мире донора гуманитарной помощи⁶⁹, в развитие гуманитарных проектов был высоко оценен на международном уровне. Подтверждением

этому служит тот факт, что именно Стамбул в 2016 г. был выбран местом проведения Первого Всемирного гуманитарного саммита ООН, который акцентировал внимание на вопросах гуманизации жизни, гуманитарной помощи и кризисных явлений в этой области человеческой деятельности. На нем прозвучали осуждение войны в Сирии, связанной террористической организацией ИГИЛ, притеснений мусульман рохинья в Мьянме и экстремистских действий в других странах Азии, Африки и Европы⁷⁰. При этом Р.Т. Эрдоган обвинил европейских лидеров в неготовности нести ответственность за гуманитарные кризисы на Ближнем Востоке и в Северной Африке, недостатке внимания к общечеловеческим проблемам в данных регионах, подчеркнув, на контрасте, позитивную и неравнодушную роль Турции (для сравнения – на оказание помощи сирийским беженцам Турция выделила 10 млрд долларов, в то время как усилиями всего международного сообщества было пожертвовано лишь 450 млн долларов)⁷¹.

Акцентируя общность религиозных связей, Турецкая Республика играет активную роль в подготовке для Африки исламских священнослужителей, где главным инструментом реализации поставленной задачи является Управление Турции по делам религии (*Diyanet*). Данная структура, обладая значительным финансовым потенциалом и организационными возможностями, планирует расширять свое присутствие в африканских странах, увеличивать количество грантов по образовательной программе исламской теологии для африканских студентов и содействовать расширению на африканском континенте сети турецких школ по подготовке имамов и хатибов⁷². Иным направлением

⁶⁶ См.: United Nations Asks for Turkish Troops to Join EU Force in CAR // *Today's Zaman*, February 26, 2014; Davutoglu Has Talks on Crises in Syria, CAR // *Today's Zaman*, February 8, 2014; Turkish Aid Agency TIKA Expectations Scope of Charity // *Daily Sabah*, March 17, 2016.

⁶⁷ Kenya Inaugurates Its Embassy in Ankara // *Daily Sabah*, April 10, 2014.

⁶⁸ Turkey, Zambia Seek to Embark on Cotton Trade // *Today's Zaman*, October 1, 2015.

⁶⁹ Turkey Shines at World Humanitarian Summit // *Daily Sabah*, May 24, 2016.

⁷⁰ Kannat, K.B. World Humanitarian Summit in Istanbul // *Daily Sabah*, May 21-22, 2016.

⁷¹ См.: Turkey Calls for Equitable Sharing of Humanitarian Responsibilities as Summit // *Daily Sabah*, May 24, 2016.

⁷² Мосаки Н.З. Образовательная экспансия Турции в Африке // Вопросы образования. – 2013. – №2. Режим доступа: http://vo.hse.ru/arhiv.aspx?catid=252&z=1869&t_no=1870&ob_no=1874 [Mosaki, N.Z. Obrazovatel'naya ekspansiya Turtsii v Afrike (Educational Expansion of Turkey in Africa) // *Voprosy*

деятельности Управления Турции по делам религии является проведение саммитов, в которых участвуют известные исламские деятели Турции и мусульманские лидеры государств Африки. Помимо этого, активизируется взаимодействие по линии установления механизма двусторонних консультаций.

В Анкаре признается необходимость принятия мер по повышению интереса африканской молодежи к турецким образовательным программам. Турция уделяет большое внимание формированию значительного контингента африканцев, знакомых с историей и культурой Турции, знающих турецкий язык и способных в будущем стать удобными контрагентами турецких дипломатов, бизнесменов и политиков.

В качестве инструмента «мягкой силы» при значительной поддержке государства действует Фонд Юнуса Эмре (численность его представительств в Африке планируется довести до 24). В основу его деятельности положен принцип некой прежней «османской культурной общности», Турция при этом преподносится как наследница «лучших османских традиций» и продолжательница идей Великой Порты⁷³.

Отдельного упоминания заслуживают турецкие школы, созданные в различных африканских странах на средства частных компаний. Важнейшая роль при этом отводится английскому языку и естественным наукам. Обучение в таких школах ведется на английском языке. Большинство предметов, в первую очередь дисциплины естественно-научного цикла, изучаются по учебникам, изданным в Великобритании. В обязательном порядке усиленно изучается турецкий язык, а также языки стран, в которых находятся школы. В Африке это французский, португальский, арабский, африкаанс, а в некоторых странах и местные

языки, такие как суахили, малагасийский, зулу и другие⁷⁴. Такие школы рассчитаны не столько на турецкую диаспору, сколько на местных жителей. Предполагается, что ученики, получившие хорошее образование, со временем должны сформировать прослойку местной элиты, положительно относящейся к Турции.

Большая часть турецких учебных заведений была создана на средства «мусульманского Сороса», известного проповедника Ф. Гюлена. Поскольку в последнее время Р.Т. Эрдоганом развернута мощная кампания против движения Ф. Гюлена «Хизмет», а сам он объявлен преступником и организатором попытки государственного переворота в июле 2016 года, перед руководством Турецкой Республики встал непростой вопрос: переподчинить себе «школьную империю» в Африке или оставить мощное «культурное оружие» в руках своего идейного противника⁷⁵. В итоге, Р.Т. Эрдоган принял решение об иницировании кампании по закрытию связанных с гюленовским движением «Хизмет» турецких школ. «В странах, которые мы посещаем, мы говорим о статусе этих школ и о том, что их нужно закрыть»⁷⁶, – свидетельствовал Р.Т. Эрдоган в ходе визита в Эфиопию. Этот призыв был принят на практическое вооружение в Сомали, Гвинее, Нигере и ряде других стран⁷⁷.

⁷⁴ Мосаки Н.З. Образовательная экспансия Турции в Африке // Вопросы образования. – 2013. – №2. Режим доступа: http://vo.hse.ru/arhiv.aspx?catid=252&z=1869&t_no=1870&ob_no=1874 [Mosaki, N.Z. Obrazovatel'naya ekspansiya Turtsii v Afrike (Educational Expansion of Turkey in Africa) // *Voprosy obrazovaniya*, 2013, No. 2. Mode of access: http://vo.hse.ru/arhiv.aspx?catid=252&z=1869&t_no=1870&ob_no=1874]

⁷⁵ Свистунова И.А. Турция и ее африканская дилемма // Новое восточное обозрение, 2014. Режим доступа: <http://ru.journal-neo.org/2014/12/17/rus-turtsiya-i-ee-afrikanskaya-dilemma/> [Svistunova, I.A. Turtsiya i ee afrikanskaya dilemma (Turkey and Its African Dilemma). Mode of access: <http://ru.journal-neo.org/2014/12/17/rus-turtsiya-i-ee-afrikanskaya-dilemma/>]

⁷⁶ Ethiopia / Presidency of the Republic of Turkey. Mode of access: <https://www.tccb.gov.tr/en/exclusive/africa/ethiopia/>

⁷⁷ Turkey Seeks Magufuli's Help in Closing Gulen-Linked Schools // *The East African*, 2017. Mode of access: <http://www.theeastafrican.co.ke/news/Turkey-Erdogan-Tanzania-Gulen-schools/2558-3786738-ycwfh/index.html>

obrazovaniya, 2013, No. 2. Mode of access: http://vo.hse.ru/arhiv.aspx?catid=252&z=1869&t_no=1870&ob_no=1874]

⁷³ Аватков В.А., Чулковская Е.Е. Центры турецкой культуры имени Юнуса Эмре – «мягкая сила» Турции // Геополитика и безопасность. – 2013. – №2(22). – С. 121. [Avatkov, V.A.; Chulkovskaia, E.E. Tsentry turetskoi kul'tury imeni Yunusa Emre – «miagkaia sila' Turtsii (Yunus Emre Centers – Turkish "Soft Power") // *Geopolitika i bezopasnost'*, 2013, No. 2(22), p. 121.]

Однако такое решение турецкого лидера не везде находит поддержку. Так, например, в 2015 году президент Центральной Африканской республики Катрин Самба-Панза на встрече с генеральным директором Международной Центрально-Африканской турецкой школы отметила неоценимый вклад этой образовательной структуры в развитие страны и заявила о том, что никакие преграды не смогут помешать деятельности турецких школ в ЦАР⁷⁸ (стоит отметить, что новый президент Фостен-Аршанж Туадера солидарен в данном вопросе со своей предшественницей). В Эфиопии также на это не пошли.

Турция активно использует гуманитарную сферу для расширения и закрепления своего влияния в Африке. Можно с достаточной долей уверенности резюмировать, что избранный Анкарой формат взаимодействия «государство-государство», «государство-человек», «человек-человек», не только способствует укреплению двусторонних и многосторонних отношений Турецкой Республики с этим континентом, но и эффективно создает образ Турции как друга простых африканцев.

В числе иных преимуществ Анкары на африканском направлении можно назвать искусное использование инструментов риторики, реализация масштабных инфраструктурных проектов, организация крупных бизнес-форумов и создание бизнес-советов, которые не только объединяют турецких и африканских представителей среднего и малого предпринимательства, но и являются важными дискуссионными площадками для обсуждения текущих вопросов, стоящих на региональной повестке дня. Немаловажную позитивную роль играет стремление Турции позиционировать себя в качестве партнера всего континента, акцентирование готовности вести диалог не только с мусульманскими странами, но и с теми, в которых большинство составляет христианское население (например, Эфиопия), а также «не-

благополучными» странами, которые, как принято считать, представляют собой угрозу стабильности на континенте (например, Сомали). Такой подход подтверждает тезис Анкары об инклюзивности своей внешней политики, лишенной дискриминационного начала.

Тем не менее, Турция сталкивается с рядом вызовов, подход к решению которых еще только предстоит выработать. Прежде всего, это ограниченность материальных возможностей Турции. Превращение в «лидера африканского континента» требует значительных финансовых вливаний, способных ускорить процесс развития отношений со странами Африки. Едва ли Турция к этому готова на настоящем этапе, учитывая не совсем простую обстановку внутри страны и все большее ее вовлечение в центрифугу проблем ближневосточного региона (в первую очередь, сирийский кризис). Евроатлантическая ориентация Турции также в некоторой мере препятствовала развитию политических связей с африканскими государствами и является определенным инструментом сдерживания при проведении Анкарой политики «свободных рук». Существенно также и то, что в сфере крупного бизнеса преобладают афропессимистические настроения, и ведущие предприниматели зачастую оставляют без должного внимания новое направление турецкой внешней политики. Немаловажным аспектом является и постоянно возрастающее присутствие на континенте других игроков, по многим параметрам превосходящих Турцию по своему потенциалу (Китай, Индия, США). Среди иных негативных аспектов следует отметить нехватку специалистов-историков, культурологов, филологов, антропологов, что может стать значительным препятствием на пути дальнейшего расширения турецкого присутствия на континенте. На этом фоне развивается «синдром усталости», вызванный отсутствием четко формулируемых перспектив в отношении данного региона и непониманием его специфики. Иным ключевым вызовом является вопрос безопасности. Дальнейшее упрочение турецких позиций будет во многом зависеть от готовности турецкой стороны искать и находить эффек-

⁷⁸ African President: Turkish School Will Have no Trouble in My Country // *Today's Zaman*, 2015. Mode of access: http://www.todayszaman.com/national_c-african-president-turkish-school-will-have-no-trouble-in-my-country_374555.html

тивные решения проблем, связанных с обеспечением мира и стабильности.

В целом, несмотря на то, что меняющиеся геополитические реалии на глобальном и региональном уровнях вносят определенные коррективы в африканскую стратегию президента Р.Т. Эрдогана и правящей Партии справедливости и развития, остается стабильным турецкий интерес к африканскому континенту как к площадке для упрочения внешнеэкономических связей и укрепления международного престижа Турции.

В отличие от бывших метрополий, опирающихся в своих отношениях со странами континента на связи, сохранившиеся с колониальных времен, турецкое руководство в Африке широко использует тезис «общности судеб и задач» всех развивающихся стран. При этом турецкое руководство постоянно подчеркивает, что в отличие от США, которым чужды интересы африканских стран, Турция, будучи сама растущей страной, солидарна с ними по многим вопросам мировой политики, и в первую очередь это касается проблематики терроризма и возможностям противостояния данной угрозе. В речах представителей турецкого политического истеблишмента занимает прочное место идея о противостоянии неолиберальной экспансии Запада, перерождающейся в современных условиях в новые формы колониализма.

В основе турецкой политики в Африке лежит стремление Анкары добиться лидерства в «третьем мире» и с помощью африканских стран повысить свой вес в международных делах, получить признание в качестве ведущей региональной державы, способной оказывать значительное влияние на расстановку сил в контексте локального и международного изменения. Особо значение эти задачи приобретают в последние годы, когда на вершине турецкого политического Олимпа правит харизматичный и амбициозный лидер Р.Т. Эрдоган.

Конкретная деятельность Турции в Африке позволяет сделать вывод о том, что провозглашенная властями идея Афро-Евразии еще далека от реализации в том понимании, как это отвечает системе глобальных геополитических координат турецкого руководства.

Дело в том, что стать масштабным и ключевым мироразвивающим про-

странством Афро-Евразия может, помимо Турции, при участии в этих процессах США и других экономически развитых стран. Кроме этого, необходимо еще превращение самих африканских стран в активно структурирующие сегменты.

Что касается Турции, то, будучи своеобразным мостом, связывающим Африку и Европу, балансируя между евроатлантической, евразийской и традиционно-турецкой компонентами, она предпринимает определенные шаги по внедрению всех этих ценностей в сегодняшнюю африканскую действительность. Насколько этот процесс реалистичен и перспективен – покажет будущее.

На африканском треке Турцию, судя по всему, ожидают не только успехи, но и неудачи. Стержневой задачей турецкого продвижения в Африке становится расширение географического охвата межцивилизационным сотрудничеством. Внедряясь в Африку, Анкара ориентируется на идеи демократии и прав человека, а также исламские постулаты морали, миролюбия, но в сочетании с сотрудничеством, по крайней мере, не в противоречии с другими религиями.

Не стоит забывать и о живучести оттоманского прошлого в нынешних политических устремлениях турецкого руководства. Не будет преувеличением предположить, что Турция стремится преодолеть территориальный разрыв в некогда триедином континенте Афро-Евразия, возникшем в результате ввода в строй Суэцкого канала в 1869 году. Речь идет о поиске Турцией своего места в глобализационном афро-евразийском процессе в условиях новой геополитической реальности.

Литература:

- Аватков В.А., Чулковская Е.Е. Центры турецкой культуры имени Юнуса Эмре – «мягкая сила» Турции // Геополитика и безопасность. – 2013. – №2(22).
- Акимущина И. Даже у самых маленьких стран могут быть большие амбиции // Независимая газета – Дипкурьер, 1 февраля 2017 г.
- Арабский кризис и его международные последствия. Под общ. ред. А.М. Васильева. Отв. ред. А.Д.Саватеев, Л.М.Исаев. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 256 с.
- Арабский кризис: Угрозы большой войны. Под общ. ред. А.М. Васильева. Отв. ред. А.Д. Саватеев, А.Р. Шишкин. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 344 с.
- Костелянец С.В. Политика Турции на африканском направлении: новые тенденции в выборе партнеров // Азия и Африка сегодня. – 2016. – № 7.

Костелянец С.В. Турция и Африка: сотрудничество развивается // *Азия и Африка сегодня*. – 2012. – № 10.

Мосаки Н.З. Образовательная экспансия Турции в Африке // *Вопросы образования*. – 2013. – №2. Режим доступа: http://vo.hse.ru/arhiv.aspx?catid=252&z=1869&t_no=1870&ob_no=1874

Мосаки Н.З. Турция и Африка // *Азия и Африка сегодня*. – 2010. – № 6. – С. 9-23.

Обианг и Эрдоган: сотрудничеству Африки и Турции нужен новый импульс. // Почетное консульство РФ в Республике Экваториальная Гвинея, 2014. Режим доступа: http://e-guinea.ru/news/main_news?id=560 [Obiang i Erdogan: sotrudnichestvu Afriki i Turtzii nuzhen novyy impul's (Obiang and Erdogan: Cooperation between Turkey and Africa Deserves New Impulse). Mode of access: http://e-guinea.ru/news/main_news?id=560]

Озер Э. Черный континент в ожидании светлого будущего // *Независимая газета*, 27 июня, 2017. Режим доступа: http://www.ng.ru/ideas/2017-06-27/5_7016_afrika.html [Ozer, E. Chernyy kontinent v ozhidanii svetlogo budushchego (Black Continent in Anticipation of a Bright Future) // *Nezavisimaya gazeta*, June 27, 2017. Mode of access: http://www.ng.ru/ideas/2017-06-27/5_7016_afrika.html]

Свистунова И.А. К вопросу об отношениях Турции со странами Африки. // Институт Ближнего Востока. 2009. Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=8249>

Свистунова И.А. Об отношениях Турции с Нигерией // Институт Ближнего Востока, 2011. Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=12087>

Свистунова И.А. Турция и ее африканская дилемма // Новое восточное обозрение, 2014. Режим доступа: <http://ru.journal-neo.org/2014/12/17/rus-turtsiya-i-ee-afrikanskaya-dilemma/>

Три времени живой истории // Триединство. Россия перед близким Востоком и далеким Западом. Научно-литературный альманах. Вып.1: 10 лет со дня «черного вторника» сентября 2001 г. 2 изд-е, доп. – М.: Грифон. 2012.

Шермет В.И. Глобализм по-исламски начинался на берегах Босфора // Триединство. Россия перед близким Востоком и далеким Западом. Научно-литературный альманах. Вып.1: 10 лет со дня «черного вторника» сентября 2001 г. 2 изд-е, доп. – М.: Грифон, 2012.

Шлыков П.В. Альтернативные подходы к евразийской интеграции: сравнительный анализ турецкого евразийства // *Евразийский юридический журнал*. – 2016. – № 9 (100). – С. 45-51.

Шлыков П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // *Сравнительная политика*. – 2017. – No. 1 (8). – С. 58-76.

Эрдоган: «Политика по интеграции в Африку развивается решительным образом». // Anadolu Agency. 2015. Режим доступа: <http://www.aa.com.tr/ru/news/453677>

Africa 2016. TIKa report. Ankara: TIKa Publications, 2016.

Africa. Turkish Airlines. Mode of access: <http://www.turkishairlines.com/>

African President: Turkish School Will Have no Trouble in My Country // *Today's Zaman*, 2015. Mode of access: http://www.todayszaman.com/national_c-african-president-turkish-school-will-have-no-trouble-in-my-country_374555.html

Alasso, A. Who Can Save Somalia? // *Daily Sabah*, June 16, 2014.

Algeria and Turkey Plan Partnership in Africa Market // *Daily Sabah*, November 21, 2014.

Alkan S. Intra-Faith Dialogue Necessary for Unity among Muslims, Religious Delegates Say // *Daily Sabah*, October 17-18, 2015.

Arab-Turkish Economic Relations // *Today's Zaman*, March 14, 2014.

Azerbaijan Ambassador Bagirov: TANAP Will Be Completed before 2018 // *Daily Sabah*, January 18, 2016.

Besenyó Janos, Olah Peter. One of the New Competitors in Africa // *AARM*, 2012, Vol. 11, No. 1.

Biden and Davutoglu Emphasize Importance of Energy Security // *Hurriyet*, November 16, 2016.

Building of TANAP Pipeline Proceeding on Schedule // *Daily Sabah*, March 16, 2016.

Bulac A. A Muslim's Test // *Today's Zaman*, October 19, 2015.

Cetingulec, Mehmet. Will Africa Cheer up Turkey's Troubled Exporters? // *Al Monitor*, 2016. Mode of access: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2016/03/turkey-africa-troubled-exporters.html>

Davutoglu Has Talks on Crises in Syria, CAR // *Today's Zaman*, February 8, 2014.

Davutoğlu, A. Stratejik derinlik. Türkiye'nin uluslararası konumu. İstanbul, 2010.

Despite Obstacles, Kimse Yok Mu Delivers Aid to Thousands Worldwide // *Today's Zaman*, September 30, 2015.

Dogan, Y.P. Experts Discuss Lack of Religious Freedom in Turkey // *Today's Zaman*, February 6, 2014.

Donelli, F. The Total Performance Principle as Key of Turkish Activism in Somalia // *Società Italiana di scienza politica*, 2014. Mode of access: <http://www.sisp.it/files/papers/2014/federico-donelli-2042.pdf>

Erdogan's Tour of Africa Spurs Investment // *Daily Sabah*, March 12-13, 2016.

Ethiopia / Presidency of the Republic of Turkey. Mode of access: <https://www.tccb.gov.tr/en/exclusive/africa/ethiopia/>

Experts Predict Turkish Investment in Africa // *Daily Sabah*, June 23, 2014.

First Summit of Asian Pacific Muslims to Focus on Cooperation // *Daily Sabah*, October 14, 2015.

Foreign Trade by Countries / Turkish Statistical Institute, 2016. Mode of access: http://www.turkstat.gov.tr/PreTablo.do?alt_id=1046

Gonen, E. Turkey's Africa Policy // *Daily Sabah*, May 14, 2014.

Great Synagogue Ready to Host Multicultural Concert // *Daily Sabah*, October 16, 2015.

Gülenist Suspects Detained in Probe into Blackmail Videos // *Daily Sabah*, March 15, 2016.

Gurcan, Metin. Erdogan's Conquest of Africa // *Al Monitor*, 2016. Mode of access: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2016/03/turkey-erdogan-conquest-of-africa.html#>

Hazar, N. Türkiye Afrika'da: Eylem Planının uygulanması ve değerlendirme on beş yıl sonra. Mode of access: http://www.orsam.org.tr/tr/trUploads/Yazilar/Dosyalar/2012711_124turTUM.pdf

Kannat, K.B. World Humanitarian Summit in Istanbul // *Daily Sabah*, May 21-22, 2016.

Kaplan, Michael. Turkey-Africa Economic Relations: After Russian Sanctions, Turkish Businesses Eye African Markets To Offset Losses // *International Business Time*, 2015. Mode of access: <http://www.ibtimes.com/turkey-africa-economic-relations-after-russian-sanctions-turkish-businesses-eye-2228482>

Kenya Inaugurates Its Embassy in Ankara // *Daily Sabah*, April 10, 2014.

Kimse Yok Mu Represents Turkey at UN Summit // *Today's Zaman*, September 28, 2015.

Kızılarslan, A. Afrika ülkeleri – Türkiye arasındaki ekonomik ilişkiler // Tasam, 2013. Mode of access: <http://www.tasam.org/pdf/raporlar/5tr.pdf>

Mother Teresa of Calcutta to be Made Roman Catholic Saint // *Daily Sabah*, March 16, 2016.

Muslim Religious Leaders from Asia-Pacific Convent in Istanbul // *Daily Sabah*, October 13, 2015.

Nigeria Thanks Turkey for Stance on Boko Haram // *Daily Sabah*, June 13, 2014.

Onanc, Yu. S. Turkish Ambassador Kani Torun: Somalia's Long-Lost Brother. Turkey is Here to Rebuild the Country // *Daily Sabah*, June 10, 2014.

Ozerli, B. Turkey, Ethiopia Should Cooperate in African Peace-Building Efforts // *Today's Zaman*, August 30, 2014.

Ozkan, M. Turkey's Religious and Socio-Political Depth in Africa / LSE IDEAS Special Report. 2013. Mode of access: <http://works.bepress.com/mehmetozkan/180/>

Ozkan, M. A Post-2014 Vision for Turkey-Africa Relations // *Insight Turkey*, 2015, Vol. 16, No. 4, pp. 22-29.

Prosecutor Decides to Detain 44 Gulenist Police Officers // *Daily Sabah*, March 14, 2016.

Relations between Turkey and Djibouti / Ministry of Foreign Affairs. Republic of Turkey. Mode of access: <http://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkey-and-djibouti.en.mfa>

Report Reveals Repercussions of AK Party Government. Flight Against Gulen Movement in Africa // *Today's Zaman*, October 23, 2015.

Sahin, M. «People Still Do not Know much about Africa», Says Ghanaian Official // *Daily Sabah*, February 5, 2016. Mode of access: <https://www.dailysabah.com/tourism/2016/02/05/people-still-do-not-know-much-about-africa-says-ghanaian-official>

Sub Saharan Africa. Turkey-Africa Relations / Ministry of Foreign Affairs. Republic of Turkey, 2016. Mode of access: <http://www.mfa.gov.tr/turkey-africa-relations.en.mfa>

Taspinar, O. The Failure of Political Islam // *Today's Zaman*, February 17, 2014.

Tastekin, F. Erdogan's Africa Tour. // *Al Monitor*, 28.01.2015. Mode of access: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2015/01/turkey-erdogan-islamic-leadership-africa.html>

Tourism Professionals Focus on Tourism Trends at WTF // *Daily Sabah*, February 6-7, 2016.

Turkey Calls for Equitable Sharing of Humanitarian Responsibilities as Summit // *Daily Sabah*, May 24, 2016.

Turkey Remembers Holocaust with Vow to Flight Anti-Semitism // *Daily Sabah*, January 28, 2016.

Turkey Seeks Magufuli's Help in Closing Gulen-Linked Schools // *The East African*, 2017. Mode of access: <http://www.theeastafrican.co.ke/news/Turkey-Erdogan-Tanzania-Gulen-schools/2558-3786738-ycwfh/index.html>

Turkey Shines at World Humanitarian Summit // *Daily Sabah*, May 24, 2016.

Turkey to Issue Arrest Warrant for al-Shabab Leaders // *Daily Sabah*, June 3, 2014.

Turkey, Algeria to Cooperate on Defense // *Today's Zaman*, January 16, 2014.

Turkey, Zambia Seek to Embark on Cotton Trade // *Today's Zaman*, October 1, 2015.

Turkey's Christian Communities Celebrate Easter across the Country // *Daily Sabah*, March 28, 2016.

Turkey's Trade with Africa to Hit 50 bln Dollars // *Hurriyet*, Daily News. November 21, 2014.

Turkish Aid Agency TIKA Expectations Scope of Charity // *Daily Sabah*, March 17, 2016.

Turkish Investment in Somalia Aim to be Long-Term // *Daily Sabah*, June 12, 2015.

Türkiye-Afrika odası (TAC) kuruldu // Dis economic ilişkiler kurulu, 2014. Mode of access: http://www.deik.org.tr/611/TÜRKİYE_AFRİKA_ODASI_TAC_KURULDU.html

United Nations Asks for Turkish Troops to Join EU Force in CAR // *Today's Zaman*, February 26, 2014.

Yavuz, H. Turkish Identity and Foreign Policy in Filux: the Rise of Neosomanism // *Middle East Critique*, 1998, Vol. 7, No. 12, pp.19-41.

References:

Africa 2016. TIKA report. Ankara: TIKA Publications, 2016.

Africa. Turkish Airlines. Mode of access: <http://www.turkishairlines.com/>

African President: Turkish School Will Have no Trouble in My Country // *Today's Zaman*, 2015. Mode of access: http://www.todayszaman.com/national_c-african-president-turkish-school-will-have-no-trouble-in-my-country_374555.html

Akimushkina, I. Dazhe u samykh malen'kih stran mogut byt' bol'shie ambicii (Even the Smallest Countries Can Have Big Ambitions) // *Nezavisimaya gazeta - Dipkur'er (Independent Newspaper)*, February 10, 2017.

Alasso, A. Who Can Save Somalia? // *Daily Sabah*, June 16, 2014.

Algeria and Turkey Plan Partnership in Africa Market // *Daily Sabah*, November 21, 2014.

Alkan, S. Intra-Faith Dialogue Necessary for Unity among Muslims, Religious Delegates Say // *Daily Sabah*, October 17-18, 2015.

Arabskij krizis i ego mezhdunarodnye posledstviya (The Arab Crisis and Its International Consequences). Ed. by A.M. Vasil'ev, A.D. Savateev, L.M. Isaev. Moscow: LENAND, 2014, 256 p.

Arabskij krizis: Ugrozy bol'shoj vojny (The Arab Crisis: The Threats of a Great War). Ed. by A.M. Vasil'ev, A.D. Savateev, A.R. Shishkin. Moscow: LENAND, 2016. 344 p.

Arab-Turkish Economic Relations // *Today's Zaman*, March 14, 2014.

Avatkov, V.A.; Chulkovskaia, E.E. Tsentry turetskoi kul'tury imeni İunusa Emre – “miagkaia sila” Turtsii (Yunus Emre Centers – Turkish “Soft Power”) // *Geopolitika i bezopasnost'*, 2013, No.2(22).

Azerbaijan Ambassador Bagirov: TANAP Will Be Completed before 2018 // *Daily Sabah*, January 18, 2016.

Besenyó Janos, Olah Peter. One of the New Competitors in Africa // *AARM*, 2012, Vol.11, No. 1.

Biden and Davutoglu Emphasize Importance of Energy Security // *Hurriyet*, November 16, 2016.

Building of TANAP Pipeline Proceeding on Schedule // *Daily Sabah*, March 16, 2016.

Bulac A. A Muslim's Test // *Today's Zaman*, October 19, 2015.

Cetingulec, Mehmet. Will Africa Cheer up Turkey's Troubled Exporters? // *Al Monitor*, 2016. Mode of access: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2016/03/turkey-africa-troubled-exporters.html>

- Davutoglu Has Talks on Crises in Syria, CAR // *Today's Zaman*, February 8, 2014.
- Davutoğlu, A. Stratejik derinlik. Türkiye'nin uluslararası konumu. İstanbul, 2010.
- Despite Obstacles, Kimse Yok Mu Delivers Aid to Thousands Worldwide // *Today's Zaman*, September 30, 2015.
- Dogan, Y.P. Experts Discuss Lack of Religious Freedom in Turkey // *Today's Zaman*, February 6, 2014.
- Donelli, F. The Total Performance Principle as Key of Turkish Activism in Somalia // *Società Italiana di scienza politica*, 2014. Mode of access: <http://www.sisp.it/files/papers/2014/federico-donelli-2042.pdf>
- Erdogan: «Politika po integratsii v Afriku razvivaetsya reshitel'nyy obrazom». (Erdogan: "The Policy of Integration into Africa is Developing in a Determined Manner"). Mode of access: <http://www.aa.com.tr/ru/news/453677>
- Erdogan's Tour of Africa Spurs Investment // *Daily Sabah*, March 12-13, 2016.
- Ethiopia / Presidency of the Republic of Turkey. Mode of access: <https://www.tccb.gov.tr/en/exclusive/africa/ethiopia/>
- Experts Predict Turkish Investment in Africa // *Daily Sabah*, June 23, 2014.
- First Summit of Asian Pacific Muslims to Focus on Cooperation // *Daily Sabah*, October 14, 2015.
- Foreign Trade by Countries / Turkish Statistical Institute, 2016. Mode of access: http://www.turkstat.gov.tr/PreTablo.do?alt_id=1046
- Gonen, E. Turkey's Africa Policy // *Daily Sabah*, May 14, 2014.
- Great Synagogue Ready to Host Multicultural Concert // *Daily Sabah*, October 16, 2015.
- Gülenist Suspects Detained in Probe into Blackmail Videos // *Daily Sabah*, March 15, 2016.
- Gurcan, Metin. Erdogan's Conquest of Africa // *Al Monitor*, 2016. Mode of access: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2016/03/turkey-erdogan-conquest-of-africa.html#>
- Hazar, N. Türkiye Afrika'da: Eylem Planının uygulanması ve değerlendirme on beş yıl sonra. Mode of access: http://www.orsam.org.tr/tr/trUploads/Yazilar/Dosyalar/2012711_124turTUM.pdf
- Kannat, K.B. World Humanitarian Summit in Istanbul // *Daily Sabah*, May 21-22, 2016.
- Kaplan, Michael. Turkey-Africa Economic Relations: After Russian Sanctions, Turkish Businesses Eye African Markets To Offset Losses // *International Business Time*, 2015. Mode of access: <http://www.ibtimes.com/turkey-africa-economic-relations-after-russian-sanctions-turkish-businesses-eye-2228482>
- Kenya Inaugurates Its Embassy in Ankara // *Daily Sabah*, April 10, 2014.
- Kimse Yok Mu Represents Turkey at UN Summit // *Today's Zaman*, September 28, 2015.
- Kızıllarslan, A. Afrika ülkeleri – Türkiye arasındaki ekonomik ilişkiler // *Tasam*, 2013. Mode of access: <http://www.tasam.org/pdf/raporlar/5tr.pdf>
- Kostelianets, S.V. Politika Turtsii na afrikanskom napravlenii: novye tendentsii v vybore partnerov. (Turkey's Policy on the African Direction: New Tendencies in the Choice of Partners) // *Aziya i Afrika segodnya*, 2016, No 7.
- Kostelianets, S.V. Turtsiya i Afrika: sotrudnichestvo razvivaetsya. (Turkey and Africa: the Cooperation is Developing) // *Aziya i Afrika segodnya*, 2012, No. 10.
- Mosaki, N.Z. Obrazovatel'naya ekspansiya Turtsii v Afrike (Educational Expansion of Turkey in Africa) // *Voprosy obrazovaniya*, 2013, No. 2. Mode of access: http://vo.hse.ru/arhiv.aspx?catid=252&z=1869&t_no=1870&ob_no=1874
- Mosaki, N.Z. Turtsiya i Afrika (Turkey and Africa) // *Aziya i Afrika segodnya*, 2010, No. 6, pp. 9-23.
- Mother Teresa of Calcutta to be Made Roman Catholic Saint // *Daily Sabah*, March 16, 2016.
- Muslim Religious Leaders from Asia-Pacific Convent in Istanbul // *Daily Sabah*, October 13, 2015.
- Nigeria Thanks Turkey for Stance on Boko Haram // *Daily Sabah*, June 13, 2014.
- Obiang i Erdogan: sotrudnichestvu Afriki i Turtsii nuzhen novyy impul's (Obiang and Erdogan: Cooperation between Turkey and Africa Deserves New Impulse). Mode of access: http://e-guinea.ru/news/main_news?id=560
- Onanc, Yu. S. Turkish Ambassador Kani Torun: Somalia's Long-Lost Brother. Turkey is Here to Rebuild the Country // *Daily Sabah*, June 10, 2014.
- Ozer, E. Chernyy kontinent v ozhidanii svetlogo budushchego (Black Continent in Anticipation of a Bright Future) // *Nezavisimaya gazeta*, June 27, 2017. Mode of access: http://www.ng.ru/ideas/2017-06-27/5_7016_africa.html
- Ozerli, B. Turkey, Ethiopia Should Cooperate in African Peace-Building Efforts // *Today's Zaman*, August 30, 2014.
- Ozkan, M. A Post-2014 Vision for Turkey-Africa Relations // *Insight Turkey*, 2015, Vol. 16, No. 4, pp. 22-29.
- Ozkan, M. Turkey's Religious and Socio-Political Depth in Africa / LSE IDEAS Special Report. 2013. Mode of access: <http://works.bepress.com/mehmetozkan/180/>
- Prosecutor Decides to Detain 44 Gulenist Police Officers // *Daily Sabah*, March 14, 2016.
- Relations between Turkey and Djibouti / Ministry of Foreign Affairs. Republic of Turkey. Mode of access: <http://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkey-and-djibouti.en.mfa>
- Report Reveals Repercussions of AK Party Government. Flight Against Gulen Movement in Africa // *Today's Zaman*, October 23, 2015.
- Sahin, M. «People Still Do not Know much about Africa», Says Ghanaian Official // *Daily Sabah*, February 5, 2016. Mode of access: <https://www.dailysabah.com/tourism/2016/02/05/people-still-do-not-know-much-about-africa-says-ghanaian-official>
- Sheremet, V.I. Globalizm po-islamski nachinalsya na beregah Bosphora (Globalism Began in an Islamic Way on the Banks of the Bosphorus) // *Triedinstvo. Rossiya pered blizkim Vostokom i nedalekim Zapadom. Nauchno-literaturnyy al'manah*. Vol. 1: 10 let so dnya «chernogo vtornika» sentyabrya 2001. 2 izd-e, dop. Moscow: Grifon, 2012.
- Shlykov, P.V. Al'ternativnye podhody k evrazijskoj integracii: sravnitel'nyy analiz tureckogo evrazijsstva (Alternative Approaches to Eurasian Integration: a Comparative Analysis of Turkish Eurasianism) // *Evrasijskij yuridicheskij zhurnal*, 2016, No. 9(100), pp. 45-51.
- Shlykov, P.V. Evrazijsstvo i evrazijskaya integraciya v politicheskoy ideologii i praktike Turcii (Eurasianism and Eurasian Integration in the Political Ideology and Practice of Turkey) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 1(8), pp. 58-76.
- Sub Saharan Africa. Turkey-Africa Relations / Ministry of Foreign Affairs. Republic of Turkey, 2016. Mode of access: <http://www.mfa.gov.tr/turkey-africa-relations.en.mfa>

Svistunova, I.A. K voprosu ob otnosheniyakh Turtsii so stranami Afriki (To the Question of the Relationship between Turkey and African Countries). Mode of access: <http://www.iimes.ru/?p=8249>

Svistunova, I.A. Ob otnosheniyakh Turtsii s Nigeriyei (About Turkish-Nigerian Relationship). Mode of access: <http://www.iimes.ru/?p=12087>

Svistunova, I.A. Turtsiya i ee afrikanskaya dilemma (Turkey and Its African Dilemma). Mode of access: <http://ru.journal-neo.org/2014/12/17/rus-turtsiya-i-ee-afrikanskaya-dilemma/>

Taspinar, O. The Failure of Political Islam // *Today's Zaman*, February 17, 2014.

Tastekin, F. Erdogan's Africa Tour. // *Al Monitor*, 28.01.2015. Mode of access: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2015/01/turkey-erdogan-islamic-leadership-africa.html>

Tourism Professionals Focus on Tourism Trends at WTF // *Daily Sabah*, February 6-7, 2016.

Tri vremeni zhivoi istorii (Three Times of a Living History) // *Triedinstvo. Rossiya pered blizkim Vostokom i nedalekim Zapadom. Nauchno-literaturnyj al'manah. Vol.1: 10 let so dnya «chernogo vtornika» sentyabrya 2001. 2 izd-e, dop. Moscow: Grifon. 2012.*

Turkey Calls for Equitable Sharing of Humanitarian Responsibilities as Summit // *Daily Sabah*, May 24, 2016.

Turkey Remembers Holocaust with Vow to Flight Anti-Semitism // *Daily Sabah*, January 28, 2016.

Turkey Seeks Magufuli's Help in Closing Gulen-Linked Schools // *The East African*, 2017. Mode of access: <http://www.theeastafrican.co.ke/news/Turkey-Erdogan-Tanzania-Gulen-schools/2558-3786738-ycwfh/index.html>

Turkey Shines at World Humanitarian Summit // *Daily Sabah*, May 24, 2016.

Turkey to Issue Arrest Warrant for al-Shabab Leaders // *Daily Sabah*, June 3, 2014.

Turkey, Algeria to Cooperate on Defense // *Today's Zaman*, January 16, 2014.

Turkey, Zambia Seek to Embark on Cotton Trade // *Today's Zaman*, October 1, 2015.

Turkey's Christian Communities Celebrate Easter across the Country // *Daily Sabah*, March 28, 2016.

Turkey's Trade with Africa to Hit 50 bln Dollars // *Hurriyet*, Daily News. November 21, 2014.

Turkish Aid Agency TICA Expectations Scope of Charity // *Daily Sabah*, March 17, 2016.

Turkish Investment in Somalia Aim to be Long-Term // *Daily Sabah*, June 12, 2015.

Türkiye-Afrika odası (TAC) kuruldu // Dis economic iliskiler kurulu, 2014. Mode of access: http://www.deik.org.tr/611/TÜRKİYE_AFRIKA_ODASI_TAC_KURULDU.html

United Nations Asks for Turkish Troops to Join EU Force in CAR // *Today's Zaman*, February 26, 2014.

Yavuz, H. Turkish Identity and Foreign Policy in Filux: the Rise of Neoosmanism // *Middle East Critique*, 1998, Vol. 7, No. 12, pp.19-41.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-1-37-59>

THE THREE PILLARS OF TURKISH POLICY IN AFRICA

Vatanian S. Iag'ia

*Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia*

Maria A. Kolesnikova

*Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia*

Article history: <i>Received:</i> 14 July 2017 <i>Accepted:</i> 21 December 2017	Abstract: Turkey as a new player in Africa has appeared with the collapse of the bipolar system. Having proclaimed to build a multi-vector policy, Ankara consistently implements the set strategy, which has the character of a comprehensive and long-term program and involves the intensification of cooperation with African countries in the political, economic and humanitarian spheres. Turkey systematically promotes its political line in the region and has the support of influential African elites in many countries of the continent. At the same time the ruling Justice and Development Party, helping to strengthen the economic positions of Turkish businessmen abroad, successfully copes with resolving problems of domestic policy by increasing the export of Turkish goods, spreading the idea of «moderate Islam» on the whole continent. Projects in the humanitarian field that are implemented by the Turkish government and non-governmental organizations are also successful. However, there are series of tactical complexities associated with the aggravation of the previous and the emergence of new problems caused by various factors of political, economic and ideological origins. Nevertheless, Ankara is suggested to continue its attempts to conduct an active policy aimed at the conquest of regional leadership and strengthening its presence in Africa in the future.
About the authors: <i>Vatanian S. Iag'ia</i>, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World Politics, Saint Petersburg State University; Distinguished Professor of the RF e-mail: vy190107@yandex.ru <i>Maria A. Kolesnikova</i>, BA in International Relations, Saint Petersburg State University e-mail: kolmaral-1710@rambler.ru Key words: Turkey; Africa; TIKa; African Union; TUSCON; Erdogan; Justice and Development Party; UN; Davutoglu	

Для цитирования: Ягья В.С., Колесникова М.А. «Три кита» турецкой политики в Африке // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 1. – С. 37-59.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-37-59

For citation: Iag'ia, Vatanian S.; Kolesnikova, Maria A. «Tri kita» turetskoi politiki v Afrike (The Three Pillars of Turkish Policy in Africa) // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 1, pp. 37-59.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-37-59

THE FUTURE OF IRAN-CHINA RELATIONS: AN ALLIANCE OR PURE COOPERATION?

Ali Bagheri Dolatabadi

Yasouj University, Yasouj, Iran

Rouhollah Zarei

Yasouj University, Yasouj, Iran

Article history:

Received:

14 July 2017

Accepted::

11 December 2017

About the authors:

Ali Bagheri Dolatabadi,
Assistant Professor, Department of Political
Sciences, Yasouj University, Iran

e-mail: abagheri@yu.ac.ir

Rouhollah Zarei, Assistant Professor,
Department of English, Yasouj University, Iran

e-mail: rzarei@yu.ac.ir

Key words:

Iran; China; energy; alliance; cooperation;
United States; diplomacy

Abstract: The future of the Iranian political relations with other countries especially China in the post-nuclear-agreement era is of serious importance in the Iranian foreign policy in the Rouhani administration. Despite turbulences in the relations of the two countries in recent years, theirs have been stronger than the trade relations between Iran and western countries. For this reason, the shift from ordinary to strategic relations between Iran and China is attracting serious attention in the political circles in Iran. The supporters argue for the present and future stance of China in the international society and its constructive role during the western-imposed sanctions against Iran. The opponents refer to the poorer Chinese technology as opposed to their Western rivals and to ambivalent and at time anti-Iranian stances Beijing adopted in the Iranian nuclear problem. The question this paper seeks to answer is whether there is a possibility of the promotion of the relations of the two countries in future and the possible obstacles in the way.

Introduction

Iran and China are among nations that are dissatisfied with their position in the present international system. Both countries are criticized severely by the United States for the violation of human rights in their respective countries. They wish to change their present situation since they believe they deserve a better place in the international community. However, China leaders see the world as an opportunity but the Iranian leaders as a threat. Some common outlooks have led to an interdependence of trade cooperation of the two countries. China acquires a portion of its energy needs from Iran and the latter turned into the greatest market in the Middle East for Chinese goods during the sanction era. Although such

goods have been affordable, their quality has been constantly criticized by Iranians. Both this issue and China's fairly positive record in the past, compared to Russia, England, France and the US, have raised the question of turning Iran-China ordinary relations to a strategic level in the Iranian political circles. Some deem China a future world power and emphasize the importance of a close relationship with that country while some others demand a closer relationship with the EU in future. Nevertheless, both groups agree that China played a key role in Iran's passage during the excruciating Western-imposed sanctions.¹ Therefore, serious

¹ Scott, W. Harold; Nader, Ali Reza, *China and Iran: Economic, Political, and Military Relations* / Center for Middle East Public Policy, International Programs at Rand, 2012. P. 9.

consideration of the future of the two countries makes sense. However, the question is this: Can Iran-China relations be promoted to a higher level in the Iran-P5+1 post-nuclear-deal era? This study contends that despite ground for common cooperation between the two countries, there are numerous constraints for a promotion of the level of relations and hence it is highly improbable that such a change will take place. We will address this issue after an initial investigation of the historical background of the two countries' relations as well as their economic, nuclear, and political mutual ties.

The historical background of Iran-China relations

The relations between the two countries are centuries old. Iran and China enjoy the heritage of human civilizations and the two ancient empires have had especial relations with each other since time immemorial. During the Achaemenid (c 550-331 B.C.) and Sassanid (A.D. 226-651) dynasties Iran had close relations with China via Silk Road.² The relations in later centuries continued until the present time with ebbs and flows. Today, the idea of a "New Silk Road," an intertwined set of economic integration initiatives seeking to link East and Central Asia, has appeal in Iran and China – for very different reasons. Under the program, announced by President Xi Jinping in 2013, China aims to invest in infrastructure projects including railways and power grids in Central, West and Southern Asia, as well as Africa and Europe (See Map 1). Ali Tayebnia, the Iranian Minister of Economic Affairs and Finance, that who participated the 'New Silk Road' summit in Beijing on May 14-15 2017 described it as "a cause for improving and strengthening the ties between the countries situated on this historical belt".³ He called Iran and China "two strategic partners, whose bilateral ties are expanding

and the idea to revive the historical road can add a new chapter to bilateral cooperation."⁴

Map 1

One Belt, One Road program

Source: Wikipedia Commons

In modern times, Iran and China, the two great empires in the past, gradually fell into decline since they could not adapt themselves with the time. In the nineteenth and early twentieth centuries they were victims of western imperialism and thus the relations between the two countries ebbed away. When they started the process of the restoration of their power and position, they developed their relations. In the past three decades and in fact since the start of the reform and opening up policy, China's power is increasing rapidly. During this period, China became the world's third economic power and it plays a more important role on the international stage.⁵ Nowadays there are fewer strategic decisions being made at an international level without consultation with China or disregarding the country's stance on the matter. China as a developing country that has its own independent foreign policy has had common interests with other developing countries like Iran. Geographical and cultural vicinity of the two countries and the long history of their relations have made these common ties more meaningful.

The relations of the two countries in contemporary times were established in 1971. During these years China imported energy from Iran and the latter missile technology from the former. The bilateral relations, which up until 1980s did not undergo any especial

² Jun, Liu, and Lei WU. Key Issues in China-Iran Relations // *Journal of Middle Eastern and Islamic Studies* (in Asia), 2010, Vol. 4, No. 1, p. 41.

³ Economy Min. in China for 'New Silk Road' Summit // *Iran Daily*, 13 May 2017. Mode of access: <http://www.iran-daily.com/News/192658.html>

⁴ Iran Welcomes China's New Silk Road Initiative // *Tehran Times*, 13 May 2017. Mode of access: <http://www.tehrantimes.com/news/413378/Iran-welcomes-China-s-new-Silk-Road-initiative>

⁵ Shariatnia, Mohsen. China's Middle Eastern Policy / Center for Strategic Research, Iran's Expediency Council, 2009. P. 65.

development, entered a new era.⁶

The Islamic Revolution in Iran coincided with a radical development in China. The relations between the two countries entered a new phase upon this coincidence. The Islamic Revolution changed Iranian foreign policy and the “Neither-the-West,-Nor-the-East” slogan Iran walked in a revolutionary path. This was happening while China changed its major strategic policy from revolutionariness to development in the 3rd Plenary Session of the 11th Central Committee of the Communist Party of China in December 1978. In other words, Iran and China swapped places in the international politics. The conservative Iran, a US ally, turned into a revolutionary stronghold and the revolutionary China that once aimed at annihilating Western imperialism, adopted rationalism in its foreign policy and entered strategic allegiance with the US, the leader of the Western capitalism. The coincidence of these two events made the relations of Iran and China form basically around economic ties and ideology moved out of question.⁷

Soon after the revolution, Iran was drawn into a war with Iraq and its relations with the two superpowers, especially the US, became strained. These superpowers and other countries places arms sanctions on Iran and the pressure on Iran increased. At this juncture, China became the main supplier of weaponry to Iran.⁸ The visit of Hashemi Rafsanjani, the then Speaker of parlement, the House of Representatives, to China in July 1985 opened a new era of military cooperation in their relations. Rafsanjani narrates in his memoire that the main topic of his discussions with the Chinese officials was the purchase of weapons.

He recounts,

“We met Mr. Deng Xiaoping, the leader, and negotiated for an hour. He did not make a clear promise of a sale of weapons during the

*war but show interest in economic relations since they need foreign currency. Mr. Prime Minister, Zhao Ziyang,...came to my residence for the last meeting and farewell.... At first it was an official meeting but upon my request we had a private meeting. We talked about acquiring missiles and he gave his consent and accepted the urgency of the delivery.... The Chinese insist on the secrecy of the sales of weapons.”*⁹

The very important point that Hashemi Rafsanjani mentions in his reports of his visit to China is the question of strategic allegiance with the Chinese. He writes, “Backed by the order Ayatollah Khomeini, I offered strategic allegiance with the Chinese which they welcomed.”¹⁰ This is a clear indication that Iran has given a special importance to its relations with China. The relations of the two countries which were mainly founded on military ties during the Iran-Iraq war gradually was extended to economy, civil engineering, industry, agriculture and so on.¹¹ Hashemi Rafsanjani kept on these relations at a high level in the next decade when he became the president of Iran by enjoying China’s cooperation in the reconstruction of the post-war Iran and the betterment of the shattered economy. His successor, President Khatami, too, followed the same strategy and after a few mutual visits to the capitals by the officials of the two countries, Iran inclined more on China to provide its needs so the level of trade between the two countries reached 10 billion US dollars.¹² It was during this period when the West started curbing Iran’s economic ties with the world for political reasons and sanctions were gradually placed on Iran.

During Mahmoud Ahmadinjed’s time, Iran adopted a policy referred to as “Looking to the East” in order to attract the political support of China and the former Eastern bloc. This happened when the West aimed at isolating Iran from the

⁶ Namayeshi, Alireza. A Study of Iran-China’s Relations and the Developments in the Province of Xinjiang, Events and Analyses Monthly, No. 253, The General Bureau of East Asia and Oceana in Iran’s Ministry of Foreign Affairs, 2009. P. 85.

⁷ Shariatinia, Mohsen. Iran-China’s Decisive Factors // *Foreign Relations Quarterly*, 2012, Vol. 4, No. 2, p. 35.

⁸ Zahirinejad, Mahnaz; Ghoble Vrushal. Energy Factor in China-Iran Relations // *Journal of Peace Studied*, 2010, Vol.17, No.2 & 3, p. 1.

⁹ Hashemi Rafsanjani, Akbar. Hope and Anxiety. Tehran: Bureau of the Dissemination of the Revolutions’ Knowledge, 1986. P. 161.

¹⁰ Ibid. P. 187.

¹¹ Zahirinejad, Mahnaz; Ghoble Vrushal. Energy Factor in China-Iran Relations // *Journal of Peace Studied*, 2010, Vol.17, No. 2 & 3, p. 2.

¹² Iran and China // *The Iran Primer*, 11 October 2010. Mode of access: iranprimer.usip.org/resource/iran-and-china

rest of the world through international sanctions.¹³ Among these contracts was a treaty signed by the two countries in 2008 according to which Iran allowed the Chinese government to use its revenue of the oil sale as credit for the purchase of Chinese goods. Another term of the accord obliged Iran to ensure the sale of Chinese goods on credit.¹⁴ The Rouhani administration has kept the same speed of the relations with China. Rouhani maintains:

*"Relations with China are of utmost importance as we are cooperating with China in different fields. China is willing to invest in various sections of our country. We have approved of a proposal in our government concerns the way we can get access to accounts related to oil sales which were opened in other countries including China."*¹⁵

On January 23, 2016 the Iranian President, Hassan Rouhani, and the Chinese leader, Xi Jinping, reached a pact, as part of 17 signed agreements, according to which China would build two nuclear power plants in southern Iran and Iran, in turn, would provide long-term supplies of oil to China. The 10-year agreement will increase the total value of trade between the two countries to \$600 billion.¹⁶ At this juncture, the relations have both capacities and constrains.

Factors affecting Iran-China relationships

There are four important issues in the relations of the two countries: 1. Cooperation in the energy sector. 2. Chinese help in the settlement of the nuclear crisis. 3. Close stance of the two countries in their foreign policies. 4. Economic relations.

Cooperation in the energy sector

China's rapid economic growth in the past two decades and its increasing need to energy notwithstanding its insufficient and limited sources of energy have made 'energy security' and its outlook an important issue and at the same time a main point of concern because any disruption in the flow of energy can make serious obstacles in the way of China's economic growth, the staying in power of the Communist Party, and leave long-lasting negative influences. Since 1993, China became a main importer of oil even though it was the fifth oil producer in the world. The demand of the country for energy soared from 1.4 to 3.4 million barrels per day between 1985 and 1995.¹⁷ In 2006 the demand reached 6.98 mbd and in 2009 it reached the record level of 9.96 mbpd.¹⁸ Since the time they started importing oil, the Chinese came to know that 'energy security' can be a strategic Achilles' heel especially if the US makes an attempt to use this weak point as leverage of pressure because the US surveils their imported oil rout from the Persian Gulf to the South China Sea. The weaker military position especially the navy makes China establish close ties with oil producing countries especially in the Persian Gulf so that its vulnerability might be diminished to the least possible degree. So it can be said that the main factor in the Chinese interest in the Persian Gulf is energy security.¹⁹ According to the prediction of the IEA, in the year 2030 China will have a share of 20% of the world's demand for energy and that will be more than the need of Japan and Europe altogether and thus surpassing the US as the greatest consumer of energy.²⁰ In the Persian Gulf region, Iran has a great capacity for the expansion of its ties with China in this area for the following reasons: 1. Iran holds the second largest oil and gas reservoir and China is becoming

¹³ Dingli, Shen. Iran's Nuclear Ambitions Test China's Wisdom // *The Washington Quarterly*, Spring 2006. Pp. 55-66.

¹⁴ Sajjadpour Mohamad Kazem; Shariati, Shahrouz. Iran's Premise in China-US Relations 1991-2009 // *Geopolitics Quarterly*, 2011, Vol.7, No. 2, p. 81.

¹⁵ Rouhanin, Hassan. We are Ready for Serious Dialogue with the World, 11 September 2013. Mode of access: <http://www.khabaremruz.com>

¹⁶ Samofalova, Olga. A New Era in Iranian-Chinese Relations Threatens Russian Interests, 28 January 2016. Mode of access: https://www.rbth.com/international/2016/01/28/a-new-era-in-iranian-chinese-relations-threatens-russian-interests_563003

¹⁷ Bin, Mohamed. China's Relations with Arabic and the Gulf. UK: Routledge-Curzon, 2002. P. 23.

¹⁸ Zahirinejad, Mahnaz; Ghoble Vrushal. Energy Factor in China-Iran Relations // *Journal of Peace Studied*, 2010, Vol.17, No.2 & 3, pp. 1-12.

¹⁹ Leveret, F.; Bader, J. Managing China-U.S. Energy Competition in the Middle East // *The Washington Quarterly*, 2005, Vol. 29, No. 1, pp. 187-201.

²⁰ International Energy Agency, World Energy Outlook 2007. Mode of access: <http://www.iea.org/text>

the leading consumer of its energy at a fast speed. 2. Iran has a different method of the management of its energy resources than other Persian Gulf countries and Saudi Arabia in particular and the US as China's strategic rival has no influence on Iran. 3. Long lasting sanctions imposed by the West on Iran as pressure leverage had in effect prevented western oil companies to investigate in the Iranian oil industry and this has paved the way for the presence and influence of China in Iran.²¹ Even today after the sanctions being lifted, China has a better chance of cooperation with Iran in the energy sector than other countries. Besides, China wishes to strengthen its ties with Iran in order to reinforce its presence in central Asia and reach the sources of energy in the Caspian Sea. Procurement of energy from the Caspian Sea makes China less dependent on the import of oil from the Persian Gulf states.²² It follows that China attempts to approach Iran and enjoy its energy. This was evident in 2014 when China imported 555 bpd from Iran and in March 2015 it approached 630 bpd with a 15% increase in comparison with the year before. Chinese firms were expected to buy between 3 million to 4 million barrels more Iranian oil each quarter in 2017 than the previous year. That would be about 5 to 7 % higher than the 620.000 barrels per day (bpd) of Iranian crude oil the country exported during the first 11 months of 2016.²³ Bijan Namdar Zanganeh, the Iranian Oil Minister, in his visit to China in 2015 declared that he had negotiations regarding the investment of the Chinese firms in the Iranian oil and gas industries as well as the increase of oil export to China.²⁴ Regarding post-sanctions economic relations with China he added, "China will remain a strategic partner to us.... Even after

the sanctions are lifted up, we will continue our cooperation with countries that kept friendly relations with us during the sanctions." At the present time, Chinese oil firms are reviewing their contracts in order to increase the import of oil and investment in the Iranian oil and gas industries. Sinopec signed a development deal for the Yadavaran field in late 2007 with CNPC signing a deal for the North Azadegan field in 2009, after Japanese and European companies pulled out of the projects, both in the southwestern Iranian province of Khuzestan, due to sanctions over Iran's nuclear program. Both fields started pumping oil in early 2016, with North Azadegan reaching full production in the third quarter and Yadavaran in the fourth quarter, and they are currently pumping at around 160.000 bpd.²⁵ Some researchers like Joel Wuthnow express the lifting of United Nations (UN) and U.S. nuclear-related sanctions will increase opportunities for Chinese firms to invest in and trade with Iran. In anticipation of sanctions relief, Chinese NOCs such as Sinopec and China National Petroleum Corporation (CNPC) are expected to increase production in Iran, contributing to a rise in oil output.²⁶

Iran's nuclear crisis and the 5+1

China did participate actively in development of Iran's nuclear program from 1990-1996, training Iranian nuclear scientists, building the research nuclear reactor in Isfahan, providing Iran with enriched uranium and dual use technology, etc. but in 1997, under severe pressure by Americans; it withdrew from the program.²⁷ In the IAEA, China had the alternative of bilateral cooperation with Iran or supporting the Non-Proliferation Treaty and at the same time keeping relations with Iran. It went for the latter.²⁸ Nevertheless, the Chinese

²¹ Wei, Qiu; Xuan, Zuo. China Sweats Iran Trade Tie // *Global Times*, 30 September 2009. Mode of access: <http://www.globaltimes.cn/content/473474.shtml>

²² Dario, . China and Iran Strengthen their bilateral Relationship, 8 October 2006. Mode of access: <http://www.worldsecuritynetwork.com/China-Iran/Cristiani-Dario/China-and-Iran-Strengthen-their-Bilateral-Relationship>

²³ Aizhu, Chen. China's Iran Oil Imports to Hit Record on New Production // *Reuters*, 5 Jan 2017. Mode of access: <http://www.reuters.com/article/us-china-iran-oil-idUSKBN14P15W>

²⁴ Alai, Nassim. Oil Export on the Line of Agreement // *Donyaye Eghtesad Daily*, No. 3470, 29 April 2015.

²⁵ Aizhu, Chen. China's Iran Oil Imports to Hit Record on New Production // *Reuters*, 5 Jan 2017. Mode of access: <http://www.reuters.com/article/us-china-iran-oil-idUSKBN14P15W>

²⁶ SIPRI Arms Transfer Database. Mode of access: www.sipri.org

²⁷ Medeiros, S. Reluctant Restraint: The Evolution of China's Non Proliferation Policies and Practices, 1980-2004. Palo Alto, Ca: Stanford University Press, 2007. P. 11.

²⁸ Dingli, Shen. Iran's Nuclear Ambitions Test China's Wisdom // *The Washington Quarterly*, Spring 2006.

officials constantly reiterated the peaceful settlement of the nuclear crisis but in the long run they backed the referral of Iran's nuclear dossier to the UN Security Council.²⁹ They reasoned that they supported the act because IAEA was the sole authority to investigate the matter and the stepping in of the Security Council is merely to help solve the matter not to take the charge of the dossier. Despite all this, China voted in favor of the passage of the UN resolution on 31 June, 2006 whereby Iran was given a 30-day deadline to suspend activities related to nuclear enrichment. China's Foreign Ministry Spokesperson commented on China's decision that they hope that the resolution would be in line with diplomatic attempts in Iran's nuclear issue.³⁰ Ever since, China backed a number of the UN resolutions urging "Iran must stop uranium enrichment activities." Based on this, one can take China as a partner to the US. However, China showed reservation in implementing the resolutions. The Chinese diplomacy regarding the resolutions was based on the following: the diminishing of the negative effects on Iran's activities, considering them as non-abiding for China and more importantly the resolutions must not disrupt Iran's production and export of energy or the Chinese investment in that sector. While owing to the sanctions, European and East Asian firms abstained from any trade with Iran, Chinese firms did not miss the opportunities in Iran. Thus, up until 2010 on paper China had already become the main foreign investor in the Iranian oil sector.³¹ China tried to help the nuclear negotiations get along in Vienna in 2015 and bring close together the views of different parties. The public opinion in Iran, however, has been critical of China's stance toward the nuclear dossier in comparison with China's role in the Syrian crisis. Nevertheless, compared with Western negotiators they believe China has had a more constructive role. Iran hopes that the two countries continue their

cooperation especially in nuclear technology in the post-agreement era.

*Iran-China's close views
in foreign diplomacy*

Iran and China share close views in their international policies both on regional and international level. On a regional level both regard the rise of IS as a real threat in the spread of extremism and terrorism and stress confronting them. Although unlike Iran, China does not take part in fighting IS in the battlefronts in Iraq and Syria but compared to other Western countries it does not criticize Iranian stance in these two countries. Both Iran and China stress a peaceful settlement of the Syrian crisis through diplomacy and by Syrian people. China has voted against four UN resolutions on Syria and thus in effect is coming close to Iran's stance against any military solution in the settlement of the crisis. Part of this opposition is related to the importance China gives to the sovereignty of countries. To China as to Iran sovereignty in its traditional and absolute sense is of great significance.³² Therefore, excuses like human rights violation should not provide ground for the breach of the sovereignty of countries. Iran and China, adopting this common policy, endeavor to stop what they call the opportunism of the US in Iraq, Afghanistan, Yemen, and Syria for human rights reasons. Nonetheless, both countries are charged with the same problem of the violation of human rights by American officials and believe that the allegations are politically motivated. So they slam such allegations. But what highlights the relations of China and Iran more than anything else is both countries' stance on international system and its future. Iran and China are among countries that demand a review of the present state of the distribution of power in the international system and are not happy with their positions. However, Iran voices its dissatisfaction more openly and radically than China. These views have had ebbs and flows in the past three decades. At the beginning of the revolution and during the Ahmadinejad administration the stance has been very radical while during the presidencies of Rafsanjani, Khatami, and now Rouhani the views have been more moderate.

²⁹ Jun, Liu, and Lei WU. Key Issues in China-Iran Relations // *Journal of Middle Eastern and Islamic Studies* (in Asia), 2010, Vol.4, No.1, p. 52.

³⁰ Iran / *IRNA News Agency*, 21 July 2006.

³¹ Katzman, . The Iran Sanction Act / *CRS Report for Congress*, renowned RS 20871, 12 October 2007. Mode of access: <http://www.fas.org/sgq-crs/row/rs 2008.7.1pdf>

³² Krasner, S. *Sovereignty*, Princeton: Princeton University Press, 1999.

In either case, Iran shares China's concern about American hegemony in the world as a threat against its own national security and calls for multi polarization of the international system. Shanghai Cooperation Organization (SCO) is an organization in which both parties as well as Russia attempt to adopt and follow their own multilateral views in the international system. Although Iran is an SCO observer but is trying to use the influence of China to contain the presence of the US in the region. The final declaration of the SCO summit in 2005 which stresses the leaving of the US military forces from the region is a concrete example of the alignment of the two countries' stance.³³ Yet, China has recently refused to consider making Iran a member of the Shanghai Cooperation Organization. China is looking first at her own national interest. Beijing is not interested to transform the SCO into an anti-western organization. SCO is indeed a very useful soft-balancing tool against the US, but not organization for direct confrontation with Washington.

Economic relations of Iran and China

Iran and China have had relations in the past four decades but they were never as warm as today. This is related, more than anything else, to the Western and especially US and EU sanctions against Iran. The cutting off of the diplomatic relations of Iran and the US and the start of the Iran-Iraq war opened a new economic opportunity before China and over time the volume and variety of this opportunity expanded. The trade between Iran and China grew basically in two areas of general trade and oil and gas industry. The level of trade between Iran and China was 400 million dollars in 1994 but in 2008 it reached the record level of 29 billion dollars. At the present time, China is Iran's main trade partner in Asia and the third greatest partner in the world.³⁴ In terms of the export of goods to Iran, China is the second exporter while in 1984 it was the fifth greatest exporting country to Iran. The statistics from the Iranian Customs show that Iran's import

reach 38.5 billion dollars. 9.189 billion dollars (24%) of the imports were from the UAE and 8.978 billion dollars (23.3%) were from China. In total, about 18.2 billion dollars (over 47%) of Iran's total import is from these the two countries. But the fact is that the presence of Chinese goods is way beyond the above figures since part of Chinese goods is re-exported to Iran via UAE.³⁵ Adding this to the goods China directly exports to Iran, it becomes exporter number one to Iran. According to the IMF, in 2014, Iran has exported 24.968 billion US dollars to China and Imported 26.772 billion US dollars from China. It represents 28.99% of all Iranian Exports and 27.77 of all her imports.³⁶

China regards Iran as a permanent partner for its exports and a source of its ever increasing need for energy. Iran obtains a considerable income from its export of oil and gas to China. That's the reason why A.A. Salehi, the former FM, regards the two countries as complementary to each other's needs and maintained, "They [the Chinese] have the industry and we have the source of energy."³⁷

Two Countries have warm Cooperation on Chia's new Silk Road initiative, also known as the "One Belt, One Road" program. As Gautam Adhikari, a senior fellow at the Center for American Progress in Washington DC describes Iran is "a vital link" on China's New Silk Road Initiative. He believes that "Iran's strategic location and its capacity to supply oil and gas to China are important reasons why Iran is a key point of the "One Belt, One Road" or OBOR. A train line is now operational between Chain's east coast and Tehran. It has slashed time between Shanghai and Tehran to just two weeks compared to the 45 days it takes for goods to be ferried by sea between Shanghai and Bandar Abbas."³⁸

Apart from trade and consumers' goods, a military relation with China is of great importance to Tehran. To Iran, China remains a serious

³³ Declaration of Heads of Member States of SCO, 2006. Mode of access: <http://english.secosummit2006.org>, accessed 20 November 2015

³⁴ Iran, China trade links // *Tehran Times*, 11 May, 2009.

³⁵ China Firms in Iran Providing Strategic and Infrastructure Support // *World Tribune*, 31 August 2007. Mode of access: www.worldtribune.com

³⁶ IMF. Direction of Trade Statistics Yearbook, 2015.

³⁷ Ibid.

³⁸ Heirannia, Javad. "Iran is a 'Vital Link' on Silk Road: Expert" // *Tehran Times*, 12 September, 2016, Mode of access: <http://www.tehrantimes.com/news/406287/Iran-is-a-vital-link-on-Silk-Road-expert>

option to purchase weaponry even in the post-nuclear-deal era. Iran will never forget the role of China in selling 5 billion dollars weapons in the war with Iraq and regards Chinese weaponry as substitutes for Western one to guarantee Iran's security at hard times.³⁹ Statistics show that after Pakistan, Iran is the second main purchaser of Chinese weaponry in the years 2005-2009.⁴⁰ It is believed that most of these purchases have been for missiles which are estimated between 4-10 billion dollars.⁴¹ Notwithstanding the uplifting of the Missile sanctions against Iran after the nuclear deal, it is expected that this division of the relations secretly continue as before. *Table 1* identifies how the nuclear deal would affect sales of the systems supplied by China to Iran in the decade prior to the imposition of the 2010 sanctions.

Table 1

Chinese Arms Sales and Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA) Impact

System	Description	Range	Years of Deliveries	Sales Under JCPOA
C-802	Anti-ship missile	120 km	1994-2012	Requires UNSC approval for first 8 years; no restrictions thereafter
Type-86	APC	N/A	1997-2011	Requires UNSC approval for first 8 years; no restrictions thereafter
TL-10/PL-8	Anti-ship missile	18 km	2002	Permitted (maximum range under 25 km)
C-704	Anti-ship missile	45 km	2003	Requires UNSC approval for first 8 years; no restrictions thereafter
C-801	Anti-ship missile	40 km	2004	Requires UNSC approval for first 8 years; no restrictions thereafter
QW-11	Portable surface-to-air missile	5 km	2005	Requires UNSC approval for first 8 years; no restrictions thereafter

Source: SIPRI Arms Transfer Database.
Mode of access: www.sipri.org

In general, renewed sales of most of these systems would require UNSC approval, though provision of short-range missiles such as the FL-8 would likely be permitted without waiver.

The partial lifting of sanctions on Iran following the nuclear agreement with the U.S. seems to be helping Iran-China economic cooperation; EU nations are still somewhat wary of vigorously expanding economic ties with Iran but China is not. Iran and China have

set the ambitious goal of increasing bilateral trade tenfold, to \$600 billion, by 2026.⁴²

Constraints before Iran and China relations

Based on above analyses, it seems that the potential for Iran-China relations will be mainly in the energy sector and in the second place in some alignment of foreign diplomacy, and economic and arms trade. The energy sector is the most potential area in the relations of the two countries because geopolitically Iran is a key player in the energy sector and on the other hand China is the greatest consumer of energy.⁴³ In addition, Iran and China's foreign policies seem to be in alignment in some fields. Both countries stress multilateralism, will not tolerate foreign intervention in other countries' internal affairs, and make attempts to develop their position in the international hierarchy.⁴⁴ These common interests can make the political relations of the two countries more meaningful. The strategic choice of China and its special relations with great powers including the US and the EU on one hand and Iran's criticism of the structure of the international system on the other make the two countries' relations face considerable constraints.⁴⁵ Since economic ties are of great importance to China and a great deal of these ties are with the US and EU, the country has to consider these countries' concerns regarding Iran.⁴⁶ The notion of coordination with the international system is a special priority in China's foreign policy. Thus China

⁴² China, Iran Agree to Expand Trade to \$600 Billion in a Decade" / *Bloomberg*, 23 January, 2016, Mode of access :www.bloomberg.com/news/articles/2016-0

⁴³ Miraskari, S.R.; Tayebi S.K.; Barzani M.V. An Analysis of International Outsourcing in Iran-China Trade Relations // *Journal of Money and Economy*, 2013, Vol.8, No. 1, pp. 109-139.

⁴⁴ Peimani, Hooman. China and Iran: Energy Security Cooperation, But not Much More // *East Asian Policy*, 2011, p. 131.

⁴⁵ Scott, W. Harold; Nader, Ali Reza, China and Iran: Economic, Political, and Military Relations / Center for Middle East Public Policy, International Programs at Rand, 2012. P. 21.

⁴⁶ Zahirinejad, Mahnaz; Ghoble Vrushal. Energy Factor in China-Iran Relations // *Journal of Peace Studied*, 2010, Vol.17, No.2 & 3, p. 8.

³⁹ Carter, H.; Ehteshami, A. The Middle East's Relations with Asia and Russia. London: Routledge, 2004.

⁴⁰ Swaine, M.D. Beijing's Tight trope Walk on Iran // *China Leadership Monitor*, 2010, Vol. 3. Mode of access: <http://www.carnegieendowment.org/files/clms.pdf>

⁴¹ Scott, W. Harold; Nader, Ali Reza, China and Iran: Economic, Political, and Military Relations / Center for Middle East Public Policy, International Programs at Rand, 2012. P. 7.

exerts efforts to expand constructive relations with the world's superpowers and hence materialize this coordination. The future of the international system is not insignificant to China but it is pursuing its own goals within the system and in cooperation with superpowers. Thus China's attempt to cooperate with the transitory international system and Iran's defiant approach towards this system has produced significant obstacles on the two countries' relations. Thus it can be argued that Iran's approach towards the West and the US in particular influences Iran-China political relations though the economic ties are less affected.⁴⁷

Chinese leaders are cognizant of these concerns and attempt to maintain a picture of theirs as a responsible power in theory and in practice.⁴⁸ This power might not be happy with some international institutions but is not aiming at a revolutionary eradication of these institutions either. Besides, the country has accepted certain norms of the international society to both ensure other countries especially the US about the consequences of its gaining power and preserve the international arena as a suitable environment for its growth and development. The theorization of the peaceful rise of a power as a dominating notion in the Chinese foreign diplomacy is the result of such an outlook toward the international system and China's place in it as well. The publication of the white paper of the State Council Information Office on 22 December 2005 entitled *China's Peaceful Development Road* shows that China is determined on establishment of a peaceful international setting for the advancement of its development on the one hand and maintaining the global peace on the other. Peace and the open-door policy, cooperation and coordination, and win-win policy are among fundamental principles of this document.⁴⁹ The

same stance is repeated in another document that the Chinese State Council released in September 2011.⁵⁰ Apart from above considerations we must pay attention to important factors as constraints to Iran and China relations: the Israel Factor (China has very important relations with Tel Aviv: trade, technology, military technology,...) and Arab Factor, specially the relation between Beijing and Riyadh (and Gulf Monarchies) which are very important for China. In 2014, in terms of exports the first partner of China in the Middle East was the UAE, followed by Iran and Saudi Arabia but Beijing import more from the Saudi Kingdom than from the Islamic Republic of Iran (48.679 billion US Dollars versus 27.465)⁵¹ also total China-Saudi trade is 70.271 million US\$ versus total China-Iranian trade: 51.803.⁵² Also, Although President Xi Jinping during his January 22-23, 2016 visit to Iran confidently pledged to promote trade ties to the value of \$600 billion in ten years but as Scott explains it is "Exaggerated Ambition." He argues:

*"\$600 billion is approximately 33% larger than the current size of Iran's economy, which was valued at \$406.3 billion by the World Bank in 2014. The Five-Year Plan the Iranian Parliament is aiming for an average 8% growth rate. Similarly, the World Bank projects that Iran's real G.D.P. should rise to 5.8% and 6.7% in 2016 and 2017, respectively. Therefore, under ideal conditions, if one was to take the optimal growth rate of 8% at a constant rate for ten years, the size of Iran's economy would amount to \$876.52 billion, approximately, in 2025. Thus, the \$600 billion bilateral trade target would roughly equate to two-thirds of Iran's G.D.P. a decade from now."*⁵³

access: <http://www.china.org.cn/english/2005/Dec/152669.html>

⁴⁷ Scott, W. Harold. Opportunistic Cooperation under Constraints: Non-Proliferation, Energy Trade, and the Evolution of Chinese Policy towards Iran // *Chinese Journal of International Politics*, 2015, Vol. 8, No. 1, pp. 59-81.

⁴⁸ Marybeth, Davis et al. China-Iran A Limited Partnership, Prepared for the US-China Economic and Security Review Commission. Centre Technology, Inc, 2013. P. 18.

⁴⁹ White Paper on Peaceful Development Road Published. 22 December 2005. Mode of

⁵⁰ Information Office of the State Council / China's Peaceful Development, September 2011, Mode of access: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2014/09/09/content_281474986284646.html

⁵¹ Daojiong, Zha; Meidan, Michal. China and the Middle East in a New Energy Landscape. Asia Programme, Chatham House: The Royal Institute of International Affairs, October 2015.

⁵² Scott, Emma. Defying Expectations: China's Iran Trade and Investments, 6 April 2016. Mode of access: <http://www.mei.edu/content/map/defying-expectations-china%E2%80%99s-iran-trade-investments>

⁵³ Ibid.

The future of Iran-China relations?

In order for the formation of an alliance between two countries it is necessary that in addition to the national and international potential, the geopolitical and geostrategic position, one the following conditions should exist between the two countries otherwise, the mutual relations will be, in the best possible state, an ordinary cooperation:

According to Michael Barnett and Jack Levy, in order to establish a strategic relation it is necessary that either of the parties – here the weaker state – face a legitimacy crisis and need a foreign ally in order to guarantee its internal security.⁵⁴ Iran's present condition indicates that there is no serious domestic threat to the country apart from some terrorist and disintegrating activities and from the legitimacy perspective it is in a favorable condition. In the event of a threat, China's non-interference policy in other countries' internal affairs shows that it cannot be a reliable strategic ally for Iran from this perspective and the country is not in principle interested in following Iran's internal affairs such as the unrests in 2009.⁵⁵

Another aspect of threats to national security which lead to the alliance of two countries is foreign threats. In this respect, Martin White stipulates that the function of alliances is the reinforcement of the security of allies and the promotion of their interests in outside world.⁵⁶ George Liska believes that because of inability in confrontation with powerful enemies, countries decide to join forces with other countries that in the same boat in order to increase their power to face threats.⁵⁷ Although the basis and the logic of this notion lies in Morgenthau's views and the theory of the

balance of power,⁵⁸ later theorist like Stephan Walt find “the balance of threat” as a substitute for the “balance of power.”⁵⁹ Nonetheless, even though Iran has been militarily constantly threatened by the US and Israel, there are a few factors that will not allow the consideration of Iran and China's relations as strategic. First Iran is believed to possess military deterrent power and constantly speaks of a response to make any offensive state repent.⁶⁰ Secondly, because China is not yet a stabilized superpower it is not willing to confront the US and its ally, Israel. Therefore, China prefers to remain neutral rather than taking Iran's side. Thirdly, China itself is faced with numerous problems on a domestic level such as the Moslems in the province of Xinjiang and Tibetan separatists and also on a regional level like the problems with Japan, Taiwan and India.

Based on exchange theory, the quantity and quality of political, economic and cultural exchanges between states play significant roles in the formation of an alliance between them. Steven Spiegel and Louis Cantori are among these theorists who believe the more the volume of trade between states, the more convergence between them.⁶¹ As stated earlier, Iran and China have good trade level but as there are factors in the way to prevent the formation of a strategic alliance between them in future. Firstly, according to Spiegel and Louis Cantori theory, there is no similarity between the economic structures and also the degree of development of the two countries. Secondly, the volume of trade of Iran with China barely exceeds 0.5% of the latter's foreign trade while the volume of trade with the US is 20% of China's foreign trade. Even the volume of trade between China and Iran's enemy, Israel, is constantly rising and there is a 40% average annual growth of the trade between the two and in 2008 have hit the record

⁵⁴ Barnett, Michael; Levy, Jack. Alliance Formation, Domestic Political Economy and Third World Security // *Jerusalem Journal of International Relations*, 1992, Vol. 14, No. 4, pp.19-40.

⁵⁵ Scott, W. Harold; Nader, Ali Reza. China and Iran: Economic, Political, and Military Relations / Center for Middle East Public Policy, International Programs at Rand, 2012. P. 6.

⁵⁶ Wight, Martin. Power Politics. New York: Holmes & Maier, 1978. P. 122.

⁵⁷ Liska, George. Nations in Alliance: The Limits of Interdependence. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1962. P. 13.

⁵⁸ Morgenthau, Hans. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York: Knopf, 1985. P. 263.

⁵⁹ Walt, Stephan. The Origins of Alliances. Ithaca: Cornell University Press, 1987. P. 263.

⁶⁰ Bagheri Dowlatabadi, Ali. Deterrence Element in Iran's Military Strategy // *Defense Policy Quarterly*, 2013, Vol. 22, No. 85, pp. 28-56.

⁶¹ Cantori, Louis; Spiegel, Steven. The International Politics of Region: A Comparative Approach. New Jersey: Prentice Hall, 2005. Pp. 10-11.

level of 5.1 billion dollars.⁶² The idea that China abandons its trade with Israel and the US owing to a possible strategic alliance with Iran makes no sense. Then it can be concluded that in the best feasible way, Iran can be a mere provider of China's energy and a consuming market for its goods. Thirdly, at best only sanctions related to Iran's nuclear activities will be lifted but the ones related to the human rights violations, sale of arms, support of terrorism, etc. will stay in force. So, the two parties will have constraints even in their trade relations and there is no horizon of these relations exceeding a certain level.

Some theorists like Barry Buzan and Ole Waever believe non-material factors like historical identities and ideological and identity affinities are helpful in the formation of friendly or unfriendly relations.⁶³ Michael Barnett supports this theory. He finds intellectual and ideological affinities as important factors in the formation of Bagdad Treaty in 1955 or identity considerations in foundation of Persian Gulf Cooperative Council.⁶⁴ Seeing Iran-China relations from this perspective, one can easily see radical differences between Iran's Shia beliefs, patriotic tendencies, and ultra-patriotic ambitions and China's outlook on and place in the international system. Unlike Iran, China simply thinks of material interests and does not pursue communist cultural and value concerns beyond its boundaries. They attempt to develop their economy by blending nationalism, Marxism and Chinese production style. So they do not endeavor to disrupt the international structure in the short term or do not engage in a war of words with the US on issues like the spread of American values in the world or the preference

justice to order in the world management.⁶⁵ They would rather maintain their role as a responsible stakeholders in the international society but Iran still pursues the export of its revolution to countries in region such as Bahrain, Yemen, and Lebanon.⁶⁶

Another Problem for developing of Iran-China Relations is Beijing-Riyadh's Relations. China has shown a specific interest in Saudi Arabia due to the importance of oil. Beijing has signed the Strategic Oil Cooperation agreement with Saudi Arabia in 1999, which laid the foundation for Saudi Arabia to become and remain China's largest oil supplier. Because of that, China has invested and attempted to influence the Saudis to be more conducive to Chinese industry. One example is China Petroleum and Chemical Corporation's (SINOPEC)

Meeting with Saudi Aramco to discuss a stake in a \$1.2-billion refinery in the Chinese city of Qingdao. The two sides further joined hands in a \$3.5-billion venture in Fujian province that included greater refinery capacity.⁶⁷ Despite this rapid growing trade between the two countries, if we exclude the importance of Saudi oil exports, the total volume of trade between Saudi Arabia and China constitutes less than 1.5% of China's total foreign trade. On the other hand, we find that the Saudi trade with China accounted for around 14% of Saudi Arabia's total foreign trade.⁶⁸ Sean Foley believed, that

"For Saudis, who had grown tired of their relationship with the United States, China appeared to be the alternative they had been seeking for years. In less than a decade, the

⁶² Israeli Central Bureau of Statistics Report, 2009. Mode of access: www.cbs.gov.il/eng/index

⁶³ Buzan, B.; Waever, O. Regions and Powers. Cambridge: Cambridge University Press, 2005; Cantori, Louis; Spiegel, Steven. The International Politics of Region: A Comparative Approach. New Jersey: Prentice Hall, 2005.

⁶⁴ Barnett, Michael. Identity and Alliance in the Middle East / in Peter Katzenstein, Ed, The Culture of National Security, Norms and Identity in World Politics. New York: Columbia University Press, 1996.

⁶⁵ Meredith, R. The Elephant and The Dragon: The Rise of India and China and What It Means for All of Us. New York: Norton, 2007.

⁶⁶ Reeves, Jeffre. Chinese Perspectives on Sino-Iran Relations // *Small Wars Journal*, 2015, Vol. 9. Mode of access: www.smallwarsjournal.com

⁶⁷ Varij Kazemi, Abbas. China and the Middle East: More Than Oil // *The European Financial Review*, 2014. Mode of access: https://www.researchgate.net/profile/Xiangming_Chen/publication/277816073_China_and_the_Middle_East_More_Than_Oil/links/5574b0fb08aeb6d8c01945b6.pdf, March 2014

⁶⁸ Bingbing, Wu. China is More Important to Saudi Arabia than Vice Versa" / Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2011, Mode of access: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/ASIA%20Program_China%20and%20the%20PG.pdf#page=19

Asian nation [China] had emerged as one of Saudi Arabia's primary trading partners. And it had the potential to be the Kingdom's new strategic partner, and a long history of cultural ties to the Arab and Muslim worlds, including Saudi Arabia."⁶⁹

This condition indicates that Saudi Arabia could be the one who is courting the Chinese market and China will not side with Tehran in the latter's ongoing political disputes with Riyadh, Tel Aviv, or Baghdad. China's continued regional balancing act was on display in advance of Xi Jinping's visit to Iran in January 2016, in which Beijing balanced closer ties with Tehran with improved relations with Arab states.

Although Iran and China have a common opinion on the principle of non-interference in the internal affairs of countries like Syria but two countries follow their own solutions for ending the crisis. While Chinese policymakers have implicitly questioned Iran-Russia's commitment to a multilateral political solution to the Syrian conflict, both Iran and Russia have military presence in Syria. Some researchers like Ramani believe that "China desire to bolster its international status among anti-Western authoritarian regimes and potentially challenge Russia's role as the leading normative counterweight to American hegemony in the Middle East."⁷⁰ Therefore, while China has refused to militarily intervene in Syria alongside Iranian forces, its indirect pro-Assad actions have helped entrench Tehran as a vital Chinese ally in the Middle East. However, Iran expects China to play a serious role in the Syrian crisis and use its capacity for realizing peace in the Middle East.

Conclusion

The findings of this paper shows that Iran and China's relations will continue in future due to both parties' needs for energy, trade

and mutual concerns in foreign diplomacy but there is little likelihood that these relations are promoted to a strategic level. China follows the model of peaceful rise in the international system and is not willing to dispute with Western countries and the US in particular over Iran. Therefore, whenever it is at a fork it will go for the US rather than Iran. This is evident in the case of the UN resolutions against Iran. It seems Iranian officials have come this understanding that they cannot rely on China as a trustworthy shield against pressures by the West so they prefer to solve their issues with them first through diplomatic negotiations and then through coordination of their policies with Russia and economic stance with China. Also, China's relations with Iran do not differ greatly from China's relations with other Middle Eastern countries. In General, bilateral China- Iran Relations are not as intense as the impression often given by Western media reports.

References:

- Aizhu, Chen. China's Iran Oil Imports to Hit Record on New Production // *Reuters*, 5 Jan 2017. Mode of access: <http://www.reuters.com/article/us-china-iran-oil-idUSKBN14P15W>.
- Alai, Nassim. Oil Export on the Line of Agreement // *Donyaye Eghtesad Daily*, No. 3470, 29 April 2015.
- Bagheri Dowlatabadi, Ali. Deterrence Element in Iran's Military Strategy // *Defense Policy Quarterly*, 2013, Vol. 22, No. 85, pp. 28-56.
- Barnett, Michael. Identity and Alliance in the Middle East / in Peter Katzenstein, Ed, *The Culture of National Security, Norms and Identity in World Politics*. New York: Columbia University Press, 1996.
- Barnett, Michael; Levy, Jack. Alliance Formation, Domestic Political Economy and Third World Security // *Jerusalem Journal of International Relations*, 1992, Vol. 14, No. 4, pp.19-40.
- Bin , Mohamed. China's Relations with Arabic and the Gulf. UK: Routledge-Curzon, 2002.
- Bingbing, Wu. China is More Important to Saudi Arabia than Vice Versa" / Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2011, Mode of access: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/ASIA%20Program_China%20and%20the%20PG.pdf#page=19
- China, Iran Agree to Expand Trade to \$600 Billion in a Decade" / *Bloomberg*, 23 January, 2016, Mode of access: www.bloomberg.com/news/articles/2016-01-23-china-iran-agree-to-expand-trade-to-600-billion-in-a-decade
- Buzan, B.; Waever, O. Regions and Powers. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Cantori, Louis; Spiegel, Steven. The International Politics of Region: A Comparative Approach. New Jersey: Prentice Hall, 2005.
- Carter, H.; Ehteshami, A. The Middle East's Relations with Asia and Russia. London: Routledge, 2004.

⁶⁹ Foley, Sean. New Ally for Saudi Arabia, 2016. Mode of access: <http://www.seanfoley.org/sites/default/files/foley.pdf>, 2016

⁷⁰ Ramani, Samuel. China's Syria Agenda // *The Diplomat*, 22 September, 2016. Mode of access: <http://thediplomat.com/2016/09/chinas-syria-agenda>

Daojiong, Zha; Meidan, Michal. China and the Middle East in a New Energy Landscape. *Asia Programme*, Chatham House: The Royal Institute of International Affairs, October 2015.

Dario, Cristiani. China and Iran Strengthen their Bilateral Relationship 8 October 2006. Mode of access: <http://www.worldsecuritynetwork.com/China-Iran/Cristiani-Dario/China-and-Iran-Strengthen-their-Bilateral-Relationship>

Dingli, Shen. Iran's Nuclear Ambitions Test China's Wisdom // *The Washington Quarterly*, Spring 2006.

International Energy Agency, World Energy Outlook 2007. Mode of access: <http://www.iea.org/text>

Foley, Sean. New Ally for Saudi Arabia, 2016. Mode of access: <http://www.seanfoley.org/sites/default/files/foley.pdf>, 2016

Hashemi Rafsanjani, Akbar. Hope and Anxiety. Tehran: Bureau of the Dissemination of the Revolutions' Knowledge, 1986.

Heirannia, Javad. Iran is a 'Vital Link' on Silk Road: Expert // *Tehran Times*, 12 September, 2016, Mode of access: <http://www.tehrantimes.com/news/406287/Iran-is-a-vital-link-on-Silk-Road-expert>

China's Peaceful Development / Information Office of the State Council. September 2011. Mode of access: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2014/09/09/content_281474986284646.html

Economy Min. in China for 'New Silk Road' Summit // *Iran Daily*, 13 May 2017. Mode of access: <http://www.iran-daily.com/News/192658.html>

Israeli Central Bureau of Statistics Report, 2009. Mode of access: www.cbs.gov.il/engindex

Jun, Liu, and Lei WU. Key Issues in China-Iran Relations // *Journal of Middle Eastern and Islamic Studies* (in Asia), 2010, Vol.4, No.1, pp. 35-57.

Katzman, J. The Iran Sanction Act / CRS Report for Congress, renowned RS 20871, 12 October 2007. Mode of access: <http://www.fas.org/sqg-crs/row/rs/2008.7.1pdf>

Krasner, S. Sovereignty, Princeton: Princeton University Press, 1999.

Leveret, F.; Bader, J. Managing China-U.S. Energy Competition in the Middle East // *The Washington Quarterly*, 2005, Vol. 29, No.1, pp. 187-201.

Liska, George. Nations in Alliance: The Limits of Interdependence. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1962.

Marybeth, Davis et al. China-Iran A Limited Partnership, Prepared for the US-China Economic and Security Review Commission. Centre Technology, Inc, 2013.

Medeiros, S. Reluctant Restraint: The Evolution of China's Non Proliferation Policies and Practices, 1980-2004. Palo Alto, Ca: Stanford University Press, 2007.

Meredith, R. The Elephant and The Dragon: The Rise of India and China and What It Means for All of Us. New York: Norton, 2007.

Miraskari, S.R.; Tayebi, S.K.; Barzani, M.V. An Analysis of International Outsourcing in Iran-China Trade Relations // *Journal of Money and Economy*, 2013, Vol. 8, No. 1, pp. 09-139.

Morgenthau, Hans. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York: Knopf, 1985.

Namayeshi, Alireza. A Study of Iran-China's Relations and the Developments in the Province of Xinjiang, Events and Analyses Monthly, No. 253, The General Bureau of East Asia and Oceania in Iran's Ministry of Foreign Affairs, 2009.

Peimani, Hooman. China and Iran: Energy Security Cooperation, But not Much More // *East Asian Policy*, 2011, pp.126-134.

Ramani, Samuel. China's Syria Agenda // *The Diplomatic*, 22 September, 2016. Mode of access: <http://thediplomat.com/2016/09/chinas-syria-agenda>

Reeves, Jeffre. Chinese Perspectives on Sino-Iran Relations // *Small Wars Journal*, 2015, Vol. 9. Mode of access: www.smallwarsjournal.com

Rouhanin, Hassan. We are Ready for Serious Dialogue with the World, 11 September 2013. Mode of access: <http://www.khabaremruz.com>

Sajjadpour Mohamad Kazem; Shariati, Shahrouz. Iran's Premise in China-US Relations 1991-2009 // *Geopolitics Quarterly*, 2011, Vol.7, No. 2, pp. 75-97.

Scott, Emma. Defying Expectations: China's Iran Trade and Investments, 6 April 2016. Mode of access: <http://www.mei.edu/content/map/defying-expectations-china%E2%80%99s-iran-trade-investments>

Scott, W. Harold. Opportunistic Cooperation under Constraints: Non-Proliferation, Energy Trade, and the Evolution of Chinese Policy towards Iran // *Chinese Journal of International Politics*, 2015, Vol. 8, No. 1, pp. 59-81.

Scott, W. Harold; Nader, Ali Reza. China and Iran: Economic, Political, and Military Relations / Center for Middle East Public Policy, International Programs at Rand, 2012.

Declaration of Heads of Member States of SCO, 2006. Mode of access: <http://english.secosummit2006.org>

Shariatnia, Mohsen. Iran-China's Decisive Factors // *Foreign Relations Quarterly*, 2012, Vol. 4, No. 2, pp. 25-41.

Shariatnia, Mohsen. China's Middle Eastern Policy / Center for Strategic Research, Iran's Expediency Council, 2009.

Swaine, M.D. Beijing's Tightrope Walk on Iran // *China Leadership Monitor*, 2010, Vol. 3. Mode of access: <http://www.carnegieendowment.org/files/clms.pdf>

Iran Sees 40% Rise in Exports to China 2010 // *Tehran Times*, 18 January 2010, Mode of access: www.TehranTimes.com

Iran Welcomes China's New Silk Road Initiative // *Tehran Times*, 13 May 2017. Mode of access: <http://www.tehrantimes.com/news/413378/Iran-welcomes-China-s-new-Silk-Road-initiative>

Iran and China // The Iran Primer, 11 October 2010. Mode of access: iranprimer.usip.org/resource/iran-and-china

Varij Kazemi, Abbas. China and the Middle East: More Than Oil // *The European Financial Review*, 2014. Mode of access: https://www.researchgate.net/profile/Xiangming_Chen/publication/277816073_China_and_the_Middle_East_More_Than_Oil/links/5574b0fb08aeb6d8c01945b6.pdf, March 2014

Samofalova, Olga. A New Era in Iranian-Chinese Relations Threatens Russian Interests, 28 January 2016. Mode of access: https://www.rbth.com/international/2016/01/28/a-new-era-in-iranian-chinese-relations-threatens-russian-interests_563003

Walt, Stephan. The Origins of Alliances. Ithaca: Cornell University Press, 1987.

Wei, Qiu; Xuan, Zuo. China Sweats Iran Trade Tie // *Global Times*, 30 September 2009. Mode of access: <http://www.globaltimes.cn/content/473474.shtml>

Wight, Martin. Power Politics. New York: Holmes & Maier, 1978.

China Firms in Iran Providing Strategic and Infrastructure Support // *World Tribune*, 31 August 2007. Mode of access: www.worldtribune.com

Wuthnow, Joel. Posing Problems Without an Alliance: China-Iran Relations after the Nuclear Deal // *Strategic Forum*, 2016, No. 290. National Defense University. Mode of access: www.ndupress.ndu.edu

Zahirinejad, Mahnaz; Ghoble Vrushal. Energy Factor in China-Iran Relations // *Journal of Peace Studied*, 2010, Vol. 17, No. 2 & 3, pp. 1-12.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-1-60-73>

БУДУЩЕЕ ОТНОШЕНИЙ ИРАНА И КИТАЯ: АЛЬЯНС ИЛИ ПРОСТО СОТРУДНИЧЕСТВО?

Али Багхери Долатабади

Ясуджский университет, Ясудж, Иран

Рухолла Зареи

Ясуджский университет, Ясудж, Иран

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 14 июля 2017 <i>Принята к печати:</i> 11 декабря 2017	Аннотация: Будущее политических внешних связей Ирана с другими государствами и особенно с Китаем после подписания ядерного соглашения занимает особое место во внешнеполитической повестке администрации Рухани. Несмотря на некоторые трудности, с которыми были сопряжены связи Ирана и Китая в последние годы, они, тем не менее, оставались на порядок интенсивнее, чем отношения Ирана со странами Запада. По этой причине переход от обычного сотрудничества к стратегическим отношениям между Ираном и Китаем привлекает серьезное внимание в политических кругах Ирана. Сторонники такой трансформации обращают внимание на нынешнее и будущее положение Китая в международном обществе, а также его конструктивную роль во время санкций, введенных Западом против Ирана. Противники ссылаются на более китайские технологии (более низкого качества, чем технологии западных конкурентов), и на противоречивость позиции Китая в отношении Ирана во время принятия международных санкций. В настоящей статье дается оценка возможностей углубления связей двух стран в будущем, а также вероятных препятствий на этом пути.
Об авторах: <i>Али Багхери Долатабади</i>, доцент, Департамент политических наук, Ясуджский университет, Иран e-mail: abagheri@yu.ac.ir <i>Рухолла Зареи</i>, доцент, Департамент английского языка, Ясуджский университет, Иран e-mail: rzarei@yu.ac.ir	
Ключевые слова: Иран; Китай; энергия; альянс; сотрудничество; США; дипломатия	

Для цитирования: Dolatabadi, Ali Bagheri; Zarei, Rouhollah. The Future of Iran-China Relations: an Alliance or Pure Cooperation? // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 1. – С. 60-73.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-60-73

For citation: Dolatabadi, Ali Bagheri; Zarei, Rouhollah. The Future of Iran-China Relations: an Alliance or Pure Cooperation? // *Comparative Politics Russia*, 2018, No.1, pp. 60-73.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-60-73

СОГЛАШЕНИЕ О ЗОНЕ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ МЕЖДУ ЕАЭС И ВЬЕТНАМОМ КАК ФАКТОР РОССИЙСКО-ВЬЕТНАМСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Николай Викторович Федоров

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 5 марта 2017 <i>Принята к печати:</i> 21 ноября 2017	Аннотация: В статье исследуется влияние соглашения о зоне свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и Вьетнамом на российско-вьетнамские отношения. Автор рассматривает предпосылки для расширения ЕАЭС, основные этапы переговорного процесса, особенности соглашения и достигнутые к настоящему времени результаты. Особое внимание уделяется эволюции отношений между Россией и Вьетнамом, а также ключевым факторам вьетнамской внешней политики. Российско-вьетнамские отношения развивались на базе партнерства между СССР и Вьетнамом во время «холодной войны». Они отличались стабильностью и высоким уровнем политических контактов, но в то же время масштабы экономического сотрудничества были относительно низкими. Налаженное взаимодействие между двумя странами стало основой для диалога по включению Вьетнама в процессы евразийской интеграции. Вьетнам, в свою очередь, стремился к проведению многосторонней внешней политики (в том числе и к расширению сети соглашений о свободной торговле), и поэтому был положительно настроен к сотрудничеству с Россией в сфере евразийской интеграции. Для России соглашение о зоне свободной торговли ЕАЭС – Вьетнам имеет значение как политическое (расширение евразийской интеграции за пределы постсоветского пространства и укрепление престижа ЕАЭС), так и экономическое (активизация торгового и инвестиционного сотрудничества с СРВ). Соглашение вступило в силу в октябре 2016 г. и в рамках его реализации были достигнуты определенные результаты. В то же время соглашение во многом носит компромиссный и «пробный» характер. Поэтому от этого соглашения не стоит ждать немедленного прорыва в российско-вьетнамской торговле и в российской политике в АТР в целом. Однако это соглашение может стать дополнительным фактором для привлечения внимания к Вьетнаму в России и расширения сотрудничества с вьетнамской стороной.
Об авторе: к.и.н., доцент, Кафедра американских исследований, факультет международных отношений, СПбГУ e-mail: nfedorov@yandex.ru	
Ключевые слова: Евразийский экономический союз; евразийская интеграция; внешняя политика России; Вьетнам; российско-вьетнамские отношения; зона свободной торговли; соглашение о зоне свободной торговли ЕАЭС – Вьетнам	

29 мая 2015 г. между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и Социалистической Республикой Вьетнам (СРВ) было подписано соглашение о создании зоны свободной торговли. Если у Вьетнама уже есть серия подобных договоров с другими государствами и интеграционными объединениями (например, в том же 2015 г. им были заключены соглашения о свободной торговле с Европейским Союзом и Республикой Корея), то ЕАЭС подписал такой документ впервые. Кроме того, соглашение о зоне свободной торговли с Вьетнамом ознаменовало собой выход процессов евразийской

интеграции за пределы постсоветского пространства. Переговоры о создании зоны свободной торговли с ЕАЭС велись со многими странами, но только с Вьетнамом они пока увенчались успехом. Участники круглого стола в Институте Дальнего Востока РАН, посвященного обсуждению этого договора, отмечали: «Соглашение весомо как первый преференциальный торговый договор, заключенный ЕАЭС с внешним игроком. Оно легитимизирует развитие ЕАЭС в качестве единого и самостоятельного субъекта мировой политики и экономики. Это, в свою очередь, вносит существенный вклад в копилку

политических активов ЕАЭС, усиливая не только его привлекательность как перспективного партнера для других стран, но и чувство сплоченности среди участников евразийской интеграции в целом»¹.

В условиях перемен, произошедших за последние годы в системе международных отношений, процессы евразийской интеграции приобретают особое значение во внешней политике России. Хотя первые шаги по развитию евразийских проектов были предприняты еще в 1990-е гг., но именно в 2010-е гг. евразийская интеграция получила новый импульс. По мнению Е.В. Колдуновой (МГИМО), после начала украинского кризиса в 2014 г. идеи евразийства стали играть во внешней политике России более весомую роль². В то же время, с точки зрения российских экспертов, евразийская интеграция не ограничивается только постсоветским пространством. По словам исследователей из Санкт-Петербургского государственного университета Н.А. Васильевой и М.Л. Лагутиной, речь идет о формировании «неоевразийского пространства», к которому присоединяются новые участники «глобальной неоевразийской регионализации»³. Во многом эти идеи перекликаются с концепцией «Большой Восточной Азии», образующей единое пространство в рамках Восточной, Южной и

Центральной Азии⁴. Еще одной тенденцией современной российской внешней политики является «поворот в Азию», который, по мнению А.В. Лукина (МГИМО), можно уже считать «реальным»⁵. А евразийские идеи в России, как отмечал еще в 2006 г. исследователь Парадорн РангсимапORN (Оксфордский университет), были тесно связаны с представлением о необходимости расширения взаимодействия со странами АТР⁶.

Таким образом, существовали все необходимые предпосылки для развития сотрудничества между Евразийским экономическим союзом и Азиатско-Тихоокеанским регионом.

При этом, по мнению Н.А. Васильевой и М.Л. Лагутиной, в условиях кризиса ВТО взаимодействие в формате зоны свободной торговли является оптимальной формой сотрудничества для многих стран и объединений, в том числе и для ЕАЭС⁷. Эту точку зрения разделяют и другие отечественные исследователи. Например, по словам Ю.В. Косова и В.Е. Фролова, «на сегодняшний день наиболее приемлемым форматом взаимодействия Евразийского экономиче-

¹ Мазырин В. Соглашение о создании зоны свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – № 5. – С. 78. [Mazyrin, V. Soglasenie o sozdanii zony svobodnoi trgovli mezhdu EAES i V'etnamom (The agreement on establishment of free trade zone between the EAEU and Vietnam) // *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2015, No 5, p. 78.]

² Koldunova, Ekaterina. Russia as a Euro-Pacific Power: Dilemmas of Russian Foreign Policy Decision-Making // *International Relations*, 2015, Vol. 29, No 3, p. 384.

³ Васильева Н.А., Лагутина М.Л. Формирование Евразийского союза в контексте глобальной регионализации // Евразийская экономическая интеграция. – 2012. – № 3. – С. 27. [Vasil'eva, N.A.; Lagutina, M.L. Formirovanie Evraziiskogo soiuza v kontekste global'noi regionalizatsii (Formation of the Eurasian Union in the Context of Global Regionalization) // *Evraziiskaia ekonomicheskaiia integratsiia*, 2012, No 3, p. 27.]

⁴ Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. – 2012. – № 2. – С. 43. [Voskressenski, A.D. Kontseptsii regionalizatsii, regional'nykh podsystem, regional'nykh kompleksov i regional'nykh transformatsii v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniakh (Concepts of Regionalization, Regional Sub-Systems, Regional Complexes and Regional Transformations in Modern International Relations) // *Comparative Politics Russia*, 2012, No 2, p. 43.]

⁵ Lukin, Alexander. Russia's Pivot to Asia: Myth or Reality? // *Strategic Analysis*, 2016, Vol. 40, No 6, p. 587.

⁶ Rangsimaporn, Paradorn. Interpretation of Eurasianism: Justifying Russia's Role in East Asia // *Europe-Asia Studies*, 2006, Vol. 58, No 3, p. 385.

⁷ Васильева Н.А., Лагутина М.Л. Евразийский экономический союз в условиях трансформации системы международной торговли // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 1. – С. 30. [Vasil'eva, N.A.; Lagutina, M.L. Evraziiskii ekonomicheskii soiuз v usloviakh transformatsii sistemy mezhdunarodnoi trgovli (The Eurasian economic union under the conditions of transformation of system of international trade) // *Evraziiskii iuridicheskii zhurnal*, 2016, No 1, p. 30.]

ского союза с государствами, находящимися вне евразийского региона, является зона свободной торговли»⁸. М.В. Лапенко отметил, что «увеличение числа участников Евразийского экономического союза повышает его авторитет на международной арене, а особые формы сотрудничества могут сделать его конкурентоспособным интеграционным образованием»⁹.

Помимо перемен в российской внешней политике и международной структуре в целом большое влияние на развитие сотрудничества между ЕАЭС и СРВ оказали особенности российско-вьетнамских отношений. Из стран-участников ЕАЭС наиболее прочные политические и экономические отношения у Вьетнама сложились с Россией. Можно с уверенностью утверждать, что именно российско-вьетнамское партнерство стало основой, на которой произошло сближение ЕАЭС и Вьетнама. Вместе с тем, после подключения Вьетнама к процессам евразийской интеграции актуальным является вопрос о влиянии формата зоны свободной торговли между ЕАЭС и СРВ на российско-вьетнамские отношения.

Современные российско-вьетнамские отношения во многом развиваются на той базе, которая была создана в период сотрудничества между СССР и Вьетнамом в годы «холодной войны». Советский Союз оказывал помощь коммунистическому Вьетнаму

в антиколониальной войне против Франции и в конфликте с Соединенными Штатами. После объединения страны в 1975 г. СССР стал ключевым военно-политическим и экономическим партнером Социалистической Республики Вьетнам. В связи с переменами в курсе советской внешней политике с началом перестройки значение Вьетнама как союзника СССР стало снижаться. Вьетнам, в свою очередь, приступил к проведению ряда рыночных реформ и стал стремиться к реализации многовекторной внешней политики¹⁰. После распада Советского Союза Российская Федерация и Вьетнам продолжали взаимодействие, однако его уровень заметно снизился по сравнению с советско-вьетнамским сотрудничеством. Тем не менее, благодаря переменам в своей внешней и внутренней политике Вьетнам смог выжить и успешно развиваться в новых реалиях. На место СССР в качестве важнейших партнеров Вьетнама пришли Китай, Япония, Южная Корея, страны АСЕАН и, позже, США. Что касается отношений с Россией, то хотя факторы идеологии и военно-стратегического партнерства ушли в прошлое с окончанием «холодной войны», но руководство СРВ видело в Российской Федерации державу, которая по-прежнему играла особую роль в ключевых вопросах мировой политики и у которой имелся серьезный опыт сотрудничества с Вьетнамом. Поэтому для Вьетнама в контексте его курса на диверсификацию внешней политики имело смысл сохранять конструктивное взаимодействие с Россией. В 1994 г. был подписан «Договор об основах дружественных отношений между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам», который обозначил новый формат двустороннего сотрудничества. Определен-

⁸ Косов Ю.В., Фролов В.Е. О перспективах расширения Евразийского экономического союза // Управленческое консультирование. – 2015. – № 11. – С. 64. [Kosov, Yu.V.; Frolov, V.E. O perspektivakh rasshireniia Evraziiskogo ekonomicheskogo soiuza (On prospects of expansion of the Eurasian economic union) // *Upravlencheskoe konsultirovanie*, 2015, No 11, p. 64.]

⁹ Лапенко М.В. Внешний контур ЕАЭС: потенциал расширения и поиск оптимальных механизмов взаимодействия // Известия Саратовского университета. Новая серия, Серия История, международные отношения. – 2016. – Т. 16. – Вып. 1. – С. 75. [Lapenko, M.V. Vneshnii kontur EAES: potentsial rasshireniia i poisk optimal'nykh mekhanizmov vzaimodeistviia (External outline of the EAEU: capacity for expansion and search for optimal tools of cooperation) // *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia, Seriia Istorii, mezhdunarodnye otnosheniia*, 2016, Vol. 16, Iss. 1, p. 75.]

¹⁰ Локшин Г.М. Внешняя политика в решениях XII съезда КПВ // XII съезд компартии Вьетнама: документы и экспертные оценки. – М.: ИД «Форум», 2016. – С. 256-257. [Lokshin, G.M. Vneshniaia politika v resheniiakh XII s'ezda KPv (Foreign policy in the decisions of XII Congress of the Communist Party of Vietnam) // XII s'ezd kompartii V'etnama: dokumenty i ekspertnye otsenki (XII Congress of the Communist Party of Vietnam: documents and experts' analysis). Moscow: Forum Publishers, 2016, pp. 256-257.]

ный подъем наметился с начала 2000-х гг., что было обусловлено активизацией внешней политики России, в том числе и в отношении стран Азиатско-Тихоокеанского региона. В 2001 г. была принята декларация о стратегическом партнерстве двух стран, а в 2012 г. уровень российско-вьетнамских отношений был повышен до «стратегического всеобъемлющего партнерства». Ряд ученых, например американский эксперт Стивен Бланк, полагают, что активизация российской политики в отношении Вьетнама была связана со стремлением России создать противовес Китаю и тем самым укрепить свои позиции в условиях возможных разногласий с КНР¹¹. В то же время, по мнению американского исследователя Элизабет Вишник, действия России обусловлены не желанием противопоставить Вьетнам Китаю, а намерениями использовать имеющиеся возможности (в том числе и существующую базу российско-вьетнамских отношений) для укрепления своего статуса азиатско-тихоокеанской державы и расширения двустороннего сотрудничества с СРВ¹². Вьетнам, со своей стороны, также стремился к укреплению отношений с Россией в рамках своего курса на многовекторную внешнюю политику. При этом формированию конструктивного сотрудничества между Россией и Вьетнамом способствует то, что между двумя странами отсутствуют серьезные противоречия – нет территориальных споров, исторических обид или конкуренции за влияние в мировой политике. По словам российского исследователя Г.М. Локшина (Институт Дальнего Востока РАН), Вьетнам – «это одна из немногих стран мира, взаимодействие с которыми проходит без каких-либо серьезных проблем»¹³. В то же

время объемы экономического сотрудничества России и Вьетнама остаются относительно небольшими, несмотря на некоторый рост торгового оборота после 2000 г. В 2014 г. российско-вьетнамский торговый оборот достигал около 3,7 млрд долларов США. Вьетнам занимал только 37-е место в списке стран – торговых партнеров России. Для сравнения, торговый оборот Вьетнама с его крупнейшими торговыми партнерами – КНР, США, Республикой Корея и Японией, составлял, соответственно, 58,5 млрд, 34,9 млрд, 28,9 млрд, 27,6 млрд долларов¹⁴. В 2015 г., по данным торгового представителя России во Вьетнаме, объем российско-вьетнамской торговли составил 3,9 млрд долларов¹⁵, увеличившись, таким образом, незначительно. При этом среди стран-участников ЕАЭС доля России в торговле с Вьетнамом в 2015 г. составляла 91,2%¹⁶.

sotrudnichestvo Rossii i V'etnama (Political cooperation of Russia and Vietnam) // *Iugo-Vostochnaia Aziia: aktual'nye problemy razvitiia*, 2015, No 25, p. 55.]

- ¹⁴ Вьетнам. Внешняя торговля и инвестиции / Российско-азиатский бизнес-союз. Режим доступа: <http://rvbu.ru/stati/397-vneshnyaya-torgovlya-i-investicii.html> [V'etnam. Vneshniaia trgovlia i investitsii (Vietnam. Foreign Trade and Investments) / Rossiisko-aziatskii biznes-soiuz (Russia-Asia Business Union). Mode of access: <http://rvbu.ru/stati/397-vneshnyaya-torgovlya-i-investicii.html>]
- ¹⁵ Торгпред РФ: Вьетнам стал крупнейшим торговым партнером России в АСЕАН в 2015 году / Министерство экономического развития Российской Федерации, 12.02.2016. Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/foreigneconomicactivity/departament/2016120206> [Torgpred RF: V'etnam stal krupneishim torgovym partnerom Rossii v ASEAN v 2015 godu (Trade Comissioner: Vietnam Became the Largest Trade Partner of Russia in the ASEAN in 2015) / Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii (Ministry of the Economic Development of the Russian Federation), 12 February 2016. Mode of access: <http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/foreigneconomicactivity/departament/2016120206>]
- ¹⁶ Воловик Н. Начало функционирования зоны свободной торговли Евразийского экономического союза и Социалистической Республики Вьетнам // *Экономическое развитие России*. – 2016. – № 10. – С. 21. [Volovik, N. Nachalo funktsionirovaniia zony svobodnoi trgovli Evraziiskogo ekonomicheskogo

¹¹ Blank, Stephen. Russia and Vietnam Team up to balance China / *The National Interest*, 7 April 2014. Mode of access: <http://nationalinterest.org/commentary/russia-vietnam-team-balance-china-10195>

¹² Wishnick, Elizabeth. In search of the “Other” in Asia: Russia-China relations revisited // *The Pacific Review*, 2017, Vol. 30, No 1, pp. 121-122.

¹³ Локшин Г.М. Политическое сотрудничество России и Вьетнама // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. – 2014. – № 25. – С. 55. [Lokshin, G.M. Politicheskoe

Другой проблемой, с которой столкнулась Россия в торговле с СРВ, были серьезные изменения в товарной номенклатуре. Наметилась тенденция к уменьшению объемов высокотехнологичных товаров, экспортируемых из России во Вьетнам. Несмотря на некоторое улучшение ситуации в начале 2010-х гг., в 2014-2015 гг. доля высокотехнологичной продукции в российском экспорте вновь сократилась¹⁷. Что касается Вьетнама, то за последние 10 лет доля машин и оборудования в его экспорте в Россию существенно увеличилась, превысив 50%¹⁸.

Серьезными препятствиями для развития российско-вьетнамского торгово-экономического сотрудничества называли недостатки в планировании двусторонних связей в условиях новых экономических реалий¹⁹ и проблемы с доступностью актуальной информации о российском и вьетнамском рынках²⁰.

Выходом из подобной ситуации с точки зрения некоторых исследователей виделось создание зоны свободной торговли между Россией и Вьетнамом. Как отмечал Д.В. Мосяков (Институт Востоковедения РАН): «Совершенно очевидно, что сегодняшний уровень и взаимной торговли, и инвестиций не удовлетворяет обе стороны, не соответствует высокому уровню полити-

ческого сотрудничества. Перспектива прорыва и изменения ситуации лежит в скорейшей организации зоны свободной торговли между Россией и Вьетнамом»²¹. Отсутствие договора о свободной торговле между Россией и Вьетнамом, по мнению эксперта, ставит российские товары в невыгодные условия во Вьетнаме, поскольку они не могут на равных соперничать с продукцией из других стран, у которых уже есть договор о свободной торговле с СРВ²². По словам вьетнамского исследователя Фам Нгуен Миня, «соглашение о свободной торговле откроет новые перспективы и возможности для Вьетнама на российском рынке»²³.

Подобные дискуссии о перспективах зон свободной торговли развивались во многом под влиянием начавшихся переговоров с Вьетнамом по данному вопросу. Первые идеи о подключении Вьетнама к процессам евразийской интеграции появились еще в 2009 г.²⁴ Тогда речь шла о взаимодействии с

soiuzu i Sotsialisticheskoi Respubliki V'etnam (Beginning of Working of Free Trade Zone of the Eurasian Economic Union and the Socialist Republic of Vietnam) // *Ekonomicheskoe razvitie Rossii*, 2016, No 10, p. 21.]

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid. P. 22.

¹⁹ Воронин А.С. Россия-Вьетнам. Стратегическое партнерство: состояние, проблемы, перспективы // Вьетнамские исследования. – 2011. – Вып. 1. – С. 136. [Voronin, A.S. Rossiia-V'etnam. Strategicheskoe partnerstvo: sostoianie, problemy, perspektivy (Russia-Vietnam. Strategic Partnership: Status, Problems, Prospects) // *V'etnamskie issledovaniia*, 2011, Iss. 1, p. 136.]

²⁰ Фам Нгуен Минь. Оценка состояния и путей развития торговли между СРВ и РФ // Вьетнамские исследования. – 2015. – Вып. 5. – С. 49. [Fam Nguen Min'. Otsenka sostoiianiia i putei razvitiia trgovli mezhdu SRV i RF (Evaluation of Conditions and Ways of Development of Trade Between the SRV and the RF) // *V'etnamskie issledovaniia*, 2015, Iss. 5, p. 49.]

²¹ Мосяков Д.В. Перспективы российско-вьетнамского экономического сотрудничества // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2014. – № 25. – С. 43-44. [Mosiakov, D.V. Perspektivy rossiisko-v'etnamskogo ekonomicheskogo sotrudnichestva (Prospects of Russian-Vietnamese Economic Cooperation) // *Iugo-Vostochnaia Aziia: aktual'nye problemy razvitiia*, 2014, No 25, pp. 43-44.]

²² Мазырин В.М. Экономические отношения России и Вьетнама в первой половине 2010-х гг.: ведущие тенденции // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2014. – № 24. – С. 108-109. [Mazyrin, V.M. Ekonomicheskie otnosheniia Rossii i V'etnama v pervoi polovine 2010-kh gg.: vedushchie tendentsii (Economic Relations of Russia and Vietnam in the First Part of the 2010s: Key Trends) // *Iugo-Vostochnaia Aziia: aktual'nye problemy razvitiia*, 2014, No 24, pp. 108-109.]

²³ Фам Нгуен Минь. Оценка состояния и путей развития торговли между СРВ и РФ // Вьетнамские исследования. – 2015. – Вып. 5. – С. 48. [Fam Nguen Min'. Otsenka sostoiianiia i putei razvitiia trgovli mezhdu SRV i RF (Evaluation of Conditions and Ways of Development of Trade Between the SRV and the RF) // *V'etnamskie issledovaniia*, 2015, Iss. 5, p. 48.]

²⁴ Цветов А. Шесть вопросов о ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам / Российский совет по международным делам, 29.06.2015. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6226#top-content [Tsvetov, A. Shest' voprosov o ZST

Вьетнамом в формате Таможенного Союза.

Процесс подготовки соглашения занял более пяти лет. В 2010-2012 гг. было проведено исследование целесообразности создания зоны свободной торговли. Процесс затянулся, поскольку одновременно происходило формирование структур Таможенного союза. В декабре 2012 г. Высший Евразийский экономический совет на уровне глав государств-членов Таможенного союза поручил сторонам провести переговоры о возможности заключения соглашения о зоне свободной торговли с Вьетнамом²⁵.

28 марта 2013 г. начались официальные переговоры. После восьми раундов переговоров под руководством члена Коллегии (министра) по торговле Евразийской экономической комиссии А.А. Слепнева и министра промышленности и торговли СРВ Ву Хюи Хоанга, а также межсессионных встреч, сторонам на техническом уровне удалось согласовать основное содержание соглашения²⁶.

Юридической основой для взаимодействия ЕАЭС с Вьетнамом стало подписанное 23 ноября 2014 г. соглашение о партнерстве ЕАЭС с третьими странами.

15 декабря 2014 г. была принята декларация о завершении переговоров по Соглашению о свободной торговле между

Вьетнамом и Таможенным союзом. С начала 2015 г. Евразийский экономический союз начал официально функционировать, а 29 мая 2015 г. произошло подписание соглашения о создании зоны свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом. Документ был подписан в поселке Бурабай (Казахстан) на втором заседании Евразийского межправительственного совета главами правительств стран ЕАЭС и СРВ.

Переговоры с Вьетнамом завершились успехом, исходя из нескольких факторов. По словам В.М. Мазырина (Институт Дальнего Востока РАН), «с Вьетнамом раньше, чем с другими странами, была начата и успешно велась необходимая организационная подготовка» и, кроме того, «Вьетнам — наш давний и проверенный партнер с относительно отлаженными механизмами взаимодействия, прежде всего в политической сфере»²⁷. Вьетнам, в свою очередь, в ходе подготовки соглашения о свободной торговле с ЕАЭС принимал во внимание не только опыт сотрудничества с Россией. Социалистическая Республика Вьетнам проводит стратегический курс на создание зон свободной торговли, что соответствует экспортно-ориентированной модели развития экономики Вьетнама. В.М. Мазырин отмечал: «Вьетнам оказался в центре так называемого клубка спагетти — масштабной сети (всего их 15) зон свободной торговли, образованных на основе двух- и многосторонних соглашений»²⁸.

Еще одним из стимулов для активизации диалога по включению Вьетнама в процессы евразийской интеграции называли слишком медленный ход переговоров по созданию Транстихоокеанского партнерства (ТТП). Вьетнам, таким образом, дал понять, что существуют альтернативы американоцентричной системе экономической интеграции. Определенные соображения, по мнению вьетнамских обозревателей,

EAES- V'etnam (Six Questions on FTA EAEU-Vietnam) / Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (Russian International Affairs Council), 29 June 2015. Mode of access: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6226#top-content

²⁵ Изотов Д.А. Либерализация российско-вьетнамской торговли: плюсы и минусы для экономики России // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2013. — № 6. — С. 109. [Izotov, D.A. Liberalizatsiia rossiisko-v'etnamskoi trgovli: pliusy i minusy dlia ekonomiki Rossii (Liberalization of Russian-Vietnamese Trade: Pro and Contra for Economy of Russia) // *Izvestiia Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii*, 2013, No 6, p. 109.]

²⁶ Зеленева И.В., Концова Е.А. АСЕАН и ЕАЭС: проблемы и перспективы сотрудничества // Управленческое консультирование. — 2015. — № 11. — С. 121. [Zeleneva, I.V.; Kontsova, E.A. ASEAN i EAES: problemy i perspektivy sotrudnichestva (The ASEAN and the EAEU: Problems and Prospects of Cooperation) // *Upravlencheskoe konsultirovanie*, 2015, No 11, p. 121.]

²⁷ Мазырин В. Вьетнам: Зоны свободной торговли // Мировая экономика и международные отношения. — 2016. — № 3. — С. 72. [Mazyrin, V. V'etnam: Zony svobodnoi trgovli (Vietnam: Zones of free trade) // *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2016, No 3, p. 72.]

²⁸ Ibid. P. 76.

сыграло и стремление создать противовес политике Китая²⁹. Российские исследователи согласны с этим. Отмечалось, к примеру, что «неясные перспективы переговоров по ТТП объективно подталкивают Ханой к поиску перспективных альтернатив, особенно в контексте усилий снизить торговую зависимость от Китая и сохранить связи с Россией»³⁰. По мнению Е.М. Кузьминой (Институт экономики РАН), Вьетнам зажат между Китаем и США с союзниками и, «не желая примыкать ни к тем, ни к другим, он пытается укрепить свое сотрудничество с третьими силами»³¹. Как отметил Г.М. Локшин, «Вьетнам пошел на создание зоны свободной торговли ввиду того, что диверсификация внешних экономических и политических отношений является приоритетом его развития»³². А.П. Цветов (Российский совет по международным делам) также указывает, что «СРВ не может рассчитывать на безоговорочную поддержку крупных акторов. Выход из такой ситуации во Вьетнаме, как это ни банально, видят в максимальной

диверсификации связей, создании широкой сети экономических партнерств»³³.

На XII съезде Коммунистической партии Вьетнама в январе 2016 г. был подтвержден курс на многостороннюю независимую внешнюю политику. Среди внешнеполитических задач было намечено: «Единообразно осуществлять во внешних связях независимый, самостоятельный, мирный, дружественный курс сотрудничества и развития; диверсифицировать, поддерживать многообразные отношения; инициировать и активизировать интеграцию»³⁴. Таким образом, заключение соглашения о зоне свободной торговли с ЕАЭС вполне отвечало внешнеполитическому курсу Вьетнама. Подписывая соглашение с ЕАЭС, Социалистическая Республика Вьетнам доказала, что проводит действительно независимую политику, продолжая сотрудничество с Россией в условиях обострения отношений между Россией и Западом. К слову сказать, Новая Зеландия, которая также обсуждала условия создания зоны свободной торговли с ЕАЭС, заморозила переговоры после начала украинского кризиса³⁵.

²⁹ Truong-Minh Vu. Vietnam's "Niche Market" FTA Strategy / *cogitAsia*. 28 December 2014. Mode of access: <https://www.cogitasia.com/vietnam-s-niche-market-fta-strategy/>

³⁰ Мазырин В. Соглашение о создании зоны свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – № 5. – С. 79. [Mazyrin, V. Soglashenie o sozdanii zony svobodnoi trgovli mezhd EAES i V'etnamom (The Agreement on Establishment of Free Trade Zone between the EAEU and Vietnam) // *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2015, No 5, p. 79.]

³¹ Кузьмина Е. Таможенный союз: есть ли место для Азии? / Российский совет по международным делам, 17.10.2014. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=4620#top-content [Kuz'mina, E. Tamozhennyi soiuz: est' li mesto dlia Azii? (Customs Union: is there a Place for Asia?) / Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (Russian International Affairs Council), 17 October 2014. Mode of access: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=4620#top-content]

³² Мазырин В. Соглашение о создании зоны свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – № 5. – С. 79. [Mazyrin, V. Soglashenie o sozdanii zony svobodnoi trgovli mezhd EAES i V'etnamom (The Agreement on Establishment of Free Trade Zone between the EAEU and Vietnam) // *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2015, No 5, p. 79.]

³³ Цветов А. Вьетнамский год свободной торговли / Российский совет по международным делам, 10.12.2015. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6993#top-content [Tsvetov, A. V'etnamskii god svobodnoi trgovli (Vietnam's Year of Free Trade) / Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (Russian International Affairs Council), 10 December 2015. Mode of access: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6993#top-content]

³⁴ Социально-экономический доклад // XII съезд компартии Вьетнама: документы и экспертные оценки. – М.: ИД «Форум», 2016. – С. 159. [Social'no-jekonomicheskij doklad (Social and Economic Report) // XII s'ezd kompartii V'etnama: dokumenty i ekspertnye otsenki (XII Congress of the Communist Party of Vietnam: Documents and Experts' Analysis). Moscow: Forum, 2016. P. 159.]

³⁵ Цветов А. Шесть вопросов о ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам / Российский совет по международным делам, 29.06.2015. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6226#top-content [Tsvetov, A. Shest' voprosov o ZST EAES-V'etnam (Six questions on FTA EAEU-Vietnam) / Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (Russian International Affairs Council), 29 June 2015. Mode of access: <http://russiancouncil.ru/>

Что касается самого соглашения, то оно во многом носит компромиссный характер. При подготовке соглашения «стороны пошли по самому безопасному пути, обойдя почти все острые моменты во взаимной торговле»³⁶. Экспертами подчеркивалось, что структура товарооборота ЕАЭС и СРВ будет дополнять друг друга. Конкурирующие сферы будут защищены³⁷. При этом существуют перспективы расширения производственной кооперации.

Почти во всех других своих соглашениях о зонах свободной торговли Вьетнам получил значительно больше преференций в торговле, чем сделал уступок. Страны с более развитой экономикой радикально снизили тарифы, тогда как Вьетнаму были предоставлены серьезные отсрочки. Только в рамках зоны свободной торговли с ЕАЭС обе стороны были поставлены примерно в равные условия³⁸.

Соглашение не предусматривает полной тарифной либерализации и, кроме того, сохраняются возможности защиты рынка с помощью нетарифных мер. В то же время, по мнению российских экспертов, «заложена основа для совместной работы по устранению барьеров в сфере санитарных и фитосанитарных норм, препятствующих торговле»³⁹.

В результате реализации соглашения о зоне свободной торговли, торговый оборот между Россией и Вьетнамом, по оценкам экспертов, может подняться к 2020 г. до 8-10 млрд долларов⁴⁰. Советник по торговле посольства Вьетнама в России Донг Хуан Минь спрогнозировал рост даже до 15-20 млрд долларов⁴¹. Вьетнам представляется перспективным экономическим партнером для ЕАЭС. Как отмечает В.М. Мазырин, «по экономическому весу, динамике роста, степени интеграции в мировое хозяйство СРВ сегодня заметно превосходит других участников ЗСТ за исключением России, а по отдельным аспектам развития, прежде всего, динамическим, опережает и ее»⁴². Вьетнам может стать «генератором экономического прогресса, а также даже «инвестором и технологическим лидером». В рамках зоны свободной торговли может быть реализована идея использования во взаиморасчетах рублей и донгов, которая обсуждалась больше десяти лет»⁴³.

При этом могут существовать серьезные риски, заключающиеся, к примеру, в

Economic Union and the Socialist Republic of Vietnam) // *Ekonomicheskoe razvitie Rossii*, 2016, No 10, pp. 22-23.]

⁴⁰ Мазырин В. Соглашение о создании зоны свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – № 5. – С. 77. [Mazyrin, V. Soglashenie o sozdanii zony svobodnoi trgovli mezhdu EAES i V'etnamom (The Agreement on Establishment of Free Trade Zone between the EAEU and Vietnam) // *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2015, No 5, p. 77.]

⁴¹ Товарооборот между Вьетнамом и Россией в январе-июле вырос на 28% / Евразийский коммуникационный центр, 07.09.2016. Режим доступа: <http://eurasiancenter.ru/news/20160907/1004395547.html> [Tovarooborot mezhdu V'etnamom i Rossiei v ianvare-iuile vyros na 28 % (Trade between Vietnam and Russia Rose in January-July for 28%) / Evraziiskii kommunikatsionnyi tsentr (Eurasian Communication Center), 7 September 2016. Mode of access: <http://eurasiancenter.ru/news/20160907/1004395547.html>]

⁴² Мазырин В. Вьетнам: Зоны свободной торговли // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – № 3. – С. 73. [Mazyrin, V. V'etnam: Zony svobodnoi trgovli (Vietnam: Zones of Free Trade) // *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2016, No 3, p. 73.]

⁴³ Ibid. P. 74.

inner/?id_4=6226#top-content]

³⁶ Ibid.

³⁷ Мазырин В. Соглашение о создании зоны свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – № 5. – С. 72. [Mazyrin, V. Soglashenie o sozdanii zony svobodnoi trgovli mezhdu EAES i V'etnamom (The Agreement on Establishment of Free Trade Zone between the EAEU and Vietnam) // *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2015, No 5, p. 72.]

³⁸ Мазырин В. Вьетнам: Зоны свободной торговли // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – № 3. – С. 76. [Mazyrin, V. V'etnam: Zony svobodnoi trgovli (Vietnam: Zones of Free Trade) // *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2016, No 3, p. 76.]

³⁹ Воловик Н. Начало функционирования зоны свободной торговли Евразийского экономического союза и Социалистической Республики Вьетнам // Экономическое развитие России. – 2016. – № 10. – С. 22-23. [Volovik, N. Nachalo funktsionirovaniia zony svobodnoi trgovli Evraziiskogo ekonomicheskogo soiuz i Sotsialisticheskoi Respubliki V'etnam (Beginning of Working of Free Trade Zone of the Eurasian

массовом наплыве вьетнамских товаров на российские рынки. Если структура российского экспорта не будет меняться, то будет наблюдаться рост отрицательного сальдо торгового баланса не в пользу России⁴⁴.

Были высказаны и другие опасения относительно перспектив развития зоны свободной торговли между Вьетнамом и ЕАЭС. Например, отмечалось, что географическое положение Вьетнама, его удаленность от стран ЕАЭС и отсутствие прямых путей сообщения не слишком способствует сотрудничеству с Евразийским экономическим союзом⁴⁵. Проблемой может быть необходимость соблюдения различных стандартов и обязательств во всех тех интеграционных объединениях, в которых участвует СРВ⁴⁶. Кроме того, реализовать те преимущества, которые предоставляет соглашение для стран ЕАЭС во Вьетнаме, может быть довольно сложно «ввиду длительности согласованных сроков либерализации торговли и обилия взаимных защитных мер»⁴⁷. Реальных результатов соглашения, по прогнозам экспертов, следует ждать лишь с окончанием переходного периода – через 10-15 лет⁴⁸.

Помимо экономического значения соглашения о зоне свободной торговли между

ЕАЭС и Вьетнамом играет важную политическую роль. В.М. Мазырин, в частности, отмечал, что зона свободной торговли есть «знаковое событие, однако на данном этапе больше политическое, чем экономическое»⁴⁹.

Можно предполагать, что именно относительно низкая экономическая значимость этого соглашения во многом сделала возможным его подписание. Отмечалось, что «объемы торговли стран ЕАЭС с Вьетнамом недостаточно велики, чтобы повредить отечественному производителю, но при этом в Москве считают Ханой достаточно важным партнером на международной арене»⁵⁰. В докладе «Вопросы и ответы по Соглашению о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Социалистической Республикой Вьетнам», подготовленном Евразийской экономической комиссией, указывалось, что «либерализация торговли с Вьетнамом, по оценкам совместной исследовательской группы, не влечет за собой значимых рисков для экономик стран ЕАЭС»⁵¹.

В контексте обострения отношений со странами Запада, России было важно укрепить

⁴⁴ Изотов Д.А. Либерализация российско-вьетнамской торговли: плюсы и минусы для экономики России // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2013. – № 6. – С. 114. [Izotov, D.A. Liberalizatsiia rossiisko-v'etnamskoi trgovli: pliusy i minusy dlia ekonomiki Rossii (Liberalization of Russian-Vietnamese trade: pro and contra for economy of Russia) // *Izvestiia Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii*, 2013, No 6, p. 114.]

⁴⁵ Мазырин В. Вьетнам: Зоны свободной торговли // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – № 3. – С. 76. [Mazyrin, V. V'etnam: Zony svobodnoi trgovli (Vietnam: Zones of free trade) // *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2016, No 3, p. 76.]

⁴⁶ Ibid. P. 81.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Мазырин В. Соглашение о создании зоны свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – № 5. – С. 81. [Mazyrin, V. Soglashenie o sozdanii zony svobodnoi trgovli mezhd EAES i V'etnamom (The Agreement on Establishment of Free Trade Zone between the EAEU and Vietnam) // *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2015, No 5, p. 81.]

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Цветов А. Шесть вопросов о ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам / Российский совет по международным делам, 29.06.2015. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6226#top-content [Tsvetov, A. Shest' voprosov o ZST EAES- V'etnam (Six questions on FTA EAEU-Vietnam) / Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (Russian International Affairs Council), 29 June 2015. Mode of access: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6226#top-content]

⁵¹ Вопросы и ответы по Соглашению о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Социалистической Республикой Вьетнам. – С. 7. / Евразийская экономическая комиссия. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Forms/AllItems.aspx [Voprosy i otvety po Soglasheniiu o svobodnoi trgovle mezhd Evraziiskim ekonomicheskim soiuзом i Sotsialisticheskoi Respublikoi V'etnam (Questions and answers on Free trade agreement between the Eurasian economic union and the Socialist Republic of Vietnam), p. 7. / Evraziiskaia ekonomicheskaiia komissiiia (Eurasian economic comission). Mode of access: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Forms/AllItems.aspx]

пить свои позиции в одном из своих ключевых партнеров в АТР. В условиях сложной международной обстановки, как отмечал Г.М. Локшин еще до подписания соглашения, «необходимо скорейшее завершение переговоров о Зоне свободной торговли между Вьетнамом и государствами ЕАЭС»⁵².

По мнению некоторых зарубежных исследователей, планы по расширению ЕАЭС определяются не столько логикой евразийской интеграции, сколько геополитическими интересами самой России. В частности, переговоры о сотрудничестве с ЕАЭС проходили с рядом стран, которые формально не относятся к евразийскому пространству, но у которых сложились прочные связи с Россией⁵³. Однако в случае с Вьетнамом это не совсем верно. Вьетнам является одной из стран АТР, а важной политической составляющей нового соглашения часто называли воплощение на практике идеи сопряжения евразийских интеграционных процессов с Азиатско-Тихоокеанским регионом, «возможность для России институционально «сомкнуть» азиатско-тихоокеанское и евразийское направление своей внешней политики»⁵⁴. Идея соединения интеграционных процессов на постсоветском пространстве и в Азиатско-Тихоокеанском регионе была высказана президентом В.В. Путиным еще в 2012 г. в ходе саммита АТЭС во Владивостоке⁵⁵. В докладе «Вопросы и ответы

по Соглашению о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Социалистической Республикой Вьетнам» подчеркивались возможности для расширения сотрудничества с АТР, которые предоставляет зона свободной торговли с Вьетнамом: «Углубление торгово-экономических связей с Вьетнамом позволит производителям и поставщикам стран ЕАЭС в свою очередь получить доступ к участию в уже налаженных производственно-сбытовых связях в АТР»⁵⁶.

Большое внимание при этом уделяется возможности использования зоны свободной торговли с Вьетнамом для расширения сотрудничества с АСЕАН. Российскими экспертами отмечалось, что «зона свободной торговли может являться пилотным проектом, применимым к другим странам АСЕАН»⁵⁷. У Вьетнама, по мнению первого заместителя министра экономического развития России А.Е. Лихачева, появляется воз-

Делового саммита АТЭС / Президент России, 07.09.2012. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/16410> [Vladimir Putin prinial uchastie v rabote Delovogo sammita ATES (Vladimir Putin Took Part in Work of Business Summit of APEC) / Prezident Rossii (President of Russia), 7 September 2012. Mode of access: <http://kremlin.ru/events/president/news/16410>]

- ⁵² Вопросы и ответы по Соглашению о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Социалистической Республикой Вьетнам. – С. 7. / Евразийская экономическая комиссия. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Forms/AllItems.aspx [Voprosy i otvety po Soglasheniiu o svobodnoi trgovle mezhdru Evraziiskim ekonomicheskim soiuзом i Sotsialisticheskoi Respublikoi V'etnam (Questions and answers on Free trade agreement between the Eurasian economic union and the Socialist Republic of Vietnam), p. 7. / Evraziiskaia ekonomicheskaiia komissiia (Eurasian economic komission). Mode of access: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Forms/AllItems.aspx]
- ⁵³ Мазырин В. Соглашение о создании зоны свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – № 5. – С. 78. [Mazyrin, V. Soglashenie o sozdanii zony svobodnoi trgovli mezhdru EAES i V'etnamom (The Agreement on Establishment of Free Trade Zone between the EAEU and Vietnam) // *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2015, No 5, p. 78.]
- ⁵⁴ Владимир Путин принял участие в работе
- ⁵⁵ Владимир Путин принял участие в работе
- ⁵⁶ Делового саммита АТЭС / Президент России, 07.09.2012. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/16410> [Vladimir Putin prinial uchastie v rabote Delovogo sammita ATES (Vladimir Putin Took Part in Work of Business Summit of APEC) / Prezident Rossii (President of Russia), 7 September 2012. Mode of access: <http://kremlin.ru/events/president/news/16410>]
- ⁵⁷ Мазырин В. Соглашение о создании зоны свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – № 5. – С. 73. [Mazyrin, V. Soglashenie o sozdanii zony svobodnoi trgovli mezhdru EAES i V'etnamom (The Agreement on Establishment of Free Trade Zone between the EAEU and Vietnam) // *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2015, No 5, p. 73.]

возможность стать торгово-инвестиционным «мостом» между двумя региональными объединениями – ЕАЭС и АСЕАН⁵⁸. При этом, однако, в другом своем интервью А.Е. Лихачев признал сложности в создании свободной зоны с АСЕАН, которые являются следствием дифференциации между различными участниками АСЕАН и особенностями системы принятия решений в Ассоциации⁵⁹. По словам В.М. Мазырина, в прогнозах перспектив развития отношений между ЕАЭС и АСЕАН доминирует политическая составляющая, поскольку «экономических «заделов» для сотрудничества с членами Ассоциации у России пока немного»⁶⁰. При этом еще в ходе предварительного обсуждения создания зоны свободной торговли был сделан вывод, что создание зоны свободной торговли со всей АСЕАН будет иметь нулевой или отрицательный эффект для российской экономики, поэтому имеет смысл опробовать идею зоны свободной торговли

в рамках сотрудничества с Вьетнамом⁶¹. В качестве еще одного направления сопряжения ЕАЭС и АТР российские эксперты называли Транстихоокеанское партнерство. По мнению Н.А. Васильевой и М.Л. Лагутиной, зона свободной торговли с Вьетнамом «создает определенные цепочки связей между торговыми площадками ЕАЭС и ТТП»⁶². Первый вице-премьер России И.И. Шувалов был, однако, более осторожен в оценках, отметив лишь, что евразийский проект не будет противопоставлением ТТП⁶³.

Таким образом, можно полагать, что идея превращения зоны свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом в своеобразный «мост» между постсоветским пространством и Азиатско-Тихоокеанским регионом носит политический и отчасти декларативный характер. Условия для сопряжения интеграционных структур в двух регионах

⁵⁸ Лихачев: Вьетнам может стать торгово-инвестиционным мостом между ЕАЭС и АСЕАН / Евразийский коммуникационный центр, 26.11.2015. Режим доступа: <http://eurasiancenter.ru/news/20151126/1004300832.html> [Likhachev: V'etnam mozhet stat' torгово-investitsionnym mostom mezhdu EAES i ASEAN (Likhachev: Vietnam can be a trade and investment bridge between EAEU and ASEAN) / Evraziiskii kommunikatsionnyi tsentr (Eurasian Communication Center), 26 November 2015. Mode of access: <http://eurasiancenter.ru/news/20151126/1004300832.html>]

⁵⁹ Первый замглавы МЭР: Соглашение о ЗСТ между ЕАЭС и АСЕАН будет сложнее, чем с Вьетнамом / Евразийский коммуникационный центр, 19.11.2016. Режим доступа: <http://eurasiancenter.ru/news/20160919/1004399218.html> [Pervyi zamglavy MER: Soglashenie o ZST mezhdu EAES i ASEAN budet slozhnee, chem s V'etnamom (The first deputy of the head of MED: Free Trade Agreement between EAEU and ASEAN Will be Harder, than with Vietnam) / Evraziiskii kommunikatsionnyi tsentr (Eurasian Communication Center), 19 November 2016. Mode of access: <http://eurasiancenter.ru/news/20160919/1004399218.html>]

⁶⁰ Мазырин В. Вьетнам: Зоны свободной торговли // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – № 3. – С. 72-73. [Mazyrin, V. V'etnam: Zony svobodnoi trgovli (Vietnam: Zones of Free Trade) // *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2016, No 3, pp. 72-73.]

⁶¹ Изотов Д.А. Либерализация российско-вьетнамской торговли: плюсы и минусы для экономики России // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2013. – № 6. – С. 109. [Izotov, D.A. Liberalizatsiia rossiisko-v'etnamskoi trgovli: pliusy i minusy dlia ekonomiki Rossii (Liberalization of Russian-Vietnamese trade: pro and contra for economy of Russia) // *Izvestiia Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii*, 2013, No 6, p. 109.]

⁶² Васильева Н.А., Лагутина М.Л. Евразийский экономический союз в условиях трансформации системы международной торговли // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 1. – С. 30. [Vasil'eva, N.A.; Lagutina, M.L. Evraziiskii ekonomicheskii soiuz v usloviakh transformatsii sistemy mezhdunarodnoi trgovli (The Eurasian Economic Union under the Conditions of Transformation of System of International Trade) // *Evraziiskii iuridicheskii zhurnal*, 2016, No 1, p. 30.]

⁶³ Шувалов: Большое Евразийское партнерство не будет противопоставлением Транстихоокеанскому / Евразийский коммуникационный центр, 06.09.2016. Режим доступа: <http://eurasiancenter.ru/news/20160906/1004395147.html> [Shuvalov: Bol'shoe Evraziiskoe partnerstvo ne budet protivopostavleniem Transtikhookeanskomu (Shuvalov: Great Eurasian partnership will not be a counterweight to Trans-Pacific Partnership) / Evraziiskii kommunikatsionnyi tsentr (Eurasian Communication Center), 6 September 2016. Mode of access: <http://eurasiancenter.ru/news/20160906/1004395147.html>]

будут зависеть, прежде всего, от развития сотрудничества между Россией и ЕАЭС с одной стороны, и АСЕАН как интеграционным объединением – с другой. Проекты же сопряжения Евразийского экономического союза и Экономического пояса Нового Шелкового пути связаны с функционированием зоны свободной торговли ЕАЭС – Вьетнам лишь косвенно.

Неоднократно подчеркивалось, что зона свободной торговли с Вьетнамом является первым соглашением подобного рода для ЕАЭС и, соответственно, своеобразным «испытательным полигоном» для отработки сотрудничества в аналогичном формате. А.П. Цветов отмечает, что «ценность этого соглашения состоит в репутационной выгоде для Вьетнама, подтвердившего свою значимость как азиатского партнера России, а также в отработке переговорных практик и механизмов реализации подобных соглашений для ЕАЭС»⁶⁴.

Соглашение о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом было ратифицировано Россией в мае 2016 г., а официально вступило в силу 5 октября 2016 г. Однако еще до его ратификации всеми сторонами были предприняты ряд шагов по реализации его возможностей. 21 марта 2016 г. между Россией и Вьетнамом был подписан протокол о сборке автомобилей на территории СРВ, что стало, по словам министра промышленности и торговли России Д.В. Мантурова, «первым проектом двустороннего сотрудничества, заключенным в развитие соглашения о зоне свободной торговле между государствами-членами Евразийского экономического союза и Вьетнамом»⁶⁵.

Российские компании («ГАЗ», «КАМАЗ» и «Соллерс») получают право на беспошлинный ввоз автомобилей и машинокомплектов во Вьетнам в рамках установленной квоты. Это позволит не только увеличить экспорт продукции российского автопрома во Вьетнам, но и в перспективе выйти на рынки других стран АСЕАН⁶⁶. Генеральный директор «КАМАЗ» С.А. Когогин в ходе рабочего визита во Вьетнам в январе 2017 г. также выделил новые возможности для сотрудничества с СРВ: «Рынок Вьетнама становится еще более перспективным после вступления в октябре прошлого года в силу Соглашения о зоне свободной торговли (ЗСТ) между СРВ и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). Также из Вьетнама российские грузовики могут успешно поставяться в Лаос и Камбоджу»⁶⁷.

Соглашение о зоне свободной торговле стало импульсом для целого ряда мероприятий, посвященных продвижению российско-вьетнамского сотрудничества. 14 октября 2016 г. в московском агрокластере «Фуд Сити» открылся торговый дом Вьетнама. Открытие произошло в рамках проекта «ЕАЭС Экспо» и стало «важным элементом ЗСТ»⁶⁸. В павильоне Вьетнама разместились

news/20160321/1004342984.html [Rossiia i V'etnam podpisali protokol po proizvodstvu avtomobilei (Russia and Vietnam Signed a Protocol for Cars' Production) / Evraziiskii kommunikatsionnyi tsentr (Eurasian Communication Center), 21 March 2016. Mode of access: <http://eurasiancenter.ru/news/20160321/1004342984.html>]

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ КАМАЗ намерен увеличить поставки автомобилей во Вьетнам / Евразийский коммуникационный центр, 18.01.2017. Режим доступа: <http://eurasiancenter.ru/news/20170118/1004431871.html> [KAMAZ nameren uvelichit' postavki avtomobilei vo V'etnam (KAMAZ is Intent to Raise Trucks Supply to Vietnam) / Evraziiskii kommunikatsionnyi tsentr (Eurasian Communication Center), 18 January 2017. Mode of access: <http://eurasiancenter.ru/news/20170118/1004431871.html>]

⁶⁸ Вьетнам открыл первую площадку после создания ЗСТ с ЕАЭС в агрокластере «Фуд Сити» / Евразийский коммуникационный центр, 14.10.2016. Режим доступа: <http://eurasiancenter.ru/news/20161014/1004406384.html> [V'etnam otkryl pervuiu ploshchadku posle sozdanii ZST s EAES v agroklasterе «Fud Siti»]

⁶⁴ Цветов А. Шесть вопросов о ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам / Российский совет по международным делам, 29.06.2015. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6226#top-content [Tsvetov, A. Shest' voprosov o ZST EAES-V'etnam (Six Questions on FTA EAES-Vietnam) / Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (Russian International Affairs Council), 29 June 2015. Mode of access: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6226#top-content]

⁶⁵ Россия и Вьетнам подписали протокол по производству автомобилей / Евразийский коммуникационный центр, 21.03.2016. Режим доступа: <http://eurasiancenter.ru/>

около ста производителей, которые предлагают широкую номенклатуру продукции аграрного и промышленного секторов.

Также в октябре 2016 г. прошли российско-вьетнамский деловой форум «Благоприятные возможности для экономического сотрудничества после вступления в силу ССТ ЕАЭС-СРВ» в Москве и Конференция по продвижению российско-вьетнамской торгово-инвестиционной кооперации в Санкт-Петербурге⁶⁹.

В качестве одного из показателей успехов российско-вьетнамского сотрудничества был отмечен рост торгового оборота между двумя странами – с января по июль 2016 г. он составил около 2 млрд долларов, что на 11% превышает показатели за соответствующие месяцы 2015 г.⁷⁰

Таким образом, на данный момент можно говорить об определенных успехах, связанных с реализацией идеи зоны свободной торговли между ЕАЭС и СРВ. Соглашение официально вступило в силу, и в его рамках уже были предприняты ряд шагов в российско-вьетнамском торгово-экономическом сотрудничестве.

(Vietnam Opens the First Site After Establishment of FTA with EAEU in Agricultural Cluster “Fud Siti”) / Evraziiskii kommunikatsionnyi tsentr (Eurasian Communication Center), 14 October 2016. Mode of access: <http://eurasiancenter.ru/news/20161014/1004406384.html>

⁶⁹ Выступление Посла России во Вьетнаме К.В. Внукова на пресс-конференции по случаю вступления в силу Соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Вьетнамом / Министерство иностранных дел Российской Федерации, 05.10.2016. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/vn/-/asset_publisher/a6q3L9Hzzxu2/content/id/2489080 [Vystuplenie Posla Rossii vo V'etname K.V. Vnukova na press-konferentsii po sluchaiu vstupleniia v silu Soglasheniia o svobodnoi trgovle mezhdu EAES i V'etnamom (A Speech of the Ambassador of Russia in Vietnam K.V. Vnukov at the Press-Conference on the Occasion of Entering in Force of Free Trade Agreement between EAEU and Vietnam) / Ministerstvo inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii (The Ministry of the Foreign Affairs of the Russian Federation), 5 October 2016. Mode of access: http://www.mid.ru/ru/maps/vn/-/asset_publisher/a6q3L9Hzzxu2/content/id/2489080]

⁷⁰ Ibid.

Это затронуло и достаточно проблемные вопросы двустороннего взаимодействия – экспорта высокотехнологичной продукции из России во Вьетнам и расширения обмена информацией о возможностях торгово-экономического сотрудничества. Вместе с тем, пока еще рано делать излишне оптимистичные прогнозы. Пошлины в соответствии с соглашением о зоне свободной торговли будут обнуляться постепенно и поэтому нельзя говорить о стремительном прорыве в российско-вьетнамской торговле. Даже если ожидания, связанные с ростом российско-вьетнамского торгового оборота, сбудутся, все равно его объемы будут значительно уступать текущей торговле Вьетнама с его ведущими партнерами. Ключевой проблемой останется конкурентоспособность российской продукции на вьетнамском рынке, и это обстоятельство лежит вне плоскости соглашения о свободной торговле. Свою негативную роль могут играть также субъективные факторы. В частности, по мнению Е.В. Колдуновой, существует расхождение между политическими решениями, направленными на поворот в сторону АТР, и позицией деловых кругов, которые попрежнему ориентированы в сторону Запада⁷¹. Поэтому можно, в принципе, согласиться с мнениями российских экспертов о преимущественно политическом значении соглашения о свободной торговле в настоящее время. Соглашение о зоне свободной торговли с Вьетнамом стало первым соглашением такого рода, которое подписал Евразийский экономический союз, и оно также стало определенным символом сопряжения процессов евразийской и азиатско-тихоокеанской интеграции. Однако, на взгляд автора, здесь тоже не все однозначно. Одним из факторов, который обеспечил возможность подписания соглашения, является опыт конструктивного взаимодействия между Россией и Вьетнамом, который складывался в течение ряда десятилетий. В то же время, не менее важным обстоятельством стал внешнеполитический курс Социалистической Республи-

⁷¹ Koldunova, Ekaterina. Russia as a Euro-Pacific Power: Dilemmas of Russian Foreign Policy Decision-Making // *International Relations*, 2015, Vol. 29, No 3, p. 390.

ки Вьетнам, направленный на расширение сети соглашений о свободной торговле и на диверсификацию международных связей Вьетнама в целом. Таким образом, можно говорить о том, что совпадение всех этих факторов («поворот на Восток» и развитие евразийской интеграции в российской политике, многовекторная внешняя политика СРВ и общее укрепление российско-вьетнамских отношений) сделали возможным заключение соглашения о зоне свободной торговли. При этом соглашение имеет большее политическое значение для России и ЕАЭС, чем для Вьетнама, у которого уже подписан ряд подобных документов с другими странами и интеграционными объединениями. Вьетнам пошел на создание зоны свободной торговли с ЕАЭС по сугубо прагматическим соображениям, и нужно понимать, что сам факт заключения этого соглашения не делает Вьетнам союзником России, который готов во всем ее поддерживать. Однако, соглашение о свободной торговле может оказать, безусловно, позитивный эффект на российско-вьетнамские отношения. В условиях повышенного внимания в России к евразийскому проекту также будет возрастать интерес к Вьетнаму в российских политических и деловых кругах.

События последнего времени, связанные с курсом администрации Дональда Трампа в отношении Азиатско-Тихоокеанского региона, могут косвенно отразиться и на связях Вьетнама с ЕАЭС и Россией. Отказ США от участия в Транстихоокеанском партнерстве может потенциально создать определенные возможности для укрепления российских позиций во Вьетнаме. В то же время существуют серьезные тенденции к обострению американо-китайских отношений, в том числе и в регионе Южно-Китайского моря. В это противостояние может быть втянут и Вьетнам, который является одним из наиболее последовательных оппонентов КНР в территориальном споре в Южно-Китайском море. Позиция, которую займет Россия по отношению к противостоянию США и Китая, может отразиться и на российско-вьетнамских отношениях.

Однако ключевыми факторами будут все-таки являться успешность евразийского проекта и укрепление положения россий-

ской экономики. В этом случае соглашение о зоне свободной торговли между ЕАЭС и СРВ может стать одним из импульсов для расширения российско-вьетнамского взаимодействия.

Литература:

Васильева Н.А., Лагутина М.Л. Евразийский экономический союз в условиях трансформации системы международной торговли // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 1. [Vasil'eva, N.A.; Lagutina, M.L. Evraziiskii ekonomicheskii soiuz v usloviakh transformatsii sistemy mezhdunarodnoi torgovli (The Eurasian economic union under the conditions of transformation of system of international trade) // *Evraziiskii iuridicheskii zhurnal*, 2016, No. 1.]

Васильева Н.А., Лагутина М.Л. Формирование Евразийского союза в контексте глобальной регионализации // Евразийская экономическая интеграция. – 2012. – № 3.

Владимир Путин принял участие в работе Делового саммита АТЭС / Президент России, 07.09.2012. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/16410>

Воловик Н. Начало функционирования зоны свободной торговли Евразийского экономического союза и Социалистической Республики Вьетнам // Экономическое развитие России. – 2016. – № 10.

Вопросы и ответы по Соглашению о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Социалистической Республикой Вьетнам. – С. 7. / Евразийская экономическая комиссия. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Forms/AllItems.aspx

Воронин А.С. Россия-Вьетнам. Стратегическое партнерство: состояние, проблемы, перспективы // Вьетнамские исследования. – 2011. – Вып. 1.

Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // *Сравнительная политика*. – 2012. – № 2.

Выступление Посла России во Вьетнаме К.В. Внукова на пресс-конференции по случаю вступления в силу Соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Вьетнамом / Министерство иностранных дел Российской Федерации, 05.10.2016. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/vn/-/asset_publisher/a6q3L9Hzzxu2/content/id/2489080

Вьетнам открыл первую площадку после создания ЗСТ с ЕАЭС в агрокластере «Фуд Сити» / Евразийский коммуникационный центр, 14.10.2016. Режим доступа: <http://eurasiancenter.ru/news/20161014/1004406384.html>

Вьетнам. Внешняя торговля и инвестиции / Российско-азиатский бизнес-союз. Режим доступа: <http://rvbu.ru/stati/397-vneshnyaya-torgovlya-i-investicii.html>

Зеленева И.В., Концова Е.А. АСЕАН и ЕАЭС: проблемы и перспективы сотрудничества // Управленческое консультирование. – 2015. – № 11. – С. 121.

Изотов Д.А. Либерализация российско-вьетнамской торговли: плюсы и минусы для экономики России // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2013. – № 6.

КАМАЗ намерен увеличить поставки автомобилей во Вьетнам / Евразийский коммуникационный центр, 18.01.2017. Режим доступа: <http://eurasiancenter.ru/news/20170118/1004431871.html>

Косов Ю.В., Фролов В.Е. О перспективах расширения Евразийского экономического союза // Управленческое консультирование. – 2015. – № 11.

Кузьмина Е. Таможенный союз: есть ли место для Азии? / Российский совет по международным делам, 17.10.2014. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=4620#top-content

Лапенко М.В. Внешний контур ЕАЭС: потенциал расширения и поиск оптимальных механизмов взаимодействия // Известия Саратовского университета. Новая серия, Серия История, международные отношения. – 2016. – Т. 16. – Вып. 1.

Лихачев: Вьетнам может стать торгово-инвестиционным мостом между ЕАЭС и АСЕАН / Евразийский коммуникационный центр, 26.11.2015. Режим доступа: <http://eurasiancenter.ru/news/20151126/1004300832.html>

Локишин Г.М. Внешняя политика в решениях XII съезда КПВ // XII съезд компартии Вьетнама: документы и экспертные оценки. – М.: ИД «Форум», 2016.

Локишин Г.М. Политическое сотрудничество России и Вьетнама // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2014. – № 25.

Мазырин В. Вьетнам: Зоны свободной торговли // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – № 3.

Мазырин В. Соглашение о создании зоны свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – № 5.

Мазырин В.М. Экономические отношения России и Вьетнама в первой половине 2010-х гг.: ведущие тенденции // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2014. – № 24.

Мосяков Д.В. Перспективы российско-вьетнамского экономического сотрудничества // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2014. – № 25.

Первый замглавы МЭР: Соглашение о ЗСТ между ЕАЭС и АСЕАН будет сложнее, чем с Вьетнамом / Евразийский коммуникационный центр, 19.11.2016. Режим доступа: <http://eurasiancenter.ru/news/20160919/1004399218.html>

Россия и Вьетнам подписали протокол по производству автомобилей / Евразийский коммуникационный центр, 21.03.2016. Режим доступа: <http://eurasiancenter.ru/news/20160321/1004342984.html>

Социально-экономический доклад // XII съезд компартии Вьетнама: документы и экспертные оценки. – М.: ИД «Форум», 2016..

Товарооборот между Вьетнамом и Россией в январе-июле вырос на 28% / Евразийский коммуникационный центр, 07.09.2016. Режим доступа: <http://eurasiancenter.ru/news/20160907/1004395547.html>

Торгпред РФ: Вьетнам стал крупнейшим торговым партнером России в АСЕАН в 2015 году / Министерство экономического развития Российской Федерации, 12.02.2016. Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/foreigneconomicactivity/departament/2016120206>

Фам Нгуен Минь. Оценка состояния и путей развития торговли между СРВ и РФ // Вьетнамские исследования. – 2015. – Вып. 5.

Цветов А. Вьетнамский год свободной торговли / Российский совет по международным делам, 10.12.2015. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6993#top-content

Цветов А. Шесть вопросов о ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам / Российский совет по международным делам, 29.06.2015. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6226#top-content

Шувалов: Большое Евразийское партнерство не будет противопоставлением Транстихоокеанскому / Евразийский коммуникационный центр, 06.09.2016. Режим доступа: <http://eurasiancenter.ru/news/20160906/1004395147.html>

Blank, Stephen. Russia and Vietnam Team up to balance China / *The National Interest*, 7 April 2014. Mode of access: <http://nationalinterest.org/commentary/russia-vietnam-team-balance-china-10195>

Koldunova, Ekaterina. Russia as a Euro-Pacific Power: Dilemmas of Russian Foreign Policy Decision-Making // *International Relations*, 2015, Vol. 29, No. 3.

Lukin, Alexander. Russia's Pivot to Asia: Myth or Reality? // *Strategic Analysis*, 2016, Vol. 40, No. 6.

Rangsimaporn, Paradorn. Interpretation of Eurasianism: Justifying Russia's Role in East Asia // *Europe-Asia Studies*, 2006, Vol. 58, No. 3.

Roberts, Sean P.; Moshes, Arkady. The Eurasian Economic Union: a Case of Reproductive Integration? // *Post-Soviet Affairs*, Vol. 32, 2016, Iss. 6.

Truong-Minh Vu. Vietnam's "Niche Market" FTA Strategy / *cogitAsia*. 28 December 2014. Mode of access: <https://www.cogitasia.com/vietnams-niche-market-fta-strategy/>

Wishnick, Elizabeth. In search of the "Other" in Asia: Russia-China relations revisited // *The Pacific Review*, 2017, Vol. 30, No. 1, pp. 121-122.

References:

Blank, Stephen. Russia and Vietnam Team up to balance China / *The National Interest*, 7 April 2014. Mode of access: <http://nationalinterest.org/commentary/russia-vietnam-team-balance-china-10195>

Fam Nguen Min'. Otsenka sostoiianiia i putei razvitiia trgovli mezhdru SRV i RF (Evaluation of Conditions and Ways of Development of Trade Between the SRV and the RF) // *V'etnamskie issledovaniia*, 2015, Iss. 5.

Izotov, D.A. Liberalizatsiia rossiisko-v'etnamskoi trgovli: pliusy i minusy dlia ekonomiki Rossii (Liberalization of Russian-Vietnamese trade: pro and contra for economy of Russia) // *Izvestiia Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii*, 2013, No. 6.

KAMAZ nameren uvelichit' postavki avtomobilei vo V'etnam (KAMAZ is Intent to Raise Trucks Supply to Vietnam) / *Evrasiiskii kommunikatsionnyi tsentr* (Eurasian Communication Center), 18 January 2017. Mode of access: <http://eurasiancenter.ru/news/20170118/1004431871.html>

Koldunova, Ekaterina. Russia as a Euro-Pacific Power: Dilemmas of Russian Foreign Policy Decision-Making // *International Relations*, 2015, Vol. 29, No. 3.

Kosov, Iu.V.; Frolov, V.E. O perspektivakh rasshireniia Evraziiskogo ekonomicheskogo soiuz (On prospects of expansion of the Eurasian economic union) // *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2015, No. 11.

Kuz'mina, E. Tamozhennyi soiuz: est' li mesto dlia Azii? (Customs Union: is there a Place for Asia?) / Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (Russian International Affairs Council), 17 October 2014. Mode of access: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=4620#top-content

Lapenko, M.V. Vneshnii kontur EAES: potentsial rasshireniia i poisk optimal'nykh mekhanizmov vzaimodeistviia (External outline of the EAEU: capacity for expansion and search for optimal tools of cooperation) //

Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia, Serii Istorii, mezhdunarodnye otnosheniia, 2016, Vol. 16, Iss. 1.

Likhachev: V'etnam mozhnet stat' torgovo-investitsionnym mostom mezhdu EAES i ASEAN (Likhachev: Vietnam can be a trade and investment bridge between EAEU and ASEAN) / *Evraziiskii kommunikatsionnyi tsentr* (Eurasian Communication Center), 26 November 2015. Mode of access: <http://eurasiancenter.ru/news/20151126/1004300832.html>

Lokshin, G.M. Politicheskoe sotrudnichestvo Rossii i V'etnama (Political Cooperation of Russia and Vietnam) // *Iugo-Vostochnaia Aziia: aktual'nye problemy razvitiia*, 2015, No. 25.

Lokshin, G.M. Vneshniaia politika v resheniiaakh XII s"ezda KPV (Foreign policy in the decisions of XII Congress of the Communist Party of Vietnam) // XII s"ezd kompartii V'etnama: dokumenty i ekspertnye otsenki (XII Congress of the Communist Party of Vietnam: documents and experts' analysis). Moscow: Forum Publishers, 2016.

Lukin, Alexander. Russia's Pivot to Asia: Myth or Reality? // *Strategic Analysis*, 2016, Vol. 40, No. 6.

Mazyrin, V. Soglasenie o sozdanii zony svobodnoi torgovli mezhdu EAES i V'etnamom (The Agreement on Establishment of Free Trade Zone between the EAEU and Vietnam) // *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2015, No. 5.

Mazyrin, V. V'etnam: Zony svobodnoi torgovli (Vietnam: Zones of Free Trade) // *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2016, No. 3.

Mazyrin, V.M. Ekonomicheskie otnosheniia Rossii i V'etnama v pervoi polovine 2010-kh gg.: vedushchie tendentsii (Economic Relations of Russia and Vietnam in the First Part of the 2010s: Key Trends) // *Iugo-Vostochnaia Aziia: aktual'nye problemy razvitiia*, 2014, No. 24.

Mosiakov, D.V. Perspektivy rossiisko-v'etnamskogo ekonomicheskogo sotrudnichestva (Prospects of Russian-Vietnamese Economic Cooperation) // *Iugo-Vostochnaia Aziia: aktual'nye problemy razvitiia*, 2014, No. 25.

Pervyi zamglavy MER: Soglasenie o ZST mezhdu EAES i ASEAN budet slozhnee, chem s V'etnamom (The first deputy of the head of MED: Free Trade Agreement between EAEU and ASEAN Will be Harder, than with Vietnam) / *Evraziiskii kommunikatsionnyi tsentr* (Eurasian Communication Center), 19 November 2016. Mode of access: <http://eurasiancenter.ru/news/20160919/1004399218.html>

Rangsimaporn, Paradorn. Interpretation of Eurasianism: Justifying Russia's Role in East Asia // *Europe-Asia Studies*, 2006, Vol. 58, No. 3.

Roberts, Sean P.; Moshes, Arkady. The Eurasian Economic Union: a Case of Reproductive Integration? // *Post-Soviet Affairs*, Vol. 32, 2016, Iss. 6.

Rossia i V'etnam podpisali protokol po proizvodstvu avtomobilei (Russia and Vietnam Signed a Protocol for Cars' Production) / *Evraziiskii kommunikatsionnyi tsentr* (Eurasian Communication Center), 21 March 2016. Mode of access: <http://eurasiancenter.ru/news/20160321/1004342984.html>

Shuvalov: Bol'shoe Evraziiskoe partnerstvo ne budet protivopostavleniem Transtikhookeanskomu (Shuvalov: Great Eurasian partnership will not be a counterweight to Trans-Pacific Partnership) / *Evraziiskii kommunikatsionnyi tsentr* (Eurasian Communication Center), 6 September 2016. Mode of access: <http://eurasiancenter.ru/news/20160906/1004395147.html>

Social'no-ekonomicheskij doklad (Social and Economic Report) // XII s"ezd kompartii V'etnama:

dokumenty i ekspertnye otsenki (XII Congress of the Communist Party of Vietnam: Documents and Experts' Analysis). Moscow: Forum, 2016.

Torgpred RF: V'etnam stal krupneishim torgovym partnerom Rossii v ASEAN v 2015 godu (Trade Commissioner: Vietnam Became the Largest Trade Partner of Russia in the ASEAN in 2015) / Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii (Ministry of the Economic Development of the Russian Federation), 12 February 2016. Mode of access: <http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/foreigneconomicactivity/departement/2016120206>

Tovarooborot mezhdu V'etnamom i Rossiei v ianvare-iuule vyros na 28 % (Trade between Vietnam and Russia Rose in January-July for 28%) / *Evraziiskii kommunikatsionnyi tsentr* (Eurasian Communication Center), 7 September 2016. Mode of access: <http://eurasiancenter.ru/news/20160907/1004395547.html>

Truong-Minh Vu. Vietnam's "Niche Market" FTA Strategy / *cogitAsia*. 28 December 2014. Mode of access: <https://www.cogitasia.com/vietnams-niche-market-fta-strategy/>

Tsvetov, A. Shest' voprosov o ZST EAES-V'etnam (Six Questions on FTA EAEU-Vietnam) / Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (Russian International Affairs Council), 29 June 2015. Mode of access: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6226#top-content

Tsvetov, A. V'etnamskii god svobodnoi torgovli (Vietnam's Year of Free Trade) / Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (Russian International Affairs Council), 10 December 2015. Mode of access: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6993#top-content

Vasil'eva, N.A.; Lagutina, M.L. Evraziiskii ekonomicheskii soiuz v usloviakh transformatsii sistemy mezhdunarodnoi torgovli (The Eurasian economic union under the conditions of transformation of system of international trade) // *Evraziiskii iuridicheskii zhurnal*, 2016, No. 1.

Vasil'eva, N.A.; Lagutina, M.L. Formirovanie Evraziiskogo soiuz v kontekste global'noi regionalizatsii (Formation of the Eurasian Union in the Context of Global Regionalization) // *Evraziiskaia ekonomicheskaiia integratsiia*, 2012, No. 3.

V'etnam otkryl pervuiu ploshchadku posle sozdaniia ZST s EAES v agroklastere «Fud Siti» (Vietnam Opens the First Site After Establishment of FTA with EAEU in Agricultural Cluster «Fud Siti») / *Evraziiskii kommunikatsionnyi tsentr* (Eurasian Communication Center), 14 October 2016. Mode of access: <http://eurasiancenter.ru/news/20161014/1004406384.html>

V'etnam. Vneshniaia torgovlia i investitsii (Vietnam. Foreign Trade and Investments) / Rossiisko-aziatskii biznes-soiuz (Russia-Asia Business Union). Mode of access: <http://rvbu.ru/stati/397-vneshnyaya-torgovlya-i-investicii.html>

Vladimir Putin prinial uchastie v rabote Delovogo sammita ATEs (Vladimir Putin Took Part in Work of Business Summit of APEC) / Prezident Rossii (President of Russia), 7 September 2012. Mode of access: <http://kremlin.ru/events/president/news/16410>

Volovik, N. Nachalo funktsionirovaniia zony svobodnoi torgovli Evraziiskogo ekonomicheskogo soiuz i Sotsialisticheskoi Respubliki V'etnam (Beginning of Working of Free Trade Zone of the Eurasian Economic Union and the Socialist Republic of Vietnam) // *Ekonomicheskoe razvitiie Rossii*, 2016, No. 10.

Voprosy i otvety po Soglaseniiu o svobodnoi torgovle mezhdu Evraziiskim ekonomicheskim soiuzom

i Sotsialisticheskoi Respublikoi V'etnam (Questions and answers on Free trade agreement between the Eurasian economic union and the Socialist Republic of Vietnam), p. 7. / Evraziiskaia ekonomicheskaiia komissiiia (Eurasian economic commission). Mode of access: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Forms/AllItems.aspx

Voronin, A.S. Rossiia-V'etnam. Strategicheskoe partnerstvo: sostoianie, problemy, perspektivy (Russia-Vietnam. Strategic Partnership: Status, Problems, Prospects) // *V'etnamskie issledovaniia*, 2011, Iss. 1.

Voskressenski, A.D. Kontseptsii regionalizatsii, regional'nykh podsystem, regional'nykh kompleksov i regional'nykh transformatsii v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniakh (Concepts of Regionalization, Regional Sub-Systems, Regional Complexes and Regional Transformations in Modern International Relations) // *Comparative Politics Russia*, 2012, No. 2.

Vystuplenie Posla Rossii vo V'etname K.V. Vnukova na press-konferentsii po sluchaiu vstupleniia v silu Soglasheniia o svobodnoi trgovle mezhdru EAES i V'etnamom (A Speech of the Ambassador of Russia in Vietnam K.V. Vnukov at the Press-Conference on the Occasion of Entering in Force of Free Trade Agreement between EAEU and Vietnam) / Ministerstvo inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii (The Ministry of the Foreign Affairs of the Russian Federation), 5 October 2016. Mode of access: http://www.mid.ru/ru/maps/vn/-/asset_publisher/a6q3L9Hzzxu2/content/id/2489080

Wishnick, Elizabeth. In search of the "Other" in Asia: Russia-China relations revisited // *The Pacific Review*, 2017, Vol. 30, No. 1, pp. 121-122.

Zeleneva, I.V.; Kontsova, E.A. ASEAN i EAES: problemy i perspektivy sotrudnichestva (The ASEAN and the EAEU: Problems and Prospects of Cooperation) // *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2015, No. 11, p. 121.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-1-74-90>

THE FREE TRADE AGREEMENT BETWEEN THE EAEU AND VIETNAM AS A FACTOR OF RUSSIAN-VIETNAMESE RELATIONS

Nikolai V. Fedorov

Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Article history: <i>Received:</i> 5 March 2017 <i>Accepted:</i> 21 November 2017	Abstract: The article examines the influence of the free trade agreement between the Eurasian Economic Union and Vietnam on Russian-Vietnamese relations. The author considers preconditions for expansion of the EAEU, main steps of negotiations, special features of the agreement, and results, achieved by present time. The author pays special attention to evolution of Russian-Vietnamese relations and also to key factors of Vietnam's foreign policy. Russian-Vietnamese relations have been developing on the base of the USSR-Vietnam partnership in the Cold War. They were marked by stability and high level of political contacts, but at the same time scales of economic cooperation were relatively low. Established interaction between two states was a foundation for the dialogue for the involvement of Vietnam in Eurasian integration. Vietnam, in turn, tried to conduct multilateral foreign policy (including the expansion of network of free trade agreements) and so it had positive attitude for cooperation with Russia in a sphere of Eurasian integration. For Russia, the EAEU – Vietnam free trade agreement has both political (expansion of Eurasian integration beyond the Post-Soviet space and rise of prestige of the EAEU) and economic (impact on trade and investment cooperation with the SRV) significance. The agreement entered into force in October 2016 and under its realization some results have already been made. At the same time the agreement is of compromise and "test" sort. So it's rather able to make an immediate breakthrough in Russian-Vietnamese trade and Russian policy in the Asia-Pacific in whole. But this agreement can be an additional factor for attraction to Vietnam in Russia and enlargement of cooperation with Vietnamese counterparts.
About the author: Candidate of Historical Science, Associate Professor, American Studies Department, School of International Relations, Saint-Petersburg State University e-mail: nfedorov@yandex.ru	
Key words: Eurasian Economic Union; Eurasian integration; Russia's foreign policy; Vietnam; Russian-Vietnamese relations; free trade area; EAEU – Vietnam free trade agreement	

Для цитирования: Федоров Н.В. Соглашение о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом как фактор российско-вьетнамских отношений // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 1. – С. 74-90.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-74-90

For citation: Fedorov, Nikolai V. Soglasenie o zone svobodnoi trgovli mezhdru EAES i V'etnamom kak faktor rossiisko-v'etnamskikh otnoshenii (The Free Trade Agreement between the EAEU and Vietnam as a Factor of Russian-Vietnamese Relations) // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 1, pp. 74-90.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-74-90

ПОСТСОВЕТСКИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В МОЛДОВЕ И ЭСТОНИИ: КОГДА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ МОГУТ УЧИТЬСЯ НА ОШИБКАХ ДРУГ ДРУГА

Александр Юрьевич Сунгуров

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия*

Надежда Белявская

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия*

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 11 июня 2017 <i>Принята к печати:</i> 17 декабря 2017	Аннотация: Статья посвящена исследованию территориальных конфликтов в двух странах бывшего СССР – Молдавии и Эстонии в 1989-1994 гг. В рамках исследования было проведено пять экспертных интервью с респондентами, непосредственно участвовавшими в разрешении изучаемых конфликтов в Кишиневе, в Приднестровье и в Гагаузии. Анализировались также публикации в интернет-изданиях о референдуме в Нарве 1993 года, его подготовке и последствиях. На основе проведенного исследования выявлено, что в преддверии референдума об автономии в Нарве состоялась поездка представителей центральной власти в Эстонии и руководителей горсовета г. Нарвы в Молдавию, включая и посещение Приднестровья. Именно опыт конфликта в Приднестровье позволил им предпринять определенные шаги по смягчению напряженности в Восточной Эстонии. Чуть позже уже этот эстонский опыт был использован молдавскими политиками в процессе снятия напряженности в ситуации Гагаузии. Выявленное взаимодействие политических элит Молдавии и Приднестровья рассматривается с позиции концепции «обучаемых политик» (<i>policy learning</i>) Хью Хекло и Ричарда Роуза.
Об авторах: <i>Сунгуров А.Ю.</i>, профессор, руководитель Департамента прикладной политологии, НИУ ВШЭ–СПб e-mail: asungurov@mail.ru <i>Н. Белявская</i>, магистр программы «Политика и управление», НИУ ВШЭ–СПб e-mail: beliavskaianadejda@gmail.com	
Ключевые слова: территориальные конфликты; постсоветские страны; Молдавия; Приднестровье; Гагаузия; Эстония; Нарва; концепция «обучаемых политик»; взаимодействие элит	

Распад СССР во второй половине 1991 года после попытки государственного переворота 19 августа 1991 года, которая поставила крест на намечавшемся договоре о новой форме союзного государства, привел к быстрому возникновению территориаль-

ных конфликтов в новых странах. Наряду со спорами о положении границ, которые в одночасье из, по сути, административных превратились в межгосударственные, в новых суверенных республиках продолжился «парад суверенитетов», начавшейся еще

в СССР. Это в полной мере относится и к Молдавской Республике, ситуация в которой осложнилась и явно выраженным желанием части новой политической элиты к объединению с Румынией, частью которой до 1939 года была основная часть бывшей Молдавской ССР. Такой вариант был неприемлем для восточной части республики, находящейся за Днестром, которая до 1939 была в составе Украины. Наконец, на Юге Молдавии находятся районы, заселенными в основном гагаузами, имеющими тюркское происхождение, и для которых включение в состав Румынии было также неприемлемо.

Анализируя российские научные публикации по теме территориальных конфликтов в странах бывшего СССР, легко увидеть, что в большинстве своем они выполнены с точки зрения влияния этих конфликтов на позиции России, или даже с позиции потенциальных угроз для нашей страны¹. Ситуации же в конкретных странах, например, в Молдавии уделяется два-три абзаца, либо

территориальные конфликты в Молдавии рассматриваются с точки зрения российско-украинских отношений².

Статьи, сфокусированные на анализе событий в конкретных странах, появляются, в основном, в журналах, издаваемых в соответствующих странах, (например, про Молдавию – в журнале «Русин»³) они малоизвестны для российских исследователей, и также в ряде случаев в них рассматриваются события с одной стороны конфликта⁴.

Приятным исключением являются недавние публикации в журнале «Сравнительная политика»: статья И.Е. Кочедыкова⁵ и цикл работ группы молодых исследователей, посвященных идентичностям и Киши-

¹ См., например: Федулова Н. Конфликтно-генные зоны ближнего зарубежья: угроза интересам России // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2010. – № 2. – С. 75-89. [Fedulova, N. Konfliktogennyye zony blizhnego zarubezh'ia: ugroza interesam Rossii (Conflictogenic Zones of Near Abroad: a Threat to the Interests of Russia) // *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2010, No. 2, pp. 75-89.]; Романчук С. Миротворчество России на постсоветском пространстве: итоги и перспективы // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2014. – № 1 – С. 72-79. [Romanchuk, S. Mirotvorchestvo Rossii na postsovetском prostranstve: itogi i perspektivy (Russia's Peacekeeping in the Post-Soviet Space: Results and Prospects) // *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2014, No. 1, pp. 72-79.]; Лапкины В., Пантин В. Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве: роль внешнеполитических факторов // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2016. – № 12. Том 60. – С. 92-103. [Lapkin, V.; Pantin, V. Etnopoliticheskie konflikty na postsovetском prostranstve: rol' vneshnepoliticheskikh faktorov (Ethnopolitical Conflicts in the Post-Soviet Space: the Role of Foreign Policy Factors) // *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2016, No. 12, Vol. 60, pp. 92-103.]

² Курылев К.П. Проблема Приднестровского урегулирования в контексте отношений России и Украины // *Вестник РУДН, серия Международные отношения*. – 2011. – № 4. – С. 61-70. [Kurylev, K.P. Problema Pridnestrovskogo uregulirovaniia v kontekste otnoshenii Rossii i Ukrainy (The Problem of the Transnistrian Settlement in the Context of the Relations between Russia and Ukraine) // *Vestnik RUDN, seriia Mezhdunarodnye otnosheniia*, 2011, No. 4, pp. 61-70.]

³ Нечаева-Юрийчук Н.В. Особенности формирования молдавской государственности после обретения независимости // *Русин*. – 2010. – № 4 (22). – С. 136-144. [Nechaeva-Iuriichuk, N.V. Osobennosti formirovaniia moldavskoi gosudarstvennosti posle obreteniia nezavisimosti (Formation of Moldovan Statehood after Gaining Independence) // *Rusin*, 2010, No. 4 (22), pp. 136-144.]

⁴ Бабилунга Н.В. Раскол Молдавии и конституционные акты Приднестровской Молдавской Республики // *Ежегодный исторический альманах Приднестровья*. – 1999. – № 3. – С. 5-6. [Babilunga, N.V. Raskol Moldavii i konstitutsionnye akty Pridnestrovskoi Moldavskoi Respubliki (The Split of Moldova and the Constitutional Acts of the Transnistria) // *Ezhegodnyi istoricheskii al'manakh Pridnestrov'ia*, 1999, No. 3, pp. 5-6.]

⁵ Кочедыков И.Е. Национализмы Молдовы // *Сравнительная политика*. – 2015. – № 2 (19). – С. 86-99. [Kochedykov, I.E. Natsionalizmy Moldovy (Nationalisms of Moldova) // *Comparative Politics Russia*, 2015, No. 2 (19), pp. 86-99.]

нева как столицы Молдовы⁶, и Гагаузии⁷, и Приднестровья⁸.

Возвращаясь к основному объекту нашего интереса – Молдавии, обозначим кратко основные события конфликта в этой стране в 1989–1994 гг. Здесь обострение ситуации началось еще в 1989 году, когда после придания Верховным Советом Молдавской ССР статуса государственного молдавскому языку, в Приднестровье был проведен референдум по вопросу создания Приднестровской Автономной Социалистической Республики. В свою очередь 23 июня 1990 г. Молдова заявила о своем суверенитете в составе СССР. Одновременно Народный фронт, ведущая в то время оппозиционная сила, выступил с требованием о переименовании Молдавии в Румынскую Республику Молдова⁹.

⁶ Сергеева З.В. Визуальные проявления идентичности в Кишинёве // Сравнительная политика. – 2015. – № 4 (21). С. 59–61. [Sergeeva, Z.V. Vizual'nye proiavleniia identichnosti v Kishineve (Visual Manifestations of Identity in Chişinău) // *Comparative Politics Russia*, 2015, No. 4 (21), pp. 59–61.]

⁷ Салаватова А.В. Особенности пространственной идентичности в Гагаузии // Сравнительная политика. – 2015. – № 4 (21). – С. 67–69. [Salavatova, A.V. Osobennosti prostranstvennoi identichnosti v Gagauzii (Features of Spatial Identity in Gagauzia) // *Comparative Politics Russia*, 2015, No. 4 (21), pp. 67–69.]; Тисленко М.И. Гагаузы на распутье: национальная идентичность как детерминант геополитического выбора // Сравнительная политика. – 2015. – № 4 (21). – С. 70–75. [Tislenko, M.I. Gagauzy na rasput'e: natsional'naia identichnost' kak determinant geopoliticheskogo vybora (Gagauzes at the Crossroads: National Identity as the Determinant of Geopolitical Choice) // *Comparative Politics Russia*, 2015, No. 4 (21), pp. 70–75.]

⁸ Басова Д.В. Многоуровневая идентичность Приднестровья как модель построения государства для современной Молдавии // Сравнительная политика. – 2015. – № 4 (21). – С. 62–66. [Basova, D.V. Mnogourovnevaia identichnost' Pridnestrov'ia kak model' postroeniia gosudarstva dlia sovremennoi Moldavii (Multilevel Identity of Transnistria as a Model of Building a State for Modern Moldova) // *Comparative Politics Russia*, 2015, No. 4 (21), pp. 62–66.]

⁹ Булгар С. Народное движение «Гагауз Халкы» (1989–1994 гг.) // Русин. – 2006. – №. 4. – С. 163–173. [Bulgar, S. Narodnoe dvizhenie «Gagauz Khalky» (1989–1994 gg.) (The People's

Спустя два месяца, 19 августа 1990 г., была провозглашена автономная Республика Гагаузия в составе Молдавии, а еще через месяц, 20 сентября 1990 г., была образована Приднестровская Молдавская Советская Социалистическая Республика (ПМР) в составе СССР. Обе эти республики так и остались никем не признаны. В конце октября этого же года центральными властями Кишинева было санкционировано вооруженное нападение на юг Молдовы, именуемое «поход на Гагаузию»¹⁰, однако оно было остановлено, в том числе, и в связи с отрядами добровольцев из Приднестровья, которые поспешили на помощь Гагаузии. Вскоре, 2 ноября 1990 г., были санкционированы нападения на Бендеры и Дубоссары молдавскими военными формированиями, которые переросли в боевые действия, в результате которых погибло около тысячи человек, включая и мирных жителей Приднестровья. Этот период можно считать началом активной фазы Приднестровского конфликта, который удалось остановить в июле 1992 года, когда соглашение «О принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова» было подписано президентами ПМР (И. Смирновым), Российской Федерации (Б. Ельциным) и Республики Молдова (М. Снегуром).

Отметим, что подобных военных действий со стороны властей Кишинева не предпринималось против второго потенциального «очага сепаратизма» – Республики Гагаузия. Вскоре, 27 декабря 1994 г. Гагаузией был подписан документ о мирной интеграции на правах автономии в состав Республики Молдова. В этой связи встает естественный вопрос – почему же в 1991–1993 годах политическим лидерам Республики Молдова удалось договориться с лидерами Республики Гагаузия, чтобы не

Movement «Gagauz Khalky» (1989–1994)) // *Rusin*, 2006, No. 4, pp. 163–173.]

¹⁰ Кобзарь Д. Поход на Гагаузию 25 лет назад: до большой крови оставался шаг / *kp.md*. Режим доступа: <http://www.kp.md/daily/26450/3320724/> [Kobzar', D. Pokhod na Gagauziiu 25 let nazad: do bol'shoi krovi ostavalsia shag (A Campaign to Gagauzia 25 Years Ago: There Was a Step to the Big Blood) / *kp.md*. Mode of access: <http://www.kp.md/daily/26450/3320724/>]

доводить дела до кровопролития, как это случилось в ситуации Приднестровья?

Поиск ответа на этот вопрос и был одной из задач полевого исследования, предпринятого одним из соавторов настоящей работы в 2016-2017 гг. В этот период ей удалось взять пять экспертных интервью у непосредственных участников не только обсуждаемых событий, но и принимаемых политических решений, на основании которых эти решения происходили, как на уровне Кишинева, так и столиц «мятежных» республик. В процессе этих интервью выяснилось, что после начала вооруженного конфликта в Приднестровье эта ситуация привлекла особое внимание представителей политической элиты Эстонии, где ситуация начала разворачиваться по Приднестровскому варианту.

В случае Эстонии роль Приднестровья играла ключевую роль в Нарве и других городах Восточной Эстонии, где русское население доминировало и к тому же было автохтонным¹¹. В целом, в Эстонской ССР, также как и в Латвийской ССР, в годы перестройки разделение шло не по этническому, а скорее по политическому принципу – среди сторонников Народного фронта и независимости этих республик было много этнических не-эстонцев, с другой стороны, среди участников противостоящему ему Интердвижению было много эстонцев. Однако сразу же после провала августовского путча и начала существования реально независимой Эстонии стал проявляться тренд игнорирования русского (или шире – не эстонского) населения. Ситуация стала резко меняться после 26 февраля 1992 года, когда Верховный совет Эстонской Республики восстановил действие введенного декретом президента Эстонской Республики 11 апреля 1938 года Закона о гражданстве. Этим актом к числу граждан Эстонии были отнесены все те люди, которые были гражданами Эстонии

до аннексии Эстонии Советским Союзом, и их потомки¹². На период 1990-1991 г. в городах Ида-Виурумаа было установлено порядка девяноста процентов русскоязычного населения¹³.

Своеобразным ответом на подобные действия стал референдум в Нарве, Кохтла-Ярве и Силламяэ¹⁴. Другой молдавский респондент считает, что «*Приднестровский прецедент санкционированного референдума по вопросу независимости был взят за основу северо-восточными региональными властями в процессе разрешения обострившихся отношений между центром и регионом*»¹⁵.

Вместе с тем, по мнению его инициаторов, референдум на северо-востоке Эстонии вовсе не ставил целью породить сепаратистские настроения. На референдум, состоявшийся 16-17 июля 1993 г. в трех городах Нарве, Кохтла-Ярве и Силламяэ, был вынесен вопрос: «Хотите ли Вы, чтобы г. Нарва имела статус национально-территориального образования в составе Эстонской республики?»¹⁶.

¹² Сайт департамента полиции и погранохраны. Режим доступа: <https://www.politsei.ee/ru/organisatsioon/ajalugu/KMA-ajalugu.dot>

¹³ Тишков В.А. Русские как меньшинства (пример Эстонии) // *Общественные науки и современность*. – 1993. № 6. С. 110-124. [Tishkov, V.A. Russkie kak men'shinstva (primer Estonii) (Russians as Minorities (Example of Estonia)) // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 1993, No. 6, pp. 110-124.]

¹⁴ Смирнов И. Как Нарва осталась с Эстонией: что известно организатору непризнанного референдума 1993 года? Режим доступа: <http://rus.postimees.ee/3976687/kak-narva-ostalas-c-estoniey-chto-izvestno-organizatoru-nepriznannogo-referenduma-1993-goda> [Smimov, I. Kak Narva ostalas' c Estoniei: chto izvestno organizatoru nepriznannogo referenduma 1993 goda? (How Did Narva Stay with Estonia: What is Known to the Head of the Unrecognized Referendum of 1993?). Mode of access: <http://rus.postimees.ee/3976687/kak-narva-ostalas-c-estoniey-chto-izvestno-organizatoru-nepriznannogo-referenduma-1993-goda>]

¹⁵ Интервью с респондентом Б от 29.01.2017.

¹⁶ Лаврентьев И. Архивный бюллетень нарвского референдума. Режим доступа: <http://rus.postimees.ee/3976687/kak-narva-ostalas-c-estoniey-chto-izvestno-organizatoru-nepriznannogo-referenduma-1993-goda> [Lavrent'ev, I. Arkhivnyi biulleten' narvskogo referendum (The Archival Newsletter

Наш респондент так прокомментировал его итоги: *«Провокаций не было, и голосование не было сфальсифицированным. В соответствии с официально объявленными ночью 18 июля результатами, 97% населения Ида-Виурумаа выразили поддержку по образованию автономии»*¹⁷.

Референдум стал толчком для продвижения ранее разработанной административной и экономической концепции самостоятельности городов Ида-Виурумаа. Суть концепции заключалась в пересмотре ряда законов о приватизации, а самое главное о иммиграции и о гражданстве, которые должны были соотноситься с союзным законодательством Ида-Виурумаа (Нарва, Силламяэ и Кохтла-Ярва).

Один из организаторов референдума, председатель городского совета Нарвы тех лет В. Чуйкин, свидетельствует, что «представленная концепция была направлена скорее на создание в Нарве свободной экономической зоны. Центральные власти Таллинна опасались, что СЭЗ создаст все условия для отделения Нарвы»¹⁸.

Важно отметить, что уже в преддверии запланированного референдума, представители центральных властей Эстонии, а также председатель горсовета Нарва В. Чуйкин, совершили поездку в Молдавию, посетив и Приднестровье. Первую информацию о такой поездке мы получили из экспертного интервью с одним из респондентов в Молдавии, который отметил, что властями северо-восточных регионов и Таллина были учтены основные противоречия между Кишиневом и Тирасполем в вопросах сохране-

ния территориальной целостности страны и разрешения основных противоречий в правах русскоязычного населения левобережья Днестра: *«Эстонским властям необходимо было найти пути урегулирования конфликта с северо-восточными регионами Эстонии. Единственно верным решением было организовать эстонскую делегацию во главе с представителями как центральных, так и региональных властей, и направить ее в Приднестровскую Молдавскую Республику с целью узнать, к чему привели события прошедшего референдума в процессе борьбы за независимость»*¹⁹. Это же подтвердил и другой респондент, работавший тогда в Приднестровье: *«Делегация прибыла в Тирасполь во главе с В. Чуйкиным, на тот момент он был главой Нарвского городского совета. Основной задачей делегации было разобраться как политические элиты Кишинева и Тирасполя способствуют урегулированию территориального конфликта. Основой всему служит то, что Приднестровье играет для Молдовы стратегически важную роль, так как граничит с Украиной, как и Нарва в свою очередь является приграничным городом с Россией. Центральные власти Таллина понимали какой риск создаст прецедент Нарвы в статусе автономии для всего государства. В связи с этим правительством были предприняты попытки по укреплению своих границ, а так же поиску наиболее лучших путей по разрешению ситуации на северо-востоке страны, принимая во внимание опыт политических элит Республики Молдова в вопросах разрешения Приднестровского конфликта»*²⁰.

Подтверждение этой информации мы нашли и в интервью В. Чуйкина журналисту агентства Информпресс Е. Ашихмину: *«Мы ездили туда не за опытом организации в Эстонии варианта Приднестровской республики, а совсем за другим. Побывав в Приднестровье, я убедился, что надо идти своим путем. Приднестровский вариант нас никак не устраивал, потому что тогда там, в Молдавии, уже гибли люди. Мы старались уберечь Нарву от взрыва. Если бы по моей вине или по вине наших депутатов погиб*

of the Narva Referendum). Mode of access: <http://rus.postimees.ee/3976687/kak-narva-ostalas-estoniey-cto-izvestno-organizatoru-nepriznannogo-referenduma-1993-goda>]

¹⁷ Интервью с респондентом Б от 29.01.2017.

¹⁸ Ашихмин Е., Чуйкин В.: Нарве удалось избежать «Приднестровского варианта» // Агентство Инфопресс, 2013, № 30. Режим доступа: <http://rus.postimees.ee/1312992/vladimir-chuykin-narve-udalos-izbezhat-pridnestrovskogo-varianta> [Ashikhmin, E.; Chuykin V.: Narve udalos' izbezhat' «Pridnestrovskogo varianta» (Narva Managed to Avoid the «Transnistrian Way») // *Agentstvo Infopress*, 2013, No. 30. Mode of access: <http://rus.postimees.ee/1312992/vladimir-chuykin-narve-udalos-izbezhat-pridnestrovskogo-varianta>]

¹⁹ Интервью с респондентом Б от 29.01.2017.

²⁰ Интервью с респондентом А от 11.03.2017.

хоть один человек, мы не смогли бы себе никогда этого простить»²¹. Аналогичный вывод об итогах поездки эстонских политиков сделал и наш респондент из Молдавии: «Организовать делегацию – было беспроигрышным решением эстонских властей, так как две противоборствующие стороны увидели (центральные и региональные власти), к чему привела в Приднестровье борьба за независимость. Гибли люди и власти не могли урегулировать конфликт, что привело к последующей сецессии»²².

Правительством Эстонской Республики были приняты определенные меры по урегулированию ситуации в Нарве. Еще в 1992 г. премьером правительства Э. Сависааром была предпринята попытка создания Русского демократического движения Эстонии, так же вскоре руководство Эстонии приняло решение о создании Консультативного совета по делам некоренного населения при президенте республики. Целью данных преобразований было создать площадку для полноценной коммуникации между представителями русскоязычного населения Эстонии и государством в поиске компромиссных решений по существующим разногласиям²³. Не все эти инициативы были в итоге реализованы, но, так или иначе, обострения процесса или кровопролития, в отличие от Приднестровского варианта, на северо-востоке Эстонии не случилось.

И теперь уже опыт Эстонии по мирному разрешению потенциально опасного конфликта был успешно использован политической элитой Молдовы и Гагаузии. Как отмечает наш респондент из Молдавии: «Случай Нарвы стал показательным для гагаузского региона. Власти Комрата (Гагаузии) показали свою готовность к диалогу и поиску компромисса для сохранения территориальной целостности страны и развитию региона в рамках единой независимой страны. В 1994 г. было достигнуто соглашение о мирной интеграции региона в статусе автономно-территориального образования»²⁴.

Выявленная в настоящем исследовании ситуация, когда верно понятый печальный опыт разрешения этно-территориальных конфликтов в одной стране бывшего СССР позволяет политической элите другой пост-советской страны не делать столь опасных ошибок, а уже положительный опыт эффективно используется в первой из этих стран для более эффективного решения другого этно-территориального конфликта, хорошо соответствует концепции «обучаемых политик» (policy learning), предложенной Хью Хекло в 1974 году²⁵, который рассматривал политику как практическое поле для извлечения опыта. Суть данной концепции заключается в приобретении и использовании новых знаний в процессе существующих разногласий между субъектами. Иначе говоря, государство рассматривается как «фокус обучения как источника социальных изменений»²⁶. Наиболее релевантным для настоящего исследования является развитие концепции «обучаемых политик» в рамках подхода Ричарда Роуза,

²¹ Ашихмин Е., Чуйкин В.: Нарве удалось избежать «Приднестровского варианта» // Агентство Инфопресс, 2013, № 30. Режим доступа: <http://rus.postimees.ee/1312992/vladimir-chuykin-narve-udalos-izbezhat-pridnestrovskogo-varianta> [Ashikhmin, E.; Chuijkin V.: Narve udalos' izbezhat' «Pridnestrovskogo varianta» (Narva Managed to Avoid the «Transnistrian Way») // Agentstvo Infopress, 2013, No. 30. Mode of access: <http://rus.postimees.ee/1312992/vladimir-chuykin-narve-udalos-izbezhat-pridnestrovskogo-varianta>]

²² Интервью с респондентом Б от 29.01.2017.

²³ Тишков В.А. Русские как меньшинства (пример Эстонии) // Общественные науки и современность. – 1993. – 1993. – № 6. – С. 110-124. [Tishkov, V.A. Russkie kak men'shinstva (primer Estonii) (Russians as Minorities (Example of Estonia)) // Obshchestvennye nauki i sovremennost', 1993, No. 6, pp. 110-124.]

²⁴ Интервью с респондентом А от 11.03.2017.

²⁵ Hugh, H. Modern Social Politics in Britain and Sweden From Relief to Income Maintenance. NewHaven: Yale University Press, 1974. P. 305.

²⁶ Сунгуров А.Ю. Как возникают политические инновации: «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – С. 52. [Sungurov, A.Yu. Kak voznikaet politicheskie innovatsii: «fabriki mysli» i drugie instituty-mediatory (How Do Political Innovations Arise: «Factories of Thought» and Other Institutions-Mediators). Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2015. P. 52.]

названного им «извлечение урока» (*lesson-drawing*)²⁷. Автор делает акцент на том, что многие страны стремятся перенять практику по разрешению обострившейся политической ситуации за счет извлечения опыта своих предшественников в процессе разрешения аналогичной ситуации.

В поисках ответа на вопрос, почему имеющийся опыт не способствует в ряде случаев развитию регионов или государства в целом, Ричард Роуз делает вывод о важной роли характер взаимодействия между правительствами конкретных стран и межправительственными организациями, выполняющими роль посредников в передаче этого опыта или «извлекаемого урока»²⁸.

Можно сказать, что в описываемом нами случае такой посредник вовсе не понадобился – здесь важную роль сыграло общее советское прошлое и опыт прямого взаимодействия региональных элит в рамках СССР, который и послужил эффективно обучению на опыте друг друга, позволив тем самым не «наступать снова и снова на одни и те же грабли».

Литература:

- Ашихмин Е., Чуйкин В.: Нарве удалось избежать «Приднестровского варианта» // Агентство Инфопресс, 2013, № 30. Режим доступа: <http://rus.postimees.ee/1312992/vladimir-chuykin-narve-udalos-izbezhat-pridnestrovskogo-varianta>
- Бабилунга Н.В. Раскол Молдавии и конституционные акты Приднестровской Молдавской Республики // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. – 1999. – № 3. – С. 5-6.
- Басова Д.В. Многоуровневая идентичность Приднестровья как модель построения государства для современной Молдавии // Сравнительная политика. – 2015. – № 4 (21). – С. 62-66.
- Кобзарь Д. Поход на Гагаузию 25 лет назад: до большой крови оставался шаг / *kp.md*. Режим доступа: <http://www.kp.md/daily/26450/3320724/>
- Кочедыков И.Е. Национализмы Молдовы // Сравнительная политика. – 2015. – № 2 (19). – С. 86-99.
- Курылев К.П. Проблема Приднестровского урегулирования в контексте отношений России и Украины // Вестник РУДН, серия Международные отношения. – 2011. – № 4. – С. 61-70.
- Лаверентьев И. Архивный бюллетень нарвского референдума. Режим доступа: <http://rus.postimees.ee/3976687/kak-narva-ostalas-c-estoniye-cto-izvestno-organizatoru-nepriznannogo-referenduma-1993-goda>

ee/3976687/kak-narva-ostalas-c-estoniye-cto-izvestno-organizatoru-nepriznannogo-referenduma-1993-goda

Ланцман М. Нарвская республика: новая коммунистическая утопия // Коммерсант.ru, № 033, 19 августа 1991. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/512>

Лапкин В., Пантин В. Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве: роль внешнеполитических факторов // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – № 12. Том 60. – С. 92-103.

Нечаева-Юрийчук Н.В. Особенности формирования молдавской государственности после обретения независимости // Русин. – 2010. – № 4 (22).

Романчук С. Миротворчество России на постсоветском пространстве: итоги и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – № 1 – С. 72-79.

Салаватова А.В. Особенности пространственной идентичности в Гагаузии // Сравнительная политика. – 2015. – № 4 (21).

Сергеева З.В. Визуальные проявления идентичности в Кишинёве // Сравнительная политика. – 2015. – № 4 (21).

Смирнов И. Как Нарва осталась с Эстонией: что известно организатору непризнанного референдума 1993 года? Режим доступа: <http://rus.postimees.ee/3976687/kak-narva-ostalas-c-estoniye-cto-izvestno-organizatoru-nepriznannogo-referenduma-1993-goda>

Сунгуров А.Ю. Как возникают политические инновации: «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы. – М.: Политическая энциклопедия, 2015.

Тищенко М.И. Гагаузы на распутье: национальная идентичность как детерминант геополитического выбора // Сравнительная политика. – 2015. – № 4 (21). – С. 70-75.

Тишков В.А. Русские как меньшинства (пример Эстонии) // Общественные науки и современность. – 1993. № 6. С. 110-124.

Федулова Н. Конфликтогенные зоны ближнего зарубежья: угроза интересам России // Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – № 2. – С. 75-89.

Hugh, H. *Modern Social Politics in Britain and Sweden From Relief to Income Maintenance*. NewHaven: Yale University Press, 1974. P. 305.

Rose, R. *Ten Steps in Learning Lessons from Abroad*. European University Institute, Working paper RSC 2002/5.

Rose, R. What is lesson-Drawing // *Journal of Public Policy*, 1991, No. 11, pp. 3-30.

References:

- Ashikhmin, E.; Chujkin V.: Narve udalos' izbezhat' "Pridnestrovskogo varianta" (Narva Managed to Avoid the "Transnistrian Way") // *Agentstvo Infopress*, 2013, No. 30. Mode of access: <http://rus.postimees.ee/1312992/vladimir-chuykin-narve-udalos-izbezhat-pridnestrovskogo-varianta>
- Babilunga, N.V. Raskol Moldavii i konstitutsionnye акты Pridnestrovskoi Moldavskoi Respubliki (The Split of Moldova and the Constitutional Acts of the Transnistria) // *Ezhegodnyi istoricheskii al'manakh Pridnestrov'ia*, 1999, No. 3.
- Basova, D.V. Mnogourovnevaia identichnost' Pridnestrov'ia kak model' postroeniia gosudarstva dlia sovremennoi Moldavii (Multilevel Identity of Transnistria as a Model of Building a State for Modern Moldova) // *Comparative Politics Russia*, 2015, No. 4 (21), pp. 62-66.

²⁷ Rose, R. What is lesson-Drawing // *Journal of Public Policy*, 1991, No. 11, pp. 3-30.

²⁸ Rose, R. Ten Steps in Learning Lessons from Abroad. European University Institute, Working paper RSC 2002/5.

Fedulova, N. Konfliktogennyye zony blizhnego zarubezh'ia: ugroza interesam Rossii (Conflictogenic Zones of Near Abroad: a Threat to the Interests of Russia) // *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2010, No. 2, pp. 75-89.

Hugh, H. Modern Social Politics in Britain and Sweden From Relief to Income Maintenance. NewHaven: Yale University Press, 1974. P. 305.

Kobzar', D. Pokhod na Gagauziiu 25 let nazad: do bol'shoi krovi ostavalsia shag (A Campaign to Gagauzia 25 Years Ago: There Was a Step to the Big Blood) // *kp.md*. Mode of access: <http://www.kp.md/daily/26450/3320724/>

Kochedykov, I.E. Natsionalizmy Moldovy (Nationalisms of Moldova) // *Comparative Politics Russia*, 2015, No. 2 (19), pp. 86-99.

Kurylev, K.P. Problema Pridnestrovskogo uregulirovaniia v kontekste otnoshenii Rossii i Ukrainy (The Problem of the Transnistrian Settlement in the Context of the Relations between Russia and Ukraine) // *Vestnik RUDN, seriia Mezhdunarodnye otnosheniia*, 2011, No. 4, pp. 61-70.

Lantsman, M. Narvskaia respublika: novaia kommunisticheskaia utopia (Narva Republic: a New Communist Utopia) // *Kommersant.ru*, No. 033, 19 August, 1991. Mode of access: <http://www.kommersant.ru/doc/512>

Lapkin, V.; Pantin, V. Etnopoliticheskie konflikty na postsovetском prostranstve: rol' vneshnepoliticheskikh faktorov (Ethnopolitical Conflicts in the Post-Soviet Space: the Role of Foreign Policy Factors) // *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2016, No. 12, Vol. 60, pp. 92-103.

Lavrent'ev, I. Arkhivnyi biulleten' narvskogo referendum (The Archival Newsletter of the Narva Referendum). Mode of access: <http://rus.postimees.ee/3976687/kak-narva-ostalas-c-estoniye-cto-izvestno-organizatoru-nepriznannogo-referenduma-1993-goda>

Nechaeva-Iuriichuk, N.V. Osobennosti formirovaniia moldavskoi gosudarstvennosti posle obreteniia nezavisimosti (Formation of Moldovan Statehood after Gaining Independence) // *Rusin*, 2010, No. 4 (22), pp. 136-144.

Romanchuk, S. Mirotvorchestvo Rossii na postsovetском prostranstve: itogi i perspektivy (Russia's Peacekeeping in the Post-Soviet Space: Results and Prospects) // *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2014, No. 1, pp. 72-79.

Rose, R. Ten Steps in Learning Lessons from Abroad. European University Institute, Working paper RSC 2002/5.

Rose, R. What is lesson-Drawing // *Journal of Public Policy*, 1991, No. 11, pp. 3-30.

Salavatova, A.V. Osobennosti prostranstvennoi identichnosti v Gagauzii (Features of Spatial Identity in Gagauzia) // *Comparative Politics Russia*, 2015, No. 4 (21), pp. 67-69.

Sergeeva, Z.V. Vizual'nye proiavleniia identichnosti v Kishineve (Visual Manifestations of Identity in Chişinău) // *Comparative Politics Russia*, 2015, No. 4 (21), pp. 59-61.

Smirnov, I. Kak Narva ostalas' c Estoniei: chto izvestno organizatoru nepriznannogo referendum 1993 goda? (How Did Narva Stay with Estonia: What is Known to the Head of the Unrecognized Referendum of 1993?). Mode of access: <http://rus.postimees.ee/3976687/kak-narva-ostalas-c-estoniye-cto-izvestno-organizatoru-nepriznannogo-referenduma-1993-goda>

Sungurov, A.Yu. Kak voznikaet politicheskie innovatsii: «fabriki mysli» i drugie instituty-mediatory (How Do Political Innovations Arise: "Factories of Thought" and Other Institutions-Mediators). Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia, 2015.

Tishkov, V.A. Russkie kak men'shinstva (primer Estonii) (Russians as Minorities (Example of Estonia)) // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 1993, No. 6, pp. 110-124.

Tislenko, M.I. Gagauzy na rasput'e: natsional'naia identichnost' kak determinant geopoliticheskogo vybora (Gagauzes at the Crossroads: National Identity as the Determinant of Geopolitical Choice) // *Comparative Politics Russia*, 2015, No. 4 (21), pp. 70-75.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-1-91-99>

POST-SOVIET TERRITORIAL CONFLICTS IN MOLDOVA AND ESTONIA: WHEN POLITICAL ELITES CAN LEARN FROM THE MUTUAL MISTAKES

Alexander Yu. Sungurov

*National Research University Higher School of Economics,
Saint-Petersburg, Russia*

Nadezhda Belyavskaya

*National Research University Higher School of Economics,
Saint-Petersburg, Russia*

Article history <i>Received:</i> 20 June 2017 <i>Accepted:</i> 17 December 2017	Abstract: The article is devoted to the study of territorial conflicts in two countries of the former USSR – Moldova and Estonia in 1989-1994. Within the framework of the study, we conducted five expert interviews with respondents, who was directly involved in resolving the conflicts in Chisinau, Transnistria and Gagauzia. The publications in Internet publications about the referendum in Narva in 1993, its preparation and consequences were also analyzed. Based on the conducted research, it was revealed that on the eve of the referendum on autonomy in Narva, authorities of Estonia and the administration of the city council of Narva visited Moldova, including Transnistria. This experience of the conflict in Transnistria let them take certain steps to ease tensions in Eastern Estonia. Later, this Estonian experience was already applied by Moldovan politicians in the process of relieving tension in the situation of Gagauzia. The detected interaction of political elites of Moldova and Transnistria is viewed from the perspective of the concept of “policy learning” by Hugh Heclo and Richard Rose..
About the authors: <i>Alexander Yu. Sungurov</i> , Professor, Head of Department of Applied Political Science, National Research University Higher School of Economics e-mail: asungurov@mail.ru <i>Nadezhda Belyavskaya</i> , MA in Political Science and Management, National Research University Higher School of Economics e-mail: beliavskaianadejda@gmail.com	
Ключевые слова: territorial conflict; ex-USSR countries; Moldova; Transnistria; Gagauzia; Estonia; Narva; concept of “policy learning”; collaboration elite	

Для цитирования: Сунгуров А.Ю., Белявская Н. Пост-советские территориальные конфликты в Молдове и Эстонии: когда политические элиты могут учиться на ошибках друг друга // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 1. – С. 91-99.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-91-99

For citation: ungurov, Alexander Yu.; Belyavskaya, Nadezhda. Postsovietkie territorial”nye konflikty v Moldove i Estonii: kogda politicheskie elity mogut uchit”sia na oshibkakh drug druga (Post-Soviet Territorial Conflicts in Moldova and Estonia: When Political Elites Can Learn from the Mutual Mistakes) // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 1, pp. 91-99.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-91-99

RISING BRICS: A PATH TO MULTIPOLAR WORLD REALITY?

Shraddha Naik

*Jawaharlal Nehru University,
New Delhi, India*

Article history: <i>Received:</i> 19 April 2017 <i>Accepted::</i> 18 November 2017	Abstract: The discourse over change in the world order from a unipolar to multipolar has gained major attention in the recent times. While the United States upholds the pivotal power position in the international system it has experienced relative economic decline in the recent periods. The economic growth among the countries of the Global South has led to their emergence as a new power contender in the international system. The grouping of Brazil, Russia, China, India, South Africa (BRICS) has firmly developed an interregional set up trying to add a new constellation in the world order. It has emerged as a new region of their own with certain shared similarities and common objectives. The group aims to create a niche in international system by creating supplementary intuitions. Adopting reformist attitude, the group stresses on the creation of a multipolar world order demanding recognition to the rising powers of the twenty-first century. The countries are asserting for expansion of the United Nations Security Council (UNSC), and reforms in the international financial institutions. The group has pioneered a new discourse of the Global South on the Responsibility while Protecting and Climate Change. However, the internal rivalries and recent slow growth of members leads to the speculation of the group in coordinating in its endeavour of multipolar world reality. Highlighting the BRICS as a new set of interregional interactions among the emerging powers, the paper while discussing the achievements and divergences of the grouping will assess its capability and efforts in creating a multipolar world order.y.
About the author: Research Scholar, Jawaharlal Nehru University, India e-mail: shraddhaik@gmail	
Key words: BRICS; world order; multipolar world; emerging powers; regionalism; interregionalism; G20; United Nations Security Council (UNSC)	

Introduction

The global world order has witnessed periodic changes. There has been challenging shifts in the order from bipolarity that ended in 1945 to the emergence of the United States as the single power creating a unipolar world order. This phenomenon can be related to the power cycle dynamics.¹ According to Doran, the struggle for ‘power equations’ among the prominent states has been evident throughout the history. The power cycle refers to a change in the relative power among countries, that can

relate to change in the rise of some countries leading to the gradual decline of other countries. The emergence of the BRICS grouping of the five prominent countries, namely Brazil, Russia, India, China and South Africa, constitute similar theoretical underpinnings. The economic growth of these countries has created an attractive investment fervour in the global markets. The grouping as projected by the investment banker Goldman Sachs has not only sustained the economic rise but also outnumbered certain growth figures projected earlier. With large territorial possessions, burgeoning number of population especially the population below thirty-five years of age, huge markets and plenty of resources, these countries have outshined in the times where developed countries are still managing the after

¹ Doran, Charles. The Politics of Assimilation: Hegemony and its Aftermath. John Hopkins University Press, 1991, and Power Cycle Theory and Global Politics // *International Political Science Review*, 2003, Vol. 24, No. 1.

effects of the Global Financial Crisis of 2008. This growth trajectories of the BRICS countries have led to the formation of an interregional grouping that stresses on establishment of a multipolar world order.

The transformation in the world order can be drawn from the emergence of the Group of 20 (G20). This resembles a club of countries from both the developed and the developing states, which has replaced the powerful Group of 7/8 (G7/8)² grouping of the developed states. The G20 comprises membership of states from various regions with sustainable economic growth and having influence on the global affairs. The BRICS grouping have formulated a prominent part of the G20 club of the developing countries.³ The later grouping has gained a significance as the 'G-Next' to highlight important issues affecting the world. From just an idea of investment hub by Jim O'Neill, the group has gradually moved to institutionalising with annual Head of the States meeting and formation of the Working Groups for various sectoral cooperation's. The group is not only asserting its arrival but are determined to intensify their interactions from global, regional and bilateral level. The group also raises important positions at the international platforms. They have been vocal in demanding reforms in the traditionally established international financial institutions such as the UNSC, the International Monetary Forum (IMF), the World Trade Organisation (WTO), the World Bank (WB). The alliance also aims to have a bigger say at the issues concerning the Global South primarily dealing with the Climate Change, Responsibility to Protect, Protectionist Measures adopted by the developed states. With the formation of the New Development Bank (NDB), the group aims to not only enhance their monetary interactions and fund infrastructure projects but also assist in supplementing the existing global financial institutions through

² Group of 8 (G8), is a grouping of a world's major industrialised and top ranked advanced economies, comprising of United Kingdom, Canada, France, Germany, Japan, Russia, United States, Italy and European Union. Whereas Group of 7 (G7) comprises of G8 countries minus Russia.

³ Stuenkel, Oliver. *The BRICS and the Future of the Global Order*. London: Lexington Books, 2016.

providing liquidity measures. These growing credentials of the BRICS member countries and their insistence on demanding a prominent role in the global decision making leads to a need to engage in evaluation of the grouping for its capability and efforts in creating a multipolar world order. This also highlights the rise of the rest, that are demanding an equal position at the high table.⁴

Describing BRICS as a key element of a multipolar world, Russian President Vladimir Putin at the Eight BRICS Summit in Goa- 2016, remarked that the "the group intends to focus on addressing issues related to strengthening international security and stability, and enhancing the competitiveness of our economies and promotion of international development."⁵

The current period has also witnessed the growing level of interdependence among the countries of the world. States now do not stick to their regional paradigms but engages with the other states sharing similar objectives and commonalities. This phenomenon has gained popularity among the emerging powers as similar objectives and aspirations have bridged the countries together in extraterritorial interregional interactions. The emerging powers through these interregional interactions aims to build their image in the global system which focuses on political, economic, military and the soft power potential to influence the decision-making process. Interregional groupings such as the IBSA Dialogue Forum,⁶ G20, the BASIC,⁷ formulate a clubbing of different types and genres sharing common goals and aspirations of an achieving a bigger shift in balance of power

⁴ Zakaria, Fareed. *The Post-American World*. New York, Norton & Company Penguin Books, 2008.

⁵ Speech of Russian President Vladimir Putin at BRICS Eight Summit. BRICS Relevant due to Western Unilateralism: Vladimir Putin / IANS // *The Times of India*, October 15/ 2016. Mode of access: <http://http://timesofindia.indiatimes.com/india/BRICS-relevant-due-to-Western-unilateralism-Vladimir-Putin/articleshow/54829082.cms>

⁶ IBSA Dialogue Forum represents to a trilateral organisation of India, Brazil and South Africa established in 2003.

⁷ BASIC represents the grouping of Brazil, South Africa, India and China, formed to coordinate the climate change negotiation in 2009.

in global structure. According to Antkiewicz and Cooper, 'as the world is witnessing a shift in the international system there should be a provision for accommodating new powers from the Global South⁸ in the decision-making process'.⁹

The shift in the international world order can also be attributed to the emergence of new actors in the form of various regional and interregional groupings. The process of globalisation has led to intensification in interaction among the states. The increased level of interdependence and technological advancement has created a complex web of relations among countries of the world. Leading to the shift in the process of regionalism that has surpassed from the traditional settings of old regionalism to new regionalism further moving to multidimensional versions of interregionalism.¹⁰

Origin and objectives of the BRICS

The BRIC was initiated in 2001 by the Jim O'Neill from the Goldman Sachs, an influential investment company. The acronym BRIC got popularised through paper "The World Needs Better Economic BRICs",¹¹ that projected these countries as next investment hub. The grouping got more significant after the publication of the second work by the Goldman Sachs in the year 2003 titled "Dreaming with the BRICS: The Path to 2050",¹² declaring it as both economic

and political entity to reckon with. The estimate of the foremost countries was done on the basis of their economic growth, with huge capacity for the production, labour and potential market. The formal meeting of the countries with the meeting of the leaders was held at Yekaterinburg in 2009. The grouping broadened their objectives to other areas and committed for expansion with the inclusion of South Africa in the year 2010 expanding the acronym to BRICS.¹³ This also led to inclusion of the state from the African region with huge potential for investment and underrepresented in the international affairs. This expansion of the grouping has also been declared as an emergence of the 'BRICS Decade' (2000-2010).¹⁴ There have been a total eight summits of the Head of the State meetings held in five countries in rotation. The fourth summit witnessed the establishment of the New Development Bank (NDB) and Contingency Reserve Arrangements (CRA) in the year 2014,¹⁵ with the headquarters in Shanghai and Johannesburg. The BRICS members have contributed a total of \$50 billion to fund infrastructure projects and a \$100 billion CRA fund to forestall short-term liquidity pressures.

BRICS as an Interregional Grouping

Region as a system of unified group of states with certain common traits and identities has remained a prime feature of international system. One can understand the pattern of a state's regional behaviour and choices to get a deeper analysis of the foreign policy behaviour of the country. Regional integration in the Post-Cold War period has been a significant phenomenon of the 21st century. The study of

⁸ Global South refers to the developing countries which are located in the Southern hemisphere, primarily comprising of countries from Latin and Central America, Africa and most of the states from Asia (UNDP).

⁹ Antkiewicz, Agata; Cooper, Andrew F. Beyond Geography: BRIC/SAM and the New Contours of Regionalism / in Timothy, M. Shaw (eds.), The Ashgate Research Companion to Regionalisms. Farnham: Ashgate Publishing Limited, 2011.

¹⁰ Hanggi, Heiner; Roloff, Ralf; Ruland, Jurgen. Interregionalism: a New Phenomenon in International Relations / in Heiner Hanggi et al., Interregionalism and International Relations. Oxon: Routledge, 2006.

¹¹ Neill, Jim O'. Building Better Economic BRICS? // Goldman Sachs / Global Economics Paper No: 6/2001. Mode of access: <http://www.goldmansachs.com/our-thinking/archive/archive-pdfs/build-better-brics.pdf>

¹² Wilson, Dominic; Purushothaman, Roopa. Dreaming with BRICS: The Path to 2050 /

Goldman Sachs Economics Papers, No. 99/2003. Mode of access: <http://www.goldmansachs.com/our-thinking/archive/archive-pdfs/brics-dream.pdf>

¹³ BRIC Second Summit. Joint Statement / Brasilia. Mode of access: <http://brics.itamaraty.gov.br/category-english/21-documents/66-second-summit>

¹⁴ Wilson, D; Kelston, A.; Ahmed, S.. Is this the BRICS Decade? / Goldman Sachs Global Economics, Vol: 10, No. 2.

¹⁵ BRICS Fourth Summit. BRICS Partnership for Global Stability, Security and Prosperity, New Delhi, 29 March 2012, Mode of access: <http://www.bricsindia.in/>

regionalism entails various questions of how the region is formed, what are the main criteria for joining any regional framework and what are the criterions to frame regional objectives and role? Louise Fawcett defines region as a unit that can be smaller than international system and bigger than any individual state or non-state actors. These settings can be of a permanent in nature or temporary based on achieving particular goal. The grouping may have an institutional set up with headquarters and set principles of working or a loose club of actor or issue specific.¹⁶

The process of regionalism gained prominence during the 21st century as the world scenario was changing. Many of the states from the colonial rule gained freedom and with full sovereign powers and autonomy they engaged in regional settings as one of the medium to further their foreign policy and achieve common goals. The regionalism prior to 21st century was primarily focussed on the European engagement of regionalism which was defined as 'Old-Regionalism' that was based on political relations and was actor specific. In the 1990s, the process of regional interaction spread to other parts of the world with multidimensional characteristics and was called as New Regionalism. The phenomenon of new regionalism further expanded to the process of interregionalism where region to region interaction gained prominence which was again initiated by the European Union. The interregional dimensions were prevalent in various forms namely trans-interregionalism, mega-interregionalism, and hybrid form of interregionalism. This is an alliance among individual states from various regions based on the common traits and objectives to achieve.¹⁷ This phenomenon can be further explained in different theoretical framework primarily based on realist perspectives identifying the

interregional interaction on a security linings.¹⁸ The liberals notify the economic interaction and trade as the main factor of relations whereas the social constructivist rely on similar identity outlines to form an alliance of interregionalism, for example, the Asian Way identities was initiated to bring the Association of South-East Asian Nations (ASEAN) countries together for sharing similar Asian traits.¹⁹

The emergence of the newer forms of grouping such as BRICS, IBSA Dialogue Forum, G-20 can all be characterised as a hybrid form of interregional interactions.²⁰ BRICS can be seen as an interregional interaction of the five countries, which has formed a grouping on certain common identification and on the need to achieve joint objectives in an international system. The shared cooperation aims to garner relations that would have been a difficult task for these states with no geographical proximity and differences over culture, language and currency. The groupings such as BRICS can be defined under the interregional definitions with setting of all the three theoretical framings. The push for the multipolar world order signifies their political and economic capabilities.

BRICS efforts in creating a multipolar world reality

The BRICS member countries have established a cooperation stressing on the bilateral, group and global level engagements. At the international level interaction, the grouping has made an attempt to address and stress on the demands that are diverse from the developed countries and are also acknowledged for raising a voice for the Least Developed Countries' (LDC's) that have weaker representation and are marginalised in the international forums

¹⁶ Fawcett, Louise. *Regionalism from an Historical Perspective* in Marry Farrell et al., *Global Politics of Regionalism: Theory and Practice*. London: Pluto Press, 2005.

¹⁷ Hettne, Bjorn. *Globalization and the New Regionalism: The Second Great Transformation* / in Hettne et al., (eds), *Globalism and the New Regionalism*. Hampshire: Macmillan Press Ltd. 1999.

¹⁸ Acharya, Amitav. *Regionalism and the Emerging World Order: Sovereignty, Autonomy, Identity* / in Shaun Breslin et al., *New Regionalism in the Global Political Economy*. Oxon: Routledge, 2002.

¹⁹ Katzenstein, Peter. J. *Regionalism and Asia* / in Shaun Breslin et al., *New Regionalisms in the Global Political Economy*. London: Routledge, 2002.

²⁰ Hanggi, Heiner. *Interregionalism as a Multifaceted Phenomenon: In Search of Typology* / in Heiner Hanggi et al., *Interregionalism and International Relations*. Oxon: Routledge, 2006.

in most of the cases. This can be very much evident from the remarks of Indian diplomat Shivshankar Menon “highlighting the capacities and the potential of the rising states in creating a polycentric world order. This world order according to Menon will be focussing on the formation of an alternative power that will draw attention to non-western establishments to lead the affairs of the global system.”²¹

Emphasising on multipolarity, the grouping has tried to form a global voice by collaborating their activities and cooperating at the issues of international relevance. The annual meeting of the Heads of State signifies the importance the leaders of the five countries have assisted to the grouping. Carey defines this “process of annual summits as an architecture of a multipolar world”.²² Through BRICS, countries such as India, South Africa and Brazil try to maintain a balanced relation with both the North and the South. In the tumultuous phase of the international uncertainty with the change in power in the US, the episode of BREXIT, economic downfall in many of the European countries; the BRICS has emerged as a decisive factor in the international arena by seeking independent role in the periods that also resembled the cold war uncertainty between the US and the USSR. This also signifies the importance of the multipolar world formation where countries from diverse regions and political experiences will come together and tackle serious issues like terrorism and growing civil conflicts in several regions of the world, as evident from the 9/11 terrorist attack on the US which signified limits of a single country in tackling such serious challenges.²³

Reforming the international Financial Institutions such as the WTO, the IMF, and the WB has remained a prime demand of the

BRICS grouping. They have raised a concern for making these institutions more inclusive for the developing countries. The group members claim the process to be discriminatory to the developing countries with regard to the selection of the heads of these institutions and in accommodating the currencies of the emerging economies in the Special Drawing Rights (SDR's) quota. The recognition of this demand was visible with the inclusion of China in the SDR quota basket in October 2016.²⁴ In the WTO negotiations, the group members have been vocal on raising issues of the protective measures, especially issuance of subsidies in agricultural sectors and expressed its full support to the Doha Development negotiation.²⁵ With granting support to the accommodation of India, Brazil and South Africa in the UNSC, the BRICS countries have stressed on the expansion of the multilateral organisation.²⁶ They have agreed to invest more in the United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) to contribute to the developing countries.

The decision for establishment of the NDB can be regarded as the significant achievement of the joint collaboration of the five countries. This focuses on formation of a supplementary financial system to provide funds for infrastructural projects and CRA provisions to assist in liquidity funds in the time of economic crisis. In the 2012 Summit, the members have emphasised on creation of an intra-BRICS Exchange Alliance', with provision for trade in the domestic currencies of the five countries that leads to index based derivatives trading options reducing the transaction cost and their reliance on dollar. This will assist in facilitating greater liquidity deepen financial integration that will be based on market determined mechanisms.²⁷

²¹ Menon, Shivshankar. Address by Foreign Secretary Shivshankar Menon on BRICs in the New World Order, ORF Conference, 2009. Mode of access: <http://meaindia.nic.in/mystart.php?id=100514910>

²² Carey, Richard. The BRICS Role in Today's Multipolar World / Institute of Development Studies, 2016. Mode of access: <http://www.ids.ac.uk/opinion/the-brics-role-in-today-s-multipolar-world>

²³ Acharya, Amitav. The End of American World Order. New Delhi: Oxford University Press, 2014.

²⁴ Fourth BRICS Summit, BRICS Partnership for Global Stability, Security and Prosperity, 2012. Mode of access: <http://www.bricsindia.in>

²⁵ ENS Economic Bureau, Development Bank Tops BRICS Summit Agenda // *The Indian Express*, 2012.

²⁶ First BRICS Summit. Joint Statement of the BRIC Countries Leaders. Yekaterinburg, Russia, 16 June 2009. Mode of access: <http://brics.itamaraty.gov.br/category-english/21-documents/114-first-summit-2>

²⁷ Samir, Saran; Sharan, Vivian. Banking on BRICS to Deliver // *The Hindu*, 2012.

The BRICS grouping have condemned the mass atrocities perpetrated to the people of Syria due to the process of militarisation. The members have backed the 'Six Point Plan' proposed by former UN Secretary General in 2013, which stressed on the immediate ceasefire in the region. The grouping also supported to adhere to concept of Responsibility while Protecting (RWP), which was initiated by Brazil. This phenomenon stresses on following the policy of compromise in determining the last resort and its consequences to be discussed thoroughly at the UNSC".²⁸

Along with these joint global endeavours, the BRICS grouping has joint collaboration to intensify intra-BRICS trade focussing mainly on Small and Medium Enterprises (SME's), e-commerce, addressing issues of harmonization, intellectual property rights, trade facilitation, customs cooperation.²⁹ In the eight-summit held in Goa, India, the communiqué stressed on the deepening the interaction at the People-to-People (P2P) and Business-to-Business (B2B) levels.³⁰

The BRICS displayed a unified reaction to the Crimean crisis. The governments of the five countries raised a strong support to Russia when the latter was allegedly ousted by the Australian government in the G20 Summit to be held Brisbane, Australia in 2014. The BRICS unitedly criticised this act of sanctions by declaring it highly discriminatory and undermining the G20's capacity as a joint group of countries.³¹

However, with several similar goals to achieve at the global level and aim to deepening the intra-BRICS interaction, the group also has

many differences. This has been a major factor for criticism among the Western media, which has denounced the grouping for uncommon friendship. The countries have differences with political affiliation where, India, Brazil and South Africa practice democracy where as Russia practises authoritarian and China observes Communist ideologies. China's economic growth is much ahead of the rest of the group members. The geographical distance, differences in cultures and languages among the countries builds a hurdle in engaging and coordinating with the group members.

The group members have divergences with various international issues. With regard to the expansion of the UNSC, Russia and China adhere to status quo of power and stress on veto power. They also have differences over nuclear proliferation issues where India is a non-signatory of the Treaty on the Non-Proliferation of the Nuclear Weapons (NPT).

The group insists on forming a non-western world order however, all the members share strategic partnership with the US and other developed countries from the West. The US remains a prime trade partner for these countries, where bilateral trade relations among the BRICS is much lower in numbers. The grouping is also criticised for limitations in raising concerns of the Global South. The over investment in the regions of Africa and Latin America by countries such as China, Russia and India is criticised as a new form of imperialism and leading to scramble of resources, exploitation of cheap labour and flooding of markets with the goods manufactured from these countries especially China.³²

China-India rivalry in the South Asian region remains one of the major cause of concern in the grouping. Both the countries have unresolved boundaries and territorial disputes with regard to Aksai Chin, Arunachal Pradesh and Sikkim.³³ India hosts Tibetan religious leader and government in exile with providing refuge to Dalai Lama, that often creates a power

²⁸ Stuenkel, Oliver. BRICS and the 'Responsibility while Protecting' Concept' // *The Hindu*, 2012.

²⁹ Fourth BRICS Summit, BRICS Partnership for Global Stability, Security and Prosperity, 2012. Mode of access: <http://www.bricsindia.in>

³⁰ BRICS Eight Summit. Goa Declaration / 15-16 October 2016, Goa. Mode of access: brics2016.gov.in/upload/goa/%20Declaration%20and%20Action%20Plan.pdf

³¹ BRICS Foreign Ministerial Meeting. Chairperson's Statement on the BRICS Foreign Ministerial Meeting / Republic of South Africa's Department of International Relations and Cooperation / The Hague. Mode of access: <http://www.dfa.gov.za/docs/2014/brics0324.html>, 2014

³² Bond, Patrick. BRICS and the Sub-Imperial Location / in Patrick Bond and Ana Garcia, (eds.), *BRICS: An Anti-Capitalist Critique*. New Delhi: Aakar Books, 2016.

³³ Dixit, J, N. *India's Foreign Policy 1947-2003*. Gyan Publications, 2003.

tension between both the countries. The recent visit of Dalai Lama to Arunachal Pradesh in the month of April this year was highly condemned by the Chinese government which was received with a firm defense from the Indian side.

China shares good military ties with Pakistan, and has initiated building roads and infrastructure projects in the contentious region of Pakistan Occupied Kashmir (POK). India has raised serious concern with this proximity leading to a creation of triangle of relation between India, China and Pakistan. India-China also have fierce competition with regard to the trade routes in the Indian ocean, China has initiated building of ports and military bases in the countries neighbouring India, especially in Gwadar, near Karachi in Pakistan. India has raised a concern over these developments and claims it as a process of encircling India by China which has also been defined as 'String of Pearl Theory' by some scholars.³⁴ India is also considered as the Asian Pivot of America to counter China's rising growth and influence in the region. This has created a relation of competition and contradiction between the two countries. In the recent news report³⁵, China has declared to invite Pakistan as the outreach member of the BRICS Plus initiative that had begun from the Fortaleza summit in 2014, if such moves occur; it will antagonise the relation of India and China in the grouping and will lead to volatile situation in the existing set up.

These divergences can create a major obstacle in the smooth functioning of the grouping and their coordination. the grouping is still in its evolving stages and evaluating its performance will be a too early process. Its attempts to institutionalise the grouping and establish a supplementary monetary system to the existing financial system proves its commitment and interest in asserting its rise and presence in the international markets.

Conclusion

BRICS has become the most debated and discussed grouping among both the developed and the developing countries. Its insistence on the creation of a multipolar world order, and acceptance of the emerging economies as the 'power next' has led to the new discourse in the structure of the interregional framework. This grouping proves as the best example of the hybrid form of the interregional interaction that can grow beyond the regional boundaries, and formulate a link between the countries sharing similar objectives of framing a new global system.³⁶ As the power dynamics of these emerging economies have performed better than the established supremacies, this clearly demonstrates the dependence and amalgamation of the world order consisting of both the developed and the developing countries. Showcasing interest in global and intra-BRICS cooperation, its emphasis on addressing issues of global governance does highlight the BRICS as the grouping with huge potential.

However, the underlying differences among the countries, and major political issues between India and China remains a cause of concern for the grouping to realise its objectives. The countries also lack mechanism in managing corruption and have many issues to address related to the ageing population, weak health facilities, poverty, sanitation, illiteracy, unemployment, housing, pollution, gender disparity etc. The economies of South Africa, Brazil, Russia and China has experienced a slowdown in the recent times. The political tensions leading to change in government in Brazil has escalated to social unrest in the country, with the "new pro-American" government there were speculations of 'BRAXIT', the exit of Brazil from the grouping.³⁷ However, the Brazilian government did showcase its strong interest in the grouping with President

³⁴ Chellaney, Brahma. *Asian Juggernaut: The Rise of China, India and Japan*. Harper Business Publications, 2010.

³⁵ Sputnik. Potential Pakistan Entry in BRICS Via China's BRICS Plus Leaves India Concerned, Sputnik. Mode of access: <https://sputniknews.com/world/201703111051472250-china-pakistan-brics/>

³⁶ Hanggi, Heiner; Roloff, Ralf; Ruland, Jurgen. *Interregionalism: a New Phenomenon in International Relations* / in Heiner Hanggi et al., *Interregionalism and International Relations*. Oxon: Routledge, 2006.

³⁷ Rakesh Krishnan Simha. BRICS Should Prepare for a BRAXIT a Brazilian Exit? / 4 July 2016. Mode of access: http://in.rbth.com/blogs/stranger_than_fiction/2016/07/04/brics-should-prepare-for-braxit-a-brazilian-exit_608637

Michel Temer attending the eight summit in Goa, India in October 2016. South African President Jacob Zuma is also facing a turbulent period with the corruption charges against the government.³⁸

With eight annual summits of the Heads of the states and cooperation in several working groups, the grouping has come a long way from the initial introduction as an investment hub by the Goldman Sachs. This alliance is relatively a new entrant in the world hierarchy of powers. The countries in order to demand a stronger role in the international decision making bodies, will have to intensify their cooperation, leaving the political dimensions aside, the grouping has to build a better responsive platform for resolving major issues affected in these countries. They should cooperate intensively in addressing health crisis such as emergence of life threatening diseases like Zika and Ebola affecting the member countries.

The introduction of the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) and Belt and Road initiative by China can be seen as both complementary and challenging factor for the identity of the grouping. Measures must be drawn to address these issues with these endeavours. With the 45% of the world population and total 30% of the global territory, the grouping can be a strong voice of the global south. Addressing the issue of the developing countries should be the forte of the grouping. In order to highlight it as the responsible power the group has to win the confidence of the LDCs and assist them in their developmental goals. Disbursing the NDB and the CRA funds to the states most in need will not only prove the economic credentials of the grouping but will also lead to lessening financial reliance from the developed world proving the former as the right contender of the global power and for laying the foundation of the multipolar reality.

References:

- Acharya, Amitav. *Regionalism and the Emerging World Order: Sovereignty, Autonomy, Identity* / in Shaun, Breslin et al., *New Regionalism in the Global Political Economy*. Oxon: Routledge, 2002.
- ³⁸ Amogelang Mbatha and Paul Vecchiato. *South African President Jacob Zuma Must Face Hundreds of Corruption Charges, Court Rules* // National Post, 30 April 2016. Mode of access: <http://news.nationalpost.com/news/world/south-african-president-jacob-zuma-must-face-hundreds-of-corruption-charges-court-rules>
- Acharya, Amitav. *The End of American World Order*. New Delhi: Oxford University Press, 2014.
- Antkiewicz, Agata; Cooper, Andrew F. *Beyond Geography: BRIC/SAM and the New Contours of Regionalism* / in Timothy, M. Shaw (eds.), *The Ashgate Research Companion to Regionalisms*. Farnham: Ashgate Publishing Limited, 2011.
- Bond, Patrick. *BRICS and the Sub-Imperial Location* / in Patrick Bond and Ana Garcia, (eds.), *BRICS: An Anti-Capitalist Critique*. New Delhi: Aakar Books, 2016.
- BRIC Second Summit. *Joint Statement* / Brasilia. Mode of access: <http://brics.itamaraty.gov.br/category-english/21-documents/66-second-summit>
- BRICS Eight Summit. *Goa Declaration* / 15-16 October 2016, Goa. Mode of access: brics2016.gov.in/upload/goa/%20Declaration%20and%20Action%20Plan.pdf
- BRICS Foreign Ministerial Meeting. *Chairperson's Statement on the BRICS Foreign Ministerial Meeting / Republic of South Africa's Department of International Relations and Cooperation* / The Hague. Mode of access: <http://www.dfa.gov.za/docs/2014/brics0324.html>, 2014
- Carey, Richard. *The BRICS Role in Today's Multipolar World* / Institute of Development Studies, 2016. Mode of access: <http://www.ids.ac.uk/opinion/the-brics-role-in-today-s-multipolar-world>
- Chellaney, Brahma. *Asian Juggernaut: The Rise of China, India and Japan*. Harper Business Publications, 2010.
- Chellaney, Brahma. *New Geography withhold Geometry* // *The Hindu*, 9 July, 2012.
- Dixit, J. N. *India's Foreign Policy 1947-2003*. Gyan Publications, 2003.
- Doran, Charles. *The Politics of Assimilation: Hegemony and its Aftermath*. John Hopkins University Press, 1991, and *Power Cycle Theory and Global Politics* // *International Political Science Review*, 2003, Vol. 24, No. 1.
- ENS Economic Bureau, *Development Bank Tops BRICS Summit Agenda* // *The Indian Express*, 2012.
- Fawcett, Louise. *Regionalism from an Historical Perspective* in Mary Farrell et al., *Global Politics of Regionalism: Theory and Practice*. London: Pluto Press, 2005.
- First BRICS Summit. *Joint Statement of the BRIC Countries Leaders*. Yekaterinburg, Russia, 16 June 2009. Mode of access: <http://brics.itamaraty.gov.br/category-english/21-documents/114-first-summit-2>
- Fourth BRICS Summit, *BRICS Partnership for Global Stability, Security and Prosperity*, 2012. Mode of access: <http://www.bricsindia.in>
- Hanggi, Heiner. *Interregionalism as a Multifaceted Phenomenon: In Search of Typology* / in Heiner Hanggi et al., *Interregionalism and International Relations*. Oxon: Routledge, 2006.
- Hanggi, Heiner; Roloff, Ralf; Ruland, Jurgen. *Interregionalism: a New Phenomenon in International Relations* / in Heiner Hanggi et al., *Interregionalism and International Relations*. Oxon: Routledge, 2006.
- Hettne, Bjorn. *Globalization and the New Regionalism: The Second Great Transformation* / in Hettne et al., (eds), *Globalism and the New Regionalism*. Hampshire: Macmillan Press Ltd. 1999.
- Katzenstein, Peter. J. *Regionalism and Asia* / in Shaun Breslin et al., *New Regionalisms in the Global Political Economy*. London: Routledge, 2002.
- Mbatha, Amogelang; Vecchiato, Paul. *South African President Jacob Zuma Must Face Hundreds of Corruption*

Charges, Court Rules // *National Post*, 30 April 2016. Mode of access: <http://news.nationalpost.com/news/world/south-african-president-jacob-zuma-must-face-hundreds-of-corruption-charges-court-rules>

Menon, Shivshankar. Address by Foreign Secretary Shivshankar Menon on BRICS in the New World Order, ORF Conference, 2009. Mode of access: <http://meaindia.nic.in/mystart.php?id=100514910>

Neill, Jim O'. Building Better Economic BRICS? // Goldman Sachs / Global Economics Paper No: 6/2001. Mode of access: <http://www.goldmansachs.com/our-thinking/archive/archive-pdfs/build-better-brics.pdf>

Neill, Jim O'. The Growth Map: Economic Opportunity in the BRICs and Beyond. Portfolio Penguin: London, 2011.

Rakesh Krishnan Simha. BRICS Should Prepare for a BRAXIT a Brazilian Exit? / 4 July 2016. Mode of access: http://in.rbth.com/blogs/stranger_than_fiction/2016/07/04/brics-should-prepare-for-braxit-a-brazilian-exit_608637

Samir, Saran; Sharan, Vivian. Banking on BRICS to Deliver // *The Hindu*, 2012.

Speech of Russian President Vladimir Putin at BRICS Eight Summit. BRICS Relevant due to Western Unilateralism: Vladimir Putin / IANS // *The Times of India*, October 15/ 2016. Mode of access: <http://timesofindia.indiatimes.com/india/BRICS-relevant-due-to-Western-unilateralism-Vladimir-Putin/articleshow/54829082.cms>

Stuenkel, Oliver. BRICS and the 'Responsibility while Protecting' Concept' // *The Hindu*, 2012.

Stuenkel, Oliver. The BRICS and the Future of the Global Order. London: Lexington Books, 2016.

Wilson, D; Kelston, A.; Ahmed, S. Is this the BRICS Decade? / Goldman Sachs Global Economics, Vol: 10, No.2.

Wilson, Dominic; Purushothaman, Roopa. Dreaming with BRICS: The Path to 2050 / Goldman Sachs Economics Papers, No. 99/2003. Mode of access: <http://www.goldmansachs.com/our-thinking/archive/archive-pdfs/brics-dream.pdf>

Zakaria, Fareed. The Post-American World. New York, Norton & Company Penguin Books, 2008.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-1-100-108>

ПОДЪЕМ БРИКС: ПУТЬ К МНОГОПОЛЯРНОСТИ?

Шраддха Найк

Университет Джавахарлала Неру,
Нью-Дели, Индия

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 19 апреля 2017 <i>Принята к печати:</i> 18 ноября 2017	Аннотация: Дискурс о трансформации миропорядка от однополюсного к многополюсному в последнее время привлек большое внимание. Несмотря на то что Соединенные Штаты сохраняют ведущую роль в международной системе, в последнее время наблюдается их относительный экономический спад. Экономический рост в странах глобального Юга превратил их в нового энергетического конкурента в рамках международной системы. Группа стран БРИКС – Бразилия, Россия, Китай, Индия, Южная Африка – сформировала влиятельный трансрегиональный форум, который претендует сказать новое слово в мировой политике. Страны БРИКС сформировали новый регион, стянутый определенными общими сходствами и целями. Группа стремится занять собственную нишу в международной системе. Занимая реформистскую позицию по отношению к мировому порядку, группа подчеркивает стремление к формированию многополярного мира, требуя признания растущих держав XXI века. Страны заявляют о необходимости расширения Совета Безопасности ООН (СБ ООН) и о реформах в рамках международных финансовых институтов. Группа стала лидером в дискурсе глобального Юга по вопросам глобальной ответственности в условиях изменения климата. Тем не менее, внутреннее соперничество и недавно замедлившийся рост стран-членов составляют определенные сдерживающие факторы в стремлении к многополярной мировой реальности. Воспринимая БРИКС в качестве трансрегионального механизма взаимодействия, автор статьи стремится дать оценку достижениям и неудачам группы на пути к формированию многополярного мирового порядка.
Об авторах: научный сотрудник, Университет Джавахарлала Неру, Индия e-mail: shraddhaik@gmail.com	
Ключевые слова: БРИКС; мировой порядок; многополярный мир; растущие державы; регионализм; интеррегионализм; G20; Совет Безопасности ООН (СБ ООН)	

Для цитирования: Naik, Shraddha. Rising BRICS: a Path to Multipolar World Reality? // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 1. – С. 100-108.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-100-108

For citation: Naik, Shraddha. Rising BRICS: a Path to Multipolar World Reality? // *Comparative Politics Russia*, 2018, No.1, pp. 100-108.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-100-108

ФЕНОМЕН Д. ТРАМПА И СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Андрей Олегович Безруков

*Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия*

Андрей Андреевич Сушенцов

*Аналитическое агентство «Внешняя политика»,
Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия*

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 28 июня 2017 <i>Принята к печати:</i> 29 ноября 2017	Аннотация: В статье выдвигаются предположения о будущей внешнеполитической платформе Дональда Трампа, опираясь на озвученные им предложения, состав команды его советников и сторонников. Также анализируются внутриполитический контекст правления нового американского президента и политические ограничения, с которыми столкнется новый хозяин Белого дома. Наконец, формулируются выводы для России по итогам избирательной кампании в США и описываются вероятные сценарии развития двусторонних отношений после инаугурации Трампа. Будущее российско-американских отношений является узловой неопределенностью 2017 года, от которой в заметной степени зависит общее направление внешней политики России. Развитие отношений может пойти по нескольким сценариям, условием наступления которых станут успех или неудача внутриэкономической программы Д. Трампа, а также высокая или низкая конфликтность внешней политики новой администрации США. С точки зрения внутренней политики признаком успешности Трампа будет динамика, с которой он сможет запустить законодательный механизм для инфраструктурных инвестиций и налоговой реформы, несмотря на противодействие демократов. В сфере внешней политики, главными вопросами станут отход от курса на конфронтацию с Россией в Восточной Европе и готовность к сотрудничеству на Ближнем Востоке, несмотря на различия в целях и союзниках. Ключевым условием нормализации отношений остается сохранение стратегического паритета между Россией и США. <i>Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 15-03-00728</i>
Об авторах: <i>Безруков А.О.</i>, доцент, Кафедра прикладного анализа международных проблем, МГИМО МИД России e-mail: a.o.bezrukov@yandex.ru <i>Сушенцов А.А.</i>, к.полит.н., доцент, Кафедра прикладного анализа международных проблем, МГИМО МИД России; руководитель аналитического агентства «Внешняя политика»; программный директор Валдайского клуба e-mail: asushentsov@yandex.ru	
Ключевые слова: внешняя политика США; российско-американские отношения; электоральные циклы в США; Дональд Трамп; Хиллари Клинтон; администрация президента США.	

Вечером 8-го ноября руководители предвыборного штаба Дональда Трампа рассчитали и распустили своих сотрудников. Пока Хиллари Клинтон готовилась праздновать победу на 50-ти тысячной арене в сопровождении звездных исполнителей

и фейерверка, Трамп подсчитывал убытки от избирательной кампании. Победа застала его врасплох. Эксцентричный миллиардер завоевал голоса 279 выборщиков и смог одолеть Хиллари Клинтон в ряде штатов, считавшихся вотчиной демократов.

США вступают в новый период своего развития. Оставаясь мировым лидером, они оказались не застрахованы от перемен и нестабильности, которые застали американскую элиту врасплох¹. В ходе прошедшей президентской гонки кандидаты от демократов и республиканцев не предложили внятной программы по решению структурных проблем США. Более того, они сами явились симптомами этих проблем. Поэтому любой исход президентских выборов означал, что неопределенность продолжит оставаться определяющей чертой американской политической жизни. Учитывая особое положение Соединенных Штатов в мире, эта неопределенность будет влиять на мировые процессы и вносить в них элементы хаоса.

Природа электоральных циклов США и ограничения президентства Д. Трампа

Президентская избирательная кампания в США 2016 года рискует поставить под вопрос все сложившиеся представления об американском истеблишменте. Для России программа Трампа – вопрос не праздный. Чтобы понять, что и почему происходит, и тем более, делать прогнозы, необходимо взглянуть на прошедшую избирательную гонку Хиллари Клинтон и Дональда Трампа в широком историческом контексте – как с точки зрения внутренней американской политической динамики, так и с точки зрения отношений США с миром.

Последняя избирательная кампания в США проходила в условиях, когда и мир, и

Соединенные Штаты вошли в период быстрой смены глобальной экономической и политической парадигмы. Вместе со сменой баланса сил на мировой арене, ускорились передел сфер влияния, а ослабленная система международных институтов оказалась не в состоянии помешать росту напряженности. Мир вступает в период все большей волатильности и неопределенности.

Глобализация сделала потенциальных конкурентов США – прежде всего, Китай – экономическими гигантами². Однако в следующие 10 лет мы увидим в самой Америке ростки нового глобального социально-технологического уклада³. Произойдет переход к производству, основанному на аддитивных технологиях, роботизации и искусственном интеллекте, что, в свою очередь, приведет к свертыванию глобальных производственных цепочек и релокации производства в энергонезависимые богатые страны-потребители. Примаг платежеспособного спроса над производственными факторами подтолкнет процессы регионализации, «огораживания», с целью ограничения допуска конкурентов к «своим» клиентам. Примером может служить политика по формированию эксклюзивных зон для своих корпораций, намерения переписать глобальные правила игры. За экономическим разделением мира на зоны влияния может последовать и его разделение на политические и военные блоки.

Маловероятно, что следующие десять лет протекнут без глубоких системных кризисов. Признаки одного из них уже вполне очевидны. В течение переходного периода мировая экономика вероятнее всего не

¹ Сушенцов А.А., Ребро О.И., Сучков М.Д., Безруков А.О. Следующий президент США: профессиональные профили Хиллари Клинтон и Дональда Трампа // Внешняя политика, 7 ноября 2016. Режим доступа: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/sleduyuschiy-prezident-ssha-professionalnyy-profil-hillari-klinton-i-donald-trampa/> [Sushentsov, A.A.; Rebro, O.I.; Suchkov, M.D., Bezrukov, A.O. Sleduyushchii prezident SShA: professional'nye profili Khillari Klinton i Donal'da Trampa (The Next US President: the Professional Profiles of Hillary Clinton and Donald Trump) // *Vneshniaia politika*, 7 November 2016. Mode of access: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/sleduyuschiy-prezident-ssha-professionalnyy-profil-hillari-klinton-i-donald-trampa/>]

² Караганов С.А. Контуры перемен // Россия в глобальной политике. – 2016. – Т. 14. – № 2. – С. 21-33. [Karaganov, S.A. Kontury peremen (Contours of Change) // *Rossiia v global'noi politike*, 2016, Vol. 14. No. 2, pp. 21-33.]

³ Симония Н.А., Торкунов А.В. Феномен Трампа – миллиардер как зеркало структурного кризиса в США // Российская газета, № 7071 (203), 8 августа 2016. С. 9. [Simoniia, N.A.; Torkunov, A.V. Fenomen Trampa – milliarder kak zerkalo strukturnogo krizisa v SShA (Trump Phenomenon – Billionaire as a Mirror of the Structural Crisis in the US) // *Rossiiskaia gazeta*, No. 7071 (203), 8 August 2016. P. 9.]

сможет выйти на путь стабильного роста. Последствиями этого будут дефициты бюджетов, напряженность в социуме, политические кризисы, частые смены правительств и союзов. Нестабильность только усугубит проблемы миграции и структурной безработицы, что, в первую очередь, ударит по уже ослабленным позициям среднего класса, кризис которого является ключом к пониманию предвыборной политической динамики в США, где имущественное расслоение достигло уровня 1914 года, когда 1% населения контролировал 90% национального богатства⁴.

Все сказанное производит эффект deja-vu – как будто возвращаются времена начала Первой Мировой войны. В этом, конечно, нет ничего необычного: существование долгосрочных экономических и политических циклов подтверждается работами многих авторитетных ученых. Примечательно, что нынешняя избирательная кампания открывает новый политический цикл, который, как и все предыдущие, приведет к выходу на арену новых политических сил, к новому «американскому консенсусу», к новому пониманию роли США в мире, новой внешней политике.

За последние 100 лет США пережили несколько политических циклов. Первая мировая была следствием победы индустриальной экономики, выдвинувшей новых конкурентов – Германию и Соединенные Штаты – которые хотели передела зон влияния. Первая начала войну, вторые воспользовались ее результатами. В самих США, как и во всем развитом мире, социальный взрыв, спровоцированный последствиями войны, экономическим кризисом и вопиющим неравенством, стер существовавший статус-кво. Новая политическая волна началась под лозунгами поиска справедливого общества. Этот политический цикл – назовем его «циклом справедливости» – ассоциируется с выбором президентом США Франклина Д. Рузвельта и усилением регулирующей и распределительной роли государства в инте-

ресах сохранения основ системы. Ведущая роль государства, установившаяся тогда практически везде в мире, очень пригодились американцам в годы Второй мировой войны.

К концу сороковых годов налоги для наиболее богатых номинально достигали 90%⁵. По мере того, как восстанавливалась экономика, консолидировалось общество и укреплялся средний класс, опасность социального конфликта перестала давить на политику. Со становлением послевоенной мировой системы экономических и политических институтов, с усилением идеологической и военной конфронтации с Советским Союзом, в США начался новый политический цикл. Олицетворением этого цикла – назовем его «циклом свободы» – стал Рональд Рейган, сделавший борьбу за освобождение корпораций от государственного вмешательства и освобождение народов от «советской тирании» смыслом своего президентства. Президенты Дж. Буш, У. Клинтон и Дж. Буш-младший продолжили «цикл свободы», хотя при последнем, с его военной кампанией в Ираке и кризисом 2008-го года, стало ясно, что пик цикла уже пройден. Более того, накопившиеся структурные проблемы в американской экономике привели к эрозии ее конкурентоспособности с начала 2000-х годов.

Малоэффективное президентство Обамы стало иллюстрацией накопившихся проблем, как во внутренней, так и во внешнеполитической сфере и необходимости фундаментальных перемен.

Следующее десятилетие в политическом отношении для США будет временем нестабильности и политических реформ. Уйдет поколение «холодной войны». Предвыборная кампания 2016 года запустила процесс переоценки места, роли и возможностей Соединенных Штатов. Американцам необходимо будет определиться: защищать ли всю созданную ими глобальную систему, в пользу чего высказывалась идеалист-бюрократ Клинтон, либо только ее часть, непосредственно интегрированную с Америкой. Грубо говоря, англосаксонский мир, к чему склоняется победив-

⁴ Пикетти Т. Капитал в XXI веке. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. [Piketti, T. Kapital v XXI veke (Capital in XXI century). Moscow: Ad Marginem Press, 2015. P. 347.]

⁵ Ibid. P. 501.

ший на выборах реалист-предприниматель Трамп⁶.

До того, как в США определятся с новым долгосрочным политическим курсом, вакуум лидерства заполнят склонные к популизму государственные деятели. Их ответ на вал внутренних проблем будет компиляцией прагматического изоляционизма и великодержавных лозунгов. Весьма вероятно, что их внешняя политика начнет играть на конфронтации с растущими геополитическими конкурентами. Они будут считать возможным пойти на авантюры, чтобы выйти из внутреннего кризиса за счет инициации конфликтов по всему миру и запуска высокотехнологичной военной индустрии, как это уже случалось.

Феномен Берни Сандерса свидетельствует о возобновлении давления проблемы неравенства на внутреннюю политику США: для сохранения стабильности в обществе необходим возврат к сбалансированному распределению богатства и усиление роли государства. Однако перераспределение денежных потоков всегда было результатом внутреннего или внешнего кризиса, в ходе которого элиты оказывались ослабленными.

Президентскую кампанию в США невозможно понять, если не понять соотношение сил, сложившееся в американских элитах, или, более точно – кризис американских элит. Функция элит – выработать консенсус о том, куда и зачем страна должна идти. Однако сейчас у элит нет согласия о том, что делать со страной и с остальным миром. Отсутствие внятных результатов президентства Обамы связано именно с увеличивающимся противоречием между реальностью внутренней и внешней ситуации США и политикой, проводимой элитами, остающимися у власти почти с 1980-х годов.

Элиты США состоят из нескольких групп: финансовая, промышленная, административная, военная, научная, и медиаэлита. Финансовая и промышленная элита имеют

разные интересы в том, что касается мировой политики. Для финансовой элиты рынком является весь мир. Она была главной движущей силой глобализации, не смотря на то, что до конца XX-го века американская промышленность с аналогичным энтузиазмом участвовали в экспансии⁷.

Однако, как пишет Джеймс Курц⁸, в первом десятилетии нашего века банки Уолл-стрита предпочитали вкладываться в уже проверенные технологии за пределами США или инвестировать свои капиталы в недвижимость. Их интересам не соответствовало ожидание плодов рискованных технологий нового индустриального цикла. В это время промышленная элита, наблюдая за ослаблением производственной базы, пыталась бороться с «недобросовестной» конкуренцией, требуя поддержки у правительства. Пока финансовая элита превозносила успехи глобализации, промышленники с ностальгией вспоминали годы войны и конфронтации.

Курц приводит следующий аргумент. Анализируя отношения США с миром начиная с конца XIX в., он утверждает: для внешней политики США серьезное значение имеет источник доходов «плутократии» – финансы или индустрия. «Финансовая плутократия, – пишет Курц, – не сможет осуществлять действенное руководство в глобальной конкуренции между великими державами, прежде всего в силу ее пренебрежительного отношения к созданию сбалансированной промышленности в самих Соединенных Штатах. Второй фактор – это ее чрезмерная привязанность к мировой резервной валюте. Третий фактор заключается

⁶ Лукьянов Ф.А. Разворот через сплошную // Россия в глобальной политике. – 2016. – Т. 14. № 6. – С. 5-6. [Luk'ianov, F.A. Razvorot cherez sploshnnuiu (Turn across a Solid Strip) // *Rossiiia v global'noi politike*, 2016, Vol. 14. No. 6, pp. 5-6.]

⁷ Безруков А.А. Америка в плену инерции // Россия в глобальной политике. – 2012. – № 2. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Amerika-v-plenu-inertcii-15531> [Bezrukov, A.A. Amerika v plenu inertcii (America in Captivity of Inertia) // *Rossiiia v global'noi politike*, 2012, No. 2. Mode of access: <http://www.globalaffairs.ru/number/Amerika-v-plenu-inertcii-15531>]

⁸ Kurth, J. The Foreign Policy of Plutocracies // *The American Interest*, September 24, 2011. Mode of access: <http://www.the-american-interest.com/2011/09/27/the-foreign-policy-of-plutocracies/>

в том, что финансовая элита предпочитает малые войны и поддержание порядка в своей империи тому, чтобы готовить страну к сдерживанию других великих держав и большим войнам».

Финансовая элита считает, что Китай сможет интегрироваться в мировую экономическую систему без прямого столкновения с США, а остальным миром можно управлять, сталкивая конкурентов между собой. Их кормит не Америка, но вся глобальная система, основанная на примате доллара.

Военная же элита, опираясь на поддержку элиты промышленной, готовится к неизбежной в будущем конкуренции с Китаем. И американский средний класс все ближе подходит к осознанию этого сценария. Им нужна сильная Америка. Не удивительно, что военные элиты подавляющим большинством проголосовали за Трампа. Он воспринимался именно как человек, способный возродить Америку, готовую принять вызов главного геополитического конкурента.

Начинающийся новый экономический цикл и возрождение американской индустриальной мощи на новой технологической базе опять меняет соотношение сил в пользу промышленной элиты. Однако если промышленная элита разобщена и разнородна, то финансовая – это тесно спаянное сообщество, сосредоточенное в трех-четырех городах, вблизи политической власти. Оно бесспорно оказывает влияние на людей, принимающих решения – отношения между ними начались еще со студенческой скамьи в лучших университетах Новой Англии, продолжались ходе карьеры в консалтинговых и банковских структурах и укреплялись общим членством в престижных благотворительных обществах.

Широкие массы населения явно не симпатизируют Уолл-стрит. Однако средний класс, поддерживающий повестку дня промышленной элиты, до последнего времени не имел возможности высказать свое мнение и потеснить финансистов, ставивших на Клинтон, как гарантию продолжения своего доминирования. С появлением Трампа, они, наконец, получили такую возможность. Этим объясняется беспрецедентный

прилив более 2-х миллионов небольших пожертвований в его избирательную кассу. За три-четыре месяца до финиша гонки – с того времени, когда масса избирателей поверила в то, что к власти может прийти новое лицо – примерно столько же республиканцев проголосовали своими деньгами в интернете, сколько отлаженная электоральная машина демократов сумела мобилизовать за несколько предыдущих лет.

На период господства находящихся сегодня у власти элит пришлось победа в холодной войне, глобализация и беспрецедентный рост финансового капитала, подпитанного дешевыми деньгами. За эти годы сложился идеологический консенсус «цикла свободы» – набор постулатов, которые никто не может ставить под сомнение, не рискуя потерять авторитет в Вашингтоне, Нью-Йорке и Лос-Анджелесе, или, более образно – оказаться человеком, с которым «никто не согласится на ланч». Один из таких постулатов говорит о том, что Россия – это враг⁹.

После стольких лет успеха, американские финансовые и политические элиты не могут себе представить, что в чем-то ошибаются¹⁰. Джордж Фридман, основатель ком-

⁹ Kissinger, H. Kissinger's Vision for U.S.-Russia Relations // *The National Interest*, February 4, 2016. Mode of access: <http://nationalinterest.org/feature/kissingers-vision-us-russia-relations-15111>

¹⁰ «Я не думал, что Россия может запретить ввоз продуктов с Запада»: интервью Дэниела Фрида – координатора Госдепартамента США по санкциям // *Meduza*, 1 сентября 2016. Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2016/09/01/ya-ne-dumal-cto-rossiya-mozhet-zapretit-vvoz-produktov-s-zapada> [«Ja ne dumal, chto Rossiia mozhet zapretit' vvoz produktov s Zapada»: interv'iu Deniela Frida – koordinatora Gosdepartamenta SSHa po sanktsiiam (I Did not Think that Russia Could Ban the Import of Food from the West): Interview with Daniel Fried – the US State Department's Sanctions Coordinator) // *Meduza*, 1 September 2016. Mode of access: <https://meduza.io/feature/2016/09/01/ya-ne-dumal-cto-rossiya-mozhet-zapretit-vvoz-produktov-s-zapada>]; Graham, T.; Rojansky, M. America's Russia Policy Has Failed // *Foreign Policy*, October 13, 2016. Mode of access: <http://foreignpolicy.com/2016/10/13/americas-russia-policy-has-failed-clinton-trump-putin-ukraine-syria-how-to-fix/>

пании «Стратфор», оценивает их готовность приспособиться к новой парадигме без осозанного оптимизма. По его мнению, эти элиты убеждены, будто по всем проблемам можно достигнуть закулисных договоренностей, и не осознают политического давления, под которым находятся элиты других стран, не оценивают степень отчуждения широкой общественности¹¹.

Как отмечает вышедшее в сентябре 2016 года в Гарвардской школе бизнеса исследование конкурентоспособности США под руководством Майкла Портера, представляющее позицию верхушки американских деловых кругов, «дисфункциональная американская политическая система является сегодня самым главным препятствием на пути Соединенных Штатов к экономическому прогрессу»¹². В атмосфере недоверия политическим лидерам и неспособности обеих партий к компромиссным решениям, количество избирателей, считающих себя «независимыми», составляет 42% – больше, чем электорат демократов или республиканцев.

До последнего времени элиты обеих партий не воспринимали Трампа как серьезную силу. Его стремительный подъем вызвал реальную панику и консолидацию всего истеблишмента, вдруг почувствовавшего, что может оказаться не у дел. Элиты оказались не готовы к разговору по существу. Поэтому демократ-идеолог Клинтон настойчиво доказывала, что с Америкой все в порядке, а существующие проблемы несложно решить.

Однако предприниматель-реалист Трамп, а с ним и половина страны, которую все больше поддерживают представители бизнеса, посчитали недостаточной и поверхностной нарочито оптимистичную риторику демократов.

Переход к новому политическому циклу, к новому консенсусу элит, произойдет не сразу. Дональд Трамп и тот, кто придет к власти на выборах 2020-го г., будут вынуждены работать с миром, охваченным мас-

штабными переменами. Совсем не с тем, который достался Рональду Рейгану и даже Бараку Обаме.

Это будет Америка, больше похожая на ту, которая досталась Франклину Рузвельту – с гигантским внутренним расслоением, с белым большинством, вдруг оказавшимся меньшинством, со стареющей инфраструктурой, с могущественным конкурентом, который может отобрать у нее глобальное лидерство. Решение глобальной проблемы США – проблемы сбалансированных, а значит, справедливых отношений с миром, как и в 1930-х, будет возможно только через поиск баланса в отношениях внутри страны. Начнется новый «цикл справедливости».

Дональд Трамп не представляет силы этого нового цикла. Он не несет идеи, на которых США могли бы строить новый консенсус элит на годы вперед. Он даже не представляет осмысленное движение за перемены, что можно сказать о Берни Сандерсе. Но для «одноэтажной Америки» – он сигнал того, что перемены могут начаться. Обама обещал перемены, но он разочаровал своих сторонников – Трамп же кажется боевитым¹³.

Историческая функция Трампа – разбить старые, неадекватные, «политкорректные» представления Америки о мире и о самой себе, которые не дают ей меняться. На такое способен только аутсайдер. Реальные предложения перемен придут позже, через четыре-восемь лет. Вероятно с левого фланга как отрицание Трампа и его политики.

Предвыборная кампания 2016 года совпала с обострением двух главных американских вызовов. В международной жизни стали заметны признаки отрицания глобального лидерства США¹⁴. Однако большую опасность представляют обнажившиеся угрозы внутренней стабильности американской политической системы. Протест-

¹³ Rosenblum, M. Donald Trump Is Going To Be Elected // *The Huffington Post*, August 21, 2016. Mode of access: http://www.huffingtonpost.com/michael-rosenblum/donald-trump-is-going-to_b_11637008.html

¹⁴ Walt, S. What Would a Realist World Have Looked Like? // *Foreign Policy*, January 8, 2016. Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2016/01/08/what-would-a-realist-world-have-looked-like-iraq-syria-iran-obama-bush-clinton/>

¹¹ Friedman, G. Is the 2016 Presidential Election Unique? // *Geopolitical Futures*. October 11, 2016. Mode of access: <https://geopoliticalfutures.com/is-the-2016-presidential-election-unique>

¹² Porter, M. Problems Unsolved and a Nation Divided. Harvard Business School, 2016.

ное голосование и антиэлитные настроения трансформировали электоральную картину Америки. Элиты в Вашингтоне оказались не готовы оперативно ответить на этот вызов. Американский политолог Роберт Легвольд емко охарактеризовал текущее время как «эпоха малых умов»¹⁵.

Новый президент США Дональд Трамп, несмотря на свою предвыборную риторику и программу, столкнется с несколькими крупными задачами, от решения которых он не сможет отказаться.

Во-первых, ему придется реагировать на общественный запрос о социальном прогрессе и более справедливом распределении благ. Неудача удовлетворения этого запроса обернется радикализацией общества на левом фланге.

Во-вторых, президенту придется формировать новый национальный консенсус между убывающим белым большинством и многочисленными меньшинствами. Белое население Америки, включая большинство женщин, поддерживает Дональда Трампа, тогда как цветное относится к нему с гораздо меньшим одобрением. Провал формирования национального консенсуса приведет к радикализации политической жизни в стране.

В-третьих, Белый дом будет вынужден искать пути преодоления антиэлитных настроений в обществе и откликаться на «запрос на подлинность». Элите придется заново придумывать себя, отказываясь от политического мейнстрима последних десятилетий и включая в свой состав аутсайдеров.

Наконец, ключевой задачей нового президента станет поиск ответа на вопрос: что значит американское лидерство в XXI веке и сколько ресурсов США готовы выделять для поддержания своего доминирования? Болезненное осознание ослабления мирового влияния может вызвать шоковую реакцию элит.

Помимо вышеуказанных задач президент Трамп столкнется с рядом серьезных внутриполитических ограничений, которые будут сковывать его инициативу.

Первым обстоятельством станет глубокий внутриполитический разлом, усугубленный агрессивной избирательной риторикой

кандидатов. Нельзя сказать, что Дональд Трамп обладает народным мандатом в полной мере. Внутриполитические проблемы станут поглощать внимание нового президента больше, нежели вопросы внешней политики.

Республиканское большинство в конгрессе будет настроено к Трампу критично. Почти наверняка он рискует столкнуться с политическим саботажем со стороны демократов. В свою очередь, республиканцы, в случае неуспеха Трампа, к концу его срока станут враждебны президенту и выдвинут на следующие выборы новую кандидатуру.

Существует вероятность того, что постоянной чертой нового президентского срока станут громкие уголовные разбирательства. Республиканцы, в соответствии с предвыборными обещаниями Трампа, будут настаивать на расследовании обращения Клинтон с секретной информацией, а также финансирования избирательной кампании демократов из Саудовской Аравии, Катар и Украины. Со своей стороны, демократы будут стремиться перевести в юридическую фазу нападки на Трампа в уклонении от уплаты налогов и сексуальных домогательствах. Остается неизвестным потенциал разбирательства о мнимом российском вмешательстве в выборы в США. При наиболее неблагоприятном сценарии в США может начаться конституционный кризис.

Сценарии будущего отношений России и США

Какова может быть судьба российско-американских отношений после выборов? Можно утверждать, что национальные интересы США не претерпят существенных изменений. После формирования администрации новый президент сосредоточится на решении внутриполитических вопросов, в то время как внешняя политика и отношения с Россией будут сильно зависеть от текущих событий.

Несмотря на доброжелательную публичную риторику, Дональд Трамп не предложил ничего конкретного для улучшения отношений с Россией¹⁶. Его президентство

¹⁵ Legvold, R. Return to Cold War. N.Y.: Polity Press, 2016.

¹⁶ Transcript: Donald Trump's Foreign Policy

представляет большую неопределенность для двусторонних отношений¹⁷. В формирующейся администрации можно выделить как людей, обладающих позитивным опытом сотрудничества с Москвой (госсекретарь Рекс Тиллерсон), так и «ястребов», мыслящих в категориях холодной войны (министр обороны Джеймс Мэттис).

Для анализа будущего российско-американских отношений мы применяем сценарный анализ. Он используется в ситуациях, когда неопределенность не позволяет с уверенностью предсказать путь развития событий, так как факторы, формирующие ситуацию, сами подвержены серьезным изменениям. В таких случаях представляется возможным говорить о нескольких возможных вариантах будущего. Каждый из них может наступить с определенной степенью вероятности. Задача сценариев не в точном предсказании будущего, а в формировании у принимающего решения внутренний готовности к любому повороту событий¹⁸.

Разрабатывая сценарии российско-американских отношений, мы представим ситуацию в виде нескольких переменных, составляющих основную неопределенность. Выбранные переменные будут обладать разной природой и не будут зависеть друг от друга.

По нашим оценкам, основными неопределенностями для отношений между Россией и США в будущем являются способность

Д. Трампа реализовать свою внутривластную программу и степень конфликтности внешней политики США при новой администрации в Вашингтоне.

Способность Трампа реализовать свои планы по перезапуску американской экономики определяется не только успехами его команды или противодействием со стороны оппонентов. Она зависит в том числе и от ряда объективных структурных и экономических факторов, способных замедлить затормозить позитивный эффект программ Трампа вплоть до срыва планируемого роста инвестиций и сокращения безработицы. С учетом всех факторов и их влияния, результатом внутривластной программы Трампа может стать как успех, так и полный провал.

Конфликтность внешнеполитического курса США является производной от конкретных действий Белого дома. США обладают широкой свободой действий в мире, почти не встречая сопротивления. Внешняя политика является прерогативой исполнительной власти США. Президент может позволить себе без консультаций с Конгрессом стремительно и неожиданно поднять уровень конфликтности внешнеполитического курса (показательный пример – политика администрации Обамы осенью-зимой 2016 г.). Для исполнительной власти внешняя политика зачастую остается средством по управлению внутренними проблемами.

Вероятно, в правление администрации Д. Трампа максимальный уровень напряженности будет отмечаться в отношениях США с Россией, Китаем и рядом государств Ближнего Востока – странами, с которыми у Вашингтона объективно сохраняются серьезные противоречия. Сохраняется перспектива осложнения отношений с группой «сложных союзников», которые могут себе позволить существенные отклонения от американского курса – Саудовской Аравией, Пакистаном и Турцией. Для Москвы уровень напряженности с США может быть как значительно выше, так и ниже, в зависимости от предложенной повестки новой американской администрации.

Speech, April 27, 2016. Mode of access: https://www.nytimes.com/2016/04/28/us/politics/transcript-trump-foreign-policy.html?_r=0

¹⁷ Иванов И.С. Российско-американские отношения в свете президентских выборов в США // Российская газета, № 7021 (153), 13 июля 2016. – С. 8. [Ivanov, I.S. Rossiisko-amerikanskije otnosheniia v svete prezidentskikh vyborov v SShA (Russian-American Relations in the Light of US Presidential Elections) // Rossiiskaia gazeta, No. 7021 (153), 13 July 2016. P. 8.]

¹⁸ Безруков А.О., Силаев Н.Ю., Сушенцов А.А. Прогноз угроз международной безопасности России в 2017 году // Вестник МГИМО-Университета. – 2017. – № 2. – С. 226-253. [Bezrukov, A.O.; Silaev, N.Ju.; Sushencov, A.A. Prognoz ugroz mezhdunarodnoj bezopasnosti Rossii v 2017 godu (Forecast of Threats to Russia's International Security in 2017) // Vestnik MGIMO-Universiteta, 2017, No. 2, pp. 226-253.]

Поместив две выбранные переменные на осях координат, мы получим четыре сценария будущих отношений США и России¹⁹.

Рисунок 1

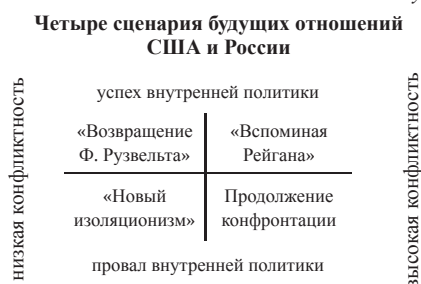

Рис. 1. Four Scenarios of US-Russia Relations

Первый сценарий – «Вспоминая Рейгана» – подразумевает успех экономической программы новой администрации и продолжение наступательного курса внешней политики. Реализация данного сценария станет возможной при успешном перезапуске американской экономики администрацией Трампа, сопровождающейся укреплением ее политических позиций через сокращение налогов, инвестиций в инфраструктуру и военно-промышленный комплекс. Возможна активизация работы новой администрации по модернизации ядерного оружия, дающая старт новому этапу гонки ядерных вооружений, несмотря на возражения Москвы. На волне успехов во внешней политике, Трамп может развернуть военные действия на Ближнем Востоке и ограничить китайский импорт. Данный ход событий, сопровождающийся усилением военного присутствия США в АТР, вызовет недовольство Пекина. В России подобные действия США будут восприняты в качестве попытки изменить сложившийся военно-стратегический паритет. В отношении между двумя странами вернется прежняя напряженность. Украинский вопрос и совместная борьба с терроризмом останутся без прогресса.

Второй сценарий – «Продолжение конфронтации» – развернется на фоне краха экономической политики Трампа и усиления внутривластной борьбы. Президент, все менее способный противостоять оппозиции в стране и в Конгрессе, попытается компен-

сировать свою слабость во внешней политике. Его уязвленное самолюбие найдет отражение в международных отношениях – на Ближнем Востоке активность вооруженных сил США будет стремительно усиливаться, а рост американского присутствия в Азии и экономические противоречия приведут к резкому ухудшению американо-китайских отношений. После того, как попытки договориться с Путиным о совместных действиях против КНР окажутся безрезультатны, Россия вновь попадет в «черный список». Последствиями станут новые информационные атаки, санкции, наращивание военного присутствия по периметру российских границ и, что особенно опасно, курс на нейтрализацию российских ядерных сил.

Третий сценарий – «новый изоляционизм» – будет развиваться при отсутствии очевидных успехов в экономической политике Трампа и, как следствие, резкого ослабления его позиций внутри американской политической системы. Рост государственного долга вследствие инвестиций и сокращения налогов, предоставит демократам возможности выдвинуть против президента обвинения в некомпетентности и безответственности, вернув себе симпатии «синих воротничков». Борьба администрации Трампа с увеличивающимися противниками, как со стороны оживившихся демократов, так и со стороны несогласных с политикой президента республиканцев, приведет к тому, что внешняя политика окажется задвинута на периферию, а внешний мир будет предоставлен сам себе. Администрация Трампа не сможет выдвинуть новых внешнеполитических инициатив ни в одном из важных регионов, кроме отдельных решений по ограничению импорта и иммиграции. Это представит неожиданную свободу маневра союзникам и противникам США, в том числе и России.

Четвертый сценарий – «Возвращение Ф. Рузвельта» – опирается на успешную реализацию экономической программы Дональда Трампа, однако при этом подразумевает снижение общего уровня конфликтности в мировой политике. Это станет возможным, если рост военного потенциала США вследствие обещанных инвестиций не

¹⁹ Ibid. P. 231.

будет подрывать ядерный паритет с Россией. Совместный положительный опыт борьбы с ИГИЛ, конструктивные рабочие отношения между лидерами двух стран и смена руководства в странах ЕС позволят снизить напряженность в отношениях с Россией и начать урегулирование украинского кризиса²⁰. Одновременно Трамп может смягчить риторику в вопросе торговых связей с Китаем и Мексикой, а его критика Транстихоокеанского партнерства способна трансформироваться в предложение его переподписания на новых условиях, более выгодных США. В данном сценарии международные отношения начнут обретать фундамент прагматического сотрудничества.

С точки зрения российско-американских отношений первые два сценария будут игнорировать интересы России. В третьем сценарии внутренние проблемы не дадут возможности США уделять много внимания остальному миру. И только четвертый сценарий предлагает действительно новую модель российско-американских отношений, основанную на принципах партнерства в рамках совместной борьбы с нарастающей неуправляемостью международных процессов. Продвигая данные сценарии, американские реалисты стремятся заручиться поддержкой России для будущего сдерживания КНР.

Безусловно, названные сценарии дают общее представление о четырех экстремальных ситуациях. Реальность будет значительно сложнее. Однако для российско-американского руководства важно осознать на раннем этапе по какому из обобщенных сценариев развивается ситуация. Признаком успешности Трампа во внутренней политике станет динамика разработки и запуска налоговой реформы и инфраструктурных инвестиций, несмотря на противодействие демократов. Во внешней политике главными вопросами будут отход от линии на конфронтацию с Россией в Восточной Европе и готовность сотрудничать в стабилизации обстановки на Ближнем Востоке, несмотря на расхождение

в целях и выборе союзников²¹. Принимая во внимание эти критерии, России можно будет выстраивать политику, максимально обеспечивающую ее долгосрочные национальные интересы при любом сценарии.

В общем виде условия для нормализации российско-американских отношений представляются следующим образом:

1. Модернизация ядерного оружия США не подрывает ядерный паритет с Москвой;

2. Интересы России учитываются при обсуждении проблем европейской безопасности;

3. Наличие взаимопонимания в вопросах об украинском кризисе и отмене экономических санкций;

4. Возобновление сотрудничества в борьбе с международным терроризмом и другими глобальными вызовами;

5. США не будут стремиться к обострению отношений с Китаем или Ираном;

6. Согласованная реакция Москвы и Вашингтона на новые кризисы в международных отношениях.

Наиболее вероятно, что ближайшие четыре года сохранится преемственность нынешнего курса в отношениях двух стран²². Колебания тренда вверх и вниз возможны, но Москве и Вашингтону разумнее стремиться к его выравниванию – чтобы тренд стал плоским. Это будет зависеть от конкретных событий в отношениях между Россией и США, но также и между третьими странами.

На двусторонние отношения будет про-

²¹ Graham, T. The Sources of Russian Conduct // *The National Interest*, August 24, 2016. Mode of access: <http://nationalinterest.org/feature/the-sources-russian-conduct-17462>; Sanders, P. Staffing Will Be Key for Trump's Russia Policy // *The National Interest*, December 12, 2016. Mode of access: <http://nationalinterest.org/feature/staffing-will-be-key-trumps-russia-policy-18719>

²² Сафранчук И.А. Устойчивые системы стратегических взглядов на Россию в американском экспертном сообществе // *Вестник МГИМО Университета*. – 2015. – № 6 (45). – С. 93-105. [Safranchuk, I.A. Ustoichivye sistemy strategicheskikh vzgliadov na Rossiiu v amerikanskom ekspertnom soobshchestve (Stable Systems of Strategic Views on Russia in the American Expert Community) // *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2015, No. 6 (45), pp. 93-105.]

²⁰ Mearsheimer, J. Donald Trump Should Embrace a Realist Foreign Policy // *The National Interest*, November 27, 2016. Mode of access: <http://nationalinterest.org/feature/donald-trump-should-embrace-realist-foreign-policy-18502>

должат влиять антироссийская кампания, начатая сторонниками Демократической партии США в ходе предвыборной борьбы с Трампом. Сначала демократы упрекали Дональда Трампа в симпатиях к Владимиру Путину, а после хакерской атаки на сервера Национального съезда Демократической партии и вовсе стали искать «российский след» в выборах. Вспомнили, что советник Трампа Пол Манафорт консультировал экс-президента Украины Виктора Януковича, сам Трамп бывал в России и тепло отзывался о Владимире Путине. СМИ до предела раскрутили российскую тему во многом из стремления оттенить факты жульничества со стороны руководства съезда Демократов. И в результате, как шутили в прессе, «Хиллари Клинтон вступила в избирательную гонку с Владимиром Путиным»²³.

Возникла редкая «симметричная паранойя» в российско-американских отношениях. США оказались так же поглощены «российским следом», как Москва искала американский во всех «цветных революциях» на постсоветском пространстве. Гипертрофированное внимание к России в контексте выборов – следствие редкой для США неуверенности в себе. Связано оно было не с реальным или мнимым вмешательством Москвы во внутреннюю политику США, а с непониманием американским политическим истеблишментом причин популярности протестных настроений и готовности людей голосовать за Трампа. США переживают самый глубокий раскол общества за последние десятилетия²⁴. Демократы не понимают и отвергают сторонников Трампа, считая их ненормальными – расистами, сексистами, гомофобами, «быдлом»²⁵. Поддерживать Трампа в США

стало социально порицаемо среди элиты и образованных кругов.

Однако американский избиратель устал от неискренних и нарочито благочестивых политиков. Если Барак Обама вызывал искреннюю симпатию среди сторонников, то у Хиллари Клинтон был очень высокий антирейтинг. Высокий антирейтинг был и у Трампа (в июле 2016 года корпорация «Гэллоп поллс» зафиксировала одинаковые рейтинги одобрения/неодобрения у Клинтон и Трампа – 37%/58%), однако СМИ однобоко хвалили Клинтон и часто были несправедливы к Трампу – это вызывало глухой протест среди «молчаливого большинства».

Украинский кризис завершил период, когда считалось что общей целью России и США является объединение в евроатлантическом сообществе²⁶. Отношения больше не удастся починить новой «перезагрузкой» – им нужен не ремонт, а полная перестройка²⁷. Вряд ли США окажутся к этому готовы в ближайшие годы, поскольку будут слишком поглощены собой.

ливудского сценариста Аарона Соркина, написанное по «горячим следам» после победы миллиардера: «Мы, черт возьми, будем бороться». Открытое письмо Аарона Соркина жене и дочери // *Meduza*, 2016. Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2016/11/10/my-chert-vozmi-budem-borotsya> [«My, chert voz'mi, budem borot'sia». Otkrytoe pis'mo Aarona Sorkina zhene i docheri. («We, the Hell, Will Fight.» Aaron Sorkin's Open Letter to His Wife and Daughter) // *Meduza*, 2016. Mode of access: <https://meduza.io/feature/2016/11/10/my-chert-vozmi-budem-borotsya>]

²⁶ Charap, S. A Functional Relationship / The United States and Russia after the Ukraine Crisis: Three Scenarios. Ed by Saunders P. Washington: Center for the National Interest, 2015. PP. 3-13. Mode of access: http://187ock2y3ejr34z8752m6ize.wpengine.netdna-cdn.com/wp-content/uploads/2015/12/The-United-States-and-Russia-after-the-Ukraine-Crisis_Three-Scenarios.pdf

²⁷ Гуткин М. Геополитические рецепты от Томаса Грэма / Голос Америки, 3 января 2017. Режим доступа: <http://www.golos-ameriki.ru/a/mg-interview-with-thomas-graham/3661615.html> [Gutkin, M. Geopoliticheskie retsepty ot Tomasа Grema (Geopolitical Recipes from Thomas Graham) / *Golos Ameriki*, 3 January 2017. Mode of access: <http://www.golos-ameriki.ru/a/mg-interview-with-thomas-graham/3661615.html>]

²³ Goldberg, J. It's Official: Hillary Clinton Is Running Against Vladimir Putin // *The Atlantic*. July 21, 2016. Mode of access: <http://www.theatlantic.com/international/archive/2016/07/clinton-trump-putin-nato/492332/>

²⁴ Суслов Д.В. Гудбай, прежняя Америка? // *Россия в глобальной политике*. – 2016. – Т. 14. № 5. – С. 13-21. [Suslov, D.V. Gudbai, prezhniaia Amerika? (Goodbye, Former America?) // *Rossiiа v global'noi politike*, 2016, Vol. 14. No. 5, pp. 13-21.]

²⁵ С точки зрения отношения к сторонникам Трампа показательно открытое письмо гол-

Нынешние американские элиты – продукт процветания и сытости 1990-х годов, они ментально живут в мире прогресса и технологических инноваций. Поэтому они воспринимают все связанное с конфликтами, войнами и отношениями с проблемными партнерами вроде России – как пережиток прошлого, XX века. США считают, что возглавляют историческое движение глобализованного мира в сторону светлого будущего, где будут процветать демократия, либерализм, свободная торговля и где не будет место таким атавизмам, как войны²⁸.

Не имея классического европейского опыта конфронтации и дипломатии, Вашингтонские элиты слабо разбираются в нюансах большой стратегии²⁹. Именно поэтому политика США периодически становится причиной конфликтов и кризисов. Украина и Ближний Восток – которые США стремились привести к прогрессу – наиболее говорящие просчеты.

Следствием этой устремленности в будущее является то, что ключевые для России вопросы – конфликты в Сирии и на Украине – не являются жизненно важными приоритетами США, которые относятся к ним как к значимым, но все же второстепенным вопросам³⁰. С точки зрения Соединенных Штатов, новые торговые отношения с Европой и тихоокеанскими странами, экологические регламенты, развитие интернета и альтернативных источников энергии, права меньшинств и движение в сторону «ядерного нуля» – это по-настоящему важно³¹. А Украина и Сирия – второстепенны.

²⁸ Godberg, J. The Obama Doctrine // *The Atlantic*, April, 2016, Mode of access: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525/>

²⁹ Богатуров А.Д. Дипломатический ответ Москвы // Международные процессы. – 2016. – Т. 14. № 1 (44). – С. 55. [Bogaturov, A.D. Diplomatičeskii otvet Moskvy (Moscow's Diplomatic Response) // *Mezhdunarodnye protsessy*, 2016, Vol. 14. No. 1 (44), P. 55.]

³⁰ National Security Strategy, February 2015. Mode of access: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf

³¹ Шаклеина Т.А. Общность и различия в стратегиях России и США // Международные процессы. – 2013. – Т. 11. № 33. – С. 6-19.

В такой ситуации полномасштабное сотрудничество России с США затруднено.

Заключение

Нынешнее состояние российско-американских отношений является новой константой. Это устойчивое состояние, которое будет существовать вне зависимости от того, кто руководит страной из Белого дома. Между Россией и США мало сфер общих интересов и, напротив, много сфер противоречий. При этом существует парадокс взаимного гарантированного уничтожения – две страны не могут друг на друга слишком сильно давить. Именно поэтому нынешняя система отношений довольна стабильна.

Москва и Вашингтон считают, что время на их стороне, а цена конфликта слишком высока – поэтому торопиться не нужно. США полагают, что Россия находится в системном упадке, что санкции делают свое дело, а новая власть в России будет более прозападной. В России убеждены, что хотя США и являются первой страной по силе экономики и военной мощи, но они неопытны и допускают много ошибок во внешней политике и военных операциях. Это делает мир все более неуступчивым в отношении американцев. Со временем это приведет к тому, чего ожидают российские элиты – мир станет полицентричным.

Литература:

Безруков А.А. Америка в плену инерции // Россия в глобальной политике. – 2012. – № 2. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Amerika-v-plenu-inertcii-15531>

Безруков А.О., Силаев Н.Ю., Сушенцов А.А. Прогноз угроз международной безопасности России в 2017 году // Вестник МГИМО-Университета. – 2017. – № 2. – С. 226-253.

Богатуров А.Д. Дипломатический ответ Москвы // Международные процессы. – 2016. – Т. 14. № 1 (44). – С. 52-62.

Гуткин М. Геополитические рецепты от Томаса Грэма / Голос Америки, 3 января 2017. Режим доступа: <http://www.golos-ameriki.ru/a/mg-interview-with-thomas-graham/3661615.html>

Иванов И.С. Российско-американские отношения

[Shakleina, T.A. Obshchnost' i razlichiiia v strategiiakh Rossii i SSHa (Commonality and Differences in the Strategies of Russia and the United States) // *Mezhdunarodnye protsessy*, 2013, Vol. 11. No. 33, pp. 6-19.]

в свете президентских выборов в США // Российская газета, № 7021 (153), 13 июля 2016.

Каргаганов С.А. Контуры перемен // Россия в глобальной политике. – 2016. – Т. 14. – № 2. – С. 21-33.

Лукьянов Ф.А. Разворот через сплошную // Россия в глобальной политике. – 2016. – Т. 14. № 6. – С. 5-6.

Пикетти Т. Капитал в XXI веке. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.

Сафранчук И.А. Устойчивые системы стратегических взглядов на Россию в американском экспертном сообществе // Вестник МГИМО Университета. – 2015. – № 6 (45). – С. 93-105.

Симония Н.А., Торкунов А.В. Феномен Трампа – миллиардер как зеркало структурного кризиса в США // Российская газета, № 7071 (203), 8 августа 2016.

Суслов Д.В. Гудбай, прежняя Америка? // Россия в глобальной политике. – 2016. – Т. 14. № 5. – С. 13-21.

Сучков М.А. Неудавшиеся «перезагрузки»: почему Россия и США не слышат друг друга // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 40. С. 107-110.

Сушенцов А.А., Ребро О.И., Сучков М.Д., Безруков А.О. Следующий президент США: профессиональные профили Хиллари Клинтон и Дональда Трампа // Внешняя политика, 7 ноября 2016. Режим доступа: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/sleduyushchiy-prezident-sshaprofessionalnyy-profil-hillari-klinton-i-donald-trampa/>

Шаклеина Т.А. Общность и различия в стратегиях России и США // Международные процессы. – 2013. – Т. 11. № 33. – С. 6-19.

Charap, S. A Functional Relationship / The United States and Russia after the Ukraine Crisis: Three Scenarios. Ed by Saunders P. Washington: Center for the National Interest, 2015. Pp. 3-13. Mode of access: http://187ock2y3ejr34z8752m6ize.wpengetna-netdna-cdn.com/wp-content/uploads/2015/12/The-United-States-and-Russia-after-the-Ukraine-Crisis_Three-Scenarios.pdf

Friedman, G. Is the 2016 Presidential Election Unique? // *Geopolitical Futures*. October 11, 2016. Mode of access: <https://geopoliticalfutures.com/is-the-2016-presidential-election-unique>

Godberg, J. The Obama Doctrine // *The Atlantic*, April, 2016, Mode of access: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525/>

Goldberg, J. It's Official: Hillary Clinton Is Running Against Vladimir Putin // *The Atlantic*. July 21, 2016. Mode of access: <http://www.theatlantic.com/international/archive/2016/07/clinton-trump-putin-nato/492332/>

Graham, T. The Sources of Russian Conduct // *The National Interest*, August 24, 2016. Mode of access: <http://nationalinterest.org/feature/the-sources-russian-conduct-17462>

Graham, T.; Rojansky, M. America's Russia Policy Has Failed // *Foreign Policy*, October 13, 2016. Mode of access: <http://foreignpolicy.com/2016/10/13/americas-russia-policy-has-failed-clinton-trump-putin-ukraine-syria-how-to-fix/>

Kissinger, H. Kissinger's Vision for U.S.-Russia Relations // *The National Interest*, February 4, 2016. Mode of access: <http://nationalinterest.org/feature/kissingers-vision-us-russia-relations-15111>

Kurth, J. The Foreign Policy of Plutocracies // *The American Interest*, September 24, 2011. Mode of access: <http://www.the-american-interest.com/2011/09/27/the-foreign-policy-of-plutocracies/>

Legvold, R. Return to Cold War. N.Y.: Polity Press, 2016.

Mearsheimer, J. Donald Trump Should Embrace a Realist Foreign Policy // *The National Interest*, November 27, 2016. Mode of access: <http://nationalinterest.org/feature/donald-trump-should-embrace-realist-foreign-policy-18502>

Porter, M. Problems Unsolved and a Nation Divided. Harvard Business School, 2016.

Rosenblum, M. Donald Trump Is Going To Be Elected // *The Huffington Post*, August 21, 2016. Mode of access: http://www.huffingtonpost.com/michael-rosenblum/donald-trump-is-going-to_b_11637008.html

Sanders, P. Staffing Will Be Key for Trump's Russia Policy // *The National Interest*, December 12, 2016. Mode of access: <http://nationalinterest.org/feature/staffing-will-be-key-trumps-russia-policy-18719>

Walt, S. What Would a Realist World Have Looked Like? // *Foreign Policy*, January 8, 2016. Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2016/01/08/what-would-a-realist-world-have-looked-like-iraq-syria-iran-obama-bush-clinton/>

References:

Bezrukov, A.A. Amerika v plenu inertsi (America in Captivity of Inertia) // *Rossia v global'noi politike*, 2012, No. 2. Mode of access: <http://www.globalaffairs.ru/number/Amerika-v-plenu-inertcii-15531>

Bezrukov, A.O.; Silaev, N.Ju.; Sushencov, A.A. Prognoz ugroz mezhdunarodnoj bezopasnosti Rossii v 2017 godu (Forecast of Threats to Russia's International Security in 2017) // *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2017, No. 2, pp. 226-253.

Bogaturov, A.D. Diplomatičeskii otvet Moskvy (Moscow's Diplomatic Response) // *Mezhdunarodnye protsessy*, 2016, Vol. 14. No. 1 (44), pp. 52-62.

Charap, S. A Functional Relationship / The United States and Russia after the Ukraine Crisis: Three Scenarios. Ed by Saunders P. Washington: Center for the National Interest, 2015. Pp. 3-13. Mode of access: http://187ock2y3ejr34z8752m6ize.wpengetna-netdna-cdn.com/wp-content/uploads/2015/12/The-United-States-and-Russia-after-the-Ukraine-Crisis_Three-Scenarios.pdf

Friedman, G. Is the 2016 Presidential Election Unique? // *Geopolitical Futures*. October 11, 2016. Mode of access: <https://geopoliticalfutures.com/is-the-2016-presidential-election-unique>

Godberg, J. The Obama Doctrine // *The Atlantic*, April, 2016, Mode of access: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525/>

Goldberg, J. It's Official: Hillary Clinton Is Running Against Vladimir Putin // *The Atlantic*. July 21, 2016. Mode of access: <http://www.theatlantic.com/international/archive/2016/07/clinton-trump-putin-nato/492332/>

Graham, T. The Sources of Russian Conduct // *The National Interest*, August 24, 2016. Mode of access: <http://nationalinterest.org/feature/the-sources-russian-conduct-17462>

Graham, T.; Rojansky, M. America's Russia Policy Has Failed // *Foreign Policy*, October 13, 2016. Mode of access: <http://foreignpolicy.com/2016/10/13/americas-russia-policy-has-failed-clinton-trump-putin-ukraine-syria-how-to-fix/>

Gutkin, M. Geopolitičeskie retsepty ot Tomasa Grema (Geopolitical Recipes from Thomas Graham) // *Golos Ameriki*, 3 January 2017. Mode of access: <http://www.golos-ameriki.ru/a/mg-interview-with-thomas-graham/3661615.html>

Ivanov, I.S. Rossiisko-amerikanskije otnosheniia v svete prezidentskikh vyborov v SSHA (Russian-American

Relations in the Light of US Presidential Elections) // *Rossiiskaia gazeta*, No. 7021 (153), 13 July 2016.

Karaganov, S.A. Kontury peremen (Contours of Change) // *Rossii v global'noi politike*, 2016, Vol. 14. No. 2, pp. 21-33.

Kissinger, H. Kissinger's Vision for U.S.-Russia Relations // *The National Interest*, February 4, 2016. Mode of access: <http://nationalinterest.org/feature/kissingers-vision-us-russia-relations-15111>

Kurth, J. The Foreign Policy of Plutocracies // *The American Interest*, September 24, 2011. Mode of access: <http://www.the-american-interest.com/2011/09/27/the-foreign-policy-of-plutocracies/>

Legvold, R. Return to Cold War. N.Y.: Polity Press, 2016.

Luk'ianov, F.A. Razvorot cherez sploshnuiu (Turn across a Solid Strip) // *Rossii v global'noi politike*, 2016, Vol. 14. No. 6, pp. 5-6.

Mearsheimer, J. Donald Trump Should Embrace a Realist Foreign Policy // *The National Interest*, November 27, 2016. Mode of access: <http://nationalinterest.org/feature/donald-trump-should-embrace-realist-foreign-policy-18502>

Piketti, T. Kapital v XXI veke (Capital in XXI century). Moscow: Ad Marginem Press, 2015.

Porter, M. Problems Unsolved and a Nation Divided. Harvard Business School, 2016.

Rosenblum, M. Donald Trump Is Going To Be Elected // *The Huffington Post*, August 21, 2016. Mode of access: http://www.huffingtonpost.com/michael-rosenblum/donald-trump-is-going-to_b_11637008.html

Safranchuk, I.A. Ustoichivye sistemy strategicheskikh vzgliadov na Rossiiu v amerikanskom ekspertnom soobshchestve (Stable Systems of Strategic Views on Russia in the American Expert Community) // *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2015, No. 6 (45), pp. 93-105.

Sanders, P. Staffing Will Be Key for Trump's Russia Policy // *The National Interest*, December 12, 2016. Mode of access: <http://nationalinterest.org/feature/staffing-will-be-key-trumps-russia-policy-18719>

Shakleina, T.A. Obshchnost' i razlichii v strategiakh Rossii i SShA (Commonality and Differences in the Strategies of Russia and the United States) // *Mezhdunarodnye protsessy*, 2013, Vol. 11. No. 33, pp. 6-19.

Simoniia, N.A.; Torkunov, A.V. Fenomen Trampa – milliarder kak zerkalo strukturnogo krizisa v SShA (Trump Phenomenon – Billionaire as a Mirror of the Structural Crisis in the US) // *Rossiiskaia gazeta*, No. 7071 (203), 8 August 2016. P. 9.

Suchkov, M.A. Neudavshiesia «perezagruzki»: pochemu Rossiia i SShA ne slyshat drug druga (Unsuccessful “Reboots”: Why Russia and the US Do not Hear Each Other) // *Mezhdunarodnye protsessy*, 2015, Vol. 13. No. 40, pp. 107-110.

Sushentsov, A.A.; Rebro, O.I.; Suchkov, M.D.; Bezrukov, A.O. Sleduiushchii prezident SShA: professional'nye profili Khillari Klinton i Donal'da Trampa (The Next US President: the Professional Profiles of Hillary Clinton and Donald Trump) // *Vneshniaia politika*, 7 November 2016. Mode of access: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/sleduyuschiy-prezident-ssha-professionalnyy-profil-hillari-klinton-i-donalda-trampa/>

Suslov, D.V. Gudbai, prezhniaia Amerika? (Goodbye, Former America?) // *Rossii v global'noi politike*, 2016, Vol. 14. No. 5, pp. 13-21.

Walt, S. What Would a Realist World Have Looked Like? // *Foreign Policy*, January 8, 2016. Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2016/01/08/what-would-a-realist-world-have-looked-like-iraq-syria-iran-obama-bush-clinton/>

THE PHENOMENON OF DONALD TRUMP AND SCENARIOS OF US-RUSSIAN RELATIONS

Andrey O. Bezrukov

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

Andrey A. Sushentsov

*Foreign Policy Analysis Group,
MGIMO University,
Moscow, Russia*

Article history <i>Received:</i> 28 June 2017 <i>Accepted:</i> 29 November 2017	Abstract: This article examines the foreign policy platform of Donald Trump, based on his proposals, the composition of his advisers and supporting coalitions. Second focus of the article is the internal political context and limitations to the new administration of the White House. Finally, there are conclusions for Russia and possible scenarios for the development of bilateral relations after the inauguration of Donald Trump. The future of Russian-American relations is the key uncertainty of 2017. Russian foreign policy greatly depends on it. The development of relations can go in several directions, which is conditioned to success or failure of Trump domestic economic program, as well as high or low level of conflict behavior of new US administration in its foreign policy. From the perspective of economic and internal policy the criterion of success for Trump will be the speed with which he could launch a legislative mechanism for tax reform and infrastructure investment despite the Democrats opposition. From the perspective of foreign policy, the main uncertainty in US-Russia relations will be about the future of confrontation in Eastern Europe and willingness of the parties to cooperate in stabilizing the situation in the Middle East, despite the differences in objectives and choice of allies. A key condition for normalizing relations remains the preservation of strategic balance between Russia and the United States.
About the authors: <i>Andrey O. Bezrukov,</i> Associate Professor, Department of Applied International Analysis, MGIMO University e-mail: a.o.bezrukov@yandex.ru <i>Andrey A. Sushentsov,</i> Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Applied International Analysis, MGIMO University; Head of the Foreign Policy Analysis Group; Program Director at the Valdai Club e-mail: asushentsov@yandex.ru	
Ключевые слова: USA foreign policy; Russian-American relations; USA electoral cycles; Donald Trump; Hillary Clinton; administration of US President	

Для цитирования: Безруков А.О., Сушенцов А.А. Феномен Д. Трампа и сценарии развития российско-американских отношений // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 1. – С. 109-123.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-109-123

For citation: Bezrukov, Andrey O.; Sushentsov, Andrey A. Fenomen D. Trampa i stsennarii razvitiia rossiisko-amerikanskikh otnoshenii (The Phenomenon of Donald Trump and Scenarios of US-Russian Relations) // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 1, pp. 109-123.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-109-123

ИСПАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ КОНСОЛИДИРОВАННОЙ ДЕМОКРАТИИ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Сергей Маркович Хенкин

*Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия*

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 14 апреля 2017 <i>Принята к печати:</i> 11 ноября 2017	Аннотация: Политико-институциональный кризис, переживаемый современным испанским обществом, вызывает острую и оживленную дискуссию о его истоках. Широко распространилась точка зрения, что вину за нынешнее положение дел несут деятели второй половине 1970-х – первой половине 1980-х годов. Такой подход знаменует радикальную переоценку ценностей: ведь еще недавно в общественном сознании в Испании и за ее рубежами доминировали представления о транзите в этой стране как об одном из наиболее удачных в рамках «третьей волны демократизации». Автор не согласен с целиком нигилистическими оценками транзита, результаты которого позволили Испании избежать новой гражданской войны и впервые в ее истории создать режим представительной демократии. Безусловно, политике переходного периода были присущи слабости и ограничения. Однако у деятелей последующих поколений имелись возможности исправить сложившуюся ситуацию, изменив соответствующие законы и практики. Но они этого не сделали, так как управлять по-старому было проще и спокойнее. Вместе с тем опыт испанского транзита в сопоставлении с современными реалиями свидетельствует, что даже удачные решения работают лишь какое-то время. Новые этапы в развитии общества требуют корректировки старых и поиска новых прагматических решений, учитывающих национальные интересы. Примечательно также, что уже много времени спустя после завершения транзита в эпицентре политической борьбы оказались вопросы, которые тогда не доминировали в политическом дискурсе и казались решенными (дилемма «монархия-республика», конфликт между ревностными католиками и людьми светской культуры, отношение к историческому прошлому). Автор делает вывод, что вряд ли правильно устанавливать прямую, непосредственную связь между современными проблемными зонами испанского социума и политикой времен демократического транзита.
Об авторе: д.и.н., профессор, Кафедра сравнительной политологии, МГИМО МИД России e-mail: sergkhenkin@mail.ru Ключевые слова: Испания; франкистская диктатура; демократический транзит; консолидация демократии; партии; «пакты Монклоа»; конституция; «встроенные дестабилизаторы»	

В годы глобального финансово-экономического кризиса Испания, до этого весьма динамично развивавшаяся, превратилась в одну из самых неблагополучных стран в Западной Европе. Со всей очевидностью проявился системный кризис политики, составной частью которого стал кризис политико-институциональный. Сложившаяся ситуация вызвала острую и оживленную дискуссию об истоках кризиса. Широко распространилась точка зрения, что вину за нынешнее положение дел несут деятели переходного периода, политика которых в конце 1970 – первой половине 1980-х годов заложила фундамент современной политической системы.

Данная интерпретация ознаменовала радикальную переоценку ценностей. Дело в том, что испанский транзит несколько десятилетий считался одним из самых успешных в рамках «третьей волны демократизации». Политики и эксперты многих стран Восточной Европы и Латинской Америки, совершавших переходы от авторитаризма к демократии, обращались к этому опыту, рассматривая ряд его аспектов как предмет для подражания. А в самой Испании при оценке перехода нередко звучали триумфалистские ноты. Разумеется, не все были согласны с апологетической оценкой транзита. Появлялись и работы, авторы которых критикова-

ли его результаты¹. Однако такой массовой и жесткой критики результатов транзита, как в период глобального кризиса, прежде не было. При этом костяк ревизионистского направления составляют представители молодого поколения, те авторы, которые родились уже во времена демократии и сами в событиях тех лет не участвовали².

Важно отметить также, что разгоревшаяся дискуссия носит далеко не абстрактно-академический характер. Критики транзита, хотя бы они того или нет, делегитимизируют существующую политическую систему. Часть их ставит вопрос о «втором переходе» – пересмотре базовых основ функционирования государства и переходе к новой модели развития. Для недавно образованной и весьма влиятельной в стране леворадикальной партии Подемос, а также сепаратистских сил в Каталонии интерпретация результатов транзита как поражения – важнейшая часть идейно-политической платформы, главный аргумент в борьбе за фундаментальные перемены в существующей политической системе.

Так как же оценивать транзит в свете происходящей дискуссии и устоявшихся представлений? И как соотносятся нерешенные проблемы давно консолидированной испанской демократии с его характером и результатами? Ответ на эти вопросы важен не только для Испании. Он позволяет лучше понять природу проблем, обнажившихся в период глобального кризиса в политических системах стран, перешедших в конце XX в. от авторитаризма к демократии.

Некоторые проблемные зоны современной политической системы

Глобальный кризис, обрушившийся на Испанию в 2008 г., резко усилил имущественную и социальную дифференциацию, материальные затруднения и лишения, сопровождаясь ростом чувства социальной незащищенности миллионов испанцев, отсутствием перспектив у молодого поколения. Усилилось критическое отношение к политикам и политическим институтам, происходило массовое разочарование в них.

Мощный потенциал протеста материализовался в «Движении возмущенных», возникшем в мае 2011 г., когда многотысячные толпы вышли на улицы и площади десятков испанских городов с требованиями осуществления глубоких политических и социально-экономических преобразований. Эпицентром движения стала центральная площадь Мадрида Пуэрта дель Соль, где «возмущенные» разбили палаточный лагерь. Основным лозунгом протестовавших были слова: «Они нас не представляют». Появление «возмущенных» сигнализировало о том, что партийно-политическая система Испании пребывает в состоянии глубокого кризиса. Они указали на давно известные и ставшие еще более заметными в годы кризиса дефекты политической системы, на которые в благополучные годы многие люди предпочитали не обращать внимания.

Речь идет, в частности, об испанских партиях, столкнувшихся с явным кризисом доверия (не считая тех, которые образовались относительно недавно). Политическую систему Испании можно назвать «режимом партий». После победы на выборах та или иная партия, назначив своих ставленников, берет под контроль значительную часть политического пространства страны, важнейшие государственные институты, к примеру Конституционный суд, Счетную палату, Банк Испании, т.е. институты и учреждения, считающиеся по классическим нормам демократии независимыми.

В партиях царит каудильизм: полновластие лидеров и их ближайшего окружения, которые регулируют свою деятельность и принимают все решения, оставаясь бескон-

¹ См., например: Grimaldos, A. *La sombra de Franco en la transición*. Madrid: Oberon, 2004. 380 p.; Moran, G. *El precio de la transición*. Barcelona: Planeta, 1991. 254 p.; Navarro, V. *Bienestar insuficiente, democracia incompleta. Sobre lo que no se habla en nuestro país*. Madrid: Anagrama, 2002. 216 p.

² Обстоятельная критика транзита представлена, например, в работе Х.К. Монедро, одного из основателей леворадикальной партии Подемос: Monedero, J.C. *La transición contada a nuestros padres. Nocturno de la democracia española*. Madrid: Catarata, 2011. 230 p. См. также: Brieger, P. *La encrucijada española. Del 15-M a la disputa por el poder*. Clave Intelectual, 2015. 263 p.; Moreneo, M.; Illuega, H. *Por un nuevo proyecto de país*. Madrid: El Viejo Topo, 2015. 247 p.

трольными. Отсутствие внутрипартийной демократии и внешнего контроля ведут к распространению крупномасштабной коррупции.

Многие годы критику общественности вызывает испанский вариант избирательной системы, принятой в марте 1977 г. Отчасти корень проблемы – существование серьезной диспропорции между набранными голосами и полученными мандатами, которая дает явное преимущество партиям, занимающим на выборах первое и второе места. Не менее жестко критикуется система так называемых закрытых списков, использующихся на выборах различных уровней. Избиратель должен проголосовать за список кандидатов, которые предлагаются руководством партии, не имея связи с конкретным политиком, к которому можно было бы обращаться с просьбами. Большинство кандидатур избирателям неизвестны. Таким образом, люди отчуждаются от политики и одновременно нарушается принцип реального разделения властей, поскольку избранные депутаты, входя в состав парламента и правительства, подчиняются партиям.

Изменений требует судебная система. В Испании не соблюдается принцип независимости судебной власти от исполнительной. Генеральный совет судебной власти с 1985 г. избирается не самими судьями, а депутатами парламента, зависимыми от партий, что делает его политизированным и превращает в арену борьбы различных партий. Таким же политизированным является Конституционный суд, который вместо того, чтобы быть арбитром при вынесении решений о неконституционности законов, выполняет волю исполнительной власти.

На повестке дня реформирование политико-территориальной организации Испании. Острейший каталонский конфликт сигнализировал о необходимости изменения ряда устаревших статей конституции, касающихся территориального устройства страны.

Рамки журнальной статьи не дают возможности остановиться на других нерешенных проблемах политической системы современной Испании³. Но и названные дают

представление о серьезности вызовов, стоящих перед ней.

Характер и результаты транзита

Можно ли выявить прямую и непосредственную связь между нерешенными проблемами Испании 2010-х годов и результатами демократического транзита?

Ответ на этот вопрос предполагает обращение к основным характеристикам транзита – процесса, включающего становление и консолидацию демократии. Его хронологические рамки, определяемые политологами и историками по-разному⁴, по нашему мнению, охватывают период с ноября 1975 г., когда Франко на посту главы государства сменил Хуан Карлос I, до середины 1980-х годов – тогда в результате совокупности проведенных реформ процесс демократизации стал необратимым.

К середине 1970-х годов в результате ускоренного экономического роста предшествующих примерно 15 лет аграрно-индустриальная Испания превратилась в индустриально-аграрную страну. Значительно улучшилось материальное положение миллионов испанцев, сформировался многочисленный средний класс. Одновременно произошла либерализация авторитарного режима, который, сохранив репрессии и антикоммунистическую индоктринацию, отказался от оголтелого национализма и религиозного фанатизма, практиковавшихся в первые десятилетия после гражданской войны 1936-1939 гг.

Авторитарная модернизация в краткосрочном плане укрепила франкизм, привела к распространению в широких слоях населения потребительских ориентаций и аполитичности. Вместе с тем пробуждение новых потребностей содействовало и обострению неудовлетворенности масс, осознанию ими приниженности своего положения в обще-

се турбулентности // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 4. – с. 71-81. [Khenkin, S.M. Ispaniia v poloze turbulentnosti (Spain in Turbulence) // *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2012, No. 4, pp. 71-81.]

⁴ Подробнее см.: Papel, A. *Elogio de la transición*. Madrid: Ediciones Akal, S.A., 2016. P. 16.

³ Подробнее о проблемных зонах испанской политики см.: Хенкин С.М. Испания в поло-

стве. Наиболее значительные социальные конфликты в период франкизма имели место как раз в 1960-е – первой половине 1970-х годов⁵.

Своеобразие ситуации состояло в том, что демократическое движение, добившись определенных успехов, тем не менее не превратилось в общенародное и не смогло покончить с диктатурой. После смерти Франко созданный им режим сохранял жизнеспособность, опираясь на сильный военно-полицейский аппарат. Диктатура, будучи нелегитимной в глазах значительной части населения, тем не менее продемонстрировала экономическую эффективность.

Король Хуан Карлос I, ставший главой государства в соответствии с заранее продуманным механизмом передачи власти, не сразу взял курс на преобразования. Король действовал в узком коридоре возможностей. Любым либеральным начинаниям противостоял бункер – блок ультраправых сил, окопавшихся в правительстве и других структурах аппарата управления (королевский совет, кортесы, руководство армии, Национальное движение). Первое послефранкистское правительство, формирование которого король поручил К. Ариасу-Наварро, известному своими консервативными взглядами, ориентировалось на то, чтобы слегка обновить фасад режима, сохранив статус-кво. Однако эти расчеты не оправдались. В конце 1975-1976 гг. в стране началось массовое рабочее и демократическое движение, выдвигавшее как политические, так и экономические требования (в середине 1970-х годов разразился экономический кризис, сопровождавшийся, в частности, резким скачком инфляции и безработицы). Противостояние «верхов» и демократической оппозиции достигло опасных размеров. На ситуацию в Испании влияли и события, происходившие на международной арене, в особенности в Южной Европе: разрядка напряженности, крах правоавторитарных режимов в Португалии и Греции, успехи левых сил в Италии.

В этой обстановке король в начале июля 1976 г. заменил главу правительства. Им стал Адольфо Суарес – бывший франкистский чиновник, неожиданно для многих взявший курс на демократизацию политической системы страны, проявив политическое мужество и широту мышления. А. Суарес прокладывал дорогу демократии, преодолевая сопротивление сильного блока правых и ультраправых сил (амнистия, смещение крайне правых деятелей, стоявших во главе сил органов госбезопасности и полиции, реформирование избирательной системы, роспуск официальных «вертикальных» профсоюзов, легализация левых партий и профсоюзов) и вступив в диалог с антифранкистской оппозицией⁶.

Расстановку сил выявили первые со времен гражданской войны парламентские выборы, состоявшиеся 15 июня 1977 г., на которых победила созданная А. Суаресом партия Союз демократического центра (34,4% голосов) – разношерстная коалиция правоцентристских буржуазных партий, в которую, наряду с франкистами-обновленцами, входили христианские демократы, либералы, наиболее умеренные социал-демократы. Глава СДЦ А. Суарес стал в глазах широких слоев испанцев творцом мирного демонтажа франкизма и на время приобрел черты харизматического лидера. Левые партии – Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП) и компартия (КПИ) заняли второе и третье места, набрав, соответственно, 29,2% и 9,2% голосов. Неофранкистской партии Народный альянс досталось четвертое место – 8,3% голосов. Выборы зафиксировали примерное равновесие сил между всеми представленными в кортесах правыми (правоцентристскими) и левыми (левоцентристскими) партиями⁷.

Ситуация была такова, что ни франкисты-обновленцы, ни левые не могли полностью навязать сопернику свою волю. Ограни-

⁵ Испания. 1918-1972 гг. Исторический очерк. – М.: Наука, 1975. – С. 430-433. [Ispaniya, 1918-1972. Istoricheskiy ocherk (Spain, 1918-1972. Outline of History). Moscow: Nauka, 1975. Pp. 430-433.]

⁶ Подробнее о демонтаже франкизма см.: Современная Испания. – М.: Политиздат, 1983. – 383 с. [Sovremennaya Ispanya (Modern Spain). Moscow: Politisdat, 2013. 383 p.]

⁷ Los partidos en la transición. Las organizaciones políticas en la construcción de la democracia española. Madrid: Biblioteca Nueva, S.L., 2013. P. 57.

ченный коридор возможностей стал одной из причин глубокой переоценки ценностей правыми и левыми. Многие деятели правого лагеря признали или подошли к признанию необходимости легализации левых партий, прежде всего КПИ, права трудящихся на забастовку, свободу печати, отделения церкви от государства, предоставления автономии национальным областям Испании. Иными словами, во второй половине 1970-х годов испанские правые согласились с теми требованиями левых сил, против которых их отцы сражались во время гражданской войны.

Радикальная «смена вех» происходила в эти годы и в левом лагере. Компартия Испании перешла на позиции еврокоммунизма, Испанская социалистическая рабочая партия также сдвигалась к умеренности (забегая вперед, отметим, что в 1979 г. она отказалась от характеристики «марксистская»). Для ведущих левых партий Испании проблема социального переустройства общества отошла на задний план. Во главу угла ставилась задача консолидации хрупкой демократии, предотвращения ультраправого переворота. Традиционно убежденные республиканцы, коммунисты и социалисты признали монархию, убедившись в демократических устремлениях короля.

Утрата былой идейно-политической непримиримости, взаимные уступки левых и правых партий были созвучны умеренным, компромиссным настроениям, господствовавшим в Испании второй половины 70-х годов. К радикальному разрыву с франкистским режимом и коренным общественным преобразованиям было готово только меньшинство населения. Над массовым сознанием довлел страх повторения трагедии гражданской войны, превратившейся в серьезнейшую моральную травму для нации. Этот страх стимулировала казавшаяся реальной угроза правого переворота со стороны реакционных кругов армии, а также террористическая активность различных организаций левацкого, националистического (ЭТА в Стране Басков) и ультраправого толка, унесших множество человеческих жизней⁸. Неприязненное отношение к ради-

кальным экспериментам определялось также опасениями потерять блага, приобретенные в период ускоренного экономического роста. Эти опасения подкреплялись весьма болезненными для населения последствиями экономического кризиса (так, инфляция в июле-августе 1977 г. составляла 42%)⁹.

По существу, правые и левые силы Испании пришли к осознанию необходимости национального согласия (примирения). Оно материализовалось в так называемых «пактах Монклоа» (по названию резиденции правительства) – программе экономических и политических мер, нацеленных на завершение транзита от франкизма к представительной демократии. Оппозиционные партии согласились с осуществлением правительством жестких антиинфляционных мер, в частности, замораживанием заработной платы и снижением расходной части бюджета. В свою очередь правительство брало на себя обязательства, улучшить государственную систему социального обеспечения, принять меры по борьбе с безработицей, установить парламентский контроль над государственными средствами массовой информации¹⁰.

Соглашение общенационального масштаба было компромиссом: каждая из сторон шла на уступки, стремясь стабилизировать режим представительной демократии и смяг-

есть работы, показывающие, что подобные представления – не более, чем миф. Так, по свидетельству политолога С. Баби, с 1975 по 1982 гг. было совершено как минимум 3500 актов насилия по политическим мотивам и 714 человек погибли. Насилие наложило отпечаток на ход демократизации, обуславливая, в частности, ограничение демократических свобод и препятствуя реорганизации военно-полицейского аппарата. *La transición española. Nuevos enfoques para un viejo debate* / Madrid: Biblioteca Nueva, 2016. 355 p.

⁹ Pradera, J. *La Transición española a la democracia*. Edición e introducción de Joaquín Estefanía. Madrid: Fondo de Cultura Económica de España, 2014. P. 31.

¹⁰ Подробнее см.: Хенкин С.М. Политика пакта: испанские иллюстрации // Полис (Политические исследования). – 1996. – № 5. – с. 129-135. [Khenkin, S.M. *Politika pakta: ispanskije ilustracii* (Politics of Pact: Spanish Illustrations) // *Polis (Politicheskiye issledovaniya)*, 1996, No. 5, pp. 129-135.]

⁸ В общественном сознании укоренилось представление об испанском транзите как о ненасильственном и бескровном. Вместе с тем

чить последствия экономического кризиса. На этапе перехода к демократии произошло частичное совпадение интересов реформистского крыла правящего класса и основных левых партий. Пакты были одобрены, с определенными оговорками, ведущими демократическими профсоюзами Испании.

К концу 1978 г., когда срок действия «пактов Монклоа» завершился, темпы инфляции сократились примерно вдвое, а текущий платежный баланс был сведен с положительным сальдо. Однако большая часть намеченных социальных реформ не была претворена в жизнь. Не произошло и сокращения безработицы. Основная причина невыполнения многих положений соглашения состояла в том, что кабинет министров А. Суареса трактовал «пакты Монклоа» в интересах крупного капитала, пренебрегая мнением КПИ и ИСРП. К тому же правительство испытывало сильный нажим со стороны бизнеса, недовольного «чрезмерными уступкам левым партиям».

При всем этом трудно переоценить роль «пактов Монклоа» в становлении и укреплении совсем молодой испанской демократии, налаживании цивилизованных отношений между вчерашними антагонистами – бывшими франкистами, принявшими новую политическую систему, и представителями левой оппозиции.

Межпартийное сотрудничество в рамках «пактов Монклоа» благоприятствовало разработке и принятию новой конституции страны. Принципиальное отличие ее от всех остальных конституций, действовавших в Испании, состояло в том, что она носила консенсусный характер, не ущемляя ничьих интересов. Определение нового общества сводилось к минимуму и устанавливались правила игры, приемлемые для всех партий и групп давления. Конституция была одобрена подавляющим большинством (87,7%) на референдуме в декабре 1978 г.

Всенародное одобрение нового основного закона не сделало процесс демократизации необратимым. Реформы правительства СДЦ, за некоторыми исключениями, не затронули важнейших структур старого аппарата управления. Так, не проводилась чистка армии и полиции. Буржуазно-

консервативные силы (так называемые фактические или параллельные власти в лице финансовой олигархии, верхушке армии и католической церкви), сохранив мощную материальную базу и влияние, создавали препятствия на пути углубления демократических перемен.

1979-1981 гг. стали временем политической нестабильности, характеризовавшейся взрывообразным ростом безработицы и хозяйственным спадом, постоянной угрозой правого переворота, разгулом терроризма ЭТА. Многочисленные слои населения пребывали в состоянии растерянности и страха перед настоящим и будущим. Резко упало влияние правящего СДЦ и А. Суареса (в январе 1981 г. он ушел в отставку). Развеелись надежды на демократию как панацею, которая решит чудесным образом все проблемы.

В феврале 1981 г. правые предприняли попытку государственного переворота. Молодую демократию спасло вмешательство короля Хуана Карлоса, который как командующий вооруженными силами потребовал от мятежников сложить оружие. Этому приказу подчинились. У заговорщиков не было широкой социальной опоры.

Обстановка неопределенности и неуверенности в будущем начала преодолеваться после впечатляющей победы на выборах 1982 г. (48% голосов избирателей) Испанской социалистической рабочей партии. В ее лице к власти пришли впервые после 1939 г. политики, находившиеся в оппозиции к франкизму и оказавшиеся способными к более глубоким демократическим преобразованиям, чем предшественники.

Прагматически-стабилизационная политика ИСРП, отказ от радикальных реформ позволила ей заручиться поддержкой значительной части «низов» и «верхов» общества, упрочить расшатанную стабильность. Особенно важно, что ИСРП удалось установить лояльные отношения с фактическими властями. Испания окончательно покончила с вековой позицией изоляционизма, вступив в ЕС (1986 г.) и другие европейские организации. В середине 80-х годов большинство населения впервые в истории постфранкистской Испании перестало испытывать страх перед возможностью военного переворота

и ощутило необратимость демократизации. В обществе сложился консенсус по базовым ценностям, основными слагаемыми которого были признание демократических ценностей, готовность к переменам «в рамках возможного», неприятие экстремизма.

Возникает вопрос, был ли возможен радикальный разрыв с франкистской диктатурой и глубокие социальные, в том числе антикапиталистические, преобразования в интересах широких слоев населения? Была ли альтернатива стратегии согласованной с властями реформы, которую избрали в 1976-1978 гг. ИСРП и КПИ? Именно на таком разрыве и такой альтернативе настаивали тогда и говорят сейчас как об упущенной возможности представители испанских левых, стоящие на твердых классовых позициях. Позиция, которую заняли ИСРП, КПИ и ведущие демократические профсоюзы, расценивается ими как «капитуляция перед правыми».

Между тем внимательный анализ испанской ситуации того времени свидетельствует, что действенной альтернативы «согласованной реформе» не было. Лозунг разрыва с диктатурой был оправдан и теоретически мог осуществиться только в первые семь месяцев после смерти Франко, когда первое послефранкистское правительство К. Ариаса Наварро топталось на месте и сохранялось статус-кво. Но массовое рабочее и демократическое движение не смогло тогда сокрушить диктатуру. Когда же в июле 1976 г. правительство А. Суареса взяло курс на демократизацию политической системы и протянуло руку демократической оппозиции, идея разрыва стала бессмысленной. К тому же дилемма «реформа-разрыв» стояла в основном только перед демократическими партиями и организациями. Большинство же населения было настроено, как уже отмечалось, на умеренные, осторожные перемены. Показателем настроений большинства испанцев было голосование на референдуме по законопроекту о политической реформе (декабрь 1976 г.), которую поддержали 94,2% населения, причем КПИ и ИСРП призывали бойкотировать референдум¹¹. Результаты

голосования убедили эти партии в том, что идея разрыва неприемлема для большинства населения. По словам испанского политолога Дель Рио Габараина, «реальность реформы лишила кислорода идею разрыва, задушила ее»¹². Не следует также забывать, что границы перемен в определенной степени задавало пропагандистское и финансовое вмешательство стран Запада в испанские дела. Они поддерживали реформистские партии, будучи заинтересованы в создании здесь такой новой политической системы, которая не нарушала бы сложившуюся в Западной Европе и мире расстановку сил.

При всем этом представляется, что в рамках избранной стратегии ИСРП, КПИ и демократические профсоюзы могли бы действовать решительнее и добиться большего в плане социально-политического реформирования. Между тем ведущие левые организации сдерживали забастовочную активность масс, ссылаясь на то, что она может спровоцировать правый переворот. Не было и должной степени единства действий в самом левом лагере. Все это стало причиной разочарования в результатах демократизации той части левой оппозиции, которая была настроена на глубокие социальные перемены.

Транзит и современность

Соотнося действия и результаты деятелей переходного периода с последующим функционированием уже консолидированной демократии испанский политолог Ж. Коломер предложил удачную формулировку: «Достоинства перехода превратились в дефекты демократии»¹³.

Не следует забывать, что деятели переходного периода действовали в сложнейших конкретно-исторических условиях, узком коридоре возможностей и, будучи политическими прагматиками, руководствовались интересами повседневной политической целесообразности. Они вряд ли задумыва-

¹¹ Powell, Ch. España en democracia, 1975-2000. Barcelona: Plaza & Janes Editores, S.A., 2001. P. 175.

¹² La transición española. Nuevos enfoques para un viejo debate / Madrid: Biblioteca Nueva, 2016. P. 309.

¹³ Colomer, J. La transición a la democracia. El modelo español. Barcelona: Anagrama, 1998. P. 181.

лись о том, как будут выглядеть решаемые ими проблемы через несколько десятилетий. Главной задачей политиков эпохи транзита было привести страну к демократии, избежав повторения гражданской войны и массового кровопролития. Решая эту задачу, они стремились максимально укрепить свои позиции и политический инструментарий. Именно этим объясняется та огромная роль, которая отводилась партиям. Памятуя о политической нестабильности Второй республики (1931-1939 гг.), приведшей к гражданской войне, политики второй половины 1970-х годов наделили партийных лидеров большой властью. Расчет делался на то, что «стабильные партии создадут стабильную демократию»¹⁴. Аналогичную цель – сделать политическую систему молодой демократии стабильной и управляемой преследовала и новая избирательная система.

Поставленные задачи были решены вполне успешно. Но в дальнейшем, как уже отмечалось, и огромная роль партий, и избирательное законодательство стали объектом острой критики. Однако можно ли винить в этих существующих по сей день проблемах деятелей переходного периода? Разве у последующих поколений политиков не было возможностей, чтобы исправить сложившуюся ситуацию, изменив соответствующие законы? Безусловно, такие возможности были, но ничего сделано не было, так как управлять по-старому проще и спокойнее.

В этом же ряду стоит проблема реформы сената, который со времен транзита не играет отведенной ему конституцией роли палаты территориального представительства. Между тем в превращении слабого и неэффективного сената в сильный и представительный не заинтересованы ни правительство (оно должно будет постоянно считаться с его позицией), ни конгресс депутатов (сенат в этом случае станет равным нижней палате по степени влияния), ни нынешние сенаторы (они потеряют работу), ни партийные лидеры (перед ними встанет задача трудоустройства нынешних сенаторов).

Испанский опыт перехода от авторитаризма к демократии свидетельствует, что даже удачные решения работают лишь какое-то время. Новые этапы в развитии общества требуют корректировки старых и поиска новых прагматических решений, учитывающих национальные интересы.

Характерный пример – борьба вокруг пересмотра ряда положений конституции 1978 г., которая в свое время сыграла большую позитивную роль в достижении национального согласия. Для конституции характерна неопределенность и двусмысленность некоторых статей, что во многом объясняется обстановкой переходного периода, когда она принималась. Законодатели формулировали некоторые статьи осторожно, опасаясь, что потенциальная возможность распада «единой Испании» сподвигнет консервативные круги офицерства на переворот. С тех пор и в обществе, и в армии произошли большие перемены. Однако отношение к реформированию конституции в политическом мире страны неоднозначное и даже противоположное, из-за чего проблема не решается.

Знаменательно также, что уже много времени спустя после завершения транзита в эпицентре политической борьбы порой оказываются вопросы, которые не доминировали в политическом дискурсе и казались решенными. Примером может служить дилемма монархия-республика. В испанской истории споры между правыми – сторонниками монархии и левыми – убежденными республиканцами по поводу государственного устройства выливались в острые социальные конфликты. Однако поскольку переход к демократии осуществлялся под эгидой монархии и это обстоятельство обеспечивало лояльное отношение к новой политической системе со стороны незатронутого чисткой военно-бюрократического аппарата, акцентирование внимания левыми на дилемме «республика или монархия» могло расколоть лагерь демократии, оттолкнув сторонников монархии, и вызвать непредвиденные последствия. Исходя из этого, КПИ и ИСРП признали монархию, заявив, что линией водораздела в обществе является дилемма «демократия или диктатура», а не монархия – республика».

Однако отношение к монархии в эпоху консолидированной демократии осталось неоднозначным. По мнению части общественности, конфликтогенной испанской политике

¹⁴ Molinas, C. Que hacer con España. Del capitalismo castizo a la refundación de un país. Barcelona: Ediciones Destino, S.A.P. Pp. 215-216.

необходим арбитр, модератор, способный в кризисных ситуациях уберечь страну от потрясений. Напротив, противники монархии считают ее институтом устаревшим, превратившимся в анахронизм, и к тому же дорогостоящим для налогоплательщиков¹⁵. Проблема долгое время оставалась на периферии общественной жизни. Однако в последние годы правления Хуана Карлоса его рейтинг резко упал из-за многочисленных скандалов в королевской семье. Во время отречения Хуана Карлоса (июнь 2014 г.) по Испании протекли многочисленные манифестации сторонников республики. Таким образом, «дремлющая проблема» на время вышла на авансцену большой политики.

Похоже обстоит дело и с другим типичным для Испании конфликтом – между ревностными католиками и людьми светской культуры. Церковь признала переход Испании к демократии, конституция зафиксировала ее отделение от государства. В традиционно католической Испании развивается процесс секуляризации. Тем не менее проблемы образования, семьи, брака, регулирования рождаемости постоянно вызывают острые и бурные дискуссии. Так, во время правления ИСРП (2004-2011 гг.) Конференция испанских епископов не раз организовывала многотысячные манифестации против исключения католицизма из списка обязательных школьных дисциплин, упрощения процедуры разводов, разрешения однополых браков, квалифицируя эти реформы, как «подрывающие устои». Испанский автор К. Элорди замечает, что, организовав эти манифестации, церковь «продемонстрировала огромную способность к мобилизации, большую, чем имеют профсоюзы»¹⁶.

Еще более острая проблема, которая была, казалось бы, отодвинута на задний план во времена транзита, но о которой во весь голос заговорили десятилетия спустя – отношение к историческому прошлому (начиная со времен Народного фронта 1936 г.). В 2007 г. правительство ИСРП приняло так

называемый закон об исторической памяти, предписывающий ликвидировать памятники Франко и мемориальные доски, посвященные его памяти, признающий незаконными все судебные процедуры, приводившие к расстрелу республиканцев (при этом упоминается, что массовые расстрелы использовались в 1936-1939 гг. обеими воюющими сторонами). Закон обязывает местные власти разыскивать и раскапывать братские могилы репрессированных, устанавливать их личности и передавать прах родственникам. В стране живут дети и внуки участников гражданской войны, потомки палачей и жертв. Не удивительно поэтому, что социум вновь на некоторое время разделился на «белых» и «красных». По мнению одних, правительство ИСРП вскрывает раны прошлого, другие считали, что оно заживает эти раны.

Безусловно, эта проблема волнует не все общество. Многим безразличны события 80-летней давности. Но есть и немало людей, и семей, которых воспоминания о прошлом продолжают волновать. Для одних выглядит кощунством вскрывать старые захоронения, а для других кощунство состоит в том, что их предки – жертвы лежат в братских могилах рядом с палачами.

В ходе становления и консолидации демократии левые и правые, следуя логике политического прагматизма, обходили стороной болезненную проблему отношения к прошлому. В официальном политическом мире долгое время существовало своего рода табу на ее обсуждение (хотя простые люди о ней никогда не забывали). Сотрудничество между правыми и левыми осуществлялось в рамках так называемого негласного пакта забвения. Механизм люстраций, сходный с тем, который имел место в ряде стран Центральной и Восточной Европы, в Испании задействован не был. Никаких судебных преследований представителей франкистской элиты не осуществлялось. Реформы А. Суареса направлялись преимущественно против институтов. Представители старой элиты либо оставались в структурах управления, либо находили другое место работы, либо уходили в отставку. У бывших сторонников диктатуры сохранялись легаль-

¹⁵ La España que necesitamos. Del 20 N a 2020. Madrid: Almuzara S.A., 2011. P. 63.

¹⁶ Elordi, C. Quienes mandad de verdad en España? Barcelona: Roca Editorial de Libros, S.L., 2013. Pp. 108, 116.

ные возможности пропагандировать свои взгляды.

Ведущие левые организации, во имя предотвращения кровопролития, отказались от мщения и сведения счетов. Их поведение определялось также своеобразием ситуации переходного периода, характеризовавшейся тем, что возможность их легального и свободного функционирования определялась волей команды А. Суареса. Сам характер перехода к демократии – договоренности и соглашения между франкистами-обновленцами и антифранкистами создавал препятствия, хотя и непреодолимые, для наказания виновных и восстановления исторической справедливости. Если в послевоенных Германии, Италии, Франции антифашизм стал краеугольным камнем легитимации новой, демократической политической системы, то в Испании этого не произошло. Антифранкизм не превратился в фундамент политико-идеологической платформы блока сил, строивших новую Испанию (правительства социалистов в 1982-1996 гг. продолжали политику пакта забвения). В то же время большая часть правых также перестала рассматривать левых как своего врага.

В конце 1990-х годов, когда началось широкое обсуждение этой проблемы, выяснилось, что многие люди, прежде всего левых взглядов, испытывают глубокое разочарование и обиды из-за того, что виновные в преступлениях франкистской диктатуры остались безнаказанными, а заслуги тех, кто боролись против нее, не признаны и по достоинству не оценены государством. Пострадавшим в годы диктатуры и их семьям не был возмещен урон – политический, правовой, морально-этический, экономический. По существу, политика забвения недавнего прошлого (кстати говоря, отличающая Испанию от многих стран, переживших в XX в. диктаторские режимы, где преступные деяния и по крайней мере часть их авторов были осуждены) ставила на одну доску палачей и их жертвы. Некоторые политики называли подобный подход «институциональным управлением памятью», направленным на забвение прошлого во имя легитимизации

настоящего¹⁷. В итоге общество не решило важную нравственно-этическую проблему и не прошло в данном вопросе школу демократического воспитания.

Вообще политики переходного периода были новаторами отнюдь не во всем. В области партийного строительства они, в том числе и левые политики-антифранкисты, шли старым, апробированным путем, воспроизводя традиционные авторитарно-каудильистские принципы руководства и не пытаясь их менять. Никаких новаций не было и во взаимоотношениях партийных лидеров времен транзита с населением и гражданским обществом. Они использовали ту же практику деполитизацию масс, которую насаждала франкистская диктатура. Попыток активизировать организации гражданского общества не предпринималось.

Результаты такого сложного, многоаспектного и глубоко противоречивого феномена, как переход Испании к демократии нельзя оценить однозначно. Главное состоит в том, что впервые за всю историю в стране сложился легитимный строй представительной демократии с ее многочисленными атрибутами. Преодолев вековую авторитарную традицию, Испания сменила парадигму политической и духовной культуры. Вместе с тем политике, проводившейся в годы транзита, были присущи слабости и ограничения, объяснявшиеся совокупностью объективных и субъективных обстоятельств. Однако вряд ли правильно устанавливать прямую, непосредственную связь между современными проблемными зонами испанского социума и политикой времен транзита.

Один из важнейших уроков Испании состоит в том, что модернизация требует постоянной самокоррекции. Проблемы, казавшиеся решенными на переходном этапе, спустя годы и десятилетия начали «во весь голос» заявлять о себе в условиях консолидированной демократии, обостряя внутривнутриполитическую обстановку. Судя по всему, эти «встроенные дестабилизаторы»,

¹⁷ Domenech Sampere X. Tempus fugit. Las memorias de la transición // *Mientras tanto*, 2007, No. 104-105, p 156.

унаследованные от прошлого, останутся неотъемлемой частью испанских реалий. Они будут постоянно напоминать о себе, серьезно влияя на общественное сознание и доставляя немалые неудобства властвующей элите.

Литература:

Испания. 1918-1972 гг. Исторический очерк. – М.: Наука, 1975. – 495 с.

Современная Испания. – М.: Политиздат, 1983. – 383 с.

Хенкин С.М. Испания в полосе турбулентности // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 4. – с. 71-81.

Хенкин С.М. Политика пакта: испанские иллюстрации // Полис (Политические исследования). – 1996. – № 5. – с 129-135.

Brieger, P. La encrucijada española. Del 15-M a la disputa por el poder: Clave I ntelectual, 2015. 263 p.

Colomer, J. La transición a la democracia. El modelo español. Barcelona: Anagrama, 1998. 192 p.

Domenech Sampere X. Tempus fugit. Las memorias de la transición // *Mientras tanto*, 2007, No. 104-105, pp.151-157.

Elordi, C. Quienes mandad de verdad en España? Barcelona: Roca Editorial de Libros, S.L., 2013. 139 p.

España. El final de una época. Madrid: Libroslibres, 2009. 268 p.

Grimaldos, A. La sombra de Franco en la transición. Madrid: Oberon, 2004. 380 p.

La España que necesitamos. Del 20 N a 2020. Madrid: Almuzara S.A., 2011. 806 p.

La transición española. Nuevos enfoques para un viejo debate / Madrid: Biblioteca Nueva, 2016. 355 p.

Los partidos en la transición. Las organizaciones políticas en la construcción de la democracia española. Madrid: Biblioteca Nueva, S.L., 2013. 423 p.

Molinas, C. Que hacer con España. Del capitalismo castizo a la refundación de un país. Barcelona: Ediciones Destino, S.A.P. 301 p.

Monedero, J.C. La transición contada a nuestros padres. Nocturno de la democracia española. Madrid: Catarata, 2011. 230 p.

Moran, G. El precio de la transición. Barcelona: Planeta, 1991. 254 p.

Moreno, M.; I lluega, H. Por un nuevo proyecto de país. Madrid: El Viejo Topo, 2015. 247 p.

Navarro, V. Bienestar insuficiente, democracia incompleta. Sobre lo que no se habla en nuestro país. Madrid: Anagrama, 2002. 216 p.

Papel, A. Elogio de la transición. Madrid: Ediciones Akal, S.A., 2016. 157 p.

Powell, Ch. España en democracia, 1975-2000. Barcelona: Plaza & Janes Editores, S.A, 2001. 685 p.

Pradera, J. La Transición española a la democracia. Edición e introducción de Joaquín Estefanía. Madrid: Fondo de Cultura Economica de España, 2014. 164 p.

Sistema político español. Barcelona: Huygens Editorial, 2012. 395 p.

References:

Brieger, P. La encrucijada española. Del 15-M a la disputa por el poder: Clave I ntelectual, 2015. 263 p.

Colomer, J. La transición a la democracia. El modelo español. Barcelona: Anagrama, 1998. 192 p.

Domenech Sampere X. Tempus fugit. Las memorias de la transición // *Mientras tanto*, 2007, No. 104-105, pp.151-157.

Elordi, C. Quienes mandad de verdad en España? Barcelona: Roca Editorial de Libros, S.L., 2013. 139 p.

España. El final de una época. Madrid: Libroslibres, 2009. 268 p.

Grimaldos, A. La sombra de Franco en la transición. Madrid: Oberon, 2004. 380 p.

Ispaniya, 1918-1972. I storicheskiy ocherk (Spain, 1918-1972. Outline of History). Moscow: Nauka, 1975. 495 p.

Khenkin, S.M. I spaniya v polose turbulentnosti (Spain in Turbulence) // *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2012, No. 4, pp. 71-81.

Khenkin, S.M. Politika pakta: ispanskiiye illustracii (Politics of Pact: Spanich I llustrations) // *Polis (Politicheskiiye issledovaniya)*, 1996, No. 5, pp. 129-135.

La España que necesitamos. Del 20 N a 2020. Madrid: Almuzara S.A., 2011. 806 p.

La transición española. Nuevos enfoques para un viejo debate / Madrid: Biblioteca Nueva, 2016. 355 p.

Los partidos en la transición. Las organizaciones políticas en la construcción de la democracia española. Madrid: Biblioteca Nueva, S.L., 2013. 423 p.

Molinas, C. Que hacer con España. Del capitalismo castizo a la refundación de un país. Barcelona: Ediciones Destino, S.A.P. 301 p.

Monedero, J.C. La transición contada a nuestros padres. Nocturno de la democracia española. Madrid: Catarata, 2011. 230 p.

Moran, G. El precio de la transición. Barcelona: Planeta, 1991. 254 p.

Moreno, M.; I lluega, H. Por un nuevo proyecto de país. Madrid: El Viejo Topo, 2015. 247 p.

Navarro, V. Bienestar insuficiente, democracia incompleta. Sobre lo que no se habla en nuestro país. Madrid: Anagrama, 2002. 216 p.

Papel, A. Elogio de la transición. Madrid: Ediciones Akal, S.A., 2016. 157 p.

Powell, Ch. España en democracia, 1975-2000. Barcelona: Plaza & Janes Editores, S.A, 2001. 685 p.

Pradera, J. La Transición española a la democracia. Edición e introducción de Joaquín Estefanía. Madrid: Fondo de Cultura Economica de España, 2014. 164 p.

Sistema político español. Barcelona: Huygens Editorial, 2012. 395 p.

Sovremennaya I spanya (Modern Spain). Moscow: Politisdat, 2013. 383 p.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-1-124-135>

SPAIN: PROBLEMS OF CONSOLIDATED DEMOCRACY IN A COMPARATIVE HISTORICAL CONTEXT

Sergey M. Khenkin

MGIMO University, Moscow, Russia

Article history: <i>Received:</i> 14 April 2017 <i>Accepted:</i> 11 November 2017	Abstract: Present-day Spanish society is suffering from political institutional crisis raising vivid cutting-edge discussions on its sources. Widely spread is the viewpoint blaming the actors of the transition who laid the foundation of the current political system in the second half of 1970s – first half of 1980s. Such an approach demonstrates radical reevaluation of values since until quite recently the dominating belief in the public conscience in Spain and beyond treated the Spanish transition as a model type within the third wave transition framework. The author does not agree with the negative appraisal of the transition which allowed Spain not only to avoid a new civil war but to set up the regime of representative democracy for the first time in its history. The transition politics certainly had weaknesses and limitations. The successor political actors had the opportunities to remedy the situation by changing the legislation and practices but they did not do it since ruling as usual was easier. At the same time the Spanish transition experience compared to the present-day reality proves that even successful decisions work only for some time. New stages of societal development demand the correction of previous and development of new pragmatic solutions taking national interests into account. The issues which were not dominating the political discourse at the time of the transition and seemed to be solved (like monarchy vs. republic, conflict between staunch Catholics and secularists, evaluation of the past) were brought to the center of political struggles many years after. The author concludes that it is incorrect to define the direct relation between the modern problematic zones of the Spanish society and the policy at the time of democratic transition.
About the author: Dr. of History, Professor, Department of Comparative Politics, MGIMO University e-mail: sergkhenkin@mail.ru	
Key words: Spain; Francoist dictatorship; transition to democracy; democratic consolidation; political party; Moncloa Pacts; constitution; «built-in destabilizers»	

Для цитирования: Хенкин С.М. Испания: проблемы консолидированной демократии в сравнительно-историческом контексте // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 1. – С. 124-135.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-124-135

For citation: Khenkin, Sergey M. Spain: Problems of Consolidated Democracy in a Comparative Historical Context (Spain: Problems of Consolidated Democracy in a Comparative Historical Context) // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 1, pp. 124-135.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-124-135

ФАКТОРЫ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ЛЕВЫХ ПАРТИЙ ПО ПРОБЛЕМЕ ИММИГРАЦИИ

Айдар Зуфарович Зиннатуллин

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия*

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 15 марта 2017 <i>Принята к печати:</i> 11 ноября 2017	Аннотация: В статье рассматриваются факторы, которые влияют на изменение левыми партиями своих предвыборных позиций по проблеме иммиграции. Изучение характерной для крайне правых партий темы в позиционировании их конкурентов с левого фланга политико-идеологического спектра является не самым традиционным явлением в зарубежной и отечественной политической науке. Автор ставит цель рассмотреть влияние различных эндогенных и экзогенных факторов не только на занятие социал-демократическими партиями, «новыми левыми» и «зелеными» определенных позиций по проблемному измерению, но и на придание ими значимости проблеме иммиграции в своих предвыборных программах. Основное внимание уделяется таким факторам, как доля мигрантов в общей численности населения страны, сила крайне правой партии, электоральная конкуренция, нишевость партии, характер партийной организации, рассматриваемый в контексте отношений лидеров и активистов. Влияние регрессоров на зависимые переменные анализируется на примере наблюдений по партиям из 10 стран Западной Европы. Интересующий автора период включает временной промежуток с середины 1970-х гг. по 2010-е гг. Для выявления связи между переменными используется метод регрессионного анализа. В начале статьи приводится краткий обзор наиболее важных работ, которые перекликаются с темой статьи. Далее автор выдвигает 5 гипотез. После этого описывается методология исследования. В конце статьи представлены результаты проведенного анализа, а также вопросы, которые требуют дополнительного изучения. Автор приходит к выводу, что лежащие в основе процесса позиционирования партий по проблеме иммиграции факторы сводятся к особенностям внутрипартийной организации и связанной с ней реакцией на конкуренцию со стороны других участников межпартийного соревнования. Данное исследование показало, что «нишевость» партий с левого фланга политико-идеологического спектра проявляется в их нежелании концентрировать внимание на «чужих» темах, а в случае необходимости такой концентрации – в выражении мнения, отличающегося от риторики крайне правых партий. Социал-демократические партии, в которых партийные лидеры доминируют над активистами, склонны выступать менее прямолинейно, с одной стороны, не отпуская далеко от себя соседей по флангу, с другой – демонстрируя ориентацию на максимизацию голосов избирателей.
Об авторе: аспирант, Кафедра политологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет e-mail: aidar.zinnatulla@gmail.com	
Ключевые слова: политические партии; социал-демократы; партии «новой волны»; позиционирование политических партий; шкала левые-правые; проблема иммиграции	

Введение

Проблема иммиграции становится одной из актуальнейших тем политического процесса стран Западной Европы. Политические партии в ходе электоральной конкуренции вынуждены выражать собственную позицию по этой проблеме, зачастую отказываясь от изначальных идеологических ценностных ориентаций. Это явление вызывает интерес в наибольшей

степени в контексте партий с левого фланга политико-идеологического спектра, к коим можно отнести социал-демократов, «новых левых», «зеленых». Последние два типа партий в литературе именуются нишевыми или партиями «новой волны»¹. Их форми-

¹ Последнее название не является распространенным в западной политической науке, однако на русском языке подобную характеристику можно встретить в ряде работ.

рование начинается в конце 1970-х – начале 1980-х годов². Развитие этих партий связано с возникновением в 1960-е годы новых социальных движений, которые акцентировали внимание на отстаивании и реализации постматериалистических ценностей и которые стали одним из проявлений постиндустриального общества. Именно в этот период громко о себе заявляют разнообразные экологические, коммунитаристские, ЛГБТ-сообщества и прочие движения. Одновременно с этим происходит падение престижа классических всеохватных партий, которые в погоне за правительственными постами перестали отражать интересы граждан.

«Тихая революция» постматериализма, выразившаяся в появлении «новых левых» и «зеленых» сменилась «тихой контрреволюцией» крайне правых, создав тем самым новый раскол в европейской политике. Х. Китцельт определяет его как дихотомию левые-либертарные/правые-авторитарные (*left-libertarian/right-authoritarian*)³. Л. Хьюдж, Г. Маркс и К. Уилсон говорят об измерении политической конкуренции по линии «Зеленые-альтернативные-либертарные – Традиционные-авторитарные-националисты» (*Green-Alternative-LibertarianvsTraditional-Authoritarian-Nationalist*)⁴. С. Борншиер, в свою очередь, обозначает этот процесс как столкновение либертарианско-универсалистских и авторитарно-коммунитаристских ценностей и представлений⁵. Как отмечают Д. Кейт и

Ф. МакГоуан, во всех этих характеристиках культурного разделения вопросы отношения к мигрантам были и остаются одними из центральных⁶. В этой связи возникает вопрос о том, какие факторы способствуют занятию партиями с левого фланга политико-идеологического спектра – социал-демократов, «новых левых» и «зеленых» – позиций по проблеме иммиграции?

Анализ состояния исследуемого вопроса

Несмотря на одновременную важность и очевидность этого вопроса, в современной политической науке работы по данной теме не отличаются многочисленностью. Можно выделить ряд работ, которые рассматривают различные аспекты позиционирования партий «зеленых», «новых левых» и некоторых других нишевых партий. Для начала мы остановим внимание на том, что подразумевается под «нишевой партией» в современной литературе. Далее рассмотрению подвергнутся работы, в которых изучаются различные аспекты позиционирования «зеленых» и «новых левых», а также факторы, влияющие на этот процесс.

В последние годы активной рефлексии подвергается концепция «нишевой партии», которой посвящены работы западных политологов. Подходы к определению этого типа партий серьезно различаются. Некоторые авторы, в частности, Б. Мегуид⁷ и М. Вагнер⁸, Дж. Адамс, М. Кларк и другие⁹ делают акцент на своеобразном противопоставле-

² Соловей Т.Г. Институциональная трансформация современных политических партий, 2009. Режим доступа: <http://www.elib.bsu.by/bitstream/123456789/89019/1/3.PDF> [Solovey, T. Institucional'naya transformaciya sovremennyh politicheskikh partij (Institutional Transformation of Modern Political Parties), 2009. Mode of access: <http://www.elib.bsu.by/bitstream/123456789/89019/1/3.PDF>]

³ Kitschelt, H. Diversification and Reconfiguration of Party Systems in Postindustrial Democracies, 2004. Mode of access: <http://library.fes.de/pdf-files/id/02608.pdf>

⁴ Hooghe, L.; Marks, G.; Wilson, C. Does Left/Right Structure Party Positions on European Integration? 2002. Mode of access: <http://www.cesruc.org/uploads/soft/130221/1-130221191A6.pdf>

⁵ Bornschier, S. The New Cultural Divide and the Two-Dimensional Political Space in Western Europe, 2010. Mode of access: [http://www.zora.](http://www.zora.uzh.ch/41247/1/wep_bornschier.pdf)

[uzh.ch/41247/1/wep_bornschier.pdf](http://www.zora.uzh.ch/41247/1/wep_bornschier.pdf)

⁶ Keith, D.; McGowan, F. Radical Left Parties and Immigration Issues, 2014. Mode of access: <https://www.sussex.ac.uk/webteam/gateway/file.php?name=working-paper-132.pdf&site=266>

⁷ Meguid, B. Competition Between Unequals: The Role of Mainstream Party Strategy in Niche Party Success // *Annual Political Science Review*, 2005, Vol. 99. No. 3, pp. 347-359.

⁸ Wagner, M. Defining and Measuring Niche Parties // *Party Politics*, 2011, Vol. 18, No. 2, pp. 845-864.

⁹ Adams, J.; Clark, M.; Ezrow, L.; Glasgow, G. Are Niche Parties Fundamentally Different from Mainstream Parties? The Causes and the Electoral Consequences of Western European Parties' Policy Shifts, 1976-1998 // *American Journal of Political Science*, 2006, Vol. 50, No. 3, pp. 513-529.

нии «нишевых» (экологические, крайне правые, новые левые) и так называемых «мэйн-стримных» партий. При этом «нишевость» представляется указанным авторам постоянной переменной, которая не способна варьироваться на протяжении времени. Так, например, партии «зеленых» будут нишевыми при любых обстоятельствах, тогда как социал-демократические партии будут отнесены к мэйн-стримным политическим силам. Важное отличие наблюдается разве что по вопросу того, включать экономическое измерение в определение нишевости или нет. Поэтому, например, коммунистические партии относятся, по мнению Дж. Адамса и соавторов, к нишевым, тогда как Б. Мегуид и М. Вагнер отказываются так считать.

Д. Бишоф, предлагая собственную методику подсчета нишевости партии, также исходит из теоретических посылок, согласно которым главную роль в определении этого типа партии играет отстаиваемая ей проблематика¹⁰. Рассматривая политический процесс через призму теории маркетинга, автор отмечает наличие в каждой партийной системе разнообразных сегментов. Традиционные сегменты характеризуются тем, что в их рамках конкурируют несколько партий. «Нишевые» сегменты, в свою очередь, ассоциируются с определенными партийными семьями, в результате чего они игнорируются иными участниками межпартийного соревнования. По мнению Д. Бишофа, в рамках европейских партийных систем во второй половине XX века подобными «нишевыми» сегментами выступали следующие проблемные измерения: экологический, аграрный, региональный, крайне правый и евроскептицизм. Эти, казалось бы, совершенно разные проблемные измерения имеют общее основание, которое позволяет относить их к «нишевым» сегментам. Дело в том, что они долгое время находились на периферии электоральной

конкуренции. Это происходило до того момента, пока не появились соответствующие партии (экологические, аграрные, региональные, крайне правые и евроскептики) и не актуализировали указанные проблемные измерения¹¹. Не вдаваясь в детали методики определения «нишевости» партии, отметим, что Д. Бишоф предлагает сразу два индикатора – собственно «нишевости» и специализации партии на вышеназванных пяти сегментах. Соответствующие расчеты проводятся на основе базы данных «Проекта по сравнительному изучению партийных манифестов».

Т. Мейер и Б. Миллер не соглашаются с вышеприведенными подходами и отмечают, что «нишевость» партии не должна подразумевать дихотомического противопоставления. Неточное измерение этой характеристики, по их мнению, затрудняет возможность адекватного эмпирического анализа, приводя к смещенности и несостоятельности оценок при соответствующем анализе данных¹². Авторы, следуя за Дж. Сартори, при определении нишевости партии предлагают делать акцент на ее наиболее существенных характеристиках, намеренно сужая возможные параметры анализа. В результате авторы предлагают собственное – весьма простое – определение нишевой партии. Ей должна считаться та партия, которая делает акцент на иных измерениях партийной конкуренции, чем те, которые используют ее соперники в процессе электоральной конкуренции¹³. В данном случае не имеет значение конкретная тематика, которой придерживается партия. Ключевым моментом является сам факт предложения уникальной предвыборной программы, которая отличается от манифестов других политических партий. Т. Мейер и Б. Миллер предлагают методику измерения партийной «нишевости», которая носит непрерывный характер, в отличие от предыдущих дихотомических классификаций, и не ограничивается какими-то отдельными темами (иммиграция или защита окружаю-

¹⁰ Bischof, D. Towards a Renewal of the Niche Party Concept: Parties, Market Shares and Condensed Offers, 2015. Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/277010804_Towards_a_Renewal_of_the_Niche_Party_Concept_Parties_Market_Shares_and_Condensed_Offers

¹¹ Ibid.

¹² Meyer, T.; Miller, B. The Niche Party Concept and Its Measurement // *Party Politics*, 2015, Vol. 21, No. 2, p. 260.

¹³ Ibid. P. 261.

щей среды). Опуская подробности подсчета индекса нишевости, отметим лишь, что подход этих исследователей основывается на базе данных «Проекта по сравнительному изучению партийных манифестов».

Отметим, что в данной работе при оценке базовой спецификации модели влияния интересующих нас факторов на позиционирование партий по проблеме иммиграции мы используем подход, предложенный Т. Мейером и Б. Миллером. Минималистическое определение нишевой партии, на наш взгляд, является наиболее полезными для понимания процесса электоральной конкуренции в рассматриваемом контексте. Делая акцент на определении нишевой партии Т. Мейера и Б. Миллера, мы избегаем простой идеологической дихотомии «нишевые – мейнстримные партии», которая присуща другим подходам. К тому же рассматриваемый подход подразумевает то, что социал-демократические, «новые левые» и «зеленые» партии могут отражать в своих программах темы, изначально «принадлежащие» другим партиям (например, проблема иммиграции в дискурсе крайне правых партий). С теоретической точки зрения, это открывает путь для анализа интересующей нас проблемы.

Далее необходимо обратить более пристальное внимание на содержательные аспекты рассматриваемой проблемы, в том числе и процесс позиционирования партий. Так, Т. Абу-Чади в своей работе исследует влияние крайне правых партий и «зеленых» на позиционирование т.н. «мейнстримных» партий¹⁴. Автор отмечает, что успех крайне правых приводит к занятию умеренными партиями (в особенности, с правого фланга политико-идеологического спектра) протекционистских по отношению к национальной культуре позиций, а также к актуализации антииммигрантской риторики. При этом данное явление не так сильно характерно для левоцентристских партий, в отличие от правоцентристов. Кроме того, успех нишевых

партий не всегда приводит к дополнительной политизации определенной проблемы. Пример с партиями «зеленых», согласно результатам исследования Т. Абу-Чади, свидетельствует о том, что тема экологии не стала для мейнстримных партий столь привлекательной, как тема иммиграции. Это связано с тем, что «зеленые» выступают в качестве безусловных «экспертов» в данном вопросе, и мейнстримные партии предпочитают не конкурировать с ними в этом направлении.

Отношение к иммиграции в контексте электоральной конкуренции мейнстримных и крайне правых партий подверглось анализу в работе Т. Аккермана¹⁵. Автор предлагает рассматривать иммиграционное измерение партийной конкуренции более детально, подразделяя его на две большие категории – иммиграция и интеграция. Первая категория подразделяется на пять направлений: рабочая иммиграция, доступ к гражданству, предоставление убежища, воссоединение семей и нелегальная иммиграция. Вторая категория состоит из трех составных частей: траектории интеграции, предоставление социальных прав и отношение к религии/исламу. Т. Аккерман посредством подробного изучения позиций партий по вопросам иммиграции и интеграции пришел к выводу, что либеральные партии, в отличие от консерваторов и христианских демократов, в большей степени склонны реагировать на вызов, поступающий с крайне правого фланга, и двигаются в его направлении. Однако это происходит до той поры, пока крайне правые представляются избирателям привлекательной политической силой. Социал-демократы, в свою очередь, склонны реагировать на вызовы со стороны крайне правых в меньшей степени. Более того, их движение вправо может происходить независимо от того, какую роль играют партии с радикальными лозунгами.

Заслуживает отдельного упоминания работа С. Алонсо и С. Кларо да Фонсека, в которой авторы анализируют позиции

¹⁴ Abou-Chadi, T. Niche Party Success and Mainstream Party Policy Shifts – How Green and Radical Right Parties Differ in Their Impact // *British Journal of Political Science*, 2016, Vol. 46, Issue 2, pp. 417-436.

¹⁵ Akkerman, T. Immigration Policy and Electoral Competition in Western Europe: A Fine-Grained Analysis of Party Positions over the Past Two Decades // *Party Politics*, 2015, Vol. 21, No. 1, pp. 54-67.

по вопросам иммиграции умеренных центристских партий, в том числе и социал-демократов, в ситуациях, когда им приходится конкурировать с крайне правыми и не делать этого¹⁶. Авторы делают вывод о том, что с 1970-х годов важность вопросов иммиграции в партийной риторике демонстрирует восходящий тренд. Эта тенденция в Западной Европе носит повсеместный характер, несмотря на наличие либо отсутствие электорального успеха у крайне правых партий. Кроме того, присутствие в партийной системе крайне правой партии, активно выступающей с шовинистических позиций по вопросам социальной и экономической политики, приводит к тому, что левоцентристские партии начинают более критично выступать по вопросам иммиграции. Работа С. Алонсо и С. Кларо да Фонсека также примечательна тем, что в ней предлагается методика определения партийных позиций по вопросам иммиграции на основе базы данных «Проекта по сравнительному изучению манифестов», которая легла в основу нашего исследования.

Несмотря на активное в последнее время изучение феномена «зеленых» и «новых левых» партий, от исследовательского внимания ускользнуло то, какое влияние на позиционирование партий оказывают нишевость (по Б. Миллеру и Т. Мейеру, степень отличия от других партий в отстаивании проблем в ходе межпартийного соревнования), конкуренция со стороны других партий, а также характер внутрипартийной организации. В рамках этой работы мы рассмотрели вышеназванные аспекты.

Гипотезы

Позиционирование социал-демократических партий, «новых левых» и «зеленых» неразрывно связано с тем, каким образом выстраивается внутриорганизационное управление и коммуникация между лидерами партий и ее членами. В литературе отмечается, что крайне правые партии, также относящиеся к нишевым практически по

всем рассмотренным выше определениям, отличаются сильной позицией лидеров, харизма которых зачастую выступает в качестве важнейшего ресурса партии в ходе электоральной конкуренции¹⁷. Партии с левого фланга политико-идеологического спектра в этом смысле отличаются более демократичной моделью принятия политических решений. Система сдержек и противовесов в структуре подобных организаций построена таким образом, что активисты и члены партии имеют возможность наказывать лидеров партии в случае их отклонения от согласованного партийного курса.

В политической науке в последние десятилетия ведутся дебаты относительно того, насколько подвержены изменениям отношения между лидерами партий и их членами. Доминирующим по вопросу об изменчивости внутрипартийных отношений является мнение, согласно которому, будучи институциональным фактором, партийная организация не меняется часто и стремительно в течение продолжительного временного периода¹⁸. Г. Шумахер, ссылаясь на работы Л. Билли и Р. Катца и П. Мэйра, отмечает, что все существенные изменения в структуре европейских партий произошли до середины 1970-х годов. К. Ланделл, который в своей работе акцентирует внимание на факторах, обуславливающих территориальную централизацию/децентрализацию выбора партийных кандидатов на выборах, за более близкий к сегодняшнему дню временной период – с 1981-го по 2000 год¹⁹, также исходит из того, что партийная организация выступает в качестве фактора, мало подвергающегося быстрым и радикальным изменениям.

Очевидно, что проблема позиционирования социал-демократических, «зеленых»

¹⁶ Alonso S., Claro da Fonseca S. Immigration, left and right // *Party Politics*, 2011, Vol. 18, № 6, pp. 865-884.

¹⁷ Taggart, P. The Populist Turn in the Politics of the New Europe, 2003. Mode of access: <http://aei.pitt.edu/2962/1/165.pdf>

¹⁸ Schumacher, G.; De Vries, C.; Vis, B. Why Political Parties Change Their Positions: Enviromental Incentives & Party Organization // *The Journal of Politics*, 2013, Vol. 75, No. 2, p. 467.

¹⁹ Lundell, K. Determinants of Candidate Selection. The Degree of Centralization in Comparative Perspective // *Party Politics*, 2004, Vol. 10, No. 1, pp. 25-47.

и «новых левых» партий должна рассматриваться сквозь призму их организационных особенностей. Процесс принятия политических решений вместе с вопросами подотчетности способны объяснить стратегические и тактические действия партии в ходе электоральной и шире – политической – конкуренции²⁰. Как отмечают Г. Шумахер, К. Де Ври и Б. Вис, партии, в которых наблюдается доминирование активистов над лидерами, склонны в меньшей степени реагировать на изменения в общественном мнении, вместо этого ориентируясь на идеологические постулаты и ценностные ориентации членов партии.

В связи с этим мы полагаем, что левые партии, отличающиеся подобным организационным устройством, не склонны поддаваться доминирующим настроениям неприятия иммигрантов.

Гипотеза 1 – Доминирование активистов в структуре партийной организации влияет на положительное отношение левых партий к проблеме иммиграции.

Следующие две гипотезы являются взаимосвязанными и вытекают из предыдущего предположения. «Новые левые», «зеленые» и социал-демократические партии, в которых лидеры партии не занимают господствующего положения, стремятся продемонстрировать свое отличие от крайне правых и рассматривают явление иммиграции как определенное преимущество для дальнейшего развития общества, выражая одобрительное отношение к обоснованию на территории страны граждан других государств.

Гипотеза 2 – Доминирование партийных активистов над лидерами партии в ситуации успеха крайне правых характеризуется акцентом левых партий на проиммигрантской позиции.

Гипотеза 3 – Увеличение доли иностранцев в общей численности населения страны ведет к занятию левыми партиями проиммигрантской позиции.

В свою очередь, «нишевость» партии – ее стремление отличаться от других участников электоральной конкуренции (по Т. Мейе-

ру и Б. Миллеру) – подразумевает нежелание фокусировать внимание на проблемах, которые в большей степени играют на руку конкурентам по избирательной кампании. Теория профилирования проблем говорит о том, что партии делают акцент на тех вопросах, которыми они «владеют»²¹. В случае необходимости выразить свое отношение к подобной проблеме, «нишевые» партии, по нашему предположению, стремятся не походить на своих конкурентов с крайне правого фланга политико-идеологического спектра, выражая положительное отношение к иммиграции. Исходя из этого, мы формулируем следующие две гипотезы.

Гипотеза 4а – Чем более «нишевой» является партия с левого фланга, тем в большей степени она пытается не заострять внимание на проблеме иммиграции в своей предвыборной программе.

Гипотеза 4б – Чем более «нишевой» является партия с левого фланга политико-идеологического спектра, тем более проиммигрантские позиции она занимает.

В контексте позиционирования левых партий по вопросам иммиграции нам кажется важным изучить и то, как партии реагируют на состояние электоральной конкуренции. Нами сознательно отобраны страны, в которых действуют пропорциональная избирательная система (за небольшим исключением), которая способствует появлению новых акторов на электоральном поле. В связи с этим вызывает интерес то, какое значение имеет для конкурентного позиционирования левых партий изменение количества конкурентов в ходе выборов. Мы склонны ожидать то, что рассматриваемыми нами партиями (независимо от того социал-демократические они или «новые левые»/«зеленые») в случае усиления конкуренции на выборах предпринимается попытка обозначить свое отличие от других участников межпартийного соревнования. Делается это, в том числе, посредством заня-

²⁰ Kitschelt, H. The Transformation of European Social Democracy. London: Cambridge University Press, 1994. P. 207.

²¹ См.: Belanger, E.; Meguid, B. Issue Salience, Issue Ownership, and Issue-Based Vote Choice // *Electoral Studies*, 2008, No. 27, pp. 477-491; Petrocik, J. Issue Ownership in Presidential Elections, with a 1980 Case Study // *American Journal of Political Science*, 1996, Vol. 40, No. 3, pp. 825-850.

тия проиммигрантских позиций. В данном случае мы отталкиваемся от предположения, что в условиях реальной конкуренции между тремя и более акторами политические партии вынуждены занимать отличающиеся от доминирующего в общественном мнении отношения к определенным проблемам позиции, стремясь заручиться поддержкой отдельных групп избирателей, а не всего электората. Учитывая, что социал-демократические партии зачастую имеют в своей структуре прогрессистское крыло, близкое по своим воззрениям к «зеленым» и «новым левым», эти партии не стремятся двигаться в фарватере консервативных и правых партий по вопросам иммиграции. В итоге это оборачивается тем, что левые партии в целом занимают проиммигрантские позиции в случае усиления электоральной конкуренции.

Таким образом, нами выдвигаются следующая гипотеза, требующая проверки на основе эмпирических данных.

Гипотеза 5 – В ситуации увеличения электоральной конкуренции левые партии склонны занимать более проиммигрантские позиции.

Операционализация переменных

Мы рассматриваем выдвинутые гипотезы на примере собранной нами базы данных по переменным, относящимся к партиям из 10 стран с демократическим политическим режимом с середины – второй половины 1970-х по 2010-е годы: Австрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Нидерланды, Норвегия, Финляндия, Швейцария, Швеция. Критериями, в соответствии с которыми выбор пал именно на эти страны, являются действующая в них избирательная система, а также наличие влиятельной крайне правой партии, занявшей антииммигрантскую нишу. Так, нами рассматриваются партии из стран, в которых установлена пропорциональная избирательная система. Исключением является Германия, в которой действует смешанная избирательная система, и Ирландия с системой единого передаваемого голоса. Основанием для включения в массив наблюдений немецких и ирланд-

ских политических партий является то, что смешанная система и система единого передаваемого голоса способствуют пропорциональному представительству предпочтений избирателей в отношении политических партий. Благодаря этому партии самого разного идеологического направления и размера могут быть представлены в парламенте²². Решение отказаться от Франции, в которой имеется как мейнстримная левая партия, так и отличающаяся относительным электоральным успехом партия «зеленых», обусловлено во многом особенностями избирательной системы. Мажоритарная система абсолютного большинства, действующая во Франции, приводит к диспропорциональным результатам распределения мест в парламенте. Она способствует выработке партиями центристских позиций по актуальным для всего общества проблемам. В связи с этим крайне правая партия «Национальный Фронт» выступает на национальных выборах в парламент, как правило, неудачно. В выборку не попали такие страны, как Испания и Бельгия, избирательные системы которых отличаются пропорциональным распределением голосов избирателей. В Испании крайне правые партии не оказали существенного влияния на состояние партийной системы ввиду особой актуальности раскола «центр-периферия», что находит отражение на доминирующем в стране политическом дискурсе, в котором антииммигрантская повестка задвинута на задний план. Бельгия по этой причине не рассматривается нами во многом по схожей причине. Здесь регионализация партийной системы сказалась на характере электоральной конкуренции внутри каждого из лингвистических сообществ. Если в Валлонии все еще большую актуальность представляет традиционное измерение «левые-правые», то во Фландрии вопросы этноцентризма играют более заметную роль²³. Итальянские политические партии

²² Reynolds, A.; Reilly, B.; Ellis, A. Electoral System Design: The New International IDEA Handbook. Mode of access: <http://www.citizensassembly.gov.on.ca/en-CA/docs/Intermediate/IDEA%20Handbook.pdf>

²³ De Winter, L.; Swyngedouw, M.; Dumont, P. Party System(s) and Electoral Behavior in Belgium:

не попали в фокус внимания из-за того, что в 1990-е годы в стране произошел упадок партийной системы, существовавшей в стране с конца Второй мировой войны. Преемственность партийных организаций после 1994 года прослеживается с большим трудом.

Временное измерение анализа (1970-е – 2010-е годы) выбрано нами потому, что в 1970-е годы новые партии, выросшие из социальных движений, становятся заметными акторами в процессе электоральной конкуренции, изменяя партийные системы западноевропейских стран. Произошедшие во второй половине XX столетия трансформации в ценностных установках западного общества привели к размыванию традиционных форм солидарности и политического поведения. Конфликт между материалистическими и постматериалистическими ценностями, проявившийся впервые в 1970-е годы, представляет собой, по словам Р. Инглхарта и К. Вельцеля, одно из главных изменений, которое произошло в массовом сознании западных обществ²⁴. Заявившее о себе в этот период времени разнообразные экологические, коммунитаристские и прочие движения быстро прошли процесс институционализации и стали неотъемлемой частью партийной системы своих стран. Одновременно с этим произошла актуализация новых расколов во внутренней политике европейских стран. Так, «тихая революция» постматериализма, выразившаяся в появлении партий т.н. «новой волны», сменилась «тихой контрреволюцией» крайне правых. Кроме того, именно в 1970-е годы актуализировалось измерение, связанное с поддержкой существующего в стране режима, и внешнеполитическое измерение. Последнее в настоящее время представляет собой отношение западноевропейских по-

литических партий к вопросам интеграции в рамках Европейского союза. Изначально данное проблемное измерение подверглось заметной актуализации во время обсуждения того, как необходимо относиться к коммунистическим взглядам европейских социалистических партий в 1960-1980-е годы. Проблемное измерение «поддержка режима» также связано с европейским движением «новых левых», которое позволяло себе использовать в своей риторике радикальные лозунги, ставящие под вопрос существование демократических режимов в Западной Европе²⁵. Изменения 1970-1980-х годов продолжают оказывать влияние и на современные партийные системы рассматриваемых стран. Именно поэтому конец временного измерения анализа не имеет четкой даты. В данном случае мы отталкиваемся от наличия данных по позициям партий за наиболее близкий к нам год выборов.

Необходимо также представить критерии, в соответствии с которыми мы отобрали политические партии. Во-первых, позиции этих партий должны быть представлены в базе данных «Проекта по сравнительному изучению партийных манифестов». Во-вторых, это партии, относящиеся к левому флангу политико-идеологического спектра. Сюда входят не только социал-демократы²⁶, но и «зеленые» и разнообразные левые политические партии, которые берут свое начало после 1960-1970-е годы²⁷. Эти органи-

From Stability to Balkanisation // *Western European Politics*, 2006, Vol.29, No. 5, p. 953.

²⁴ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. – М.: Новое издательство, 2011. – С. 39. [Inglehart, R.; Welzel, K. *Modernizaciya, Kulturnye Izmeneniya i Demokratiya: Posledovatelnost chelovecheskogo razvitiya* (Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence). Moscow: Novoe izdatelstvo, 2011. P. 39.]

²⁵ March, L.; Rommerskirchen, C. Out of Left Field? Explaining the Variable Electoral Success of European Radical Left Parties // *Party Politics*, 2015, Vol. 21, No. 1, p. 41.

²⁶ В массив наблюдений нами включена Коммунистическая партия Греции, потому что она представляет важность для национальной партийной системы, наряду с левоцентристской партией ПАСОК. В своей риторике коммунисты Греции выступают за объединение усилий греческих и иностранных рабочих, чтобы побороть пагубность капитализма. Кроме того, в ее структуре не раз возникали конфликты между крылом, тяготевшим к позиции европейских «новых левых», и традиционалистским ответвлением, настаивающем на важности сохранения повестки, которая связана с трудовыми правами.

²⁷ Социалистическая партия Нидерландов (SP Socialist Party) рассматривается нами уже пос-

зации периодически появлялись и исчезали в рассматриваемых странах в течение интересующего нас периода. Отбирая в качестве наблюдений «зелёных» и «новых левых», мы включаем в список те партии из левого фланга политико-идеологического спектра, которые могут оказывать влияние на мейнстримных левых посредством отстаиваемой проблематики и внутриорганизационными особенностями. Эти партии зачастую выступают в качестве альтернативы мейнстримным социал-демократам, которые стали составной частью политического истеблишмента. В общей сложности подверглись наблюдению изменения позиций 31 партии²⁸.

В данной работе рассматриваются две основные спецификации модели, в которых различаются зависимые переменные. Одной из них является позиция по вопросам иммиграции, другой – значимость, которую придают партии этой проблеме.

В базе данных «Проекта по сравнительному изучению партийных манифестов» имеется несколько пунктов, которые дают возможность выстроить отдельное измерение электоральной конкуренции, отражающее партийные позиции по проблеме иммиграции. Мы следуем методике С. Алонсо и С. Кларо да Фонсека, которые предложили обратить внимание на следующие 3 категории, «относящиеся к этноплюралистической доктрине»²⁹. Во-первых, это *«негативное отношение к мультикультурализму»*, определяемое через подсчет программных тезисов о важности культурной интеграции и отрицания позитивных сторон мультикультурализма. Во-вторых, как отмечают авторы, об анти-иммигрантской направленности партии может утверждать такая категория, как *«позитивное отношение к национальному пути»*. Эта категория рассматривается в

виде патриотической и/или националистической риторики, а также позитивной оценки ограничения некоторых прав и свобод в пользу усиления государственной власти. В-третьих, категорией, которая подразумевает неблагоприятное отношение к иммигрантам, может являться *«закон и порядок»*. Здесь имеется в виду не только такие очевидные, на первый взгляд, явления, как исполнение всех законов, деятельность по предотвращению преступности, поддержка действий полиции, но и негативное отношение к нелегальной иммиграции, поддержка жесткой и активной борьбы с нею.

С. Алонсо и С. Кларо да Фонсека также выделяют две содержащиеся в базе данных «Проекта по сравнительному изучению партийных манифестов» категории, выражающих положительное восприятие иммиграции. В первую очередь, они отмечают *«позитивное отношение к мультикультурализму»*. Эта категория обозначает сохранение культурного многообразия, поощрение автономии религиозного, лингвистического наследия, в том числе, путем принятия специальных законов в социальной и культурной сфере. Важность также представляет категория *«непривилегированные группы меньшинства»*. Здесь подразумевается позитивное отношение к непривилегированным меньшинствам. При этом их определение не происходит по экономическому или по демографическому признаку. Речь идет о лицах с ограниченными физическими возможностями, иммигрантах, ЛГБТ-сообществах и т.д.³⁰. Причем, как специально отмечают С. Алонсо и С. Кларо да Фонсека, обычно под «непривилегированными группами меньшинств» в партийных программах в первую очередь подразумеваются иммигранты, вслед за ними идут лица с ограниченными возможностями, а дальше – все остальные³¹.

Для формирования специальной шкалы, по которой можно определить пози-

ле ее отказа от марксистско-ленинской идеологии, что произошло в 1994 году.

²⁸ Список партий представлен в онлайн-приложении Режим доступа: <https://zinnatullin.wordpress.com/2016/09/10/1/> [List of parties is presented in online-appendix for the article. Mode of access: <https://zinnatullin.wordpress.com/2016/09/10/1/>]

²⁹ Alonso, S.; Claro da Fonseca S. Immigration, Left and Right // *Party Politics*, 2011, Vol. 18, No. 6, p. 871.

³⁰ Volkens, A. Manifesto Coding Instructions (Second Revised Edition), 2002. Mode of access: <http://www.poltext.org/sites/poltext.org/files/iii02-201.pdf>

³¹ Alonso, S.; Claro da Fonseca S. Immigration, Left and Right // *Party Politics*, 2011, Vol. 18, No. 6, p. 872.

ции партий по отношению к иммиграции, С. Алонсо и С. Клара да Фонсека вычитают из показателей положительного отношения к иммиграции отрицательные (в базе данных представлены процентные данные о важности каждой категории)³². Эту же методику мы используем в данной статье.

Позиция по вопросам иммиграции = Про-иммиграция – Анти-иммиграция

Показатели могут варьироваться от 100, если программа партии полностью посвящена позитивному отношению к иммиграции, до –100 в противном случае.

Вместе с этим мы решили также использовать в качестве зависимой переменной показатель значимости проблемы иммиграции для рассматриваемых партий. Для этого анти-иммигрантские и про-иммигрантские высказывания в программах партий суммируются.

Значимость проблемы иммиграции = Про-иммиграция + Анти-иммиграция

В данном случае возможные показатели будут варьироваться от 0 до 100 процентов.

Наша модель включает в себя несколько независимых переменных.

Доля иммигрантов в общей численности населения страны в год выборов³³. Соответствующая информация получена из базы данных Организации экономического сотрудничества и развития.

Сила крайне правой партии. Под этой переменной понимается электоральный результат крайне правой партии на предшествующих выборах.

Конкуренцию со стороны других участников межпартийной борьбы мы подвергаем операционализации посредством формулы эффективного числа электоральных партий, предложенной Р. Таагепера и М. Лааксо, за предыдущий электоральный период³⁴. Мы не используем данные за непосредственно интересующий нас год выборов, потому как

предвыборные программы формулируются перед началом избирательной кампании. Перипетии и особенности электоральной конкуренции непосредственно в нужный нам год выборов не могут найти места в документе партии.

Определение и методика измерения партийной «нишевости» Т. Мейера и Б. Миллера представляются нам наиболее полезными для понимания процесса электоральной конкуренции в рассматриваемом контексте, а потому в базовой спецификации модели мы используем индекс, предложенный этими авторами. Здесь стоит отдельно прояснить суть результатов вычислительных процедур по методике авторов. Предлагаемый Т. Мейером и Б. Миллером способ определения нишевости отдельной партии связан с оценкой состояния всей партийной системы, рассматриваемой в контексте того, насколько уникальные программы предлагают избирателям все партии. То есть показатель нишевости отдельной партии есть отклонение ее предвыборной программы от условной «средней» нишевости (уникальности) манифестов других участников межпартийного соревнования. Нулевой показатель индекса означает, что партия предлагает избирателям программу, которая идентична условному «среднему» показателю нишевости в рассматриваемой партийной системе. Чем выше значение индекса, тем большей нишевостью отличается партия. Отрицательные показатели, в свою очередь, демонстрируют то, что предвыборная программа партии не заостряет внимания на уникальных проблемных измерениях, тем самым полностью уподобляясь т.н. мейнстримным партиям.

Отметим, что в тестах на робастность мы используем индекс нишевости и показатель специализации партии Д. Бишофа, а также основанное на партийной идеологии дихотомическое разделение «нишевая – мейнстримная партия». Специализация партии по Д. Бишофу варьируется от 0 (программа партии диверсифицирована) до 1 (партия предпочитает специализироваться на одной проблеме). Показатель нишевости, предложенный этим исследователем, принимает высокие значения в случае, если партия занимает определенные сегменты «политиче-

³² Ibid. P. 872.

³³ International Migration Database of The Organization for Economic Co-operation and Development. Mode of access: <http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=MIG>

³⁴ Laakso, M.; Taagepera, R. Effective Number of Parties: A Measure with Application to West Europe // *Comparative Political Studies*, 1979, Vol. 12. No. 2, pp. 3-27.

ского рынка» и сужает свое электоральное «предложение». Когда партия пытается актуализировать в своей программе множество тем, то в этом случае она получает низкие значения индекса.

В качестве независимой переменной мы также рассматриваем *позицию партии в предыдущий электоральный период*. Включая эту переменную в модель, мы исходим из того, что партия по конкретному вопросу отношения к иммиграции не будет менять свою позицию случайным образом и кардинально. Подразумевается, что некоторое влияние предшествующих выборов может иметь значение при позиционировании партии в интересующий нас период. Собственно, именно поэтому рассмотрение влияния этой переменной имеет смысл с методологической точки зрения. Одним из способов решения проблемы автокорреляции, которая возникает при анализе временных рядов, является использование лагированной зависимой переменной, о чем более подробно будет сказано ниже.

Характер партийной организации и степень доминирования лидеров/активистов мы определяем следующим образом. Соответствующие данные взяты нами из базы данных М. Лэвера и У. Бен Ханта³⁵. Далее мы применяем немного переработанный метод определения характера партийной организации, предложенный в работе Г. Шумахера, Б. Вис К. де Ври³⁶. Единственное отличие заключается в том, что мы используем только процедуру вычитания из показателя влияния лидеров на формулирование партийного курса соответствующее значение, характеризующее важность активистов в этом процессе. В итоге показатель партийной организации может варьироваться от -20 до +20, где -20 – это ситуация, когда роль активистов очень значима, а лидеры партий не способны оказывать значимое влияние на формулирование партийного курса; +20 – демонстрирует обратную ситуацию.

Таким, образом, учитывая характер выдвинутых гипотез, мы представляем следующую модель, объясняющую позиционирование партий с левого фланга политико-идеологического спектра по проблеме иммиграции.

$$= \beta_1 (\text{Доля мигрантов}_{it}) + \beta_2 (\text{крайне правая партия}_{it-1}) + \beta_3 (\text{Электоральная конкуренция}_{it-1}) + \beta_4 (\text{Нишевость}_{it}) + \beta_5 (\text{Позиция по иммиграции}_{it-1}) + \beta_6 (\text{Партийная организация}) + \beta_7 (\text{Партийная организация} * \text{электоральная конкуренция}_{it-1}) + \beta_8 (\text{Партийная организация} * \text{крайне правая партия}_{it-1}) + \text{дамми(партия)} - 1 + \text{Остаток}_{it}$$

Значимость иммиграции

$$= \beta_1 (\text{Доля мигрантов}_{it}) + \beta_2 (\text{крайне правая партия}_{it-1}) + \beta_3 (\text{Электоральная конкуренция}_{it-1}) + \beta_4 (\text{Нишевость}_{it}) + \beta_5 (\text{Значимость}_{it-1}) + \beta_6 (\text{Партийная организация}) + \beta_7 (\text{Партийная организация} * \text{электоральная конкуренция}_{it-1}) + \beta_8 (\text{Партийная организация} * \text{крайне правая партия}_{it-1}) + \text{дамми(партия)} - 1 + \text{Остаток}_{it}$$

Результаты проверки гипотез

Результаты проведенного анализа представлены в *таблицах 1 и 2*, а также в онлайн-приложении³⁷. В *таблице 1* находятся показатели для моделей, в которой зависимой переменной выступает позиция партии на «миграционном» измерении электоральной конкуренции. Коэффициент с положительным значением демонстрирует занятие партией благосклонной по отношению к иммиграции позиции, а отрицательный характеризует обратную ситуацию. В *таблице 2*, соответственно, объясняемой переменной является значимость иммиграционной проблематики в предвыборной программе партии. В обеих таблицах не представлены показатели дамми-переменной, обозначающей партию. В дополнительных таблицах из приложения также не представлены страновые показатели, когда в качестве дамми-переменных выступали отдельные страны. Модель 1 в обеих таблицах демонстрирует влияние только 5 факторов на позиционирование партий – доли мигрантов, силы крайне правой партии, характера электоральной конкуренции, а также степени «нишевости»

³⁵ Laver, M.; Ben Hunt W. Policy and Party Competition. London: Routledge, 1992. P. 328.

³⁶ Schumacher, G.; De Vries, C.; Vis, B. Why Political Parties Change Their Positions: Enviromental Incentives & Party Organization // *The Journal of Politics*, 2013, Vol. 75. No. 2, pp. 464-477.

³⁷ Результаты тестов на робастность представлены в онлайн-приложении ввиду невозможности их презентации в рамках статьи. Режим доступа: <https://zinnatullin.wordpress.com/2016/09/10/1/>

Таблица 1

Позиция по вопросам иммиграции

Переменные	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Доля иммигрантов	-0.058636(.)	-0.0537817	-0.0472099
Сила крайне правой партии	0.011286	0.0066298	0.0119403
Электоральная конкуренция	0.458650	0.6909790 (.)	0.3701874
Нишевость	0.352347***	0.1751869	0.1875982(.)
Лагированная позиция по иммиграции	0.245827**	0.1584750	0.0767124
Партийная организация		-0.1881702**	-0.6235517**
Партийная организация*электоральная конкуренция			0.1079017**
Партийная организация*сила крайне правой партии			-0.0100399(.)
N	230	174	174
R2	0.30563	0.38948	0.45311
Adj R2	0.26311	0.32681	0.37499
p-value	1.2236e ⁻⁰⁵	1.2789e ⁻⁰⁶	1.2129e ⁻⁰⁸

(.) – p<0,1; * - p <0,05; ** - p <0,01; *** - p <0,001

Table 1. Position on Immigration Issues

Таблица 2

Значимость проблемы иммиграции

Переменные	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Доля иммигрантов	0.022761	0.042117	0.04037026
Сила крайне правой партии	-0.045724	0.023585	0.03344698
Электоральная конкуренция	-0.220038	-0.411513	-0.26355260
Нишевость	-0.146826	-0.234174*	-0.23481553(.)
Лагированная значимость иммиграции	0.133157	0.117775	0.12448967
Партийная организация		0.040865	0.27084027
Партийная организация*электоральная конкуренция			-0.05080330
Партийная организация*сила крайне правой партии			0.00072266
N	230	174	174
R2	0.54792	0.47034	0.48032
Adj R2	0.47169	0.39465	0.39751
p-value	2.22e ⁻¹⁶	4.2311e ⁻¹⁰	6.7572e ⁻¹⁰

(.) – p<0,1; * - p <0,05; ** - p <0,01; *** - p <0,001

Table 2. Importance of the Immigration Issue

и предыдущей позиции партии. В модели 2 добавляется переменная «партийная организация». Наконец, модель 3 является базовой, куда включены все независимые переменные, влияние которых мы хотим исследовать.

Предлагаемые модели имеют дело как с кросс-секционной структурой (мы рассматриваем различия в позициях партий из разных стран), так и с изменениями, которые происходят в течение времени. Используемые нами данные носят панельный харак-

тер – интересующие показатели представлены в соответствии с годами выборов. Чтобы обнаружить возможные ненаблюдаемые изменения между партиями и странами, мы также добавили дамми-переменные по партиям и странам (в случае тестов на робастность). Тем не менее, предпринятые шаги не позволяют нам избежать всех проблем, которые могут возникнуть в случае использования временных и кросс-секционных рядов (time-series-cross-section data). В первую очередь нам предстоит столкнуться с явлением

гетероскедастичности остатков, потому как остатки могут иметь разную дисперсию у различных наблюдений, а также коррелировать между собой. Н. Бэк и Дж. Катц предлагают использовать для решения данной проблемы стандартные ошибки, скорректированные для панелей (panel-corrected standard error)³⁸. Именно этот метод мы применяем в данной работе. Кроме того, в связи с панельной структурой данных часто возникает проблема автокорреляции – маловероятно, что партийные программы резко изменяются от одной избирательной кампании к другой. В этой связи в базовой модели мы используем предложенный вышеупомянутыми исследователями метод лагированной зависимой переменной (LDV – lagged dependent variable model). Также для того, чтобы справиться с проблемой автокорреляции и провести тесты на робастность, мы рассмотрим другие спецификации авторегрессионной модели распределенных лагов.

Анализ интересующего нас массива данных не будет отличаться полнотой без проведения тестов на робастность, т.е. на устойчивость регрессионной модели к возможным помехам и отклонениям. Мы провели несколько таких тестов³⁹. Во-первых, нами используется авторегрессионная модель распределенных лагов, в которую добавляется в качестве регрессора еще одна лагированная зависимая переменная. Во-вторых, мы используем альтернативные предложенному Т. Мейером и Б. Миллером индексу показатели нишевости и специализации партий, которые были разработаны Д. Бишофом⁴⁰. Третьим тестом на робастность является использование страновых

фиксированных эффектов вместо партийных в базовой спецификации модели. Четвертым тестом на робастность выступает применение вместо концептов Т. Мейера и Б. Миллера, Д. Бишофа простой дихотомии «нишевая партия vs мейнстримная партия», основанной на исторической принадлежности определенным партийным семьям. В последнем случае мы используем дамми-переменную (1 – нишевая партия, 0 – мейнстримная партия).

Гипотеза 1

Первоначально (модель 1 в *таблице 1*) мы рассмотрели, каким образом реагирует зависимая переменная на пять регрессоров – доля мигрантов, электоральная сила крайне правой партии, позиция партии в предыдущий электоральный период, «нишевость» партии и конкуренция со стороны других участников межпартийного соревнования. Факторами, которые оказывают воздействие на позиционирование по вопросам иммиграции, оказались ее нишевость и положение на соответствующей шкале во время предыдущих выборов.

Во второй модели мы добавили в качестве регрессора характер партийной организации. Этот фактор отличается статистической значимостью и подтверждает гипотезу 1, согласно которой доминирование активистов партийной организации влияет на положительное отношение партии к иммиграции. При проведении теста на робастность значения коэффициента варьируются, но его первоначальный знак не меняется. Кроме того, такая же картина характерна для модели 3.

Гипотеза 2

В главной спецификации модели к вышесказанным регрессорам добавляются также связь партийной организации с конкуренцией на выборах и электоральной силой крайне правой партии. Модель 3 демонстрирует, что партийная организация (доминирование активистов) и «нишевость» (на 10-процентом уровне значимости) оказывают влияние на позиционирование партии по вопросам иммиграции. В целом, отметим, что вывод о важности фактора партийной ор-

³⁸ Beck, N.; Katz J.N. What to Do (and not to Do) with Time-Series Cross-Section Data // *The American Political Science Review*, 1995, Vol. 89, Issue 3, pp. 634-647.

³⁹ Результаты представлены в онлайн-приложении. Режим доступа: <https://zinnatullin.wordpress.com/2016/09/10/1/>

⁴⁰ Bischof, D. Towards a Renewal of the Niche Party Concept: Parties, Market Shares and Condensed Offers, 2015. Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/277010804_Towards_a_Renewal_of_the_Niche_Party_Concept_Parties_Market_Shares_and_Condensed_Offers.

ганизации соответствует результатам ранее проведенных исследований⁴¹. Кроме того, из представленных результатов следует, что партия, в которой доминируют активисты, реагирует на действия крайне правых, занимая проиммигрантские позиции (также на 10-процентом уровне значимости). Однако при проведении большей части тестов на робастность последний показатель теряет значимость. В связи с этим можно констатировать, что гипотеза 2, согласно которой доминирование партийных активистов в ситуации успеха крайне правых характеризуется акцентом партии на проиммигрантской позиции, прошла эмпирическую проверку лишь частично.

Гипотеза 3

В тестах на робастность с использованием авторегрессионной модели распределенных лагов, за исключением лагированного показателя, отражающего долю иммигрантов в общей численности населения страны, а также еще одной лагированной зависимой переменной, ни один из дополнительных регрессоров не демонстрирует статистической значимости. Тот факт, что состоятельным, но не столь высоким (-0.05 и -0.09) является коэффициент показателя доли иммигрантов в предыдущий электоральный период, объясняется, на наш взгляд, тем, что партии формулируют свои программные положения, учитывая иммиграционную ситуацию в стране с определенной временной задержкой. В базовой спецификации модели мы используем данные по переменной «доля мигрантов в численности населения», которые характерны на год выборов. Добавление лагированного показателя и его статистическая значимость в некотором смысле подтверждают мысль о том, что политические партии склонны ориентироваться на предшествующий опыт. При этом коэффициент имеет отрицательный знак, что означает занятие партией менее благожелательной по отношению к иммигрантам позиции в случае относительного увеличения их доли в общей

численности населения. В связи с этим можно сделать вывод, что гипотеза 3 не прошла эмпирической проверки. Однако отметим, что для рассмотрения этой ситуации были проведен дополнительный анализ отдельно для социал-демократических и «новых левых» вместе с «зелеными», в ходе которого использовалась авторегрессионная модель распределенных лагов с еще одной лагированной зависимой переменной. Результаты представлены в онлайн-приложении. Лагированный показатель количества мигрантов в стране выступает в качестве статистически значимого регрессора для социал-демократов. Увеличение доли мигрантов в предшествующий период сказывается на позиции мейнстримных партий с левого фланга политико-идеологического спектра – они склонны демонстрировать менее благожелательное к ним отношение. В случае с «новыми левыми» и «зелеными» этот фактор не отличается статистической значимостью, но коэффициент при этом регрессоре в отличие от предыдущего случая имеет знак «+».

Гипотеза 4

Гипотеза 4б прошла эмпирическую проверку, так как показатель нишевости влияет положительно на позицию партии по вопросам иммиграции. Вместе с тем, как свидетельствуют результаты, представленные в таблице 2, гипотеза 4а, согласно которой «нишевые» партии в большей степени акцентируют свое внимание на проблеме иммиграции, отвергается. Результаты анализа говорят о том, что «нишевость» партии с левого фланга политико-идеологического спектра вынуждает ее не уделять большое внимание проблеме, которая подверглась заметной политизации благодаря крайне правым. Если же «зеленым» и «новым левым» приходится высказываться по иммиграционной теме, то они делают это, занимая противоположные крайне правым позиции. В этом смысле полученные результаты, касающиеся гипотез 4а и 4б, не противоречат друг другу.

Гипотеза 5

Связь характера партийной организации с конкуренцией на выборах носит весьма примечательный характер. Стати-

⁴¹ Schumacher, G.; De Vries, C.; Vis, B. Why Political Parties Change Their Positions: Environmental Incentives & Party Organization // *The Journal of Politics*, 2013, Vol. 75. No. 2, pp. 464-477.

стически значимый коэффициент (0.107) при этой переменной носит положительный характер, что говорит о том, что в ситуации, когда увеличивается конкуренция на выборах, «лидерским» партиям с левого фланга политико-идеологического спектра (социал-демократам) выгодно следовать не за повесткой крайне правых, а разделять проиммигрантскую платформу «новых левых» и «зеленых». Этот вывод соотносится с результатами некоторых ранее проведенных исследований, согласно которым вызовы крайне правых находят ограниченный отклик лишь в стане консервативных, христианско-демократических и либеральных партий, да и то не всегда эта связь имеет причинно-следственный характер⁴². Кроме того, сближение социал-демократов с «зелеными» и «новыми левыми» по вопросу отношения к иммиграции может быть проявлением более общей конвергенции партий, которая необходима им в условиях парламентских систем. Наблюдения, подвергшиеся анализу в рамках данной статьи, относятся к странам, в которых правительства, как правило, формируются на коалиционной основе. В подобных условиях кооперация с соседями по флангу не является экстраординарным явлением, что демонстрирует ставший хрестоматийным пример участия немецких «зеленых» в правящей коалиции вместе с СДПГ. В целом, можно заключить, что гипотеза 5, в соответствии с которой увеличение электоральной конкуренции приводит к занятию партиями с левого фланга политико-идеологического спектра проиммигрантских позиций, прошла эмпирическую проверку.

Выводы

Таким образом, из выдвинутых гипотез эмпирическую проверку прошли

гипотезы 1, 2 (частично), 4б и 5. Позиционирование по вопросам иммиграции социал-демократических партий, которых относят к так называемому политическому «мэйнстриму», и «новых левых» с «зелеными», отстаивающих альтернативную повестку, носит различный характер. Лежащие в основе этого процесса факторы сводятся к особенностям внутрипартийной организации и связанной с ней реакцией на конкуренцию со стороны других участников межпартийного соревнования. Так, нишевые партии характеризуются доминированием активистов, тогда как роль лидеров в принятии ключевых решений, в том числе и в сфере позиционирования во время выборов, ограничена. Социал-демократические партии, внутриорганизационная специфика которых в свое время стала одним из факторов появления «новых левых», в большей степени подвержены влиянию лидеров. Несмотря на это, нам удалось подтвердить ранее выдвинутое в литературе утверждение о том, что конкуренция со стороны крайне правых не способствует следованию левых (прежде всего, «мэйнстримной» части этого лагеря) за повесткой антииммигрантски настроенных сил. Касательно нишевых партий данное исследование показало, что «нишевость» партий с левого фланга политико-идеологического спектра проявляется в их нежелании концентрировать внимание на «чужих» темах-нишах, а в случае необходимости такой концентрации – в выражении мнения, отличающегося от риторики крайне правых партий.

Социал-демократические партии, в которых партийные лидеры доминируют над активистами, склонны выступать менее прямолинейно, с одной стороны, не отпуская далеко от себя соседей по флангу, с другой – реагируя на возможные импульсы со стороны общественного мнения, которые напрямую нами не рассматриваются. Во всяком случае, ориентация социал-демократов на изменение количества мигрантов в стране отражает в некотором смысле их стремление рассмотреть как можно больше факторов, способствующих максимизации голосов избирателей, в отличие от «зеленых» и «новых левых».

⁴² Akkerman, T. Immigration Policy and Electoral Competition in Western Europe: A Fine-Grained Analysis of Party Positions over the Past Two Decades // *Party Politics*, 2015, Vol. 21, No. 1, pp. 54-67; Abou-Chadi, T. Niche Party Success and Mainstream Party Policy Shifts – How Green and Radical Right Parties Differ in Their Impact // *British Journal of Political Science*, 2016, Vol. 46, Issue 2, pp. 417-436.

В заключение отметим то, какие аспекты позиционирования левых партий по иммигрантской проблематике требуют дальнейшего рассмотрения. В первую очередь, это выявление возможной связи между партийными позициями по вопросам иммиграции с особенностями электорального поведения и предыдущими результатами партии на выборах. Также вызывает интерес то, как на предвыборных программах левых партий (в том числе и нишевых) сказывается их участие в деятельности правительства. Кроме того, определенную важность представляет вопрос влияния избирательной системы на позиционирование нишевых партий.

Литература:

Ингхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. – М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.

Соловей Т.Г. Институциональная трансформация современных политических партий, 2009. Режим доступа: <http://www.elib.bsu.by/bitstream/123456789/89019/1/3.PDF>

Abou-Chadi, T. Niche Party Success and Mainstream Party Policy Shifts – How Green and Radical Right Parties Differ in Their Impact // *British Journal of Political Science*, 2016, Vol. 46, Issue 2, pp. 417-436.

Adams, J.; Clark, M.; Ezrow, L.; Glasgow, G. Are Niche Parties Fundamentally Different from Mainstream Parties? The Causes and the Electoral Consequences of Western European Parties' Policy Shifts, 1976-1998 // *American Journal of Political Science*, 2006, Vol. 50, No. 3, pp. 513-529.

Akerman, T. Immigration Policy and Electoral Competition in Western Europe: A Fine-Grained Analysis of Party Positions over the Past Two Decades // *Party Politics*, 2015, Vol. 21, No. 1, pp. 54-67.

Alonso, S.; Claro da Fonseca S. Immigration, Left and Right // *Party Politics*, 2011, Vol. 18, No. 6, pp. 865-884.

Beck, N.; Katz, J.N. What to Do (and not to Do) with Time-Series Cross-Section Data // *The American Political Science Review*, 1995, Vol. 89, Issue 3, pp. 634-647.

Belanger, E.; Meguid, B. Issue Salience, Issue Ownership, and Issue-Based Vote Choice // *Electoral Studies*, 2008, No. 27, pp. 477-491.

Bischof, D. Towards a Renewal of the Niche Party Concept: Parties, Market Shares and Condensed Offers, 2015. Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/277010804_Towards_a_Renewal_of_the_Niche_Party_Concept_Parties_Market_Shares_and_Condensed_Offers

Bornschier, S. The New Cultural Divide and the Two-Dimensional Political Space in Western Europe, 2010. Mode of access: http://www.zora.uzh.ch/41247/1/wep_bornschier.pdf

De Winter, L.; Swyngedouw, M.; Dumont, P. Party System(s) and Electoral Behavior in Belgium: From Stability to Balkanisation // *Western European Politics*, 2006, Vol.29, No. 5, pp. 933-956.

Hooghe, L.; Marks, G.; Wilson, C. Does Left/Right Structure Party Positions on European Integration? 2002. Mode of access: <http://www.cesruc.org/uploads/soft/130221/1-130221191A6.pdf>

International Migration Database of The Organization for Economic Co-operation and Development. Mode of access: <http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=MIG>

Keith, D.; McGowan, F. Radical Left Parties and Immigration Issues, 2014. Mode of access: <https://www.sussex.ac.uk/webteam/gateway/file.php?name=working-paper-132.pdf&site=266>

Kitschelt, H. Diversification and Reconfiguration of Party Systems in Postindustrial Democracies, 2004. Mode of access: <http://library.fes.de/pdf-files/id/02608.pdf>

Kitschelt, H. The Transformation of European Social Democracy. London: Cambridge University Press, 1994. 365 p.

Laakso, M.; Taagepera, R. Effective Number of Parties: A Measure with Application to West Europe // *Comparative Political Studies*, 1979, Vol. 12, No. 2, pp. 3-27.

Laver, M.; Ben Hunt W. Policy and Party Competition. London: Routledge, 1992. 256 p.

Lundell, K. Determinants of Candidate Selection. The Degree of Centralization in Comparative Perspective // *Party Politics*, 2004, Vol. 10, No. 1, pp. 25-47.

March, L.; Rommerskirchen, C. Out of Left Field? Explaining the Variable Electoral Success of European Radical Left Parties // *Party Politics*, 2015, Vol. 21, No. 1, pp. 40-53.

Meguid, B. Competition Between Unequals: The Role of Mainstream Party Strategy in Niche Party Success // *Annual Political Science Review*, 2005, Vol. 99, No. 3, pp. 347-359.

Meyer, T.; Miller, B. The Niche Party Concept and Its Measurement // *Party Politics*, 2015, Vol. 21, No. 2, pp. 259-271.

Petrocik, J. Issue Ownership in Presidential Elections, with a 1980 Case Study // *American Journal of Political Science*, 1996, Vol. 40, No. 3, pp. 825-850.

Poguntke, T. Green Parties in National Governments: From Protest to Acquiescence? / in *Green Parties in National Governments*, ed. by Ferdinand Muller-Rommel and Thomas Poguntke. London: Portland OR, 2002. Pp. 133-145.

Reynolds, A.; Reilly, B.; Ellis, A. Electoral System Design: The New International IDEA Handbook. Mode of access: <http://www.citizensassembly.gov.on.ca/en-CA/docs/Intermediate/IDEA%20Handbook.pdf>

Schumacher, G.; De Vries, C.; Vis, B. Why Political Parties Change Their Positions: Environmental Incentives & Party Organization // *The Journal of Politics*, 2013, Vol. 75, No. 2, pp. 464-477.

Taggart, P. The Populist Turn in the Politics of the New Europe, 2003. Mode of access: <http://aei.pitt.edu/2962/1/165.pdf>

Volgens, A. Manifesto Coding Instructions (Second Revised Edition), 2002. Mode of access: <http://www.poltext.org/sites/poltext.org/files/iii02-201.pdf>

Wagner, M. Defining and Measuring Niche Parties // *Party Politics*, 2011, Vol. 18, No. 2, pp. 845-864.

References:

Abou-Chadi, T. Niche Party Success and Mainstream Party Policy Shifts – How Green and Radical Right Parties Differ in Their Impact // *British Journal of Political Science*, 2016, Vol. 46, Issue 2, pp. 417-436.

- Adams, J.; Clark, M.; Ezrow, L.; Glasgow, G. Are Niche Parties Fundamentally Different from Mainstream Parties? The Causes and the Electoral Consequences of Western European Parties' Policy Shifts, 1976-1998 // *American Journal of Political Science*, 2006, Vol. 50, No. 3, pp. 513-529.
- Akkerman, T. Immigration Policy and Electoral Competition in Western Europe: A Fine-Grained Analysis of Party Positions over the Past Two Decades // *Party Politics*, 2015, Vol. 21, No. 1, pp. 54-67.
- Alonso, S.; Claro da Fonseca S. Immigration, Left and Right // *Party Politics*, 2011, Vol. 18, No. 6, pp. 865-884.
- Beck, N.; Katz, J.N. What to Do (and not to Do) with Time-Series Cross-Section Data // *The American Political Science Review*, 1995, Vol. 89, Issue 3, pp. 634-647.
- Belanger, E.; Meguid, B. Issue Salience, Issue Ownership, and Issue-Based Vote Choice // *Electoral Studies*, 2008, No. 27, pp. 477-491.
- Bischof, D. Towards a Renewal of the Niche Party Concept: Parties, Market Shares and Condensed Offers, 2015. Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/277010804_Towards_a_Renewal_of_the_Niche_Party_Concept_Parties_Market_Shares_and_Condensed_Offers
- Bornschieer, S. The New Cultural Divide and the Two-Dimensional Political Space in Western Europe, 2010. Mode of access: <http://www.zora.uzh.ch/41247/1/wep-bornschieer.pdf>
- De Winter, L.; Swyngedouw, M.; Dumont, P. Party System(s) and Electoral Behavior in Belgium: From Stability to Balkanisation // *Western European Politics*, 2006, Vol. 29, No. 5, pp. 933-956.
- Hooghe, L.; Marks, G.; Wilson, C. Does Left/Right Structure Party Positions on European Integration? 2002. Mode of access: <http://www.cesruc.org/uploads/soft/130221/1-130221191A6.pdf>
- Inglehart, R.; Welzel, K. Modernizaciya, Kulturnye Izmeneniya i Demokratiya: Posledovatel'nost chelovecheskogo razvitiya (Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence). Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2011. 464 p.
- International Migration Database of The Organization for Economic Co-operation and Development. Mode of access: <http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=MIG>
- Keith, D.; McGowan, F. Radical Left Parties and Immigration Issues, 2014. Mode of access: <https://www.sussex.ac.uk/webteam/gateway/file.php?name=working-paper-132.pdf&site=266>
- Kitschelt, H. Diversification and Reconfiguration of Party Systems in Postindustrial Democracies, 2004. Mode of access: <http://library.fes.de/pdf-files/id/02608.pdf>
- Kitschelt, H. The Transformation of European Social Democracy. London: Cambridge University Press, 1994. 365 p.
- Laakso, M.; Taagepera, R. Effective Number of Parties: A Measure with Application to West Europe // *Comparative Political Studies*, 1979, Vol. 12, No. 2, pp. 3-27.
- Laver, M.; Ben Hunt W. Policy and Party Competition. London: Routledge, 1992. 256 p.
- Lundell, K. Determinants of Candidate Selection. The Degree of Centralization in Comparative Perspective // *Party Politics*, 2004, Vol. 10, No. 1, pp. 25-47.
- March, L.; Rommerskirchen, C. Out of Left Field? Explaining the Variable Electoral Success of European Radical Left Parties // *Party Politics*, 2015, Vol. 21, No. 1, pp. 40-53.
- Meguid, B. Competition Between Unequals: The Role of Mainstream Party Strategy in Niche Party Success // *Annual Political Science Review*, 2005, Vol. 99, No. 3, pp. 347-359.
- Meyer, T.; Miller, B. The Niche Party Concept and Its Measurement // *Party Politics*, 2015, Vol. 21, No. 2, pp. 259-271.
- Petrocik, J. Issue Ownership in Presidential Elections, with a 1980 Case Study // *American Journal of Political Science*, 1996, Vol. 40, No. 3, pp. 825-850.
- Poguntke, T. Green Parties in National Governments: From Protest to Acquiescence? / in *Green Parties in National Governments*, ed. by Ferdinand Muller-Rommel and Thomas Poguntke. London: Portland OR, 2002. Pp. 133-145.
- Reynolds, A.; Reilly, B.; Ellis, A. Electoral System Design: The New International IDEA Handbook. Mode of access: <http://www.citizensassembly.gov.on.ca/en-CA/docs/Intermediate/IDEA%20Handbook.pdf>
- Schumacher, G.; De Vries, C.; Vis, B. Why Political Parties Change Their Positions: Environmental Incentives & Party Organization // *The Journal of Politics*, 2013, Vol. 75, No. 2, pp. 464-477.
- Solovey, T. Institucional'naya transformatsiya sovremennykh politicheskikh partiy (Institutional Transformation of Modern Political Parties), 2009. Mode of access: <http://www.elib.bsu.by/bitstream/123456789/89019/1/3.PDF>
- Taggart, P. The Populist Turn in the Politics of the New Europe, 2003. Mode of access: <http://aei.pitt.edu/2962/1/165.pdf>
- Volkens, A. Manifesto Coding Instructions (Second Revised Edition), 2002. Mode of access: <http://www.poltext.org/sites/poltext.org/files/iii02-201.pdf>
- Wagner, M. Defining and Measuring Niche Parties // *Party Politics*, 2011, Vol. 18, No. 2, pp. 845-864.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-1-136-153>

FACTORS DEFINING POSITIONS OF LEFT PARTIES ON THE IMMIGRATION ISSUE

Aidar Z. Zinnatullin

*Kazan Federal University,
Kazan, Russia*

Article history: <i>Received:</i> 15 March 2017 <i>Accepted:</i> 11 November 2017	Abstract:In this article, we study factors defining left party's policy positions on the immigration issue. This theme is not so popular in political science despite of plenty of works devoted to that problem in the context of far-right and mainstream parties. Therefore in this paper, we propose our own models that takes into account two kinds of factors: endogenous (organizational) traits and exogenous (enviromental) arrangement. Proposed models try to explain the position and saliency of immigration issue in the manifestos of social-democratic, green and new left parties. We pay more attention on several independent variables, such as electoral competition (we operationalize it through the notion of effective number of parties offered by Laakso and Taagepera), migration rate, popularity of far-right party, party's nicheness, organizational traits (that we consider in terms of leaders-activists relations). We have two dependent variables which called (1) party position on the immigration issue and (2) saliency of this issue. In order to estimate necessary links between variables we use regression analysis of time-series-cross-section data. As units of our research we present political party's moves in 10 Western European countries between 1975 and 2010. We conclude that organizational peculiarities with its link to the electoral competition make influence to the dependent variable. Niche parties tend not to concentrate their attention on the issue of immigration, but if they do that greens and new lefts demonstrate pro-immigrant positions. Social-democrats try to act less forthrightly in order to maximize their electoral support.
About the author: Post-Graduate Student, Department of Political Science, Kazan Federal University e-mail: aidar.zinnatulla@gmail.com	
Key words: political parties; party policy positions left-right scale; social-democrats; the new left; ecological parties; immigrants	

Для цитирования: Зиннатуллин А.З. Факторы позиционирования европейских левых партий по проблеме иммиграции // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 1. – С. 136-153.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-136-153

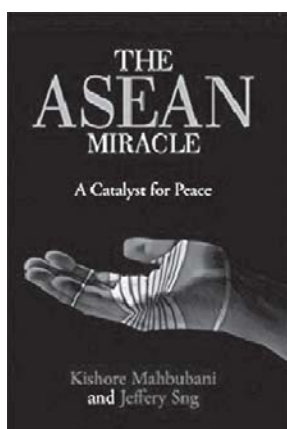
For citation: Zinnatullin, Aidar Z. Faktory pozitsionirovaniia evropeiskikh levykh partii po probleme immigratsii (Factors Defining Positions of Left Parties on the Immigration Issue) // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 1, pp. 136-153.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-136-153

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Mahbubani, Kishore; Sng, Jeffery.
The ASEAN Miracle. A Catalyst
for Peace. Singapore: Ridge books,
2017.

Авторы доказывают, что Ассоциации стран Юго-Восточной Азии удалось свершить настоящее чудо – добиться мирного сосуществования десяти различных стран региона.

В то время, когда культурный пессимизм только нарастает, многим кажется, что различные цивилизации – в особенности мир ислама и мир Запада – не могу

жить без конфликтов. Десять стран АСЕАН, напротив, являют собой живой пример, опровергающий это представление. 625 миллионов человек мирно сосуществуют в рамках Юго-Восточной Азии, и позволила этого добиться, по мнению авторов, именно АСЕАН.

В то время, когда по всему миру растут опасения по поводу будущего мировой экономики, а многие молодые люди всерьез полагают, что их жизнь в ближайшие несколько десятилетий будет только ухудшаться, в Юго-Восточной Азии, напротив, появляются основания для оптимизма. В эпоху геополитического соперничества и противоречий, АСЕАН регулярно собирает за одним столом представителей всех великих держав.

Истории о мире рассказывают гораздо реже, чем истории о конфликтах и войнах. О несовершенствах АСЕАН пишут в новостях чаще, чем о ее достижениях. Но в книге Кишора Махбубани и Джеффри Снга рассказ об успехах АСЕАН воспринимается как интеллектуальный вызов для остального мира.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МЕЖВУЗОВСКИЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ ПО АКАДЕМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ «РОССИЙСКОЙ ЭКСПОРТ НАУЧНО- ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КОНЦЕПЦИЙ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ: ОПЫТ РГГУ И МГИМО»

Материал подготовила:

А.А. КИРЕЕВА,

научный сотрудник,

Центр комплексного китаеведения

и региональных проектов,

МГИМО МИД России

22 декабря в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ) состоялся совместный межвузовский круглый стол РГГУ-МГИМО «Российской экспорт научно-образовательных концепций в контексте международной академической мобильности: опыт РГГУ и МГИМО», посвященный проблемам академической дипломатии, перспективам экспорта научно-образовательных концепций и академической мобильности. Представители вузов и РАН в своих выступлениях осветили вопросы экспорта научно-образовательных концепций как важнейшего элемента академической дипломатии, а также провели презентации своих книг и проектов с международным участием.

Открывая круглый стол, и.о. Ректора РГГУ, директор Историко-архивного института, заведующий кафедрой истории России новейшего времени профессор А.Б. Безбородов отметил важную роль РГГУ и МГИМО в академической дипломатии, экспорте научных концепций и образовательных услуг и подчеркнул необходимость обмена опытом работы на этом новом и перспективном направлении. Он отметил значимость специализированных научных журналов, позволяющих развивать академическую дипломатию в практическом плане, приведя в качестве примеров деятельность журналов «Вестник РГГУ» (серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение»), «Сравнительная политика» (национальный журнал на базе МГИМО) и «Международные отношения» (РУДН).

Директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России, заместитель председателя Центрального правления Общества российско-китайской дружбы, член Общественного совета Минвостокразвития, главный редактор журнала «Сравнительная политика» профессор А.Д. Воскресенский проанализировал проблему экспорта научно-образовательных концепций как стержневую проблему академической дипломатии и поставил вопрос о том, что может послужить предметом экспорта научных концепций и как создать конкурентный в международной среде продукт. В своем выступлении он сконцентрировался также на концепции мирового комплексного регионоведения как предмете научно-образовательного экспорта в рамках научной дипломатии современного типа, проанализировал перспективы в этой области. Проректор по международному сотрудничеству РГГУ, профессор В.И. Заботкина подробно рассказала об опыте РГГУ в международной академической мобильности, экспорте образовательных программ, создании двойных магистерских программ, международном сотрудничестве на бакалаврском уровне и в аспирантуре. Главный научный сотрудник НИ ИМЭМО РАН имени Е.М. Примакова, профессор РГГУ А.Б. Каримова в своем выступлении осветила основные каналы экспорта научных и образовательных концепций, проблемы, стоящие на пути экспорта, и привела пример востребованности мирового комплексного регионоведения с точки зрения создания и продвижения нового научно-образовательного

направления. Профессор кафедры востоковедения МГИМО С.И. Лунев осветил вопросы экспорта научно-образовательных концепций в азиатские гиганты – Китай и Индию. Доцент кафедры востоковедения, заместитель декана Факультета международных отношений, ведущий эксперт Центра АСЕАН МГИМО МИД России Е.В. Колдунова в своем выступлении подробно охарактеризовала возможности и ограничения экспорта научно-образовательных концепций в страны АСЕАН. Проректор по научной работе РГГУ, доцент О.В. Павленко в своем выступлении остановилась на роли международной академической мобильности в экспорте российских научных и образовательных концепций, а также отдельно обратила внимание на роль различного восприятия ценностей в международном сотрудничестве, затрудняющее практическое взаимодействие. Доцент кафедры востоковедения, научный сотрудник Центра комплексного Китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России А.А. Киреева выступила с оценкой перспектив экспорта научно-образовательных концепций в страны Северо-Восточной Азии – Республику Корея и Японию. Профессор, заместитель декана факультета международных отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ, руководитель программы по американистике РГГУ В.И. Журавлева в своем выступлении проанализировала вопросы экспорта научно-образовательных концепций в условиях кризиса в российско-американских отношениях и отметила положительную роль академической дипломатии с точки зрения сохранения возможности взаимодействия на этом треке между учеными России и США. В своем выступлении главный научный сотрудник Центра комплексного Китаеведения и региональных проектов МГИМО, директор Центра ИДВ РАН А.В. Виноградов и главный научный сотрудник Центра комплексного Китаеведения и региональных проектов МГИМО, главный научный сотрудник ИДВ РАН А.В. Ломанов подробно проанализировали возможности и осветили перспективы китайского научно-образовательного рынка, а доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России И.В. Кудряшова раскрыла возможности научно-образовательного экспорта политологических концепций.

В презентации книг и проектов МГИМО приняли участие директор Центра комплексного Китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России профессор А.Д. Вос-

кресенский, главный научный сотрудник Центра комплексного Китаеведения и региональных проектов А.В. Виноградов, доцент кафедры востоковедения, заместитель декана факультета международных отношений по магистерским программам МГИМО МИД России Е.В. Колдунова, главный научный сотрудник Центра комплексного Китаеведения и региональных проектов А.В. Ломанов, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России И.В. Кудряшова. Они рассказали о трех проектах – коллективной китайско-российской монографии на китайском языке «Механизмы трансрегионального развития Центральной Евразии: исследования и прогнозы» под редакцией А.Д. Воскресенского и Ли Сина (Пекин: издательство Цзючжоу), изданной в Сингапуре коллективной монографии международного коллектива авторов на английском языке «Возможна ли незападная демократия? Российский взгляд» (*“Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective”*) под редакцией А.Д. Воскресенского, и монографии А.Д. Воскресенского на английском языке в международном издательстве *Palgrave Macmillan* «Незападные теории международных отношений: Концептуализируя мировое комплексное регионоведение» (*“Theories of Non-Western International Relations: Conceptualizing World-Regional Studies”*). Отличительной чертой представленных работ является то, что они сочетают как хорошо проработанный теоретический материал, так и прикладное знание, востребованное в научно-образовательном процессе и уже стали своеобразными базовыми площадками обсуждения оригинальных практико-ориентированных концепций в рамках академической дипломатии. Участниками презентаций также было рассказано о развивающемся российско-венгерском научно-образовательном сотрудничестве МГИМО-Национальный Университет государственной службы Венгрии.

Книги и проекты РГГУ представили проректор по научной работе РГГУ О.В. Павленко, профессор, заместитель декана факультета международных отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ, руководитель программы по американистике РГГУ В.И. Журавлева, доцент, директор Российско-Швейцарского центра Н.А. Бахши и профессор, директор Российско-германского учебно-научного центра РГГУ Н.В. Ростиславлева. Они рассказали о рабо-

тах, посвященных российско-американским отношениям, изданным на английском языке в международном издательстве *Routledge*, о совместном проекте РСМД-РГГУ, посвященном новым подходам к исследованиям, педагогическим и образовательным методам, о совместной российско-немецкой коллективной монографии на немецком языке, посвященной сравнительному анализу культур безопасности, а также о серии совместных российско-швейцарских филологических и литературоведческих исследований.

Научная дискуссия и презентация международных проектов позволили представителям МГИМО и РГГУ поделиться опытом академической дипломатии, обсудить возможности, сложности и препятствия на пути дальнейшего экспорта научно-образовательных концепций с представителями институтов РАН, оценить перспективы отечественной дипломатии в разных регионах мира. Кру-

глый стол вызвал большой интерес у студентов и профессорско-преподавательского состава РГГУ.

**INTER-UNIVERSITY ROUNDTABLE
ON ACADEMIC DIPLOMACY
“RUSSIAN EXPORT OF SCIENTIFIC
AND EDUCATIONAL CONCEPTS IN
THE CONTEXT OF INTERNATIONAL
ACADEMIC MOBILITY: THE
EXPERIENCE OF THE RUSSIAN STATE
UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES
AND MGIMO UNIVERSITY”**

Prepared by:

Anna A. Kireeva

Researcher,

*Centre for Comprehensive Chinese Studies
and Regional Projects,
MGIMO University*

**КРУГЛЫЙ СТОЛ ПО ИТОГАМ XIX СЪЕЗДА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ,
МОСКВА**

Материал подготовила:

А.А. КИРЕЕВА,

научный сотрудник,

*Центр комплексного китаеведения
и региональных проектов,
МГИМО МИД России*

19 декабря 2017 года в МГИМО Университете прошел круглый стол «19 съезд КПК: внешние и внутренние последствия и перспективы реформ в Китае», организованный Центром комплексного китаеведения и региональных проектов.

В круглом столе приняли участие исследователи Центра комплексного китаеведения и региональных проектов и других структур МГИМО Университета, Института Дальнего Востока РАН, Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ имени М.В. Ломоносова, Российского института стратегических исследований (РИСИ), а также четыре заместителя Председателя центрального правления Общества российско-китайской дружбы. Ведущие российские эксперты обсудили значение про-

шедшего в октябре 2017 г. XIX съезда КПК как с точки зрения анализа документов съезда и принятых на нем партийных документов, так и с точки зрения осмысления итогов первых пяти лет нахождения у власти нового поколения руководителей КНР. Аналитики затронули вопросы трансформации политической власти в КНР, проанализировали новый состав Политбюро ЦК КПК, оценили изменение идеологии и восприятия Китаем вызовов и целей социально-экономического развития, взвесили шансы разных моделей модернизации, проводимых правительством реформ и их эффективности, трансформации национальных интересов и внешнеполитических приоритетов КНР, отношений КНР и США, России, стран Восточной Азии.

Директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России, заместитель Председателя Центрального правления Общества российско-китайской дружбы, член Общественного Совета Минвостокразвития профессор *А.Д. Воскресенский* поставил вопрос о том, как сочетаются провозглашенные ранее и вовремя работы съезда идеи китайского руководства, как эти идеи раскрыты в материалах 19 съезда КПК. Он затронул в своем выступлении вопросы концентрации и распределения власти в политической системе Китая, оценил значение создания системы государственного контроля, в частности, возможности появления партийных ячеек на иностранных предприятиях, критики иностранных элементов в образовательном процессе, попыток трансформации социального порядка и модели модернизации Китая, построения системы правового регулирования. По его словам, основным противоречием современного этапа развития Китая, обозначенным в документах съезда, является противоречие между постоянно растущими потребностями народа в прекрасной жизни и неравномерностью и неполнотой социально-экономического развития страны. В то же время, остается открытым вопрос о пути, который Китай собирается избрать для дальнейшей модернизации.

Заместитель директора Института Дальнего Востока РАН, заместитель председателя Центрального правления Общества российско-китайской дружбы *В.Я. Порятков* в своем выступлении обратил внимание на то, что на 19 съезде КПК в отличие от принятой ранее системы передачи коллективного руководства не было выбрано и обозначено следующее поколение руководителей КНР, а в Политбюро было введено большое количество сослуживцев Си Цзиньпина, которые работали с ним ранее в различных провинциях. Он дал оценку трансформациям внутри КПК и отметил высокую интенсивность пропаганды в различных сферах социальной жизни. Налицо стремление Китая пропагандировать свое величие и свои достижения, возвещая о достижении нового этапа, когда уже Китай идет в мир и стремится более активно участвовать в формировании нового мирового порядка. Ключевым вопросом успешного будущего Китая, по его словам, является то, насколько руководство КНР будет заниматься социально-экономическими реформами после произошедшей консолидации власти.

Главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН, главный научный со-

трудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России *А.В. Ломанов* отметил, что Китай считает себя уже развитой страной, и в материалах съезда акцент делается на взаимодействии с развивающимися и соседними странами. При нахождении у власти Си Цзиньпина Китай вошел в период усиления, когда он предлагает свое видение трансформации мирового порядка. В то же время, наблюдается противоречие между тем, что Китай с одной стороны позиционирует себя как защитника миропорядка, а с другой – призывает реформировать глобальное управление.

Руководитель Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН, главный научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России *А.В. Виноградов* охарактеризовал прошедший 19 съезд как поворотный, сравнимый по значимости с VII и XII съездами КПК. Согласно его оценке, на съезде была предложена новая концепция развития, в соответствии с которой в условиях «новой нормальности» китайской экономики, характеризующейся снижением темпов роста, требуются новые критерии соревнования с США. В качестве такого критерия может выступить новый общественный строй, основанный на идее социальной справедливости, что продемонстрирует новый этап социализма. Материалы съезда также демонстрируют уверенность Китая в проведении своей внешней политики, когда фокус переносится на Инициативу пояса и пути с других коллективных форматов (ШОС, БРИКС).

Заместитель директора, доцент кафедры истории Китая ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, заместитель председателя центрального правления Общества российско-китайской дружбы *А.Н. Карнеев* отметил стремление Китая подхватить флаг свободной торговли и глобализации при фактическом отсутствии дискуссий по внутренней политике. Произошла консолидации КПК вокруг Си Цзиньпина под знаменем китайской мечты, что во многом стало возможно благодаря активной антикоррупционной компании. На фоне изменений, принятых на съезде, можно констатировать, что претворяется в жизнь стремление показать председателя КНР как великого руководителя на контрасте с более слабыми руководителями предыдущих двух, а возможно даже трех поколений. Таким образом, Си Цзиньпин поставлен в документах съезда и партии наравне с такими руководителями, как Мао Цзэдун и Дэн Сяопин.

Ведущий научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН *О.Н. Борох* отметила, что экономическая повестка съезда продемонстрировала осознание КПК вызовов, стоящих перед Китаем, и необходимость структурных реформ экономики. На первое место ставится роль рынка, и акцент переносится с темпов на качество экономического роста. Отмечается необходимость совершенствования прав собственности, рынка факторов производства, макроконтроля для преодоления финансовых рисков и т.д. Вместе с тем, основным вопросом является то, насколько руководство КНР сможет реализовать проекты реформ.

Главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН, заместитель председателя Центрального правления Общества российско-китайской дружбы *Ю.М. Галенович* обратил внимание на то, что КПК и партийная номенклатура продолжают концентрировать власть в своих руках, а в партии отсутствуют институты выборов, демократии и дискуссии. При этом экономические проблемы де-факто не решаются, т.к. не осуществляются полномасштабные реформы. Китай закончил период накопления сил, теперь он представляет собой сильное государство, которое проводит активную внешнюю политику. Он отметил необходимость осознания того, что отношения с Китаем являются главными для внешней политики России и особенно подчеркнул важную роль дискуссий и экспертных обсуждений как на российском, так и на международном уровне, в особенности необходимость диалога с органами принятия внешнеполитических решений для обеспечения экспертного сопровождения принимаемых решений.

Старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований *Е.Н. Румянцев* отметил, что для Китая большую значимость представляет поддержка другими странами концепции сообщества общей судьбы, к построению которого должна привести реализация Инициативы пояса и пути. Для России важно понимать характеристики этих проектов при принятии внешнеполитических решений. Он также обратил внимание на то, что в КПК существует группа, выступающая против чрезмерной концентрации власти в руках Си Цзиньпина и полагающих, что текущий уровень пропаганды является чрезмерным.

Доцент кафедры востоковедения, научный сотрудник Центра комплексного китаеве-

дения и региональных проектов МГИМО МИД России *А.А. Киреева* отметила, что прошедший съезд продемонстрировал перенос фокуса с экономического роста на внутреннюю и внешнюю политику. В текущий период стратегических возможностей, когда становится возможным реализовать концепцию китайской мечты о возрождении китайской нации, Китай предлагает реформы мирового порядка и дипломатию великой державы, что подразумевает взаимодействие по китайским правилам. Примером этого является Инициатива пояса и пути, призванная продемонстрировать стремление Китая предоставлять общественные блага. При этом концепция китайской мечты и Инициатива пояса и пути являются рамочными консолидирующими идеями, в которые может быть вписаны любые политические трансформации и экономические реформы в первом случае или проекты в отношениях с другими государствами во втором.

В круглом столе также приняли участие доцент кафедры востоковедения, научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России *К.А. Ефремова*, которая рассказала о той части доклада Председателя КНР Си Цзиньпина, которая посвящена Юго-Восточной Азии, и доцент кафедры востоковедения, заместитель декана Факультета международных отношений, ведущий эксперт Центра АСЕАН МГИМО МИД России *Е.В. Колдунова*.

ROUNDTABLE ON THE 19TH CONGRESS OF THE COMMUNIST PARTY OF CHINA, MOSCOW

Prepared by:

Anna A. Kireeva

Researcher,

*Centre for Comprehensive Chinese Studies
and Regional Projects,
MGIMO University*

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ»,
ОРЕЛ, 19-21 АПРЕЛЯ 2017 Г.**

Т.Н. Гелла,

*профессор, декан исторического факультета
ОГУ им. И.С. Тургенева;*

Т.В. Серегина,

*профессор, декан философского факультета
ОГУ им. И.С. Тургенева;*

В.П. Степанов,

*профессор, заведующий кафедрой Социальной антропологии и
этнонациональных процессов философского факультета
ОГУ им. И.С. Тургенева*

В Орловском государственном университете им. И.С. Тургенева 19–21 апреля 2017 года состоялась международная научно-практическая конференция «Межкультурный диалог и вызовы современности», организованная философским факультетом ОГУ им. И.С. Тургенева при поддержке администрации университета. Соорганизаторами конференции выступили: Фонд «Русский мир», Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, Конгресс Русских общин Республики Молдова.

Конференция объединила усилия исследователей и практиков в деле обсуждения актуальной проблематики – этносоциальной комфортности в полиэтническом многополярном мире. Заявленная тема конференции затронула интересы различных наук, имеющих выход на изучение человека и социума: философии, социологии, этнологии, политологии, антропологии, истории и языкознания и пограничных с ними дисциплин.

Современные этносистемы испытывают постоянные внутренние и внешние вызовы в связи с трансформационными процессами современности: активным развитием информационных технологий, открытием границ, увеличением миграционных процессов, геополитическими колебаниями мира. Комплексный подход, закладываемый в основу проведения предлагаемого форума, позволил взглянуть на поднимаемую проблему под разными углами научного освещения, что способствует не только теоретическим достижениям, но послу-

жит делу выработки определенных практических рекомендаций. На это обратила внимание в своем пленарном выступлении ректор Орловского госуниверситета им. И.С. Тургенева, профессор О.В. Пилипенко, подчеркнувшая, в частности, важную составляющую межкультурных связей в науке и образовании.

Слова поддержки форуму в лице своего представителя С. Пантелеева, исполнительного директора Института стран ближнего зарубежья, эксперта Фонда «Русский мир» высказал директор Фонда «Русский мир» В.В. Кочин. Сергей Пантелеев затронул серьезную проблему геополитического значения – сохранения влияния русской культуры для укрепления имиджа российского государства и поддержки русского и русскоязычного населения вне пределов России, обратив особое внимание на соотечественников Украины.

В контексте оптимизации межкультурного диалога на территории постсоветского пространства особое значение принадлежит России. В этом ключе резонансно прозвучала мысль профессора В.П. Степанова о важности сохранения и поддержки русскокультурного населения ближнего зарубежья, включающего в себя симпатизантов российского государства, причем не только этнических русских, но и представителей других этносоциальных сообществ, проживающих в странах бывших союзных республик, воспитанных на ценностях русского языка и русской культуры. От их поддержки и развития в немалой степени зависит прочность добрососедства сопредельных с

Россией стран новых демократий, расширение положительного имиджа русскокультурности, что в немалой степени будет способствовать укреплению статуса Российской Федерации.

В докладе В. Степанова было обращено внимание на необходимость сохранения в русскокультурном пространстве не только за пределами России, но и в самом русском государстве, чувства исторической преемственности. Сейчас широко используется переписывание общих страниц советской истории, героических событий XX века, в которых принимали участие представители разных национальностей. По сути, планомерно осуществляется попытка забыть и перестроить историю целого столетия. И в этом контексте упускается из виду одна из выработанных в исчезнувшей стране ценностей – чувство интернационализма. А ведь именно это чувство, ныне редко вспоминаемое, позволило назвать возникшие в ходе распада СССР места конфликтов локальными, не дало развиваться этногражданскому противостоянию вширь.

Выступившие на пленарном заседании профессор МГУ имени М.В. Ломоносова А.П. Алексеев, профессор РУДН Нгуэсе В. Микаэль, профессор университета Вармии и Мазур в Ольштыне (Польша) подчеркнули важность обсуждения глобальных вопросов межкультурного диалога как фундаментальной составляющей формирования условий строительства новой России и русского мира.

С приветствиями от дружественных научно-образовательных центров непризнанных и частично признанных государств (Приднестровье, Нагорный Карабах, Донецкая Народная республика) выступили профессора С.А. Осипова, В.М. Аванесян, М.Н. Кушаков.

В своем выступлении проректор по науке и международным отношениям Арцахского университета, профессор Валерий Аванесян подчеркнул важность учета в меняющемся мире многополярности интересов, необходимости поиска компромиссов и налаживания межкультурного диалога в спорных ситуациях.

Тема межкультурного диалога, особо актуального для конфликтных зон русского мира, нашла свое отражение в работе круглого стола «Россия вне России: феномен самопровозглашенных идентичностей», объединившего усилия специалистов России и ближнего зарубежья в деле обсуждения проблемы сохранения и распространения русской культуры и российского влияния в ближнем зарубежье. Данной проблеме уделялось серьезное вни-

мание в докладах участников круглого стола, представлявших новейшие государственных образования: Петра и Александра Шорниковых, Светланы Осиповой, Натальи Щукиной и других коллег из Приднестровья, Валерия Аванесяна из Нагорного Карабаха, Светланы Романовой и Георгия Родова из Гагаузии (Республика Молдова).

Участники круглого стола обратили внимание на ряд общих тенденций, пережитых в ходе эскалации напряженности в регионах, которые вплоть до настоящего времени продолжают оставаться точками напряженности и именуются непризнанными или частично признанными государствами. Этнополитические и геополитические трансформации выработали особые сценарии событий, сложившихся в Приднестровье, Нагорном Карабахе, Абхазии, Южной Осетии. Свой путь автономного строительства налаживает сегодня Гагаузия.

Понятно, что в силу специфики региональных особенностей невозможно выработать единое лекарственное средство, с помощью которого станет реальным решать проблему горячих точек. Поэтому особую важность в ходе нормализации и оптимизации обстановки в таких регионах призваны играть подобные встречи экспертов, способствующие обмену опытом в деле построения мирного будущего с учетом интересов конфликтующих сторон. Наиболее четко это проявилось на представительстве участников из Республики Молдова.

Обращая внимание на уникальность раз- решения каждой из возникших этнонациональных проблем, эксперты круглого стола сошлись во мнении, что все же существует общий фундамент, от которого следует двигаться дальше – это межкультурный диалог. Не случайно именно это словосочетание легло в основу названия конференции.

Одной из ключевых тем, вокруг которой были построены доклады и шли дискуссии, стала тема идентичности и ее проявлений в современном сообществе.

Проблему формирования идентичности в системе общих и особенных проявлений в ценностях современного многополярного мира на примере «Восток – Запад», рассмотрела профессор Т.Н. Гелла, которая пришла к выводу, что процесс формирования некоей общеевропейской идентичности представляется достаточно сложным, неоднозначным процессом, требующим успешного развития многих факторов, которые в своем многообразии создали бы благоприятные условия для единения евро-

пейцев в условиях меняющегося мира и современного облика Европы.

Автор делает вывод о необходимости целенаправленных усилий общества и власти, направленных на достижение того, чтобы в повседневной практике граждане разных национальностей чувствовали Россию общим домом.

Многоаспектные вопросы межкультурного диалога нашли свое отражение на секционных заседаниях конференции.

Наиболее многочисленной по составу участников и спектру раскрываемых проблем на международной конференции выступила секция «Этнокультурные процессы в прошлом и настоящем». Как уже говорилось, одной из ключевых тем, вокруг которой были построены доклады и шли дискуссии, стала тема идентичности и ее проявлений в современном обществе.

Говоря о характеристике современности в контексте построения ценностей, обращает на себя внимание героизация прошлого (победа в Великой Отечественной войне, полет Гагарина в космос и т.п.). Вызвал интерес вопрос инокультурных представлений на постсоветском пространстве и их исторической динамики. Этой теме был посвящен доклад руководителя Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН А.В. Голубева.

К сожалению, в последнее время редко обращаются к нравственным проблемам современности, потому особое звучание приобрел доклад профессора В.М. Мапельман «Этические аспекты полиэтнического существования».

Где найти золотую середину в меняющемся мире между ценностями глобализации и сохраняющими свою значимость национальными ценностями? Этот вопрос обозначил еще один круг дискуссии – изучение соотношения глобального в национальном и наоборот (доцент А.А. Чекулаев, доцент О.Г. Шумилкина и др.).

Рассуждая на эту тему, профессор Т.В. Серегина в своем докладе «Национальное в глобальной культуре» в частности отметила, что в процессе глобализации формируется новый культурный тип общности, не совпадающий с национальным (локальный). Он объединяет людей не по национальному происхождению, а общности культурных предпочтений, т. е. на основе выбора своей культурной идентичности. Глобализация создает не национальную, а глобальную локальность, которая одновременно и связывает лю-

дей и различает их по характеру сделанного ими культурного выбора.

Эту мысль продолжили развивать в своем выступлении специалисты, ориентированные на проблему будущего – профессор В.Н. Финогентов и доцент Е.С. Кононова, рассмотревшие тему формирования ценностного мира планетарной идентичности, в контексте современных мировоззренческих трансформаций.

Наряду с докладами на общетеоретические темы на заседании секции прозвучало немало интересных выступлений, носящих узко предметную направленность. Например, рассмотрению особенностей формирования гражданской идентичности в условиях молдо-приднестровского конфликта был посвящен доклад Посла Южной Осетии в Приднестровье В.В. Янковского. О соотношении этнического и религиозного факторов в избирательном процессе Республики Молдова рассуждал исполнительный директор молдавского отделения Изборского клуба В.В. Букарский.

Гендерные отношения в современном мире – тема брендовая не только в среде обывателей, но и в научных кругах, потому одной из насыщенных докладами секций выступила секция под названием: «Гендерный фактор как вызов современному миру».

Особое внимание обратили на себя доклады доцентов И.В. Желтиковой «Женская утопия: гендерная специфика выражения социальных ожиданий» (ОГУ им. И.С. Тургенева, Орел), Н.А. Грошовкиной «Гендерный подход к анализу целостности общества» (ПГУ им. Т.Г. Шевченко, Тирасполь), А.В. Ноздрюнова «Понимание гендера в модальности традиционной регулятивной системы: прошлое и настоящее» (ОГУ им. И.С. Тургенева, Орел), профессора С.М. Саньковой «Трансформация представлений о семье в современном обществе» (ОГУ им. И.С. Тургенева, Орел).

Яркие, интересные наблюдения проблем гендерной социализации в Гагаузии прозвучали в докладе научного сотрудника научно-исследовательского Центра Гагаузии им. М.В. Маруневич (Республика Молдова) С.Я. Романовой. Автор, в частности подчеркнула, как в условиях построения гагаузской автономии стал меняться и расти статус женщины, увеличился процесс ее вовлеченности в конкурентные социальные отношения с мужчинами, что привело к разительным переменам во всех институтах общества. Следует добавить, сейчас башканом (высшим

должностным лицом) Гагаузии впервые стала женщина.

«Слово и этничность: в поисках консенсуса в полиэтнической культуре» – название еще одной секции, объединившей в себе специалистов, рассматривающих межкультурный диалог через сохранение ценностей языка и языковые трансформации.

В процессе распада СССР и формирования стран новых демократий тема языка стала одним из обсуждаемых направлений в практической деятельности и науке. Язык сразу вышел за рамки привычной филологии и стал активно рассматриваться целым спектром научных направлений: этнополитологией, этносоциологией, этнолингвистикой. Не остались в стороне философская наука и история. Доклады на секции получились разнообразными, а диалог насыщенным и разнообразным.

Целый блок выступлений был посвящен распространению слова через СМИ: И.С. Душакова «Медийная репрезентация истории: выстраивание идентичности» (РГГУ, Москва), доцент Ю.А. Ильина «Масс медиа в системе социальной коммуникации и современный человек» (ОГУ им. И.С. Тургенева, Орел), доцент В.В. Дабеза «Информационные вирусы и базовые национальные ценности русского мира» (Приднестровский госуниверситет им. Т.Г. Шевченко, Тирасполь).

Теме слова в формировании этнических ценностей было посвящено интересное и яркое выступление доцента Приднестровского госуниверситета им. Т.Г. Шевченко Кривошаповой Н.В.

Состоявшаяся в Орловском госуниверситете научно-практическая конференция «Межкультурный диалог и вызовы современности» объединила 95 специалистов из ведущих научных центров России, Франции, Республики Молдова, Польши, Доминиканской республики, самопровозглашенных государств: Приднестровья, Нагорного Карабаха, ДНР.

Подводя итоги состоявшейся международной научно-практической конференции, участники форума обратили внимание на важность рассмотрения подобных тем в регионах России. Высказывания о том, что проблема, заявленная конференцией должна подниматься либо в столичных центрах, либо в регионах, непосредственно сталкивающихся с проявлениями вызовов межкультурного противостояния, явно устарела. Подобный подход глубоко ошибочен. Именно широкая география рассмотрения проблемы, вовлечение в ее изуче-

ние новых научно-образовательных центров позволяет рассмотреть ее в новом ракурсе, с привлечением новых сил, которые, как правило, порождают новые идеи и подходы. Кроме того, в регионах очень важен опыт и экспертная оценка событий, что позволит обойти многие острые углы и избежать уже сделанных ошибок.

Участники конференции полагают целесообразным сделать Орловский государственный университет постоянно действующей площадкой для научно-исследовательской деятельности по проблемам межкультурного диалога как внутри России, так и в ближнем зарубежье.

Участники конференции пришли к мнению, что начатый разговор нужно сделать регулярным и выразили решение проводить подобные встречи раз в два года.

**INTERNATIONAL CONFERENCE
«INTER-CULTURAL DIALOGUE AND
CHALLENGES OF MODERNITY»,
OREL, APRIL 19-21, 2017**

T.N. Gella,
Professor, Dean, Faculty of History,
Orel State University named
after I.S. Turgenev;

T.V. Seregina,
Professor, Dean, Faculty of Philosophy,
Orel State University named
after I.S. Turgenev;

V.P. Stepanov,
Professor, Head of the Department
of Social Anthropology and
Ethno-National Processes,
Orel State University named
after I.S. Turgenev

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ», САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Материал подготовила:

Т.С. Немчинова

доцент, Кафедра мировой политики,

СПбГУ

В Санкт-Петербургском государственном университете проблемы евразийской интеграции обсудили на Международном Круглом столе «Публичная дипломатия на евразийском пространстве» представители экспертного и академического сообщества России, Казахстана, Белоруссии, Армении, Узбекистана, Великобритании, Ирана, представители Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ, Евразийского Банка Развития, представители общественных организаций. Организаторами научного мероприятия выступили Санкт-Петербургский государственный университет; Региональная общественная организация «Информационно-аналитический центр «ЕвроНорд»; Информационно-аналитический Центр «Евразия-Поволжье»; Санкт-Петербургский государственный экономический университет. При информационной поддержке «Российско-Казахстанского экспертного IQ-Клуба».

С приветственным словом от руководства Санкт-Петербургского государственного университета и Законодательного Собрания Санкт-Петербурга к собравшимся обратился заведующий Кафедрой мировой политики СПбГУ, доктор исторических наук, профессор В.С. Ягья. Он отметил: «прошло немногим более двух лет со времени вступления в силу договора о создании Евразийского экономического союза. Мы находимся в самом начале сложного пути! Данное образование должно стать реальным связующим звеном между Востоком и Западом».

Современная система международных отношений находится в очень непростой стадии развития, когда происходит перераспределение глобальных игроков и центров силы. Выстраивается новый миропорядок и, одновременно, появляются новые угрозы глобальной безопасности. Начинается новый виток

гонки вооружений, и в то же время, растёт влияние факторов «мягкой силы», позитивного имиджа государств и организаций. В связи с этим заместитель Генерального секретаря Совета МПА государств-участников СНГ, представитель Национального собрания Республики Беларусь в МПА СНГ и ПА ОДКБ В.Г. Когут отметил особую роль в успешной реализации интеграционных проектов инструментов «мягкой силы», хотя «инвестиции в «мягкую силу» могут быть оценены лишь в длительной перспективе. В то же время лишь эти инструменты способны позволить решить задачи развития в современном мире». В мире сформировался устойчивый запрос на новые модели отношений, которые выстраиваются не только в традиционных рамках двусторонних и многосторонних межгосударственных структур, но и привлекая к участию неправительственные организации, бизнес, экспертное сообщество. Именно изменение формата и расширение состава участников призвано помочь установлению реального диалога между представителями политических элит и всеми сегментами гражданского общества с целью разрешения конфликтов и создания новых стратегий развития. Именно поэтому необходимо внедрять проект полицентричного мира, по мнению доктора философских наук, профессора Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д.Ф. Устинова И.Ф. Кефели.

Об экономике российской инициативы «Большая Евразия» и ЕАЭС рассказала заведующая Сектором экономического развития постсоветских стран ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН, кандидат политических наук Е.М. Кузьмина. Сопряжение ЕАЭС и китайского проекта «Один пояс - один путь», наряду с выстраиванием диалога по линии ЕС-ЕАЭС – два основных партнёрских трека развития российского проекта «Большая Евразия». Подробно остановилась на проекте зоны свободной

торговли ЕАЭС-КНР, который на сегодняшний день по-прежнему экономически не проработан. Необходимо пройти не только путь по выстраиванию чётких организационно-правовых механизмов, но и по выработке единой позиции у всех государств-участников ЕАЭС.

Руководитель Центра интеграционных исследований Евразийского Банка Развития, кандидат политических наук В. Перебоев рассказал участникам Круглого стола о проектах ЕБР по публичной дипломатии, отметив, что «зачастую в деятельности акторов публичной дипломатии в странах ЕАЭС отмечается проблема отсутствия постоянной и системной коммуникации между ними, которая проявлялась бы в реализации совместных проектов, сфокусированных на продвижение или содействие евразийской интеграции (будь то в бизнесе, образовательной деятельности, публичной дипломатии в широком смысле и иных сферах)». По словам В.Перебоева «Мы чаще наблюдаем рост конкуренции между ними, вместо кооперации, в то время как именно совместные проекты и программы, в которых были бы задействованы от двух и более государств-членов ЕАЭС, могли бы на деле раскрыть интеграционный потенциал Союза».

Отсутствие понимания проблем и выгод интеграции может свести на нет все предыдущие усилия, поощряя социальную апатию, традиционные страхи и стереотипы постсоветского мышления. Поэтому, как считают доценты Кафедры мировой политики СПбГУ, кандидат философских наук Е.В. Стецко и кандидат политических наук М.Л. Лагутина, «задача экспертного взаимодействия – выявлять проблемы, доносить информацию и обсуждать ее с населением стран ЕАЭС, организовать устойчивый канал обратной связи и диалог с правительствами. Только тогда эта деятельность может быть по праву названа публичной дипломатией, которая является реальным демократическим механизмом модернизации государств и гражданского общества на постсоветском пространстве». Вовлечённость в глобальные проекты интеграции, а также равноправие союзничества в ЕАЭС – закладывают основы нового подхода к повышению привлекательности союза во внешнем окружении. В связи с этим компоненты имиджа ЕАЭС требуют доработки, поскольку недостаточно высокий уровень экономической привлекательности компенсируется внешнеполитической активностью, экономическими предпочтениями союзникам и военно-политическим партнёрством.

Поэтому ещё один актуальный аспект – восприятие на Западе тех процессов, которые происходят в Евразии. В этом ряду одним из наиболее актуальных вопросов видится американское восприятие евразийской интеграции. В докладе «О публичной дипломатии США в Евразии» доктор исторических наук, профессор Кафедры американских исследований СПбГУ Н.А. Цветкова отметила, что Соединённые Штаты обеспокоены «монополией» России на русский язык. В этой связи инициированы меры по изменению неблагоприятной, с точки зрения Вашингтона, ситуации: активизация информационных инструментов (Голос Америки, Радио Свобода, Радио Свободная Европа) и прямая работа с оппозиционными группами политиков.

Проблему западного восприятия евразийской интеграции (на примере Великобритании) поставил в своём выступлении и английский эксперт, PhD Anglia Ruskin University Джеймс Пирс: «Евразия в ее нынешнем виде состоит только из республик бывшего СССР, которые в западной экспертной среде обычно называют «постсоветскими» или «бывшими советскими республиками». Таким образом, в таком формате Евразийский экономический союз рассматривается как экономически непривлекательный для Великобритании и уж точно не жизненно важный в контексте ее национальных интересов. Без ЕС или участия азиатских экономик современной евразийской интеграции в формате ЕАЭС не хватает привлекательности. Кроме того, в отличие от России, остальные страны ЕАЭС не являются жизненно важными для безопасности Великобритании». Поэтому кроме экономической сферы у Великобритании и стран ЕАЭС нет других общих сфер для возможной интеграции. На данном этапе большая часть взаимодействий между странами ЕАЭС и Великобританией и другими странами Запада сводится к финансовой помощи и поддержке неправительственных организаций (НПО), о чём только в отношении США говорила в своём выступлении профессор Н.А. Цветкова. На сегодняшний день имидж Евразии и ЕАЭС является негативным на Западе, потому что участниками интеграционных процессов в Евразии, по мнению Дж. Пирса, являются недемократические, авторитарные государства, тесно связанные с Россией. Исключение, пожалуй, составляет Казахстан.

Тематически данную проблематику завершил доклад иранского коллеги – главного редактора информационного ресурса Russiaviewer.com журналиста-аналитика Вах-

шитеха Ахмада Насера. В восприятии Ираном Евразийского интеграционного проекта нельзя в современном мире ориентироваться на устаревшие стереотипы Туркманчая-Гулистана.

Младший научный сотрудник Библиотеки Первого Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Арайлым Ыдыш в своем докладе рассмотрела вопрос восприятия евразийской интеграции, но изнутри – восприятие молодёжью стран-членов ЕЭАС. Возвращаясь к вопросу безопасности и военно-технического сотрудничества стран-участников ЕАЭС, следует отметить выступление доцента Кафедры международных процессов на постсоветском пространстве СПбГУ, доктора исторических наук Н.С. Ниязова.

Большой интерес вызвал доклад директора Института гражданского общества Узбекистана С.А. Ходжаевой. В нём была представлена современная ситуация развития демократии, прав человека, формирования гражданского общества через активизацию НКО в сфере публичной дипломатии в Узбекистане.

Университетское сообщество интересовало, прежде всего, гуманитарные, культурные и образовательные составляющие евразийской интеграции. Это было отражено в докладах исследователей Санкт-Петербургского государственного университета: «О стратегии формирования “умных городов” в ЕАЭС» (профессор Кафедры мировой политики, доктор философских наук Н.А. Васильева), «Русский язык как инструмент «мягкой силы» РФ на евразийском пространстве» (старший преподаватель Института современных языков СПбГУ кандидат политических наук Г.Ю. Ниязова), «Публичная дипломатия ЕАЭС в решении проблем природно-ресурсных трансграничных территорий» (доцент Кафедры мировой политики, кандидат исторических наук Н.К. Харлампьева), о политическом маркетинге на пространстве ЕАЭС (доцент Кафедры теории и истории международных отношений, кандидат исторических наук Д.А. Рушин), о либерализации интеграционных процессов в рамках ЕАЭС (доцент Кафедры международных процессов на постсоветском пространстве, кандидат политических наук Е.Ю. Трещенков). Критический анализ приоритетного проекта РФ “Развитие экспортного потенциала российской системы образования” и возможности реализации для государств-членов ЕАЭС провела доцент Кафедры мировой политики, кандидат политических наук Т.С. Немчинова. Не оставили без внимания и вклад СПбГУ в интеграцию стран-участников ЕАЭС посредством экспорта образовательных услуг.

В дискуссии приняли участие профессоры и доценты, аспиранты и студенты Санкт-Петербургского государственного университета и Санкт-Петербургского государственного экономического университета: доктор исторических наук В.И. Фокин, доктор филологических наук Н.А. Добронравин, доктор политических наук Г.Н. Нурышев, кандидат политических наук И.А. Антонова, а также эксперты из Республики Казахстан: руководитель службы стратегических исследований и прогнозирования Библиотеки Первого Президента Республики Казахстан – Лидера Нации М.В. Мироненко, руководитель Службы международных научных проектов Библиотеки Первого Президента Республики Казахстан – Лидера Нации М.А. Абишева.

Модераторами работы Международного Круглого стола выступили коллеги из Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского: кандидат исторических наук М.В. Лапенко и кандидат исторических наук Ю.Е. Аршинов, а также доцент Кафедры мировой политики СПбГУ М.Л. Лагутина.

Участники Круглого стола поблагодарили организаторов и идейных вдохновителей проведения научного мероприятия Региональную общественную организацию «Информационно-аналитический центр «ЕвроНорд», Информационно-аналитический Центр «Евразия-Поволжье», Российско-Казахстанский экспертный IQ-Клуба.

INTERNATIONAL ROUNDTABLE «PUBLIC DIPLOMACY IN EURASIA», ST. PETERSBURG

*Prepared by
T.S. Nemchinova
Associate Professor,
Department of World Politics,
Saint Petersburg State University*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

При направлении материалов в журнал просим Вас соблюдать следующие требования.

Редакционный совет и редакция журнала рассматривают **авторские рукописи оригинального характера, содержащие результаты исследований, не публиковавшиеся ранее и не принятые к публикации другими журналами, основанные на методах сравнительно-политического и сравнительно-исторического анализа.** К публикации принимаются статьи (20000–75000 печатных знаков со всеми сносками и пробелами), рецензии на недавно вышедшие научные издания (до 25000 знаков), а также заметки о важнейших событиях в мире политической науки (до 15000 знаков). Рукописи должны быть отредактированы и соответствовать научному стилю речи.

Материалы необходимо присылать на сайт www.comparativepolitics.org с обязательной регистрацией на сайте и копией на электронную почту sravnitpolit@mail.ru, или представить в редакцию на электронном носителе (119454, Москва, пр-т Вернадского 76, МГИМО МИД России).

Внимание! В редакционный цикл включаются рукописи, соответствующие всем требованиям к содержанию и комплектности:

Правила оформления статьи:

- формат doc, docx; A4, интервал – 1,5;
- размер шрифта – 14;
- ссылки постраничные: шрифт – 12, интервал – 1;
- в конце статьи – полный список литературы в алфавитном порядке на русском и английском языке (с транслитерацией и переводом);
- поля: слева – 3 см, сверху, справа и снизу – 2 см;
- все таблицы, графики, схемы, рисунки должны редактироваться в Microsoft Word, быть пронумерованы, озаглавлены, иметь перевод названия на английский язык и ссылки в тексте;

Комплектность статьи:

- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами (должно быть коротким, отражать суть исследовательской проблемы);
- фамилия, имя, отчество автора(ов);
- резюме статьи на русском языке (200–250 слов);
- ключевые слова (7–12 слов на русском языке);
- основной текст статьи;
- информация об авторе (ФИО полностью, научные звания, должность, место работы (с указанием почтового адреса), научная специализация, e-mail);
- заглавие статьи на английском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя фамилия (английская транскрипция);

– abstract (резюме на английском языке, 200–250 слов);

– key words (7–12 слов на английском языке);

– about the author (на английском языке: ФИО, научные звания, должность, место работы и почтовый адрес, научная специализация, e-mail);

– иные материалы – по согласованию с редакцией.

В редакцию необходимо направлять два файла статьи – один, содержащий всю информацию об авторе (см. выше), один – без идентификации автора для анонимного рецензирования экспертами в данной области.

Принятие статьи к рассмотрению не означает гарантии ее публикации, поскольку она проходит этап рецензирования и редактирования. Редакция оставляет за собой право на редактирование и сокращение материалов.

Правила оформления ссылок:

Библиографические данные литературы в сносках оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1 и ГОСТ 7.82.

Русскоязычная литература обязательно должна быть транслитерирована латиницей с переводом названия на английский язык. Например: книга¹, статья², материал из Интернета³.

Транслитерировать можно автоматически с помощью сайта translit.ru; режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress).

¹ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995). – М.: Конверт-МОНФ, 1997 – 353 с. [Bogaturov, A.D. Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriia i teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle vtoroi mirovoi voyny (1945–1995) (Great Powers in the Pacific Ocean. History and Theory of International Relations in East Asia after World War II (1945–1995)). Moscow: Konvert-MONF, 1997. 353 p.]

² Воскресенский А.Д. Роль Запада в формировании международной системы и политика России // Сравнительная политика. – 2012. – № 2(8). – с. 30–58 [Voskressenski, A.D. Rol' Zapada v formirovanii mezhdunarodnoi sistemy i politika Rossii (The Role of the West in Evolving World Order, and Russian Politics) // *Comparative Politics Russia*, 2016, No.1(22), pp.58–82].

³ Журнал «Сравнительная политика» вошел в базу RSCI - Web of Science / Сайт журнала «Сравнительная политика». Режим доступа: <http://www.comparativepolitics.org/jour/announcement/view/6> [Zhurnal «Sravnitel'naia politika» voshel v bazu RSCI - Web of Science (Journal *Comparative Politics* in RSCI-Web of Science) / Journal *Comparative Politics* Site. Mode of access: <http://www.comparativepolitics.org/jour/announcement/view/6>].

При несоблюдении перечисленных требований присланные материалы не рассматриваются.

GUIDE FOR THE AUTHORS

Submissions should comply with the following requirements.

Editorial Board and Editorial Council consider **original research works from all subfields of Political Science based on a method of political or historical comparison on the strict condition that they have not been published yet or accepted for publication in other journals**. The journal publishes different types of manuscripts: a) articles (20000–75000 typographical units including footnotes and whitespaces); b) book reviews (up to 25000 typographical units); c) notes on significant events in Political Science (up to 15000 typographical units). Manuscripts must be properly edited and written in an academic style.

Works must be submitted to the journal's website www.comparativepolitics.org with e-mail copy (sravnitpolit@mail.ru), or delivered to the Editorial office in hard and electronic copies (76, Prospect Vernadskogo, MGIMO-University, Moscow, 119454, Russia).

Working with your texts, please, proceed from the following format parameters:

- .doc, .docx; A-4 format, interval – 1,5;
- font size – 14;
- footnotes: font size – 12, interval – 1;
- Literature List / References in alphabet order;
- margins: left – 3 cm, upper, lower and right – 2 cm;
- tables, charts, diagrams, pictures should be edited in Microsoft Word, have numbers, titles and references in the text.

Please, verify the compliance of materials with the following structure of an article:

- Title in English in capital letters (should be short and reflect the research problem);
- Surname and author(s) initials;
- Abstract (in English, 200-250 words);
- Key words (in English, 7-12 words);
- Main body of the text;
- About the author (in English) (name, surname, academic ranks, position, institution/affiliation and its address, research field, e-mail);
- Title in Russian in capital letters;
- Surname and author(s) initials (Russian transcription);
- Abstract (in Russian, 200-250 words);
- Key words (in Russian, 7-12 words);
- About the author (in Russian) (name, surname, academic ranks, position, institution/affiliation and its address, research field, e-mail);
- Other materials – by agreement with the Editorial office.

Please, send two files of an article – one containing an article and information about the authors, another – without information about the authors for anonymous peer reviewing by experts in a respective field.

Accepting an article the Editorial Board and Council reserve the right to edit and to reduce a text as well as to reject publishing after peer reviewing and editing.

Footnotes requirements:

Footnotes in Russian should follow Russian national standards ГОСТ (GOST) 7.1 and ГОСТ (GOST) 7.82, in English – “Scopus” journals requirements. Russian titles of articles and books are transliterated in Latin letters and translated into English. For example: a book⁴, an article⁵, Internet page⁶.

One can transliterate automatically using www.translit.ru website and choosing “LC” (Library of Congress) transliteration regime.

Submissions which violate these requirements will be rejected.

⁴ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995). – М.: Конверт-МОНФ, 1997 – 353 с. [Bogaturov, A.D. Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriia i teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle vtoroi mirovoi voiny (1945-1995) (Great Powers in the Pacific Ocean. History and Theory of International Relations in East Asia after World War II (1945-1995)). Moscow: Konvert-MONF, 1997. 353 p].

⁵ Воскресенский А.Д. Роль Запада в формировании международной системы и политика России // Сравнительная политика. – 2012. – № 2(8). – с. 30-58 [Voskresenski, A.D. Rol' Zapada v formirovanii mezhdunarodnoi sistemy i politika Rossii (The Role of the West in Evolving World Order, and Russian Politics) // *Comparative Politics Russia*, 2016, No.1(22), pp.58-82].

⁶ Журнал «Сравнительная политика» вошел в базу RSCI – Web of Science / Сайт журнала «Сравнительная политика». Режим доступа: <http://www.comparativepolitics.org/jour/announcement/view/6> [Zhurnal «Sravnitel'naia politika» voshel v bazu RSCI - Web of Science (Journal Comparative Politics in RSCI - Web of Science) / Journal Comparative Politics Site. Mode of access: <http://www.comparativepolitics.org/jour/announcement/view/6>].